

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

Альбина Савченко

**О национальном
самоопределении**

УДК 1/14; 159.9
ББК 87; 88
С13

Книга публикуется в авторской редакции

Савченко А.В.
С13 О национальном самоопределении. — М.: Академический проект, 2016. — 459 с.

ISBN 978-5-8291-1856-3

Предметом профессионального интереса психолога Альбины Савченко являются сознание, его развитие и такие его производные, как смысл, нравственность, духовность. С этой целью много лет, помимо научной психологии, автором изучались духовные практики классического Востока, философские и исторические источники. Размышления о человеке, его судьбе, смыслах и целях истории, о судьбе России привели к убеждению: не понимая логики развития человека, невозможно понимать ни логику развития нации, ни значение событий истории и действительности. Необходимость обнаружить живую связь человека с обществом и миром была главной задачей автора.

УДК1/14;159.9
ББК 87;88

© Савченко А.В., 2013
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2016

ISBN 978-5-8291-1856-3

От автора

Россия — сложный и неоднородный природно-социальный и духовный организм, существование и развитие которого зависит прежде всего от консолидации и единства общества и государства. На протяжении почти всего существования России единство нации возникало в минуты тяжелых испытаний; многовековой проблемой нашего государства, препятствующей благополучному существованию и развитию, было и остается отсутствие взаимопонимания, общего коммуникативного языка.

В русской культуре эта проблема известна как проблема «двух наций». Несмотря на констатацию проблемы взаимоотношений людей с противоположными подходами к реальности и неоднократные попытки сформулировать синтетический подход к действительности, вопрос не исследован, не обобщен и не признан, и мы продолжаем существовать в состоянии перманентного противостояния и конфликта людей различной онтопсихологической обусловленности. Проблема взаимного непонимания, недоверия, ведущая от отстраненности, нежелания участвовать в общей жизни до смут, революций, перестроек, в прошлом проявлялась яркими противостояниями больших социальных групп (иосифляне — нестяжатели, старoverы — «щепотники», западники — славянофилы, правые — левые, либералы — народники). На современном этапе проблема становится повседневной действительностью, не позволяющей конструктивно и творчески двигаться в будущее. Кроме отсутствия взаимопонимания, общего «умоначертания», в среде русского населения, усиленного присущим нам максимализмом, мы имеем проблему непонимания и пристрастного отношения при взаимодействии с другими народами нашей страны.

Нельзя не замечать и то, что проблема взаимопонимания различных наций и народов (различных онтопсихологических типов людей) в современном мире становится общемировой проблемой (мультикультурализм), которая, вполне вероятно, будет нарастать.

О современном кризисе говорят много, но в большинстве случаев сводят его к экономике, финансам. Отсутствие реального прогресса в политической жизни, культуре, идеологиях, образовании, социальной и повседневной действительности; резкий рост природных катаклизмов, преступности, безнравственности, бессмысленности жизни невозможно не замечать. И их замечают, о них говорят, но речь практически всегда идет то об отдельных природных катаклизмах, отдельных ситуациях, отдельных проблемах и даже об отдельных кризисах. Однако современный кризис — это кризис *человеческого* существования. Сумма частей не есть целое: отдельные проблемы, отдельные кризисы без учета целого не имеют положительного решения или имеют его как временное и ситуативное. Признание всеобщего характера кризиса требует иного подхода: пересмотра фундаментальных оснований, нового мышления. Идея о необходимости нового мышления и для россиян, и для человечества в целом верная идея. Но как это часто бывает, почувствовать насущную актуальность — это одно, а наполнить ее рациональным содержанием, обнаружить способы ее реализации удастся не всегда.

Любой кризис — это не только трудности и проблемы, это и возможности. Кризис — всегда следствие развития: старые формы и способы не обеспечивают дальнейшую эволюцию, а возможности либо не обнаружены, либо встречают сопротивление. Отметим проявления новых тенденций: *всеобщность и потребность понимать происходящее субъектами человечества* — человеком, нациями. Обе тенденции вполне очевидны, и не менее очевидно, что они будут нарастать. Но если тенденция к всеобщности воспринимается как естественный и положительный ход развития людей, то *потребность понимать происходящее субъектами* не имеет общепринятых подходов и критериев. Не разрешив проблему понимания различий между людьми, культурами, нациями, невозможно организовать положительное общечеловеческое существование и созидательное движение в будущее. Качество жизни, ее полнота, благополучие, эффективность зависят от точности самоопределения, и ничто не мешает удовлетворению собственным существованием и завоеванию авторитета больше, чем отсутствие самоопределения.

Миропонимание, как бы мало человек ни задумывался об этом, определяет и то, как человек воспринимает, и то, как мыслит, и то, как преобразует среду обитания и существование в целом.

Открытия в области естественных и точных наук последней трети двадцатого столетия требуют кардинального пересмотра и научной картины мира, и фундаментальных оснований организации человеческого существования. Однако новое миропонимание практически не затрагивает науки о человеке, и человечество переживает экзистенциальный кризис. Несмотря на то что недостатка в предпринимаемых попытках и предложениях по выходу из кризиса нет, общее положение не меняется.

Причина, по всей видимости, в сложившихся стереотипах мышления.

Привычный для современных людей тип познания и мышления опирается на материализм и теорию познания, возникшие в период классической науки, по определению низводящие собственно человеческие потребности, ценности, интересы к виртуальным феноменам, т. е. фактически признающие духовность, душевность, нравственность и пр. нежизненными и исключающие их из реальности.

Новое мышление должно иметь синтетический характер. Основанием новой парадигмы человеческого существования, в том числе мышления, может стать синтез восточного и западного способов познания. Понимание сути и отличий способов познания Запада и Востока позволяет приблизиться к пониманию различий между людьми, типами культур, ментальностями и к созданию научного синтеза общечеловеческого способа познания. Другое определение западного и восточного способов познания — рациональный и мистический, об их удивительном совпадении все чаще заявляет наука. Для россиян синтез способов познания жизненно важен, так как наш тип культуры, наш способ существования и есть общечеловеческий, синтетический.

Новый, синтетический подход к познанию, мышлению не только позволяет раскрыть смыслы человеческого существования, логику эволюции и человека, и нации, и человечества, но и обнаруживает возможности дальнейшего созидания.

В книге «О национальном самоопределении» предпринята попытка понять и обосновать смысл национального существова-

ния, причины наших побед и поражений, наши особенности и преимущества с позиций *человекоразмерного* (соотносимого с человеком) подхода, с учетом тенденций современности (всеобщности, динамики процессов и необходимости понимать происходящее субъектами человечества). На современном этапе развития, когда способность преобразовывать среду обитания в основном освоена, проблема взаимопонимания и взаимоотношений, или проблема нравственной организации, становится определяющей весь ход дальнейшего существования людей.

Проблема взаимопонимания разрешима посредством общего содержания жизни. Долгие столетия общенациональной «скрепой» являлось православие, в том числе в анклавах, посредством юридических норм, порядка управления и организации. Сегодня, когда самосознание этнических сообществ, населяющих Россию, возросло и требует равноправия, уважения национальной идентичности, традиций, сохранить Россию и успешно двигаться в будущее возможно только при общем содержании жизни, общей идеологии, имеющей *наднациональный, надконфессиональный* — научно обоснованный характер. Понимание, общий язык достигается совпадением смыслов: смыслы всегда общечеловечны. Раскрытие смыслов индивидуального и национального существования позволяет создать общенаучную картину нашего существования, без утраты национальных, конфессиональных особенностей и соответствующих им традиций.

В книге «О национальном самоопределении» исследуется история, характер, современная действительность национального существования и предлагаются общие подходы к созданию и реализации общего содержания жизни, духовной «скрепы» на основе философского, общенаучного и культурологического знания, объединенных принципом единства.

Вводные замечания

Наступивший период человеческого существования заметно отличается от предыдущей (до сер. XX века) истории двумя основными тенденциями: *всеобщностью и динамикой процессов и потребностью субъектов существования* (человека, наций) *понимать происходящее*. Обе тенденции являются естественным следствием предыдущего существования; осознание сути и причин этих тенденций ведет к пониманию кризиса, в котором оказалось человечество. Современный кризис — это не кризис экономики, финансов; современный кризис — это кризис человеческого существования. Предпримем попытку понять наши трудности и проблемы под углом тенденций, которые будут определять будущее и России, и человечества.

При первом приближении может казаться, что эти тенденции (всеобщность и потребность понимания) являются прямо противоположными: общечеловеческое существование требует унификации всех или большинства процессов, тогда как рост потребности понимания происходящего субъектами неизбежно нуждается в ограничении общего, выделении значимых приоритетов. Потребность понимания происходящего базируется на типах мировосприятия, национальных культурах, конфессиональных особенностях, что ведет к разногласиям, противостоянию, конфликтам. Другими словами, современный кризис человеческого существования — это кризис двойственности: общечеловеческого и национального, общего и индивидуального. Опустим перечисление великого множества двойственностей и порожденных ими противоречий и констатируем фундаментальную причину двойственности существования — это двойственность духа и материи. Акцент на материализме, тем более на технократии, явление хоть и очевидное для современного человека, но временное в долгой истории человечества и мира. Современный материализм — естественное следствие необходимости освоить опыт человеческого выживания и самосохранения. Отметим и то, что появившийся скептицизм при упоминании духовности также явление временное.

Двойственность духа и материи предполагает множество связей, отношений между этими вечными категориями бытия. Проблемы отношения и отношений — это проблемы сознания и его производного — нравственности. Современное положение вопросов нравственности — лучшее подтверждение, что кризис, в котором оказалось человечество, кризис отношения и отношений. Так же как ночь перед рассветом бывает особенно темна, так и современное состояние человечества в целом нельзя назвать нравственным. Сохраняющиеся проблемы выживания не вопрос отсутствия ресурсов, а вопрос и проблема отношения и отношений. Безнравственность — это неспособность людей жить и действовать в условиях всеобщности и нарастающей динамики всех процессов. Освоив опыт материального и сопутствующего ему социального существования, человечество переходит к новому периоду эволюции — периоду постижения и освоения связей, отношений, взаимозависимости всего со всем.

Всю предыдущую историю нравственность, правильные человеческие отношения, присутствовала как совокупность норм, правил, обусловленных типом религии, культуры; сегодня, когда жизнь обретает все более динамичный и всеобщий характер, должен быть найден иной подход к нравственности. Непонимание, противоречия, конфликты между людьми, нациями будут нарастать, если человечество не найдет приемлемый способ познания и сосуществования. Должен быть найден критерий, независимый ни от времени, ни от культуры, ни от отдельного человека, ни от группы людей или наций. Нравственность должна быть объективирована для всех и каждого, без исключения при этом национальных и индивидуальных различий.

Проблемы двойственности и отношений не только присутствовали в России всегда, но были самой сутью нашего существования. Не раз было замечено, что в нашем государстве сосуществуют люди с противоположными подходами к действительности, противоположными жизненными ориентирами, ценностями, смыслами, что вело к недоверию, невозможности качественного преобразования жизни. В нашей культуре проблема взаимоотношений людей с противоположными подходами к реальности присутствует как проблема «двух наций», но гораздо чаще можно слышать о конфликте сторонников западного и восточного

(византийского) подходов к действительности. Каждому, кто знаком с нашей культурой, известна проблема «двух наций»: это иосифляне — нестяжатели, «щепотники» — раскольники, западники — славянофилы, правые — левые, либералы — народники. Однако проблема до настоящего времени не исследована, не обобщена, не сформулирована, и нация продолжает существовать в условиях перманентно возобновляющегося противостояния и конфликта. В отличие от других наций аналогичного, двойственного, подхода к действительности, Россия существует в условиях громадной территории, включающей Европу и Азию; природно-климатической неоднородности, рождающей неравные материальные условия; неравномерной плотности населения, национальной, конфессиональной неоднородности, пересечения двух потоков мировой истории и, может быть главное, в условиях отсутствия единства в русском народе.

Основным следствием сосуществования людей с противоположными подходами к реальности является отсутствие «общей почвы», одного «умоначертания». В XV веке, когда процесс формирования государства еще не был завершен, в монашеской среде, в то время оказывающей значительное влияние на все сферы жизни, возникло два направления: иосифляне и нестяжатели. Эти два направления в середине XVII века переросли в религиозный Раскол. Исследуя психологию Раскола, В. Розанов описывает знаменитый спор «щепотников», продолживших дело Иосифа Волоцкого, иосифлян, и раскольников, последователей «нестяжателей», и делает вывод, что в споре *«что-то не установлено, не оговорено, что тяжущиеся стороны лишены общей почвы и... не имеют одного “умоначертания”»*.

Но еще до Раскола *«...зарождение этих двух направлений подметил, умный и наблюдательный, с идеями и принципами, дьяк Иван Тимофеев»*, — пишет В. Ключевский и «переводит» на современный русский язык слова дьяка о том, что *«...русские не верят друг другу, поворачиваются каждый спиной к другому; одни смотрят на восток, другие — на запад»*.

Представители обоих направлений не признают собственных ошибок и преувеличивают таковые оппонентов, а собственные ценности и заслуги идеализируют. Факторы неоднородности, в том числе существование «двух наций», усугублялись свойст-

венным нам максимализмом или, по выражению Д.С. Лихачева, привычкой «*во всем доходить до края, до предела*». Отсутствие *общей почвы, одного «умоначертания»*, когда они веками сохраняются в условиях неоднородности и максимализма проявления, ведут к неспособности взаимодействовать, договариваться, создают обстановку недоверия, критицизма, невозможности конструктивного созидания. Подобное состояние нации, увы, для нас характерное, вынуждало находить способы, обеспечивавшие сохранение государства (авторитарность, корпоративность, идеологическую диктатуру).

Но кроме «двух наций», двух групп наших соотечественников, обусловленных прямо противоположными подходами к реальности, всегда существовали и представители третьего направления, чередующие или равнозначно соединяющие противоположные подходы: внутреннее и внешнее, духовное и материальное. Представителей третьего направления нередко относят то к одному, то к другому направлению, но в целом третье направление остается неизвестным (по логике исключенного третьего). Третье направление — это и отец русского монашества пр. Феодосий Печерский (XI в.), и пр. Сергей Радонежский (XV в.), и плеяда русских писателей: А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский и др., и представители науки, и космисты, и многие, многие другие. Неоднократные попытки сформулировать необходимость равнозначного, синтетического подхода к действительности (исихазм, почвенничество, космизм), общего для этой группы и нации в целом, так и не привели к формулированию и последующему признанию законности третьего типа активности и сознания, признанию третьего способа существования.

Удивительные феномены нашего существования: способность к творчеству, к нередким высочайшим прорывам в различных областях познания и созидания, наши победы и достижения имеют под собой основание — целостность, синтез внутреннего и внешнего, духовного и материального. Чем тоньше и глубже умение обнаружить тонкие реалии вопроса, проблемы, тем успешней и качественней будет созданная форма, деятельность, процесс. В периоды суровых испытаний именно целостность, единство обеспечивали наши великие победы.

Сосуществование «двух наций», фактически «трех», не привело нацию к консолидации, единству, и мы продолжаем двигаться в будущее без осмысления собственных проблем, без решения смысложизненных вопросов нашего существования.

И есть только один способ преодолеть непонимание, трудности, противоречия, отсутствие *общей почвы* — это осознать, что *нравственная, правильная*, организация существования — это сознательная организация всех процессов и жизни в целом. Сознание и есть универсальная категория, способная разрешить проблемы современности. Если человек отличается от других существ, известных в настоящее время науке, сознанием, одним из базовых свойств которого является способность к преобразованию, логично было бы исследовать сознание и опереться на него в организации человеческого существования.

Парадокс человеческого существования, будем ли мы рассматривать древнюю историю, Средневековье или сегодняшний день, становится понятным, если мы понимаем природу и логику развития сознания и самосознания. *Овладевая сознанием, человек преобразовывает материальный мир, овладевая самосознанием, человек становится способным преобразовывать человеческое существование*. Способность/неспособность познавать, а значит, преобразовывать становится понятной при сопоставлении двух подходов к познанию: мистического и научного. Мистический подход к познанию мы будем рассматривать с позиций восточной мистики, так как *учения* западной и православной мистики практически не сохранились. Другое определение мистического и научного подходов может быть обозначено как восточный и западный способы познания.

Обе системы познания признают три способа познания: эмпирический, теоретический и интуитивный, но имеют принципиальные различия в понимании этих способов. Отметим основное, а в процессе рассмотрения различных аспектов нашей жизни будем раскрывать особенности каждого из подходов.

Западный тип мировосприятия имеет *дуальный* характер и, соответственно, гносеология, система познания «мир — человек» разделена на субъектно-объектные отношения. В теории познания после длительного периода обсуждения вопроса о базисе достоверного знания субъект познания был сведен к позна-

вательным способностям и техническим средствам. Сегодня человек как субъект познания, преобразования остается неизвестным. Однако ни отдельные познавательные способности, ни их совокупность, ни разнообразные технические средства не гарантируют достоверного знания. Какие бы области существования человека мы ни рассматривали, любой акт, поступок, деятельность, процесс предполагают прямое или опосредованное участие человека-субъекта. И если в естественных и точных науках в предельно ограниченной области допустима замена или нивелирование субъекта познания, то в гуманитарном знании, науках о человеке, фактическое отсутствие субъекта совершенно недопустимо.

Западный способ познания выработал понятийный язык и методы перенесения знания в массы, обеспечивая тем самым широкие и разносторонние возможности преобразования, прежде всего среды обитания. Но в западном подходе и сознание, и субъект познания остаются практически неизвестными: сознание заменено мышлением, дедукцией, а субъект познания заменен познавательными способностями и техническими средствами.

Восточный способ познания имеет иную логику: мир и человек являются *неразрывным целостным организмом* и утверждается зависимость знания от человека, субъекта познания, от степени развернутости и контроля его сознания. Восточный подход имеет многовековую систему знания, в основе которой природа и логика развития сознания, в соответствии с которыми может быть понят и человек, и нация, и человечество. На основе знания природы и логики развития *субъектов познания* разработаны методы и техники развития субъекта и его сознания. Трудностью постижения восточных подходов является специфика мистического и восточного понятийного языка и требование особых условий (аскеза, духовный учитель).

Несмотря на то что и Восток и Запад признают интуицию безошибочным способом постижения истины, когда одновременно предстают причина и следствие; объяснения природы, причин, возможностей развития интуиции западный способ познания не знает; Восток имеет знание и методы развития интуиции, но формы и методы развития интуиции имеют мистическую

и восточную специфику. Развитие интуиции, как мы увидим далее, может стать синтезом восточного и западного способов познания.

Восточный и западный способы познания отражают два типа людей, культур, способов существования; оба способа познания имеют свои особенности, свои преимущества и свои недостатки, но могут и должны быть синтезированы. Вероятно, наступает период человеческого развития, когда становится необходимым синтетический способ познания, то есть интуиция; развитие сознания, интуиции должно обрести не мистические, а научные обоснования и методы.

Россия как субъект существования имеет двойственную генную природу и неоднородные условия во всех аспектах жизнедеятельности, вынуждавшие наше отечество искать и находить ответы на вопросы своего существования. По причине неоднородности существования Россия создавала наднациональный, надконфессиональный — общечеловеческий, научный, понятийный язык. В отечественной науке накоплены удивительно глубокие проникновения в познание мироздания. Так, В.Ф. Одолевский (1803–1869) мечтал о новой науке, в которой эталоном познания выступает акт самопознания, которое *«есть знание внутреннее, инстинктивное, не извне, но из собственной сущности души порожденное»*. *«Новая наука как раз и должна осуществить синтез инстинкта и разума, двух главных способностей человека — природной и сверхприродной...»*

«Синтез инстинкта и разума» — это интуиция, проблема *«синтеза инстинкта и разума»* и есть проблема сознания, проблема перехода от бессознательной, адаптивной жизни к сознательной, ноосферной. Хотим мы того или нет, но российская действительность настоятельно требует перехода к сознательной жизни, так как посредством сознания могут быть разрешены наши трудности, а ускоряющаяся динамика и сложность общечеловеческой жизни требуют быстрого и достоверного способа познания.

Размышления, сопоставление с другими нациями и народами, анализ современной действительности приводят к выводу: наши многовековые проблемы — *двойственность* и *«непонимание и конфликт между людьми противоположно направленными под-*

ходов к действительности» — расширились до масштабов человечества и, по всей видимости, будут нарастать. В условиях всеобщности и динамики всех процессов и возрастающей потребности понимать происходящее Россия не только может, но и должна решить свою многовековую проблему и тем самым внести свой вклад в разрешение актуальной мировой проблемы. На современном этапе человеческого развития, когда самосознание этнических сообществ людей значительно возросло, что предполагает определение своей идентичности не только по языку и территории проживания, но все в большей степени по культуре, конструктивное взаимопонимание и взаимодействие возможно при сохранении подлинного уважения. Подлинное уважение — это уважение другого человека, нации, какой бы тип активности и сознания (культуры) они ни выражали. Если мы не осознаем необходимость организации жизни на сознательной, разумной основе, мы повторим проблемы мультикультурализма, со всеми сопутствующими явлениями.

Итак, сознание является тем компонентом человека и человеческого способа существования, который способен разрешить многие проблемы человечества.

Сегодня существование человечества имеет научное обоснование. Однако, несмотря на то что материалистическая парадигма существования современной наукой поставлена под сомнение, общим основанием наук о человеке остается философия материализма. Материализм не восходит ни к истинному, ни к ложному знанию, так как в нем нет *живого* человека, а субъектность и сознание остаются вторичными продуктами мозга, материи, несмотря на неоднократные заявления об обратном выдающихся нейрофизиологов и психологов.

Пока человечество училось выживать и самосохраняться, материализм был естественным движением в познании. Явные заслуги материализма: достижения в вопросах преобразования материальной и социальной среды — это освоенный период эволюции. Перенеся акцент на внешний, материальный и социальный, аспект существования, человечество (в своем большинстве) в нематериальных сферах жизни остается на уровне примитивных форм и способов удовлетворения своих потребностей или погружается в изыски. И духовные, и нравственные устремления

к равенству, справедливости присущи людям, но на современном этапе существования (всеобщность, динамика) и человек, и группы, и нации оказались перед проблемой относительности знания, норм, правил. Отсутствие общей основы ведет к столкновению подходов, двойным стандартам, к заблуждениям, неоправданным ожиданиям, ошибкам и преступлениям. Почему? Внешние воздействия преломляются через внутренние условия. Внутренние условия — это и есть субъект существования, субъект познания, но человек как субъект существования, как субъект познания в науке неизвестен. Качественного преобразования самого человека не происходит. Сознание является *качественным* механизмом самоорганизации человека, не зная природу и психологические смыслы развития сознания, невозможно обеспечить качественное преобразование человека.

Человек не сводим к материи: отношение, в том числе к материи, — это вопрос сознания, нематериального механизма самоорганизации. Именно философия и логика материализма не позволяют познать и ввести в научную картину мира и соответственно в организацию существования *жизненные* и *сознательные* явления, субъекта и его сознание. Организация и самоорганизация человека и человечества сохраняет приверженность материализму, объектности, и потому политическая, социальная, повседневная жизнь людей остается без принципиальных изменений. Все попытки реформирования человеческого существования оказываются несостоятельными или кратковременными, не столько решающими проблемы, сколько вуалирующими их.

Восточный и западный, или мистический и научный, способы познания — это путь веры и путь знания, и оба пути, как бы ни казалось это парадоксально, ведут человека к Богу, о чем свидетельствуют не только мистики всех времен и народов, но и откровения ученых (остающиеся практически неизвестными).

Принципиальной проблемой мирового кризиса является организация существования людей *вне безусловного и непременного начала*. На этих первых страницах лишь обозначим проблему. Разговор о Боге — не пустое употребление тех или иных фраз. Разговор о Боге требует определенного состояния, требует созвучия, сонастроя, это состояние не только труднодостижимо, но еще труднее его удержать, а тем более высказать людям, мно-

гие из которых внутренне закрыты толстым слоем *«земных забот и боязни»*. Сказанное — не призыв признать и поверить в существование Бога. Познать Бога можно только изнутри, открыв Его в своем сердце. Сказанное продиктовано потребностью побудить человека к размышлениям, которые, вполне вероятно, приведут к мысли о разумности существования и, что не менее важно, к признанию, что человек в этом мире не исключение из разумного существования и определение человека как существа разумного имеет основания. Допустить саму возможность признания разумности существования означает обнаружить или даже открыть дверь новой жизни (современный человек в основном живет рассудком).

Мир, Вселенная удивительно согласованны и упорядоченны, и, что не менее удивительно, даже периоды хаоса подчинены некому высшему порядку. Но сохраняется гипотеза, что всеобщая упорядоченность является процессом, спонтанно возникшим из космического «бульона». Вероятность возникновения жизни как случайной комбинации химических процессов, по выражению американского астронома Ч. Викрамасингха, *«столь же нелепа и неправдоподобна, как утверждение, что ураган, пронесшийся над местной свалкой, может привести к сборке Боинга-747»*.

Каким бы именем мы ни назвали это *Нечто*, человеческое существование без Бога обречено на нарастание кризисов, а возможно, и на глобальную катастрофу. Сегодня очевидно, что организация жизни требует *безусловного и неопровержимого начала и критерия*. Отсутствие такого начала — это отсутствие опоры, фундамента. Вся проблематика Бога, духовности долгие века была сферой религий, однако на современном этапе, по всей видимости, необходимо расширить рамки духовности. Религии ведут к знанию Бога трансцендентного, бог имманентный знаком немногим.

Но значительная часть современных людей выбрала или выбирает путь знания, остающийся неизвестным значительному большинству людей (путь знания — это не путь научного знания, которое остается промежуточным и сохраняет ценностно-нейтральный характер).

Задачей науки является обнаружить современные формы и способы познания бога имманентного и Бога трансцендентно-

го. Отсутствие общего для всех и всего *Начала* — причина экзистенциального кризиса, в который постепенно погружается человечество, и можно заметить, что экзистенциальный вакуум стал реальностью прежде всего в жизни развитых в материальном и социальном смысле стран.

Всеобщий, синтетический характер существования предполагает единство людей. Но подлинное единство, позволяющее преодолеть *отсутствие общей почвы и одного «умозаключения»* — это единство в духе и сознании. Экономика, финансы не обеспечивают единство или обеспечивают его на непродолжительное время.

Единство может быть достигнуто посредством общего понятийного языка. Общий понятийный язык — это язык науки, но наука должна обрести *человекообразный, соотносимый с человеком*, характер (по аналогии). Например, если история не раскрывает смыслы человеческого и национального существования, если «история ничему не учит», то и патриотизм, и чувство национального достоинства рождаются «не благодаря, а вопреки» истории. Научное знание должно вести человека к более разумной, сознательной, интересной и полноценной жизни. Национальные языки могут иметь аналоги-интерпретации общечеловеческого содержания жизни, общего понятийного языка.

Сознание, являясь нематериальным механизмом самоорганизации человека, наций, человечества, способно обеспечить новый уровень взаимопонимания, взаимодействия, способно привести человека, нации, человечество к новому способу существования. Несмотря на удивительное разнообразие людей, культур, конфликты, трудности взаимодействия, взаимопонимания могут быть разрешены, если природа и логика развития сознания станут известны. Великое множество человеческих проявлений могут быть обобщены и упорядочены, что позволит организовать существование людей на более разумных началах.

Сознание имеет три модальности, определяющие способ существования, тип культуры. Три способа человеческого существования могут стать взаимодополнительными: каждый тип активен и успешен в одном и нуждается в постижении и освоении другого аспекта существования. Принцип взаимодополнительности способен привести и человека, и нацию, и человечество

к подлинному равновесию, равенству, уважению, справедливости. В этом случае *Единство* станет *безусловным и непреложным* критерием всех аспектов существования. *Единство* — состояние бытия любой самоорганизующейся системы. С *Единства* все начинается, *Единство* непреложно в процессе существования, *Единства* требует от нас будущее, *Единство* в наших руках.

Для раскрытия целостной картины и смыслов национального существования мы будем, опираясь на логику смысла, исследовать разные аспекты нашего характера, судьбы, мира, в котором мы живем, что позволит нам приблизиться к пониманию себя и, следовательно, к самоопределению. По необходимости будут рассмотрены наиболее принципиальные вопросы, ряд тем придется лишь обозначить, представив их в свернутом виде. Другой особенностью текста, написанного в логике смыслов, являются повторы принципиальных понятий и положений, в каждый из которых привнесен иной аспект или угол зрения, что и позволяет очертить картину целого. Именно таким образом можно прийти к пониманию смыслов национального существования и органичного единства смыслов человека и общества. Мышление с опорой на логику смысла позволит, рано или поздно, решить фундаментальную проблему современности: проблему перехода от знания к сознанию и тем самым к переходу на принципиально новый уровень и качество существования.

Многолетние поиски автора в области психологии, философии, истории позволяют высказать и обосновать мысль, что именно Россия может внести вклад в понимание и дальнейшую реализацию идеи общечеловеческих ценностей. (Последнее утверждение необходимо читать без привычного для нас пафоса или скепсиса.) Интерес к истории, философии, психологии после знакомства с работой В.С. Соловьева «Три силы» постепенно оформился в целенаправленный поиск смыслов существования России. Продолжавшиеся почти тридцать лет размышления о нашей истории и действительности сложились в целостную картину существования.

Разделы книги расположены в последовательности, ведущей читателя от естественного интереса, направленного на особенности национального характера и судьбы, к более отвлеченным вопросам: месту и роли России в мире, философии истории, на-

циональному самоопределению. Философские и общенаучные основания и предпосылки сосредоточены в разделе «Мир, в котором мы живем», в других разделах и главах встречаются упоминания и ссылки. Каждый раздел мы будем начинать с предварительных замечаний: тезисов, раскрывающих основные идеи темы.

В завершение я хотела бы поблагодарить всех, кто оказывал мне помощь и поддержку в работе над книгой и в различных обстоятельствах моей жизни. Особенную благодарность мне хочется выразить тем, кто помогал в подготовке текста к публикации: мастеру своего дела, филологу и психологу Татьяне Алексеевне Григорян и моему большому помощнику Любови Ивановне Шатохиной, человеку удивительной отзывчивости, всегда готовой оказать поддержку любому в ней нуждающемуся.

Перед нами стоит задача обозначить подходы к ряду принципиальных положений, реализация которых в совокупности приведет нацию к самоопределению.

- Выявить и сформулировать картину национального Целого на основе принципа равной простоты.
- Прояснить основания философии *единства*, на фундаменте которой в дальнейшем может быть создана национальная идеология. Главным фактором национальной идеологии должен стать человек и человеческий способ существования.
- Обозначить основания национальной идеологии и концепции человека и человеческого способа существования как базис общенационального понятийного языка.

Краткий словарь основных терминов

В связи с необходимостью очертить картину и смыслы национального целого мы должны обратиться как к научному, так и к мистическому знанию. Аналогии позволят обнаружить особенности западного и восточного способов существования и продвинуться в их синтезе, что потребует расширенной интерпретации некоторых понятий и внесения ряда дополнительных, содержания и смыслы которых выявят особенности национального существования.

Единство. Мы живем в эпоху, когда все явления, процессы, события, нормы и правила обретают относительный и динамичный характер, и человек стремительно теряет точку опоры. Искомая точка опоры, как утверждал удивительный философ современности М.К. Мамардашвили, это *Нечто* неизменное, не подчиненное случайностям какой-либо идеологии, границам культуры, социальным или политическим переменам, природным или повседневным катаклизмам в жизни людей. Это *Нечто* должно иметь характер *абсолютной правды*.

Однако все, что связано с человеком и зависит от него, всегда будет иметь столько же вариантов понимания и реализации, сколько людей на Земле. *«Осуществление правды или нравственного начала возможно только по отношению к тому, что по самой своей природе есть правда»* (В. Соловьев. «Чтения о Богочеловечестве»). И это не временно, не конечно, не является тем или другим аспектом существования, не является центром тех или иных потребностей, интересов, не выступает атрибутом чего-либо (демократия, экономика, социальность и т. д.). Правда или нравственность *«возможны только тогда, когда в них осуществляется безусловное, выше людей стоящее начало»*, по отношению к которому каждый человек, явление равны.

Безусловное начало, какое бы имя мы ему ни присвоили, определяет *«все интересы, все содержание человеческой жизни и со-*

знания, от него должно зависеть и к нему относиться все существующее в том, что человек делает, познает и производит... Все точки жизненного круга должны соединяться с ним равными лучами. Только тогда является единство, цельность и согласие в жизни и сознании человека, только тогда все его дела и страдания в большой и малой жизни превращаются из бесцельных и бессмысленных явлений в разумные, внутренне необходимые события» (там же).

Безусловным началом люди признавали и признают Бога, вкладывая в это понятие не только общие для всех, но и частные для той или иной общности людей смыслы. Сегодня, когда автономное существование наций и народов невозможно, когда позиции церквей не предполагают духовного единения, миллионы людей не вовлечены ни в какие конфессиональные объединения, когда организация человеческого существования на принципах демократии все чаще обнаруживает сбои, недостаточность и все более очевидную зависимость от человека, необходимо обнаружить то, что может быть признано *безусловным положительным началом и стать точкой опоры для людей*.

Единство Вселенной, интегративная направленность ее развития является научным фактом. Единство есть состояние бытия, которое может быть признано *непреложным и безусловным положительным началом существования* и столь необходимой для людей точкой опоры (не отменяя религиозной интерпретации безусловного начала и не входя в противоречия с ней).

Почему именно «единство»? Потому, что единство есть безусловный и непреложный факт существования и единство — это состояние бытия, полнота жизни: будь то человек, нация, человечество или Вселенная. Единство как безусловный принцип может быть представлено и как начало, и как иерархия, и в то же время может быть индивидуализировано. Полнота и целостность жизни, или единство, каждого уровня становления бытия, в том числе человеческого, а значит, единство человека, нации, человечества — неопровержимое условие существования, осознаем мы это или нет. Почему же единство человечества, нации, человека не очевидно и порой кажется маловероятным?

Современная наука в последней четверти двадцатого столетия пришла к фундаментальным открытиям, позволяющим на

основе общенаучных принципов сформировать научную картину мира, выступающую инвариантом дисциплинарных онтологий. Однако ни в политической, ни в социальной, ни в индивидуальной жизни новое, универсальное понимание мира не находит должного места и, можно сказать, никак не влияет на человеческое существование. Новое понимание мира и человека и их взаимосвязанности и взаимообусловленности позволяет решить многие, если не все, проблемы человечества, и России в частности.

Единство обеспечивает принцип универсального эволюционизма, который является универсальным, — *«принцип равной простоты»*.

Принцип равной простоты, объективность. Большинство актуальных проблем и экологических, в самом широком смысле этого слова, кризис современности являются порождением материализма. В соответствии с материализмом такие понятия и категории, как сущность, субъектность, разум, сознание, нравственность, духовность, являются вторичными, существующими только «в голове человека», что привело к нежизненным формам и способам организации индивидуального и общего существования. Например, может ли быть организована жизнь человека и наций на подлинно гуманистических основаниях, если человек и в общественных науках, и в общей социальной организации жизни известен только как объект, а человеческое Я, субъектность, не признается реальностью, неизвестно ни по сути, ни по содержанию? Субъектность наций, одним из выражений которой служит направленность и избирательность существования, — тем более вопрос без ответа.

Сто лет назад, во время кризиса физической науки, ученые пришли к философскому выводу: «материя исчезла». Но ни философский вывод физики, ни открытие самоорганизующихся систем и нелинейных сред — фундаментального среза мироздания, ни открытие научной картины мира на основе принципа универсального эволюционизма не изменили принципиальный материалистический подход к существованию. Современная наука признает неправомочность взгляда на мир только с позиций философии материализма, утверждая, что подобный подход является

односторонним. Открытая самоорганизующаяся система, в том числе человек, нация, человечество, только тогда становится самоуправляемой, конструктивно организованной и эффективной, когда имеет четкую структуру и функции.

Понимание структуры объекта в терминах духа, души и тела все активнее вытесняется миропониманием в терминах взаимодействия энергий. Представители естествознания используют этот термин по отношению к материальному миру, но и в философии, психологии и других гуманитарных науках, и нередко в обыденной жизни, понятие «энергии» используется все чаще. Если иметь в виду содержательные характеристики этого термина: мера движения, деятельности, — то употребление таких выражений, как «жизненная энергия», «психическая энергия», вполне оправданно.

Структура атома и аналогичная ей структура элементарной частицы хорошо известны и, как мы увидим далее, вполне могут быть признаны *принципом равной простоты*, способным стать универсальным ключом существования при условии, что атом мы будем рассматривать как самоорганизующуюся систему. Любая самоорганизующаяся система состоит из компонентов, имеющих онтологически самостоятельный статус: активного, пассивного и нейтрального начал, интерпретируемых в общезначимой — философской и общенаучной — системе понятий и категорий. Все три компонента присутствуют в любой системе, но, имея различную природу и функции, не могут быть сводимы или выводимы один из другого. Каждая самоорганизующаяся система включает:

активность — сущность, код;

пассивность — материю, объективирующий контур;

нейтральность — механизм самоорганизации нематериальной природы (нейтрон, чувствительность, раздражимость, инстинкт, сознание).

В зависимости от сущности и удельного веса компонентов система может быть отнесена к идеальным, психическим или материальным (природным). Согласованное функционирование системы обеспечивает единство.

За пределами узкого круга ученых-физиков материализм остается учением, детерминирующим все политические, социаль-

ные, образовательные и прочие процессы. Трудность, по всей видимости, заключается в отсутствии гуманитарной картины мира. Ни человек, ни его жизнь, ни его развитие, ни социальные, и тем более нравственные и духовные, аспекты существования не имеют и не могут иметь непротиворечивой материалистической интерпретации. Например, утверждение, что мир дискретен и в нем нет никаких всеобщих законов, что законы — это абстракции, существующие только «в голове» человека. Но законы — это устойчивые и повторяющиеся связи и отношения, являющиеся механизмами самоорганизации любой самоорганизующейся системы: атома, человека, человечества, Вселенной. Со времени классической науки одним из основных критериев научности, обоснованности признается объективность. Однако классическая рациональность исключила из сферы своих интересов субъекта, сознание, цель, и объект стал тождествен объективности. Но *объективность и объектность* не тождественны: без субъекта нет объекта, без сущности нет явления (плюс механизм их связи). Понятия объективности и объектности не разведены по смыслу и содержанию, и потому нередко можно наблюдать, как объективность подменяется объектностью, то есть объект рассматривается без субъекта (сущности) и механизма их связи, которые фактически неизвестны или весьма неопределенны. И если в природных, материальных системах подобный подход не создает трудностей и противоречий, то на человеческом уровне существования это неизбежно приводит к системному кризису.

Объективность как критерий достоверного, адекватного действительности знания продолжает оставаться неоднозначной. Все чаще утверждается, что системный подход конкретизирует объективность. Но почему объективная система — это всегда материальная система? Если, как справедливо утверждает материализм, система всегда имеет сущность, или код, если без сущности нет явления и без субъекта нет объекта, если одно (материя) не может быть без другого (сущности), то почему материя первична? Почему сущность — производное материи?

В своей итоговой книге «Человек и мир» отечественный философ и психолог С.А. Рубинштейн утверждает, что «...необходимо отказаться от “безразличного” отнесения систем к материальным, без фундирования их в существе».

Признание универсальной структуры позволяет обнаружить ранее неизвестный уровень связей мира — универсальный, который способен решить проблему дихотомии духа и материи, объединив их в единство, разрешить множество противоречий мира. Так, категории нравственности и духовности могут перейти из норм морального долженствования, зависящего от времени, места и человека, в научно обоснованные категории существования человека.

Философия Единства. Человек, как бы ни был он далек в своей повседневной жизни от философии, всегда имеет мировосприятие и миропонимание, даже если оно имеет диффузный и противоречивый характер. И на основании своего миропонимания человек организует жизнь. Современному человеку западной культуры или получившему западный тип образования присущ дуальный тип восприятия и отношения к миру: человек и мир.

Мировосприятие человека классического Востока целостно, не дуально, и, несмотря на существование в нем материалистических, идеалистических и недвойственных философско-религиозных учений, мир и человек в нем всегда рассматриваются как целостный организм.

Очевидность системного кризиса, охватывающего все сферы жизнедеятельности человечества, не вызывает сомнений. Следовательно, необходимо обратиться к тому, что лежит в основании всей современной модели существования — материализму, как идеологическому контексту современного существования западной цивилизации, на принципах которой в настоящее время организуется общечеловеческая жизнь. Одно то, что на протяжении существования людей присутствуют, сталкиваются и противостоят два подхода к реальности: материализм и идеализм, имеющие фундаментальные философские основания и представленные выдающимися мыслителями, — заставляет задуматься и обратиться к поиску их синтеза как универсального, выражающего множественность и сохраняющего целостность и единство.

Парадоксом современной философии материализма является неосознаваемый процесс повторения пути познания, не раз проделанный в истории философии (например, Аристотелем):

начать с материализма, чтобы в конце концов перейти полностью или частично в философию идеализма или частично признать положения обеих систем.

Главным камнем преткновения, породившим и продолжающим плодить проблемы человеческого существования, является отказ материализма считать, что духовное и психическое имеют субстанциональную основу и онтологический статус, что противоречит современной научной картине мира. Таким образом, если говорить о человеческом существовании, субъектность, Я, сознание, психика исключаются из реальности и ими можно пренебречь, что и имеет место.

Основанием философии Единства могут служить:

- постнеклассический вариант научной картины мира (1);
- философия энергетизма (2);
- философско-религиозные учения недурального характера (3);
- признание, что типы философии отражают типы сознания (4).

На этом этапе исследования остановимся только на последней позиции: тип философии отражает тип сознания. Мы убедимся в этом, если припомним, что в основании всех типов европейской рациональности и, стало быть, культуры Запада в целом лежит признание тождества бытия и сознания, открытое Парменидом. В понимании древних греков сознание — *это созерцание, интеллектуальное озарение и одновременно Истина, Добро, Благо*. Сведение сознания к логическому мышлению греками не допускалось.

Перечисленные характеристики есть сознание в состоянии созерцания, то есть *тождество бытия и сознания справедливо при условии, что сознание пребывает в состоянии созерцания*, что легко обнаружить при знакомстве с описаниями великих научных открытий.

Как известно, в Новое время наука отказалась от целого ряда положений античной рациональности (тип мышления, принятый в античности, был заменен формально-логическим мышлением), но не отказалась от тождества бытия и сознания. Последующие типы рациональности размывали принцип тождества, то есть выяснялось, что сознание не всегда тождественно бытию.

Что же, Парменид, древние греки ошибались?! Но современная наука по целому ряду основных положений вернулась к античной рациональности.

Ответ легко обнаружить, зная природу сознания. Сознание может находиться в состоянии: блуждающем, инертном, произвольном, однонаправленном и созерцания. И только в состоянии созерцания сознание тождественно бытию. Повторим, западная культура не только отказалась в свое время от созерцания, но и заменила сознание формально-логическим, линейным мышлением.

Кроме того, неклассическая наука признала зависимость познания от субъекта, что нашло подтверждение, например, в открытых К.Г. Юнгом (до настоящего времени по достоинству не оцененных) типах избирательности и направленности сознания человека: на объект, на субъект и равнонаправленный (у К. Юнга — ритмический). Сознание каждого человека может быть направлено на объект, на субъект и равнонаправлено, но обычно один из типов становится доминантным. Типы сознания, обуславливающие тип мировосприятия и самоорганизации человека, в философских и духовных системах классического Востока были известны с древнейших времен, например, «Йога-Сутры Патанджали», II–IX века до н. э. (дата создания йоги остается спорной).

Можно утверждать, что философия материализма выражает экстравертный тип сознания — направленный на объект; философия идеализма — интровертный тип — направленный на субъект; философия недвойственности — амбивертно-синтетический тип сознания.

В состоянии созерцания сознание свободно от личных ограничений, в том числе преобладания экстраверсии или интроверсии. Другими словами, в состоянии созерцания восприятие реальности не имеет объектный, материалистический, или субъектный, идеалистический, подходы. Реальность как она есть всегда *единство* объекта и субъекта через механизм связи между ними, следовательно, подход к реальности должен включать следующие компоненты: объект, субъект и сознание (у человека).

Человеческий способ существования. Мы отметили, что способ существования — это тип активности человека, нации, одним из выражений которой является избирательность и направленность существования.

Принципиальным отличием, качественной определенностью существования человека является наличие у него сознания и способности к сознательному действию и деятельности. Тип сознания, а их всего три, соответствует типу активности, или субъектности. Подобно тому как в структуре атома нейтрон стабилен только в атомном ядре, то есть в связке с протонами, так и сознание человека во многих случаях нестабильно, но если направленность и избирательность субъекта существования известна, то сознание имеет аналогичную направленность и избирательность. В этом случае жизнь субъекта: человека, нации, человечества — обретает стабильную избирательность и направленность, целеполагание и целесообразность. Другими словами, тип активности и тип сознания всегда идентичны и определяют способ существования человека, по аналогии с человеком могут быть рассмотрены нации.

В XX веке наука пришла к пониманию, что человек и человеческие сообщества организуют собственное существование и имеют ценности в соответствии с типом сознания, интегральным механизмом мировосприятия и самоорганизации, выражением которого является тип культуры и цивилизации. Хорошо известны и признаются такие типы сознания, как экстраверсия и интроверсия, и соответствующие им типы западной и восточной цивилизаций (техногенной и традиционной). Так же как третий тип сознания — амбивертный, не столь очевиден, ибо имеет выраженную тенденцию к равновесию экстраверсии и интроверсии, внешнего и внутреннего, так и тип цивилизации — евразийский, если по традиции следовать географической терминологии, почти неизвестен.

Техногенная, или западная, цивилизация *в качестве доминанты* имеет экстравертный тип сознания, ориентированный на объект, внешнюю среду. Отсюда ценности: активность направлена на внешнюю жизнь, преобразование природы, материальной и социальной жизни людей, познание сосредоточено на объективном мире.

Традиционные цивилизации, представленные классическим Востоком, в качестве *доминирующей тенденции*, определяющей культуру и цивилизацию, имеют интровертный тип сознания и культуры. Общая направленность и избирательность существования стран классического Востока, а значит, и традиции и цен-

ности ориентированы на субъективное развитие: активность, выраженная духовным и религиозным многообразием, направлена на преобразование внутреннего человека, его саморазвитие, что требует большего времени и стабильных условий существования.

Третий тип наций наряду с нациями Евразийского Эллипса включает нации и народы Южной Америки, Африки. Ведущий тип сознания — амбивертно-синтетический, равнонаправленный, что и определяет активность, равнозначно направленную на ценности духовной и материальной, внешней и внутренней жизни, адаптированные к национальной специфике. Тип развития более медленный, так как синтез требует больших усилий и времени. Развитие наций такого типа имеет два варианта: двойственности и/или синтеза внутреннего и внешнего, объективного и субъективного.

Перечисленные типы человеческой активности и обусловленные ею типы сознания, культуры являются способами человеческого существования, и, несмотря на то что в каждом человеческом сообществе имеются представители всех трех типов активности, или трех способов существования, каждое человеческое сообщество или группа сообществ имеет доминирующий тип культуры и способа существования.

В процессе эволюции, когда приходит время общечеловеческого существования, каждая линия, или тип развития, «подтягивает» аспекты существования, ранее выступавшие в качестве дополнительных, и адаптирует их к основным. XX век — время *Великого Перехода*, как его определяют древние источники классического Востока, или *перехода* от биосферного к ноосферному существованию, как утверждает современная наука.

Три типа цивилизаций, обусловленных типом активности и сознания, — это субъекты существования, назовем их субъектами первого порядка, рассматриваемые как *качественная определенность* человеческого *способа существования*. Три типа цивилизаций составляют структуру единого человечества, или структуру Большого Человека:

Западная —
внешняя жизнь

Амбивертно-
синтетическая —
внутренняя
и внешняя жизнь

Восточная —
внутренняя жизнь

Способ действия. В отличие от всех природных существ, детерминированных генетическими и внешними факторами, человек обладает двумя видами механизмов самоорганизации: инстинктивным, адаптивным, и сознательным, преобразующим. Следовательно, способов действия у человека два: инстинктивный и сознательный. Мы не будем вступать в дискуссию об инстинктах человека, признавая понятие «инстинкт» слишком жизнестойким и общеупотребимым, чтобы его исключить. В контексте, заданном содержанием книги, инстинкт — это врожденный механизм видовых способов реагировать, действовать и реализовывать потребности жизнедеятельности. Средний между инстинктом и сознанием способ действия как результат научения — навык, мы условно отнесем к инстинктивному способу, так как, если научение закреплено, действие совершается автоматически, практически не требуя работы сознания.

Соотношения между механизмами самоорганизации человека — это соотношения адаптации и преобразования. Как в эволюции, так и в жизни отдельного человека по мере развития адаптивный способ постепенно сменяется сознательным, преобразующим внешние и внутренние условия: чем более развит человек, тем более способен он к преобразованию, творчеству в самом широком смысле слова.

Современный этап человеческой эволюции с точки зрения развития сознания и возможности сознательно действовать обнаруживает юный возраст человечества. Сегодня подавляющее количество людей способны сознательно действовать, только когда речь идет о физическом мире, что не предполагает осознания чувств, отношений, мотивов, установок и пр. Нельзя сказать, что люди совершенно не осознают перечисленных психологических феноменов, но осознание отношений фрагментарно, ситуативно: такие факторы, как время, пространство, процессуальность, связи, в осознании, можно сказать, не учитываются. Современная жизнь практически исключает чисто физические действия — всегда присутствует то или иное чувство, отношение, всегда есть мотив, установка, и человек бессознательно адаптируется к условиям. Не осознавая внутренние условия, человек обрекает себя на неполноценное, зауженное существование или подавление потребностей, которые, накапливаясь, проявляются

бесконтрольно и нередко в неадекватных формах. Вся проблематика нравственности/безнравственности — это проблематика отсутствия осознанных отношений — нормы и правила выполняются бессознательно. Нравственность как исполнение норм, правил, морали уходит в прошлое; приходит (крайне, крайне медленно) время осознанных взаимоотношений. Человечеству предстоит новый большой период развития: период осознанных, нравственных, взаимоотношений. Кроме перечисленных общих тенденций, необходимо остановиться на особенностях способов действия в различных культурах.

Способы действия в культуре Запада и Востока принципиально отличаются. Западная культура и цивилизация, в основе онтологии которой дуальное отношение — мир противостоит человеку, и его необходимо покорить, познать, преобразовать, — вырабатывает *силовой способ действия*.

Культура Востока признавала мир и человека в нем целостным организмом, существующим в единстве, что породило иной способ действия: резонансный и кооперативный.

На протяжении долгих веков, да и сегодня, мировосприятие и способ действия, органичный для людей Востока, европейский ум не признавал рациональным, достойным познания и освоения. Современная наука, основываясь на достижениях синергетики, космологии, в настоящее время активно формирует новые подходы к взаимодействию и согласованности частей целого, основанных не на силовых принципах, а на резонансе и кооперации.

В России оба способа действия: и силовой, и резонансно-кооперативный — всегда присутствовали. Силовой принцип действия хорошо известен (многим кажется, что он единственный). Однако в отечественной культуре существовали феномены, имеющие непосредственное отношение к недвойственному мировосприятию и резонансно-кооперативному способу действия: *исихастская* традиция, оказавшая глубокое влияние на православие, идеи *почвенников*, философия *космизма*. Эти феномены аналогичны восточному типу онтологии и способу действия, но были утрачены (исихазм) или не получили распространения (космизм). И исихазм, и космизм являются генетически органичным порождением нашей субъектности, следовательно, резо-

нансный и кооперативный способы действия не только присутствуют в различных, иногда упрощенных, формах, но могут стать естественным для россиян способом взаимодействия. Задача, стоящая перед нацией, — сформировать резонансный и кооперативный способ действия в системе общенаучных и общечеловеческих понятий.

Человек. Природа и суть национального существования заключается в раскрытии смыслов и самоорганизации человека, общества и государства на основе общечеловеческого способа существования, следовательно, центральным ядром нашей идеологии как системы организации нашего существования должен стать *Человек*.

Одним из базовых представлений гуманизма как общей направленности существования людей является потребность человека в мире и гармонии, с тем чтобы он мог конкретно осуществить свою судьбу.

Человек, как и любая самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, определяется универсальной структурой: активностью-нейтральностью-пассивностью, — которая на человеческом уровне существования имеет следующее выражение: *субъект — сознание — организм*. Все три компонента системы имеют онтологический статус, различную природу, функции и являются взаимозависимыми *подсистемами*. Несмотря на врожденность (изначальную данность) и взаимозависимость, *каждая подсистема является саморазвивающейся, то есть развивается, развертывается изнутри*, имеет определенную заданность в рамках общечеловеческого диапазона. Развитие подсистем: субъектности, сознания и организма — имеет свою последовательность как в жизни отдельного человека, так и в человеческой эволюции: от организма через психику, сознание — к субъектности.

Мы сосредоточимся на становлении человека — субъекта существования, и на *человеческом* способе существования, то есть на том, что обеспечивает единство человеческой жизни, утверждение самобытия и гармонии с миром, на том, что в личной жизни человек называет полнотой и счастьем.

Человеческий означает *сознательный* способ существования и действия, что предполагает знание смысла жизни, который

определяет направленность и избирательность жизни, структурирует время, пространство, потребности, превращая жизнь из череды непонятных, случайных событий, неоправданных ожиданий и неизбежных разочарований в разумное целеполагающее и целесообразное существование. Человеку необходимо дать знание, позволяющее самоопределиться, и навыки самоорганизации с опорой на Смысл, Силу и Радость! Но и смысл, и силу, и радость не в конкретных формах, а в *общей картине и смыслах человеческого существования, закономерностях смыслообразования и способах самоорганизации*.

Существование человека и общества более полноценно, эффективно, свободно от насилия и запретов, обладает жизненностью, когда человек, общество самоопределились и имеют возможность удовлетворять собственные потребности, ценности и смыслы. Целостное понимание мира, человека, оптимистическое отношение к себе, людям, жизни являются принципиальным фундаментом как для организации личной жизни, так и для эффективной деятельности, взаимодействия и взаимоотношений с другими людьми и обществом в целом. Свобода, творчество, удовлетворение потребностей в неразрывном соединении с ответственностью и нравственностью могут становиться нормой при широком психологическом просвещении, вооружении человека умениями и навыками самопознания, самоопределения и самоорганизации личных потребностей, ценностей и смыслов, индивидуальных особенностей. Человек, живущий полноценной жизнью, становится активным гражданином и патриотом.

Раздел первый

Национальный характер

Предварительные замечания

Существует мнение, что нет и не может быть национального характера. Если национальный характер понимать как нечто присутствующее в каждом россияине, то, действительно, этого нет. Общие свойства и черты в условиях национальной среды малозаметны, а то и не проявлены в повседневности, но как только встает вопрос общенациональный, как только речь заходит о группе или тем более больших группах и нации в целом (что предполагает сопоставление с другими человеческими сообществами и с целым), тут же вступают другие законы и правила. Национальный характер — это своего рода «сценарии» (С. Лурье), по которым разыгрывается история нации, особенности проявления, обусловленные многовековой национальной культурой в широком смысле этого слова, историей, судьбой; это наше миропонимание, наши ценности, наш способ реагировать и осуществлять и миропонимание, и ценности.

Тип культуры определяется типом сознания и особенностями переработки информации полушариями мозга — после открытых в XX веке психотипов, или установок сознания (К.Г. Юнг), и функциональной асимметрии полушарий головного мозга (Р. Сперри) — это становится все более очевидным для культурологов и психологов. Все психологические типы и все варианты функционирования мозга встречаются у любого народа и нации. Но всегда есть индивиды, пассионарии, определяющие ход жизни нации, формирующие культуру, воспитывающие новые поколения, которые, в свою очередь, обогащают культуру, не меняя ее основы и принципы.

Естественной потребностью и человека, и нации является утверждение самобытия, своей «отдельности». Эта «отдельность», непохожесть, рождается, по выражению С. Франка, *«единством внутреннего и внешнего, в котором сохранена вся интимность, вся невыразимая, но неотчуждаемо первичная ценность самобы-*

тия». Проблема единства духовного и материального, внутреннего и внешнего в условиях национально и конфессионально однородной среды малозаметна. Но в условиях национальной и конфессиональной неоднородности, как это почти всегда было в России, наиболее ярко присутствует, определяет и является основной проблемой национального характера, судьбы и всего существования России. Не считаться с этим — значит вновь и вновь повторять старые ошибки, а значит, и расплачиваться за них.

Наша история — это нескончаемый «великий спор» между Западом и Востоком или, по С. Франку, между теми, кто акцентирует внутреннее, и теми, кто акцентирует внешнее. Века и события сменяют друг друга, но каждый раз можно видеть одно и то же: сегодня, как и вчера, как и в дни давно минувшие.

В. Розанов, исследуя психологию Раскола, описывает знаменитый спор сер. XVII века «щепотников» — в современной интерпретации западников (правых) и раскольников (левых). Вчитаемся: и в самой позиции, и в манерах легко увидеть современных правых, либералов, и левых, народников: *«...Ясно для всякого наблюдающего, что здесь в споре что-то не установлено, не оговорено, что тяжущиеся стороны лишены общей почвы и... не имеют одного “умоначертания”... Раскольники начинают спор уже с априорным чувством вражды и насмешки над хотящими их увещевать; они приходят вовсе не за тем, чтобы убедиться, узнать; они не хотят рассуждать — они хотят сами не столько убедить, сколько оскорбить этого “щепотника” (западника — А.С.), который так хорошо развивает свои “доводы” и между тем сам так не похож ни на св. Алексея, ни на св. Петра, Иону, других... который оскорбляет их самым видом своим и раздражает их воображение, все им понятные способы мышления самым методом суждений своего греховного и слабого ума...»*

Но и «щепотники», либералы, тоже никогда не уступают: для них они (левые, патриоты — А.С.) *«...полны заблуждений, не только беспорных, ненужных, основанных на упрямстве, но и заблуждений чуждых людей, политических и религиозных “гоев”, варваров, еретиков»* (В. Розанов).

На протяжении всей нашей истории можно видеть одно и то же: восточники (левые) обвиняют западников в умствовании и непохожести то на св. Алексея, то на Ленина; и наоборот, за-

падники обвиняют восточников то в отсталости, то в идеализме. Обе группы никогда не признают собственных ошибок и преувеличивают таковые оппонентов, а собственные ценности и заслуги идеализируют.

Величайшие умы нашего Отечества, его лучшие сыны, на протяжении всей нашей истории думали, спорили, мучительно искажали ответы на вопросы о нашей судьбе. Весь XIX век — время расцвета культуры, науки — прошел в бурном обсуждении темы. Имеем ли мы право пренебречь их поиском?! Порой можно слышать, что «великий спор» — это эпизод XIX века. А как же спор Нила Сорского и Иосифа Волоцкого (1503), а религиозный Раскол середины XVII века — общенациональное событие, а современные левые и правые, а наблюдение дьяка Ивана Тимофеева о том, что «...русские не верят друг другу, поворачиваются каждый спиной к другому; одни смотрят на восток, другие — на запад»?

Диаметрально противоположные ценности, определяемые установками сознания и бессознательного, выраженные большими группами, создают непреодолимые препятствия, ведут не только к полному непониманию друг друга, но к противостоянию, борьбе, продолжающейся столетия. Это хорошо видно в любом большом и малом разговоре, когда присутствуют представители разных групп. Каждая группа не только не понимает представителей других групп, но буквально не слышит и, более того, не собирается слушать.

Сцены, подобные великому спору западников и славянофилов, возможно, не такие яркие или яркие по-своему можно видеть повсюду: в любом коллективе, на улице, во дворе, в семье. Такое положение неизбежно ведет к разделению на *своих и чужих*, а значит, к обособленности, подозрению, недоверию. Ретроспективный взгляд на нашу историю показывает, что так было всегда. Рано или поздно противостояние позиций, ценностей, смыслов приводит к характерным проявлениям. В «Дневнике писателя» Достоевский вспоминает, что однажды на реплику: «Этого народ не допустит», — западник спокойно и величаво ответил: «Так уничтожить народ». И здесь нельзя заблуждаться: точно так же ответил бы и восточник — только под народом имел бы в виду другую группу россиян.

Это нескончаемое противостояние наиболее очевидно проявляется в ходе реформ: они либо вовсе не осуществляются, либо осуществляются авторитарными методами и тяжелой ценой, либо со временем имеет место инверсия: поворот на 180 градусов от задуманного. Противостояние обусловлено национальным сознанием, культурой.

И на Западе, и на Востоке, конечно же, есть представители разных типов сознания, но сама культура является вполне определенной. Культура Запада акцентирует внешнюю жизнь, культура Востока — внутреннюю. Взаимодействие культур формально, оно не требует глубокого взаимопонимания, позволяющего определять иерархию ценностей и порядок жизни. Другие нации амбивертно-синтетического типа культуры существуют в условиях национальной и конфессиональной однородности. Иная картина в России: жизнь в одном государстве требует общих для всех ценностей, смыслов, порядка жизни.

О психологии. Психология человека, его характер определяют привычки, события, судьбу. Как бы настойчиво и мы сами, и другие ни упрекали нашу историю в непоследовательности, а нас в непредсказуемости, однако есть логика и в нашей судьбе, и в нашем характере. Увидеть связь, взаимозависимость, внутреннее основание в столь противоречивых явлениях нашего прошлого и настоящего нельзя с позиций формальной логики. Но есть внутренняя логика, продиктованная различными типами сознания, выраженная большими социальными группами. Россия — Евразия, россияне — евразийцы (не путать с общественно-политическим движением «евразийства», вышедшего из неославянофильства; термин «евразийство» мы будем использовать как синоним амбивертного, равнонаправленного на внутреннее и внешнее, типа сознания).

В общенациональном поле всегда присутствуют три группы граждан, каждая из которых является выразителем одного из типов сознания, ориентированного:

- на *объект*, внешнее (экстравертного);
 - на *субъект*, внутреннее (интровертного);
 - на *объект и на субъект*, равнонаправленное (амбивертного).
- Чтобы избежать путаницы определений, повторим: сознание, направленное на объект, — это экстраверты, объективисты, западники, правые;

на субъект — это интроверты, субъективисты, восточники, славянофилы, левые, неоевразийцы;

равнонаправленное — это амбиверты, центристы.

Амбиверты, или центристы, как национальная группа большую часть нашей истории представлены в варианте двойственности, и потому складывается впечатление, что группа проявлена незначительно, но к концу XX века амбиверты проявились как группа, которая быстро растет. Три типа сознания не только присутствуют в культуре и жизни, но, в отличие от Запада и Востока, поочередно являются ведущими, определяют общий ход жизни и развития государства. Такое положение создает кажущуюся непоследовательность.

Особенностью амбивертного типа сознания является его двойственный, или, по выражению К. Юнга, ритмический, характер, проявляющийся либо в чередовании экстраверсии и интроверсии, либо в синтезе (что встречается не часто). Именно по причине все еще редко встречающегося синтеза внутреннего и внешнего, национальная культура и стоящий за ней психотип не имеют четкого и ясного определения. Кроме двух устойчивых групп: экстравертов и интровертов, — группа амбивертов большую часть нашей истории растворялась в вышеназванных группах. В соответствии с типом сознания формируется характер, и потому мы можем говорить о трех типах характеров, хотя в сути своей они есть разновидности одной и той же психологической основы.

Амбивертный психотип в варианте синтеза, а значит, целостности, последовательности, предсказуемости можно видеть уже в XI веке в наиболее почитаемом типе — святости, в то время в значительной степени влияющем на формирование всех аспектов национального существования. Но несмотря на присутствие национального психотипа (амбивертного) на протяжении всей нашей истории, понимание особенностей национального характера никак не оформится в национальном сознании.

Сознание фактически определяет все связи, отношения и подходы к действительности в индивидуальной и общей жизни. Именно сознание определяет наличие или отсутствие единства, делит нас на *своих и чужих*. Изменение сознания не требует больших капиталовложений, но, не оформленное в четкие фор-

мулы и положения, не позволяет нации развиваться конструктивно, нередко ведет к разрушению государства, уничтожению миллионов россиян.

Мы возьмем типологию Карла Юнга, раскрывающую суть типов сознания и стоящих за ним проблем. «...*Юнговская типология является инструментом для психологической ориентации. Это метод понимания как самого себя, так и тех трудностей, которые могут возникать между людьми*, — писал знаменитый профессор синологии Рихард Вильгельм о работе Юнга. — *Подлинная китайская премудрость, обрести которую немислимо из книг. Его типология странным образом совпадает с наидревнейшей китайской мудростью, первоисточников которой он, создавая свою типологию, знать не мог*». Подчеркнем это, так как типология К. Юнга есть научное основание, отправная точка понимания проблемы различий и возможностей синтеза Востока и Запада, или внутреннего и внешнего, духовного и материального.

Рассмотрим типичное для экстравертов и интровертов: оба типа отличаются своеобразной установкой по отношению к объекту. «*У интровертного отношение к нему абстрагирующее; в сущности, он постоянно заботится о том... как если бы ему надо было оградить себя от чрезмерной власти объекта*». «*Экстравертный, напротив, относится к объекту положительно. Он утверждает его значение постольку, поскольку он постоянно ориентирует свою субъективную установку по объекту...*»

Не менее важно учитывать не только эти общие установки сознания, но и то, что каждый тип вытесняет в подсознание. Последнее играет порой не меньшую, а большую роль в установках человека, компенсируя невнимание к тому или иному аспекту человеческой структуры. Экстраверты в бессознательное вытесняют внутренний мир, интроверты — внешний, и то и другое есть реальность; их нельзя уничтожить, и чем больше объем вытесняемого, тем больше фактически оно владеет человеком. Так материальные вопросы, вытесненные в подсознание, фактически часто определяют поведение интроверта, несмотря на то что в сознании он сосредоточен на субъективных ценностях. Например, такая социальная группа, как народ, в основной своей массе имеет интровертную направленность, что означает сосредоточен-

ность сознания на чувствах, отношениях; материальная и социальная жизнь вытесняется в подсознание, и такой человек «*постоянно заботится о том... как если бы ему надо было оградить себя от чрезмерной власти объекта (закона, материальных нужд)*».

«...Экстравертный, напротив, относится к объекту положительно. Он утверждает его значение постольку, поскольку он постоянно ориентирует свою субъективную установку по объекту...» Внутренняя жизнь экстраверта превращается в незначимую и постепенно упрощается, вплоть до примитивной. Экстраверт редко считается с субъективной реальностью, но часто именно она владеет им.

Нации развиваются аналогично человеку, жизнь нации определяют культура и личности, которые и обуславливают ход национальной истории, особенности и своеобразие культуры. Например, св. Августин, оказавший столь значительное влияние на западную цивилизацию. Вот цитата из св. Августина, характерная для экстраверта: «*Я не уверовал бы в Евангелие, если бы авторитет соборной церкви не принуждал меня к этому*». Невозможно себе представить такую фразу у русских святых или у Франциска Ассизского, который, как известно, практически не оказал большого влияния на жизнь европейцев.

Другой пример — история европейской науки. Если проследить развитие науки, то обнаружим, что определяющим было знание, работающее на объективную жизнь, т. е. доминирующим было экстравертное сознание. Это и Дарвин, и Маркс, и Фрейд; и даже *верующие* Ньютон и Декарт, основоположники научной рациональности и мировоззрения, были ориентированы в сторону материализма, объективизма.

В нашем государстве большую часть нашей истории оба типа представлены большими группами. «...Тот, кто имел возможность основательно изучить большое число людей, открывает без труда, что эта противоположность (экстраверты и интроверты — А.С.) отнюдь не сводима к отдельным индивидуальным случаям, но что дело идет о типичных установках... что в действительности речь идет о фундаментальной противоположности, то ясной, то менее ясной. Но обнаруживающейся всегда, когда речь идет о сколько-нибудь ярко выраженной личности.

Таких людей мы встречаем не только среди образованных, но вообще во всех слоях населения... разница пола тоже ничего не меняет в этом факте» (К. Юнг). Ретроспективный анализ больших социальных групп (раскольников, большевиков, правых, левых и т. д.) еще более, чем анализ личностей, демонстрирует наличие установок сознания и обусловленных ими позиций, ступеней.

«...Оба типа до такой степени различны, и их противоположность настолько бросается в глаза, что наличность их без всяких разъяснений бывает очевидной даже для профана в психологических вопросах, — стоит только раз обратить его внимание на это».

«...Печально, что оба типа склонны отзываться друг о друге крайне нелестно. Это обстоятельство немедленно поражает всякого, кто занимается этой проблемой. И причина кроется в том, что сами психические ценности имеют диаметрально противоположную локализацию у этих двух типов. Интроверт видит все мало-мальски ценное для него в субъективном, то же самое экстраверт видит в объективном. Эта зависимость от объективного кажется интроверту знаком величайшей неполноценности, в то время как для экстраверта озабоченность субъективным выглядит не чем иным, как инфантильным аутоэротизмом» (по Фрейду: поглощенность собой, социальная неадаптированность, тщеславие, манерность).

Каждая национальная группа, выражающая тот или иной психологический тип, имеет свои приоритеты и ценности и соответствующие достоинства и недостатки и, что не менее важно отметить, свой стереотип восприятия и понимания других национальных типов. Недоверие друг другу основано прежде всего на том, что привычный образ других сформирован из их недостатков — достоинства либо не замечаются, либо представлены в гипертрофированном виде, что делает их опять же недостатками. Многовековое непонимание и недоверие, соединенное с максимализмом, ведет к взаимному уничтожению на словах и на деле.

Объективисты, или западники, — это те, чье сознание ориентировано на объект; они сосредоточены на материальных и социальных ценностях, отсюда их и плюсы, и минусы. Умеют

организовать материальную жизнь, всегда заинтересованы в правильной социальной организации, правах, свободах. Во взаимодействии опираются на доводы рассудка или разума, ценят ум в себе и других, действуют смело, решительно, легко идут на эксперименты в *материальных вопросах*, умеют подчинять поставленным материальным и социальным целям свои и чужие интересы и даже жизни. Уважают и подчеркивают личную силу, часто демонстративно.

Объективные ценности конкретны, легко поддаются контролю, и потому объективисты более определены. Ценят, почти всегда болезненно, свободу и независимость, не понимая, что акцентированное принимает недолжные размеры и приводит к перекосам, а то и к преступлениям. Перечисленные достоинства, соединяясь с такой национальной чертой, как максимализм, преломляясь через стереотипы, нередко становятся утрированными. Субъективная жизнь экстраверта подчинена объективной либо нивелируется.

В глазах субъективистов (в современной терминологии это «левые», «патриоты, народники») поведение объективистов-западников принимает формы неприличные или даже преступные. И действительно, наши правые, демократы, часто демонстрируют западные черты более выпукло, чем сами европейцы и американцы. Мы еще не раз вернемся к чертам характера, здесь же общий обзор и стереотип восприятия. Для восточника, или субъективиста, западник — человек бесцеремонно решающий свои вопросы, никогда или почти никогда не считающийся с другими. Много и громко говорящий о правах, но легко пренебрегающий своими обязанностями, человеческими отношениями. Одним словом, говорят они, человек безнравственный, бездуховный.

Субъективисты, или восточники. Сказанное с точностью до наоборот относится к восточникам, народникам, патриотам. Когда субъективная, внутренняя природа является более значимой, человек в своем восприятии и отношении к жизни руководствуется следующим: важен сам человек (а не его материальная оболочка и то, что его окружает). Любое дело должно быть осуществлено с учетом субъективных факторов — «по-человечески». Такой подход требует времени, усилий, рождает неторо-

пливость; все, что делается быстро, — по мнению субъективистов — может быть и красиво, и приятно, но кратковременно. Уважение к человеку — это прежде всего уважение к его индивидуальности, его внутреннему миру, который всегда неповторим (здесь речь о декларируемом, ниже — о действительном). Интерес к культуре, религии, человеческим отношениям всегда присутствует и определяет жизнь. Важна жизнь чувств, ибо *«не всегда холодным умом и расчетом можно решить вопрос»*.

Субъективистов, или восточников, отличает акцентирование нравственных начал. В личной жизни во многих случаях им это удается, но при попытках нравственного решения общих вопросов они нередко отрываются от реальности. Субъективные и нравственные ценности не конкретны, и потому осуществить их в общей жизни чрезвычайно трудно. Эти и другие качества западниками воспринимаются через призму объективных ценностей, и потому восточник — человек, не умеющий организовать свою материальную жизнь, много и эмоционально говорящий о нравственности и духовности, в действительности же — говорят западники — неудачник, прикрывающий свои амбиции или слабости, свою материальную несостоятельность.

Объективисты и субъективисты друг для друга непонятны, *«но с ними хотя бы все ясно»*. *Средний тип, или евразийский* (центристы), не только непонятен, но и вызывает недоумение и досаду: «своей непоследовательностью, неопределенностью, соглашательством».

И объективисты-западники и субъективисты-восточники убеждены в своей непохожести на средний тип, не замечают, что фактически (с точки зрения других народов) ничем не отличаются от евразийского национального типа. Они, как и все мы, проявляют и максимализм, и синтез, и соглашательство, и непредсказуемость.

В восточном символе целостности тай-чи (круг, разделенный волнообразной линией на две «капли»: белую и черную) при беглом взгляде кажется, что есть только два цвета: белый и черный, но внимательный взгляд обнаружит третий: линию соединения, где два соединяются, сливаются в третий тип. Так и человек, нация среднего, синтетического типа, дорожа внешним и внутренним, ходит как по лезвию бритвы, стремясь удержать то и другое.

Трудно дается каждый шаг, ведь необходимо не потерять все нюансы, все грани, найти им адекватную форму — потому неизбежны падения, перекосы то в одну, то в другую сторону. Путь медленный, неторопливый, но, если синтез найден, результат удивляет глубиной и качеством. Можно сказать, евразиец, соединяя объективиста и субъективиста, имеет нравственный стержень: учитывает внутренние и внешние реалии и потому предан не *формам* выражения нравственности (как это случается с субъективистами), а нравствен по сути. По формам же всегда мобилен, легко адаптируется к условиям и этим напоминает объективиста. Сказанное делает его не таким однозначным, как объективисты-западники, но и не таким оторванным от действительности, как субъективисты-восточники. Для Запада и Востока Россия непонятна и непоследовательна, таит угрозу; также и внутри самой России объективисты и субъективисты не знают, как относиться к евразийцам. Приверженцы справа и слева, отличающиеся радикализмом, интерпретируют их действия как соглашательство. Для них они люди непонятные: то ли предатели национальных интересов, то ли соглашатели, не имеющие твердых убеждений и принципов; даже в тех случаях, когда сила и патриотизм очевидны, они «неяркие» для западников, «ненадежные» для восточников. Одним словом, «кто их знает».

Характер можно рассматривать как совокупность отличительных черт, качеств или как психологические свойства, особенности. Учитывая важность психологической составляющей, мы рассмотрим национальный характер как соединение психических свойств и черт характера.

Психологические особенности-свойства определяют отношение индивида к чему-либо и тем самым обуславливают его. Перечислим самые яркие из них.

Максимализм — тотальная отстраненность.

Анархизм — деспотизм.

Идеализм — негативизм.

Отзывчивость — подозрительность.

Религиозность — атеизм.

В условиях однородной среды — национальной, религиозной, понятийной — различия малозаметны. Когда же представители той или иной группы или народа попадают в другие про-

странственные условия, различия становятся очевидными, а порой и шокирующими. Только на поздних этапах эволюции, когда достигается выравнивание ценностей и потребностей, различий становится все меньше, они не столько обуславливают, сколько дополняют. Каждое психическое проявление, свойство, особенность могут соединяться с любой чертой характера, окрашивать ее.

В случае среднего, амбивертного типа сознания, пока не будет достигнут устойчивый синтез, свойства и черты имеют двойственный, полярный характер: *«...Загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимо количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе»* (Н. Бердяев). *Полярность и тотальность выражения психических свойств определяют внутреннюю логику российской психотики* (пока не обретаена целостность).

На этапах роста, развития, самоопределения интенсивный дуализм российского сознания, рождающий конфликт между идеалами, приводил к компромиссу и непоследовательности, но по мере эволюции каждый индивид, каждая нация овладевает синтезом. Когда противоположности национального характера синтезированы, гармонизированы, имеем адекватное проявление черты. В противном случае, когда доминирует объективистский или субъективистский подход, проявляется негативное выражение черты, усиленное максимализмом. Вместо нравственности — безнравственность, вместо творчества — халтура. Немецкий философ В. Шубарт писал: *«Русский в своих вершинах достигает таких высот, какие недоступны ни одному европейцу; но русский человек в среднем часто опускается ниже той линии, которую выдерживает средний европеец»*.

Глава 1

Свойства и черты характера

Возможно, легче будет увидеть и понять наш характер, если мы будем рассматривать психологические особенности в сочетании с чертой характера, в которой эта особенность наиболее ярко проявлена (психологические свойства могут соединяться с любой чертой). Сначала их перечислим.

Психологические свойства

Максимализм — тотальная отстраненность
 Анархизм — деспотизм
 Идеализм — нигилизм
 Отзывчивость — подозрительность
 Религиозность — атеизм

Качества, черты

Нравственность — *безнравственность*
Любовь к свободе — *регламентация жизни*
Творчество — *халтура*
Человечность — *бесчеловечность*
Универсализм — *национализм*

Рассмотрим свойства и черты характера, а в следующей главе остановимся на характерных особенностях проявления характера у представителей власти, культуры и народа.

Максимализм — тотальная отстраненность;
 нравственность — безнравственность

Примеры максимализма хорошо известны: это и раскольники, и революционеры — максималисты идеи и веры; это и высокая святость, и противоположный ей купеческий материализм «домостроя»; это максимализм любви и жажды свободы и деспотизм; это и удивительнейшая человечность, и столь же удивительная бесчеловечность. Каждый, кто хоть раз размышлял о нашем характере, судьбе, отмечал столь свойственную нам черту: *«во всем доходить до края, до предела»* (Д.С. Лихачев).

Максимализм пронизывает буквально все сферы существования россиян: в словах и делах, вплоть до попыток мирового переустройства. Маленький, но характерный пример — «неистовый» Виссарион. Тургенев рассказывает, что однажды, когда спор затянулся за полночь, в ответ на предложение поужинать Белин-

ский с возмущением и негодованием воскликнул: *«Мы еще не решились вопрос о существовании Бога, а вы хотите есть!»* И так во всем: пока не доведем до абсурда какой-либо вопрос, остановиться не можем. Именно максимализм, выраженный в радикализме, экстремизме, не позволяет решить ни один вопрос в нашем государстве положительно, без насилия. Нетерпимость оппонентов ведет к невозможности решить вопрос, создает постоянное психологическое напряжение нации, которое рано или поздно прорывается в революции, смуты, перестройки и всегда сопровождающий их «беспредел».

Нельзя сказать, что максимализм или тотальная преданность чему-либо — плохие качества. Как повествует Библия, именно за преданность Единому Богу, Завету, совокупности правил жизни, возлюбил Бог евреев. Тотальность обеспечивает однонаправленную, целостную жизнь, создает иерархию — соразмерность и соподчиненность, правильную организацию жизни, исключает двойные стандарты. Вопрос не в том, что преданность пониманию — это плохо, а в том, что многосложные условия исторической действительности в нашем государстве создавали *свое* понимание у разных групп россиян, и это приводило и приводит к постоянному непониманию и противостоянию. Многие наши черты соединены, окрашены максимализмом или противоположной ему отстраненностью — «все или ничего». Мы не раз еще вернемся к этой нашей особенности.

Так как «все» у нас к тому же идеализировано и осуществить его трудно или даже невозможно, мы привычно выбираем «ничего». Максимализм действия сменяется максимализмом бездействия.

Противоположное максимализму проявление — тотальная отстраненность, то, что так удивляет при первом знакомстве с нашей историей. Почти всегда это качество воспринимается как пассивность, покорность: то суровая и угрюмая, то безлика и неопределенная. Чаадаев, вернувшийся из Европы, был поражен *«немотой русских лиц»*. Понадобились годы, чтобы узнать русский народ и поверить в него. Может быть, лучше других это понял Достоевский. Оказавшись на каторге, среди простых людей, Достоевский был поражен не просто социальной неприязнью, а непреодолимой бездной самих основ, ему казалось, что

они (он и др. каторжане) принадлежат к двум разным, веками враждующим нациям. Но: *«...И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей... Есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото... Что за чудесный народ!»*

Но «немота» присуща не только представителям народа: и культура, и власть в разное время и по-разному проявляли поразительную «немоту» — отстраненность и безучастие то к положению народа, то ко всему происходящему. Часто эта отстраненность воспринимается как неспособность действовать, согласие на зло и покорность, но за обособленностью и молчанием всегда напряженная работа: трудный поиск и попытки найти адекватные формы существования. Как только находится подходящая идея, лозунг или лидер и позволяют условия, а иногда и вопреки им, те, кто вчера казался покорным, безучастным, с неистовой силой рвутся в бой. По словам Н.Я. Данилевского, *«...Все великие моменты в жизни русского народа как бы не имеют предвестников... Предшествующий им процесс чисто внутренний, происходящий в глубине народного духа, незримо и неслышимо... Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой».*

Оба эти психических свойства — максимализм и отстраненность — легко переплетаются с чертами национального характера, ярче всего они видны и поражают в вопросах нравственности.

Не для того, чтобы опорочить или упрекнуть, а для того, чтобы понять, что наша история, наши беды — следствие нашего характера, что, руководствуясь самыми благородными побуждениями, мы нередко ввергаем себя и других в противостояние, борьбу, страдания. Вспомним несколько примеров. Пример Белинского с его максимализмом — «неистовый» Виссарион и сам про себя говорил, что он *«страшный человек, когда ему в голову заберется мистический абсурд»*, — можно дополнить.

Великий литературный гений А.Н. Толстого, его личная нравственность, его духовные искания не только бесспорны, но всегда вызывали и будут вызывать глубочайшее уважение. Однако

его гражданская позиция не всегда была взвешенной и объективной, часто провоцировала власть, дворянское общество на противостояние и усугубляла и без того непростое положение в государстве. Вел. кн. Александр Михайлович в книге воспоминаний повествует о том, что в пору горячей полемики с самодержавием Толстой апеллировал к фактам, порочащим Николая Первого. В ответ на обвинения Толстого брат Александра Михайловича — Николай Михайлович, хорошо знавший историю, имевший доступ к императорским архивам, написал обстоятельное, строго обоснованное и учтивое письмо, в котором указал автору «Войны и мира» на неосновательность и бессмысленность его обвинений. Ответ Толстого был «странным», он признавал свое *«глубочайшее уважение перед патриотической политикой»* Николая Первого и благодарил Николая Михайловича за *«интересные исторические сведения»*. По существующей традиции императорская семья не могла предать гласности содержание этой переписки, а памфлет Толстого продолжал распространяться, будоража широкие массы граждан, сея в обществе негативизм, противостояние, подготавливая революцию.

Как в жизни индивида двойственность производит многие, зачастую нелицеприятные вещи, так и в жизни нации высочайшая нравственность может соседствовать с полнейшей безнравственностью. В одной семье могут оказаться Алеша Карамазов и его антиподы: сладострастный и циничный Федор Павлович, стремящийся унижить все доброе и светлое; Дмитрий — человек необузданных страстей; Иван — человек умный, но изощренным и лукавым умом оправдывающий «карамазовщину»; Смердяков — лакей по должности и духу. Как Иван Карамазов якобы во имя слезинки невинного ребенка отвергает Бога и оправдывает происходящее, не верит в духовные возможности человека, так и в советский период лидеры государства, заявив высокие цели, очень скоро в действительности проявили поразительный цинизм и безнравственность. «Карамазовщина» — когда «все позволено» — и есть максимализм безнравственности. Беспредел достигает апогея в годы смуты, когда рушатся устои, да и весь порядок жизни.

Тема нравственности всегда была в нашем отечестве одной из центральных. Скепсис, и даже сарказм, звучащий, как только за-

ходит речь о нравственности как о национальной черте, вполне объясним: и восторженное согласие, и негативизм есть фактически противоположные выражения глубокой реакции на данный вопрос, а значит, заинтересованности. Если обратиться к сути понятия «нравственность», отношение к нравственности и безнравственности вполне объяснимо.

Нравственность — реализация нравственного чувства, или чувства меры, соотнесенности, смысла. В классической Йоге можно прочесть: «...главный ключ и главный результат двойственности — способность различать». И двойственность, и необходимость различать — в очень непростых условиях российской действительности — сформировали умение чувствовать, отличать все грани происходящего. Любой вопрос, процесс требует такого умения — чем лучше человек умеет отличать от неправильного правильное, от правильного более правильное, тем успешнее будет его дело и жизнь. Само по себе умение различать не есть гарантия положительной организации жизни. Куда, к чему будет оно приложено — вот что определяет жизнь.

Принято считать, что просвещение, интеллектуальная жизнь в России возникли поздно. Но задолго до этого, в конце XV века, когда завершалось формирование общерусского государства, религиозный подвижник Нил Сорский впервые на Руси в своих поучениях братии настаивал на «умном деланье», на необходимости различать.

Психологическая причина безнравственности — отсутствие смысла. Смыслы, закономерности смыслообразования зависят от типа сознания. Так, для объективиста, западника нравственность — это соблюдение прав, свобод; для субъективиста, восточника — внутренние ценности, человеческие отношения, которые не имеют объективных критериев. Нравственность не объективирована, а современный человек все более отказывается понимать нравственность как исполнение норм и правил, а ориентируется на собственное чувство правильного или неправильного, нравственного или безнравственного и часто воспринимает нормы и правила как насилие. Многосложные условия российской жизни выработали потребность осмысленных действий, усилий. В годы кризисов, когда сталкиваются противоположные идеалы, борьба становится взаимоисключающей; чтобы устоять,

выжить, нужны не просто усилия — нужны сверхусилия. Это трудно, да и непонятно, имеет ли смысл делать усилия — столь непредсказуема жизнь в России. Непоследовательность нашей истории — результат непонимания собственной психологии и характера; столь различный, зачастую противоположный разброс мнений об устройстве жизни, максимализм и преданность каждого своему пониманию имеют своим следствием хаос, неопределенность, что и приводит к утрате смысла усилий, да и самой жизни. Как мы увидим в разделе «Судьба», каждый новый период развития сопровождался сменой ценностных ориентиров и приводил к безнравственности, всеобщему беспорядку, вседозволенности, бессмысленности всей жизни. Чем выше была вера и нравственность, тем ниже затем было падение в хаос и разгул. У однородных наций вопрос смысла не стоит так остро, так как судьба ведет их последовательно по этапам эволюции. Для нас вопрос смысла является жизненным. Разные, порой противоположные, ценности ведут к столь разным, нередко противоположным, смыслам. *Только понимание нашей субъектности, сознания, типа культуры, характера позволит нам обрести общенациональный смысл, не исключаящий ту или другую группу, а включающий ценности всех типов сознания и способов существования.* В свою очередь, это обеспечит взаимопонимание, доверие, приведет к правильному, нравственному взаимодействию. А пока этого нет, будет как в известной басне про лебедя, рака да щуку...

Анархизм — деспотизм;

любовь к свободе — регламентация всей жизни.

Анархизм как общественно-политическое течение — типичное русское явление, практически не знакомое Западу. Европейцы не восстают против государства: воспитанные основами римской государственности и римским правом, затем католическими и протестантскими понятиями, жители Европы органично принимают власть, при необходимости исправляя или меняя ее. Мы имеем болезненное отношение к власти. Наши правители не были хуже других, их личные качества и реальное положение часто не имели значения в действительности: Людовик XI вполне сопоставим с Иваном Грозным; Александр Второй был убит «на-

родными мстителями», а Сталин был похоронен как Вождь нации. В нас анархизм соединен с персонализмом — каждый сам себе голова. И это не только многочисленные самозванцы, бояре, князья, дворяне (анархизм как таковой создан представителями высшего дворянства), это и чиновники, сами решающие, как использовать закон; это и крестьяне, уходившие в казачество или в странники. Достоевский писал, что, *если русскому школьнику дать карту звездного неба, он ее тотчас исправит.*

Все это типичные российские явления, мало встречающиеся у других народов. Разница лишь в том, активно выражалось своеволие или отстраненно и молчаливо.

Много столетий в нашем государстве нет согласия и единства, и каждый, в ком есть хоть сколько-либо силы, будь то человек или народ, норовит сделать по-своему. Например, Чечня оказалась нашим слабым местом и болью: чеченцы также своевольны, а мы не всегда умеем считаться друг с другом, находить взаимоприемлемые формы взаимодействия.

В России не было и нет общей для всех иерархии или, правильнее сказать, у каждого она своя, потому даже в делах веры нет согласия: это не только различные религии, не только раскольники и многочисленные секты — это и странники, это и религиозные анархисты (Л. Толстой и Ф. Достоевский). Не может нация, тем более столь многоликая, действовать как один человек — есть те, кому важна свобода действий, и те, кому — свобода внутренней жизни, и те, в ком есть то и другое. Разное миропонимание, разные ценности — очень по-разному проявленные, воспринимаемые и интерпретируемые другими с осуждением и экзальтацией — ведут к своеволию, анархии. Многообразии интересов, ценностей предполагает достаточно широкие рамки свободы, но в нашем государстве свобода всегда приводила к ухудшению условий жизни тех, кто не так активен, у кого субъективное начало является ведущим.

Проявление, противоположное анархизму, — деспотизм, авторитаризм. Мы привыкли относить эти понятия к Востоку, к абсолютной власти, но если мы хотим стать действительно свободными, то мы должны увидеть, что это не черта лидеров государства, а одно из национальных психологических проявлений. И это не только помещики-самодуры или некоторые советские

руководители. Любовь к свободе, соединенная с максимализмом, рождает анархизм и своеволие, стало быть, неумение считаться с другими. У представителей власти, отвечающих за объективную жизнь, имеющих инструменты принуждения, — соответствующее проявление: деспотизм власти.

У представителей культуры, бизнеса психологический деспотизм, своеволие выражается в экстремистских выступлениях, что почти всегда приводит к политическому деспотизму. Разве поведение крайних и слева, и справа в последнее десятилетие двадцатого века не носило характер экстремизма (В. Ампилов, В. Новодворская)?! Дайте им власть — и мы будем иметь 1917 год! Достоевский справедливо заметил: «...*Наши Белинские и Грановские* (западники — А.С.) *не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева*», т. е. терроризма.

И анархизм, и деспотизм как психические свойства — две стороны одной медали. Чем больше своеволия-анархизма, тем больше деспотизма. В жизни отдельного человека это легко обнаружить: классический пример Кабанихи и Дикого из «Грозы» Островского; хрестоматийный пример Салтычихи, барыни из «Му-му», прообразом которой послужила мать Тургенева, и т. д. и т. п. В жизни нации черты и свойства проявлены через группы: чем больше представители какой-либо группы проявляют анархизм, своеволие, тем больше другая группа ужесточает, вплоть до деспотизма, режим, высказывания (декабристы — Николай I, народники — Александр III).

Может казаться, что речь идет о запрете на критику, высказывания, — это не так. И критика, и несогласие законны, но нетерпимость, радикализм в отстаивании своего понимания, нежелание слушать и слышать других ведут к хаосу и анархии.

Наиболее красочно и колоритно анархизм и деспотизм проявлены в нашем отношении к свободе. Небольшое отступление, которое поможет нам лучше понять себя.

Из многочисленных интерпретаций свободы возьмем свободу ОТ и свободу ДЛЯ.

Представляется достаточно очевидной заинтересованность западного человечества в организации социальной жизни. Заложенные Древним Римом основы государственности, отношение к частной собственности были усилены католицизмом и протестантизмом.

стантизмом, носившими во многом социально-устроительный характер. Органичным для Запада было и возвращение к античности, оформленное в идеях гуманизма, развитие которых привело к либерализму. Провозгласив принцип гражданских, политических, экономических, т. е. внешних, свобод, Запад обеспечил максимально возможную свободу от государства, религии, в экономических вопросах и т. д. Либеральные ценности конкретны и очевидны, и западное человечество действительно имеет хорошие результаты в этих вопросах — это свобода *от*. Но невольно встает вопрос: «Свобода — это хорошо, но что с ней делать?!»

Существует мнение, что человек на Востоке сравнительно поздно «поднялся до сознания своей *личной свободы*». Такой взгляд ответствен за неуважительное отношение к незападным цивилизациям и, стало быть, не способствует равноправному и полноценному взаимодействию, по определению исключает многополярный мир.

Классический Восток, развиваясь, имел другую задачу, другую направленность жизни, другие ценности. Самоценность внутренней жизни для каждого индивида обеспечивалась религиозным многообразием, рождая тем самым понимание свободы как свободы *для* — организации субъективной жизни, для возможности поиска, сосредоточения, постижения внутреннего мира. Понимание свободы *для* формирует глубокое уважение и подлинную терпимость к другим. В точном значении слова Запад нельзя назвать толерантным: требовать от всех наций организации жизни на основе либерализма, невзирая на национальные, эволюционные и пр. особенности, — такие действия нельзя считать проявлением уважения. Именно внутренняя свобода и ее следствие — раскрепощенность мышления, позволяет народам Востока, когда они эволюционно развиты, быстро осваивать западные ценности. В этом *секрет* «большого прыжка азиатского тигра».

Нации третьего типа развития имеют то и другое. С одной стороны — веротерпимость и уважение, как у наций классического Востока, с другой — нетерпимость, навязывание собственных ценностей, когда это связано с национальными интересами, то есть повторение западных методов. Но в России, кроме того, неоднородность всех сфер жизни создает такой феномен, как

свобода духа. Дух, суть, не может быть *для* или *от* — он живет по другим законам; потому российская история имеет столь «странный» характер. Читаем у Бердяева:

«...Россия — страна безграничной свободы духа... Достоевский, по которому можно изучать душу России, в своей потрясающей легенде о Великом Инквизиторе был провозвестником такой дерзновенной и бесконечной свободы во Христе, какой никто еще в мире не решался утверждать. Утверждение свободы духа, как чего-то характерно русского, всегда было существенной особенностью славян. Славянофилы и Достоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира, внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним».

Эта свобода духа проявляется прежде всего в том, что «... русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, Божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни... Душа эта поглощена решением вечных, проклятых вопросов о смысле жизни» (Н. Бердяев).

Приверженность духу, более чем что-либо другое, стоит за всеми нашими непоследовательностями, непредсказуемостями — каждый сам себе голова. Для нас характерна так называемая самоналагаемая дисциплина: пока есть согласие, вера, мы готовы к любой, даже очень суровой дисциплине, ограничению, но в противном случае — ничто нас не удержит. В некоторых случаях мы отстраняемся, с исторической точки зрения ненадолго, в других — бунтуем, «жестоко и беспощадно».

Д.С. Лихачев в статье о национальном русском характере пишет: «...моя мысль может показаться в высшей степени странной тем, кто привык подменять знание истории исторической мифологией. Большинство людей и на Западе до сих пор убеждены, что русским свойственна не только терпимость, но и терпение, а вместе с тем — покорность, безличность, низкий уровень духовных запросов».

Нет, нет и нет! Помните: <...> вече в русских городах было большой школой общественного мнения. С мнением киевлян и новгородцев постоянно должны были считаться князья. Новгородских князей даже не пускали жить в пределах города,

чтобы избежать диктатуры. Люди свободно переходили из княжества в княжество, как и сами князья. А когда установились границы государства, началось бегство в казачество. Народ с трудом терпел произвол государства. Вече сменили собой земские соборы. Существовало законодательство, “Русская Правда”, “Судебники”, “Уложение”, защищавшие права и достоинство личности. Разве этого мало? Разве мало нам народного движения на Восток в поисках свободы от государства и счастливого Беловодского царства? Ведь и Север, и Сибирь с Аляской были присоединены и освоены не столько государством, сколько народом, крестьянскими семьями, везшими с собой не только хозяйственный скарб, но и ценнейшие рукописные книги. Разве не свидетельствуют о неискоренимом стремлении к свободе личности постоянные бунты и такие вожди этих бунтов, как Разин, Булавин, Пугачев и многие другие? А северные гари, в которых во имя верности своим убеждениям сами себя сжигали сотни и тысячи людей! Какое еще восстание мы можем противопоставить декабристскому, в котором вожди восстания действовали против своих имущественных, сословных и классовых интересов, но зато во имя социальной и политической справедливости? А деревенские сходы, с которыми постоянно вынуждены были считаться власти! А вся русская литература, тысячу лет стремившаяся к социальной справедливости! <...> И это “рабская покорность народа государству”? И это “отсутствие опыта общественной жизни”? Да хоть бы немного воспользоваться нам опытом нашего земства!

Часто повторяется мысль, что на характере русского народа отрицательно сказалось крепостное право, отмененное сравнительно с другими странами Европы довольно поздно — только в 1861 г. Однако крепостным правом не был затронут русский Север. По сравнению с некоторыми иными европейскими государствами крепостное право в России не носило характера рабства: рабство же в США было отменено позднее, чем крепостное право в России» (Д.С. Лихачев «О национальном характере русских» // Вопросы философии. 1990. № 4).

Может быть, самым удивительным примером присущей нам свободы являются так называемые северные гари. Кажется, нет подобного примера в истории других народов. В «Психологии

русского Раскола» В. Розанов, сопоставляя немецкую Реформацию и русский Раскол, рассказывает о том, что в 1555 году Аугсбургский сейм постановил: «...какого государя ты подданный, того государя и веру исповедуешь». Невозможно представить, чтобы с таким постановлением могли бы согласиться староверы или революционеры, правые или левые и т. д.

Каждое и общенациональное, и персональное событие нашей истории, сколь бы странным оно ни казалось, в глубине своей есть преданность духу, сути своего существа. И советский период не исключение: пока была вера, убеждения — была преданность, а не покорность. Мы потому и не слышим друг друга: советский период для одних — это 30–50-е, для других — 60–80-е, каждый не только выбирает разные годы, но и разное в них помнит.

Почему же мнение о покорности так устойчиво? Причина в том, что людям двойственного типа, а мы все этим отличаемся в большей или меньшей степени, свойственна повышенная чувствительность и острые реакции. Дорожа своим пониманием любого вопроса, ибо оно обеспечивает целостность, мы болезненно относимся к любому несогласию, и даже намеку на него. Историческая действительность в нашем государстве такова, что однородности, рождающей взаимопонимание и взаимодействие, почти никогда не было. Нежелание какой-либо группы бороться за чуждые ценности воспринимается как пассивность, покорность; а инициаторы реагируют с преувеличенной эмоциональностью. К тому же, как уже было сказано, пассивность наша носит тотальный характер — тотальной отстраненности. Если же мы рассмотрим историю с позиций интересов каждой группы, то становится очевидным — за то, что считается значимым, идет борьба «не жалея живота своего». Когда политическая ситуация в стране не позволяет проявляться той или иной группе, она отходит от общей, чуждой ей жизни, накапливая силы, формируя новое понимание собственных ценностей и ожидая своего часа.

Антитеза свободе духа и любви к свободе — регламентация всей жизни. Это не только хорошо нам известное недавнее прошлое — это подчиненность жизни, каждого слова, жеста, действия: религиозным обрядам, патриархальной старине крестьянского быта, порядкам домостроя. Стандартизация всей

жизни в советский период не есть что-либо выдуманное коммунистами. Свод житейских правил и наставлений, отличающийся строгостью домашнего уклада, Домострой был создан в середине XVI века и просуществовал более двух с половиной столетий. Может быть, в XVI веке он был оправдан, но в XIX — чудовищен. Так же и советский период: возможно, какие-то формы организации жизни в первый период были оправданны, но идеализм и максимализм, как всегда у нас, сделали свое дело: привели к постыдному фарсу, безнравственности, безудержному насилию.

Регламентация — это, по сути, желание упорядочить, унифицировать тот или иной вопрос, жизнь. Стремление осуществить нравственное делание во всех вопросах похвально. Разные ценности, интересы, потребности, преданность им, фактическое отсутствие общего понятийного языка не позволяли в нашем государстве выработать правила, удовлетворяющие всех. Значимость субъективной жизни в однородных странах не препятствует решению вопросов, она почти незаметна. По всей видимости, мы должны выстроить субъективную жизнь нации, опираясь на научное знание, позволяющее, с одной стороны, разумно организовать жизнь, с другой — не исключать потребности и ценности всех россиян, сколь противоречивыми бы они ни были.

Мы не должны забывать свое прошлое. Увлекаясь идеей — либерализмом или коммунизмом, — мы не должны отрываться от *нашей* действительности. Есть закономерность в нашей истории: когда у власти объективисты-западники — у нас анархия, беспредел; когда субъективисты-восточники — регламентация всей жизни. Вывод очевиден: мы евразийцы, и нам нужен синтез объективного и субъективного, внешнего и внутреннего.

Идеализм — нигилизм;

способность к творчеству — халтура.

Нам свойственна неудовлетворенность жизнью (отсутствие полноты), и проявляется она либо в желании улучшить — идеализме, либо в нежелании быть в том, что есть, — негативизме. Хорошее качество — неуспокоенность, соединенное с максимализмом и двойственностью, рождает идеализм или негативизм.

Когда желание улучшить отрывается от реальности, имеем ложный идеализм, мечтания и ожидание чуда. Это хорошо видно

в русских сказках. Из 192 сказочных сюжетов (по международной классификации А. Аарне) лишь 42 не встречаются в наших сказках. В свою очередь, 38 сюжетов наших сказок не встречаются у других народов. В нашем фольклоре преобладают волшебные сказки, а не бытовые и о животных. Очень популярны сказки о царствах, нередко сказка так и начинается: «В некотором царстве, некотором государстве...»

Невозможность прийти к гармонии, миру, согласию, хотя бы к материальной стабильности, на протяжении столетий заставляла устремляться к неведомому, искать то Беловодье, то Царство Божье.

Быстрый отклик на коммунистическую идею и готовность построить «новый мир», причем на всей земле (Третий Интернационал), были очередным проявлением нашего идеализма. Ту же картину можно видеть во времена Третьего Рима.

Дело не в том, чтобы «отменить» сказки (в них, в поговорках, бытовых привычках проявляется национальный характер), а в том, чтобы не отрываться от действительности. Идеализм у представителей каждого национального типа имеет свои особенности и, соединенный с максимализмом, обретает гипертрофированные формы. Каждая группа идеализирует собственные ценности, при этом умалчивает ошибки, преступления, что приводит не только к отсутствию общей почвы, понимания, доверия, но практически исключает возможность взаимодействия. И идеалисты, и негативисты игнорируют реальность, только делают это по-разному. Последние видят только плохое, первые устремляются в некую абстракцию, помещая ее кто в будущее, кто в прошлое (Царство Божье, Древняя Русь, СССР).

Идеализм, конечно, проявляется в большей степени у субъективистов (доминанта правого полушария ведет к образному мышлению, в т. ч. к идеализму). Так, у К. Аксакова можно прочесть: «...В основании государства русского: добровольность, свобода и мир», — с чем, мягко говоря, трудно согласиться. Славянофилы, особенно поздние, в своей идеализации Древней Руси, в своем нежелании замечать очевидное зло не одиноки. Сегодняшние субъективисты — левые, также отказываются признавать зло и неправду советского периода, также идеализируют все в недавнем прошлом. Но и нашим западникам идеализм свой-

ствен не меньше, хотя и не так красочен в проявлении. Западники XIX века отстаивали реформы Петра и не хотели признавать ни очевидных трудностей, ни насилия, ни цены за реформы. И даже разочарования в Западе непреклонного западника Герцена, во многом определявшего убеждения своих современников, не повлияло, не изменило положение: на смену приходили новые поколения приверженцев европейских ценностей и с таким же упорством и страстью воспевали Запад и продолжают это делать, не желая замечать его проблем.

Ложный идеализм, идеализация тех или иных ценностей, ожидание чудес: сказочных, либеральных, коммунистических, индивидуальных или общенациональных — были следствием не только нашей природы, но и нашей действительности. Чем труднее или бессмысленней была реальность, тем больше было идеализма у одних и негативизма у других.

Противоположен идеализму негативизм. Последний, по сути, есть неправильное использование аналитического ума: вместо различения, анализа и синтеза вычленяется и акцентируется негативное. Вне сомнений, время от времени разрушения неизбежны, ибо нам не хватает сознания, чтобы разумно освободиться от того, что мешает, что отжило свой срок.

Есть соблазн объяснить негативизм нашей трудной историей, жизнью. И действительно, судьба у нас нелегкая. Но ведь не только она нас определяет, но и мы ее. Если каждое новое поколение «с молодых ногтей» слышит, что все у нас плохо, что порядочные люди не идут во власть, в социальную жизнь и т. д., то чему же мы удивляемся?!

Негативизм легко переходит в нигилизм; позволяя себе его, мы разрушаем и себя, и свое окружение, и наш общий дом. Негативизм родителей, воспитателей, преподавателей — даже если он направлен вовне: на власть, государство — оборачивается прежде всего против родителей, воспитателей, преподавателей и только потом, когда-нибудь в будущем, — против власти и государства. Оправданием «протестной» позиции часто служит умение видеть недостатки, ошибки. И протест, и нигилизм легко переходят в привычку и ненависть, которые, по выражению философа русского зарубежья Г. Федотова, *«позволяют видеть многое, но никогда главное — существо вопроса»*.

Нигилисты прошлого и настоящего совсем не обязательно сами люди негативные. В собственной жизни это нередко люди порядочные, нравственные, творческие, верующие, но, поворачиваясь к нашей общей жизни, *видят и акцентируют* в ней только плохое.

По необходимости мы делим предмет исследования на части. В жизни все слито и совмещено — и в этом вечный парадокс российской действительности. Каждый из нас и идеалист, и нигилист; эта вечная дихотомия нашего существования может быть решена только сознательно, при условии ухода от крайностей, соединения их. Именно идеализм и негативизм, столь нам свойственные, не позволяют видеть и учитывать нашу реальность, делают многие наши начинания беспочвенными. Идеализм и негативизм, с определенной точки зрения, можно считать позитивной и негативной предпосылками к изменениям, которые могут быть конструктивными, творческими, а могут оказаться очередным разрушением, перестройкой. Это мы уже проходили не раз. Оба эти психических свойства есть положительный и отрицательный шаги к творчеству. Присущие всей нации, по-разному, но достаточно проявленные, — это обещание и гарантия творческого созидания во всех областях жизни.

Соединение идеализма и негативизма (критичности) могут дать синтез или так называемый высокий идеализм, или идейность, которые были у русских подвижников, у таких русских писателей, как Пушкин, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Лесков, Розанов. Идейность не закрывает глаза на реальность и в то же время помогает искать ответы, ведущие к возможности примирить, соединить крайности. Идейность делает жизнь целесообразной, осмысленной, рождает готовность к взаимодействию. Идейность есть наличие регулятивной идеи (идей), что делает жизнь сознательной и целеполагающей. Для нации, тем более такой противоречивой, многоликой, как российская, отсутствие идеологии (не сводя идеологию к политико-социальной, классовой), оформляющей, регулирующей потребности и ценности индивидов и общества, ведет к стагнации и разрушению. Крах идейности (когда предыдущая идея эволюционно исчерпана, переродилась) легко заметить в культуре: она понижает свои стандарты, становится массовой или утончается до не востребуемости.

Идейность ведет к творчеству и созиданию. Вполне понятна все еще имеющая место реакция определенной части наших сограждан на термины «идейность» и «идеология», боязнь упреков в ангажированности. Термины и понятия переходят из века в век, меняя свое конкретно-историческое содержание, но выбор между идеологией, а значит, осмысленностью, целесообразностью, смыслом, ценностями и отсутствием идеологии, сопровождающимся бессмысленностью и общим понижением культуры, упрощением человеческих потребностей и сведением их к примитивным, вряд ли оправдан.

Способность к творчеству у россиян достаточно очевидна. Это не только бессмертные произведения русской культуры, открытия ученых — это творчество народных умельцев Палеха, Гжели, уральских мастеров камня, тульских оружейников, народное песенное творчество; это умение простого человека найти выход, нередко поражающий простотой и красотой, — все это, да и многое другое, примеры творческого таланта россиян. Несмотря на годы застоя и перестройки, с их разрушениями и хаосом, мы все еще имеем талантливые, порой уникальные результаты творческой мысли и труда наших соотечественников. Понимание природы творчества, без ассоциации его с искусством, позволяет постепенно научиться творчески жить.

Творчество и всегда связанное с ним чувство полноты жизни, гармонии, уверенности и удовлетворения есть синтез объективного и субъективного — то, что так мучительно мы ищем всю нашу историю.

Кто-то может сказать: «опять идеализм». Но у нас фактически нет альтернативы, если не считать столь знакомых «бросков» то на Запад, то на Восток. Повторим, соединение объективного и субъективного, внутреннего и внешнего — это наша природа, которая проявляется либо в двойственности, со всеми ее последствиями, либо в синтезе, что трудно, но дает всегда положительные результаты.

Если не идеализировать само понятие творческой жизни, а «привязать» его, например, к человеческим и духовным потребностям индивида, мы можем последовательно научиться конструктивному созиданию в самых разных областях жизни, т. е. творческой жизни. Свойственный нам идеализм — оторван-

ность от действительности, можно преодолеть, опираясь на научное знание и реальные нужды индивидов.

Чтобы не отрывать от действительности, несколько слов о том, что бывает с нами, когда нет синтеза объективного и субъективного.

Когда не удерживаем положительный полюс, оказываемся в отрицательном: имеет место небрежное, недобросовестное исполнение — халтура. И если в советское время речь шла об откровенной халтуре в работе, например сантехника, то сегодня, когда безнравственность — норма, нормой стала и халтура, особенно неприятно удивляющая у тех, кого по определению считаем творческим работником.

Откровенное неисполнение долга, обязанностей можно встретить у нас повсеместно, но если у рядового работника причина в трудностях, безответственности, лени, а с психологической точки зрения за этими внешними причинами чаще всего легко обнаружить бессмысленность жизни и усилий, то для многочисленной армии руководителей и чиновников разных уровней характерно другое — бесконечное возведение «потемкинских деревень».

Кажется неискоренимой эта вечная черта приукрашивать, выдавать идеальное за реальное; порой нет никакого не только разумного, но хоть какого-то смысла или оправдания. Очевидный результат показухи, халтуры, который, как правило, не заставляет себя долго ждать, не останавливает, за него не стыдно.

Почему при таких способностях, талантах, умении быть и мужественными, и справедливыми, и честными мы позволяем себе так недостойно вести себя?!

Размышления, желание не судить и упрекать, а понять, принять и простить, ведут к психологии. Психологический ключ все тот же — природа национального сознания: двойственность и все еще неспособность к синтезу, — за которой не только тип культуры, развития, истории, но и многовековые стереотипы мышления, поведения. Как в творческом акте, субъективная сторона вопроса находит адекватное выражение в объективной форме, и чем лучше, глубже и тоньше обнаружены внутренние реалии и найдены соответствующие им формы, тем качественнее, талантливее или даже гениальнее результат. Когда же субъек-

ективное, или внутренняя сторона, игнорируется, внешнее неизбежно становится формальным, поверхностным, лживым. Прибавим к этому такие национальные проявления, как максимализм и идеализм, и станет понятно, что в периоды, когда личные смыслы неизвестны или нет заинтересованности в выполняемой работе, человек не исполняет должного; но приходит время отвечать, и тогда вся сила идеализма и максимализма бывает вложена в очередную «потемкинскую деревню».

Необходимо учитывать, что в советский период, в отличие от дореволюционной России, считалось, что внутренняя жизнь имеет социальное происхождение и полностью зависит от среды, что привело к пассивному восприятию знаний, норм, установок; человек в этом случае не способен различать, анализировать, не способен синтезировать внутреннее и внешнее, ему трудно дается творчество. Мощный рывок в развитии в советский период — свидетельство открывшихся возможностей для значительного количества людей, но исключение внутренней жизни не могло обернуться со временем упрощением потребностей, интересов, сведением их к потребительской корзине. Творчество советского периода — это преимущественно творчество внешней стороны жизни, в котором, конечно же, присутствовали генетические корни. Но отказ, нивелирование внутренней жизни, а значит, индивидуального подхода к каждому человеку обернулись в новом периоде понижением общего уровня культуры. Вывод один: необходима целенаправленная работа по внутренней самоорганизации, что предполагает хорошее знание закономерностей внутреннего развития.

Отзывчивость — подозрительность;
человечность — бесчеловечность

«Всемирная отзывчивость», «всемирное боление за всех», «универсальная отзывчивость» — так характеризуют классики литературы, философии одну из национальных черт. И действительно, способность отзываться, сочувствовать, соучаствовать нам присуща не в малой степени, в этой способности истоки такой национальной черты, как человечность.

Есть удивительное следствие отзывчивости — отождествление с тем, на что отзываешься, другими словами, способность

воспринимать чужое как свое. Соединенное с тотальностью, оно рождает чувство глубокого единения, общности, проникновенности, сочувствия, соучастия, готовности отдать, пожертвовать (нередко вопреки здравому смыслу). Достоевский через Версилова говорит: «...Один лишь русский... становится наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец... Я во Франции — француз, с немцами — немец, с древним греком — грек, и тем самым наиболее русский». Эта отзывчивость делает человека или нацию открытой к любым контактам, любому взаимодействию в самом широком диапазоне. Быстрый отклик и отождествление приводят к заинтересованности, равнодушию ко всем аспектам жизни. Отсюда многогранная сопричастность всему: в большом и малом, хорошем и плохом, от мировых процессов до личной жизни соседа.

Высокая степень чувствительности и отклика позволяет хорошо чувствовать несогласие или даже малейшее сомнение и в соединении с преданностью собственному пониманию и максимализмом рождает недоверие, подозрительность. В годы кризисов нация буквально заболевает недоверием и подозрительностью. Все всех подозревают и все всем не доверяют. Это и время Смуты, и время Петровских реформ, и канун революции, и конец двадцатого века, все еще удерживающий нас в своем плену.

Оба психических свойства — отзывчивость и подозрительность — проявлены в такой черте-паре, как человечность–бесчеловечность. И то, и другое хорошо известно не только из произведений литературы, театра, кино, но и из повседневных будней каждого из нас. Представляется более необходимым увидеть человечность и бесчеловечность на национальном уровне.

Наше отношение к общей жизни имеет свои психологические и исторические особенности — приоритет общности над социальностью. Когда же общности нет, наступает время тотального нигилизма.

Проблема индивидуального и общего никогда не была легкой, но в нашем государстве она не только нелегка, но и остра. Два аспекта общей жизни — это социальный и соборный. Первый, социальный, структурирует и регламентирует взаимодействие между людьми; второй, соборный (общности), предполагает дух сопричастности общему миропониманию, смыслу, ценно-

стям, всегда ориентированным на укорененность и устойчивость, сохранение основ, рождающий доверие, равноправное взаимодействие.

Отсутствие четких формулировок обоих вариантов общей жизни, их законности и необходимости приводило и приводит к подмене понятий, неоправданным ожиданиям, столкновениям противоположных ценностей. В нашем государстве только наличие и социальности, и общности может привести нацию к благополучию и конструктивному созиданию.

Обратимся к истории вопроса.

Несколько слов об идеях православия, которые формировали черты национального характера россиян. Особенности восточного христианства — православия — были созвучны генной природе восточных славян, но тем не менее наши далекие соотечественники постепенно расставляли собственные акценты, образуя свое Слово Божие.

Почему из всех аспектов христианской теологии русские подвижники с наибольшей силой откликаются на учение о конечной судьбе человека и мира — Царство Божие? Если отойти от вековых наслоений идеализма, мистических упований и попытаться выразить эту идею в современных терминах, то это можно представить следующим образом: положительная общепланетарная жизнь, а вся мировая история — движение к этой цели.

Имея двойственную генную природу, сложные условия существования, глубокую потребность в единстве, целостности в собственной и общей жизни, россияне не могли не откликнуться на эту христианскую идею. И это стало главным. Но Царство Небесное «силою берется» — неустанным личным духовным трудом, только и способным обеспечить спасение. И если трудиться будут все, то и спасутся все. (Многосложная российская жизнь не оставляла надежд на настоящее, и потому оставалось уповать на будущее.)

Обращенность и забота о конце — новом мире, новом человеке — пронизывают русское православие, культуру, философию. Но, как и все у нас, выражает себя в двух крайних формах: во всепоглощающей вере в спасение личное и общее, вплоть до мессианства, или в полном безверии и отрицании всего и вся — Бога, правды, возможности что-то улучшить в человеке и мире.

Главный результат многовекового влияния православной жизни на психологию нации — глубокая *потребность* личной нравственной жизни и сопричастности общей, подразумевающей не формальное, а сущностное решение всех вопросов, доверие, уважительное, равноправное взаимодействие.

Рассматривая взаимоотношения индивида и общества, необходимо обратиться к особенностям Запада и Востока в этом вопросе.

Кроме античности, с наглядно проявленной экстравертностью, ту же тенденцию легко обнаружить и в западном христианстве. Господствующие приоритеты западной христианской философии, сформировавшей основные идейные течения всей европейской мысли и культуры, во многом определены работами Блаженного Августина «Исповедь», «О Граде Божьем», где Церковь противопоставляется государству, религиозная жизнь — мирской. Бессознательным результатом этих фундаментальных работ, формировавших сознание европейцев, были: греховность человека и возможность создания идеального социального устройства в настоящем (Град Божий — Церковь). Основным методом «спасения» становится осуждение и спасение от заблуждений индивида и *социально-устроительный характер* религиозной жизни. Даже такое явление религиозной жизни, как юродство, по определению подразумевающее путь религиозного одиночества, в Европе имело тенденцию социальной направленности. Позже социально-устроительные тенденции переносятся на жизнь всего общества: акцент смещен на *устроительный характер общей жизни*, личная нравственность — это исполнение закона, общего порядка. Запад, и это было его задачей, создавал нормы и правила социальной жизни и социального человека. «Европоцентризм» может быть признан идеологической общностью западных народов, но, как становится все очевидней, европейские ценности не могут выступать в качестве общечеловеческих, следовательно, не могут стать основанием для общности народов.

Классический Восток не знает всепоглощающего понятия о грехе, не томится выбором между страхом и страстью, рождающими узость, односторонность, болезненность, а поглощен бесконечностью и целесообразностью, рождающими свет и радость, но в то же время создающими инертное отношение к дей-

ствительности; методом является привлечение к истине: *главным является личный путь индивида*. Именно положительное отношение к жизни делает восточные практики столь привлекательными для западного человечества и многих россиян в двадцатом веке. Восток долгие тысячелетия искал и создавал методы и способы воспитания индивидуальности, всегда обращенные к внутренней жизни человека и сосредоточенные на ней. Общность рождалась общими для классического Востока миропониманием и ценностными ориентирами.

Русское православие в равной степени воспитывало личное, «внутреннее домостроительство» и слиянность с миром, вырабатывая тем самым средний между Западом и Востоком вариант. Нет противопоставления, как на Западе, но нет и полной предопределенности, как на Востоке, т. е. личная ответственность за свою и общую жизнь. Соединяясь с присущими нам двойственностью и максимализмом — отстраненностью, — производит в одних случаях «сверхответственность», в других — полную безответственность. Если Царство Божие — это общество с правильной соотнесенностью единицы и целого, то можно видеть, что русское православие стремилось к такому идеалу. И взаимоотношения, и различия, и соотнесенность единицы и целого можно, например, видеть при сравнении католических и православных храмов, церковных песнопений. Католические кафедралы (общественная структура) застыли холодные и торжественные — человек в них песчинка; православные — не устремляются, но светлы и примиряющи. То же и в напевах.

Итак, результатом православия было понимание, предполагающее правильное по сути и по форме взаимодействие в общей жизни. В силу многовариантности способов жизни в нашем государстве общенациональной психологической связи не было, но потребность общности всегда реализовывалась через крестьянские и казачьи общины, многочисленные религиозные группы, в сословных объединениях. *Общность* и есть человечность в вопросах общей жизни. Но как перенести это на общенациональный уровень?

Большой, во всех смыслах, объем нашего государства не предполагает, что всегда и везде могут быть и должны быть отзывчивые, сердечные, теплые отношения. Многие вопросы —

предмет формального взаимодействия, и такими и должны быть. Но у нас или по-человечески, или подчеркнутое недоверие, подозрительность.

Казалось бы, идеи европейского гуманизма могли бы привнести в нашу жизнь понятия и нормы социального взаимодействия. Гуманизм в Европе трансформировался в либерализм (принцип внешних свобод). Естественным следствием всей европейской культуры является внешний человек — личность, персона, объект социального взаимодействия. Отсутствие внимания к внутреннему человеку привело Запад к массовой культуре, с ее хорошо известным материализмом, упрощением самого человека, его запросов, его ценностей вплоть до примитивизма. Сегодня все чаще представители европейской интеллектуальной элиты высказывают сожаления о фактически имеющем место процессе дегуманизации западной культуры.

Гуманизма, как его понимают европейцы, в России никогда не было. Европейские идеи самоценности человеческой личности, прав, свобод и достоинства индивида своеобразно легли на российскую почву.

В России и первоприрода, и религиозное сознание были другими, и потому идеи гуманизма обрели совсем другое звучание. Не останавливаясь на подробном движении русской мысли, возьмем только одно явление, с наибольшей силой продемонстрировавшее воздействие и оседание перечисленных выше идей: социализм.

Конфликт личности и общества в европейских странах не носит такого яркого и страстного характера, как в нашем отечестве. И это на протяжении всей нашей истории. Русскому человеку трудно согласиться и принять общую жизнь, как ее понимают люди Запада. Ярким примером тому может быть А. Герцен.

Герцен, больше всего ценивший свободу личности, прожив долгие годы на Западе, так и не сумел примирить личность и общество. Его разочарование в европейском обществе типично для русского человека. Одна цитата Герцена — напоминание приверженцам крайнего либерализма: «...*Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, строгая чинность протестантов, гордая независимость англичан, роскошная жизнь итальянских художников, искрящийся ум энциклопедистов*

и мрачная энергия террористов — все это переплавилось и переродилось в целую совокупность других господствующих нравов, мещанских». В словах А. Герцена слышится и свойственный нам идеализм, и печаль о человеческом несовершенстве, и тоска по полноте жизни — глубоким, сущностным отношениям, общности, к которой и обратился А. Герцен в конце жизни.

Многое изменилось с тех пор, но обособленность, отсутствие общности в западных странах все так же поражает россиян, так же рождает тоску и печаль.

Западный вариант решения естественных потребностей человека в равноправии и свободе в России воспринимается по-разному: одними, западниками, как панацея от всех бед; другими, восточниками, как организация жизни, фактически не решающая вопросов равноправия, а свобода без внимания к субъективной жизни ведет к распушенности, легкомыслию и пр.

Другим типичным примером перенесения идей гуманизма на русскую почву может служить судьба и деятельность В. Белинского, прямо или косвенно влиявшего на современников и последующие поколения. Познакомившись с философией Гегеля, утверждающей примат общего над частным, универсального над индивидуальным, общества над личностью, Белинский утверждает: «...общество всегда правее и выше частного лица». Но, революционер и бунтарь по натуре, он не может долго мириться с действительностью, и происходит переброс в противоположный полюс, опять же в крайних формах: «...Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира...», — т. е. или — или. Национальная черта — тотальная преданность своему пониманию и борьба за его воплощение, приводит Белинского к бунту против мировой истории, культу социальности: «... действительность неразумна и должна быть радикально изменена во имя человека». Русская социальность первоначально имела индивидуалистическое происхождение. Сам Белинский всецело поглощен идеей социализма: «...Я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала у меня идеей новой, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания... Чтобы сделать счастливою малейшую часть человечества, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную (чем не большевик? — А.С.)... Социальность, социальность или

смерть» — вот начало русского социализма, вот реализация идей европейского гуманизма. Трагедия не в том, что гуманизм родил социализм, а в том, что приобрел уродливые формы. Нам присущи идеализм и максимализм, рождающие крайние формы, а борьба и противостояние между разными представителями нации доводят любые начинания до абсурда.

Мы поспешно отказываемся от прошлого: в 1917-м — от России, в 90-х — от СССР. И в том, и в другом случае мы с водой выплеснули и ребенка: с формами, через которые проявлялась общность, отказывались от необходимого. То, что человек имеет, он, как правило, не ценит или даже не замечает: «...Ждем глубины понимания, тут же боимся его. И выбираем страдания, то, что привычней всего». Эти слова отражают наш противоречивый характер. Не говоря о далеком общинном и патриархальном прошлом, возьмем то, что всем нам или многим из нас знакомо. «... Чтобы понять неправду социализма, нужно понять правду социализма», — писал В. Соловьев. Именно возможность общности в социализме, как новая, более отвечающая времени форма, не только обеспечила победу большевикам, но и заменила их коммунистами. В советское время общность проявлялась в двух вариантах: в 30–50-х годах — в общем энтузиазме, в сопричастности небывалому созиданию; в 60–80-х годах энтузиазм сменился проникновенностью и сопричастностью к миру, который был непонятен другим, но он был «нашим». В нем были наши достижения и беды, победы и трудности, всем нам понятные анекдоты, задушевные кухонные разговоры, стройотряды, побегание в общность песен у костра, песен Высоцкого, Окуджавы и т. д. Ежегодный просмотр к/ф «Ирония судьбы» является хорошим примером этого «нашего» мира, вызывающего непонимание и удивление (по словам главной героини), причем каждый раз мы не только посмотрим хотя бы несколько кадров, но всегда проникнемся теплым и всем нам понятным чувством доброй иронии. Эта общность, рожденная, может быть, вопреки государству, отвечала глубинному запросу россиян, обеспечивала субъективное единство. Дух взаимопонимания вдохновлял сначала на созидание, а потом на отстраненное молчание, в котором зрело осмысление национального опыта, подготавливались будущие преобразования. Должны ли мы, а главное — можем ли мы жить без

духа сопричастности чему-то общему. Ведь это не характеристика советского периода, это всегда было нам присуще; вспомните древних славян: в своей среде они удивляли чужеземцев своей простотой, доверительностью, отзывчивостью, проникновенностью (отправляясь в чужие земли, превращались в хитрых, корыстных, готовых обвести вокруг пальца).

Общность, в отличие от социальности, задействует внутренний мир человека, приносит субъективное удовлетворение, служит главным фактором национальной идентичности, даже если содержание идентичности не осознается. Идеи гуманизма, наложенные на национальные черты: своеволие, максимализм, анархизм, рожают персонализм — примат личности над обществом, историей, прогрессом. В Европе достоинство человека не противопоставляется европейскому обществу — мы же часто, защищая свое или чье-то достоинство, противопоставляем и этого человека, и себя обществу или его части; больше того, не замечаем, как не только не считаемся с достоинством других, но нередко норовим унизить, оскорбить. Например, некоторые правозащитники, защищая отдельного человека, норовят оскорбить власть, народ (о ментальности и моделях взаимодействия см. главу «О национальной ментальности»).

Персонализм и «европоцентризм», как индивидуальное и общее, подчеркивают, обособляют, всегда являются результатом противопоставления. Индивидуальность и общность не исключают уважения к достоинству человека, но открывают возможность правильного взаимодействия. Восток создавал принципы и методы формирования индивидуальности, Запад учился строить общественную жизнь; нашей задачей в прошлом, настоящем и будущем является синтез того и другого.

В таком многогранном государстве, как Россия, необходима сопричастность общей жизни, общим ценностям, внутренняя связь, но она должна быть простой и доступной, общечеловеческой и включающей. И может быть, главное — соединяющей нас не по формам выражения, а по сути; учитывающей наши особенности, исторический опыт. Экономика, технический прогресс обеспечивают связи, взаимозависимость, но не общность. Эти утилитарные связи, как не раз уже было в истории человечества, легко разрушаются.

Нам нужен синтез общности и социальности. Законен вопрос: «Может ли в столь разноликом обществе быть общее понимание порядка, ценностей, целесообразности?»

Когда нация обладает общей ментальностью (которую мы стремительно теряем), общая культура, язык, общее знание, построенные на общечеловеческих (объективных и субъективных) ценностях, могут обеспечить дух сопричастности. Причем общность как сопричастность чему-то общему, общечеловеческому не требует общинных форм, но и не исключает их; сопричастность не в виде общенациональных переживаний успехов и неудач в космосе, балете и спорте (не исключая их), а как *нечто*, что каждый будет иметь или может иметь в своей повседневной жизни. Это знание должно объяснить нам нашу историю, судьбу, наши особенности, наше место в мире, *не противопоставляя нас другим народам*, а лишь раскрывая смысл и обнаруживая характерное. Мы вернемся к вопросу общности в разделе «Национальное самоопределение».

Антитезой человечности — общности выступает бесчеловечность, бездушие, которые, увы, нам тоже присущи. Наиболее ярко это можно видеть в чиновничьей среде. Пожалуй, нет большего зла в России. Кажется, Н. Гоголь писал, что прижимистый Собакевич никогда бы не оставил своих крестьян умирать голодной смертью, но будь тот же Собакевич чиновником...

Почему люди, в общем и целом похожие на всех нас, становясь чиновниками, так часто бывают черствыми и бездушными? Причина этого, возможно, в многовековом психологическом состоянии нации: она всегда поделена на *своих* и *чужих*. Соединяясь с максимализмом и преданностью собственным взглядам и убеждениям, приводит ко многим бедам, в том числе и к равнодушию, безжалостности.

Как в общенациональном масштабе мы не умеем соединять объективное и субъективное, целое и частное, так и чиновники, которые призваны соединять граждан и государство, не умеют создавать условия, чтобы индивидуальные нужды органично вплетались в общую жизнь. И дело не в отдельном чиновнике, а в многовековой традиции российского чиновничества, так сказать, в архетипе российского чиновничества.

Много веков прошло с тех пор, когда формировалось наше государство, но местничество и кормление, возникшие как резуль-

тат нашей психологии и условий существования, продолжают определять взаимоотношения чиновника с гражданами, изменив лишь местничество по отечеству на местничество по партийному признаку, прибавив к кормлению (содержание должностных лиц за счет местного населения) тотальную регламентацию.

Вопрос социальности и общности — одна из насущных проблем нашей действительности, так как в ней наиболее ярко проявлены диаметрально противоположные взгляды на нашу жизнь. Вся наша история — это чередование приоритетов внешних и внутренних ценностей, и каждый период доминирования одного из типов общей жизни исключал другой, а стало быть, исключал интересы и потребности части нации. Только сосуществование обоих типов общей жизни: общности и социальности — может привести нас и к гражданскому обществу, и к человеческим отношениям.

Религиозность — атеизм;

универсализм — национализм, материализм

Религиозность — атеизм можно было бы рассматривать как веру и безверие, но возьмем этот вопрос шире. Религиозность как психическое свойство — это тип сознания, отношения к себе, другим, Миру и Богу и рожденный этим сознанием вид взаимоотношений, взаимозависимостей, взаимодействий единицы и целого, человека и мира.

Религиозность не есть принадлежность к той или иной конфессиональной группе. Психологический синоним религиозности — целостность.

Равнозначность обеих природ — внутренней и внешней — создает целостность тотального типа и проявляется как психическое свойство, названное нами максимализмом. Это целостность индивида. Религиозность же — нечто большее, она подразумевает целостную картину человека и Мира и их отношений. Религиозность — полнота Жизни, включающая и космос, и планету, и нацию, и свою и другие социальные группы, и свои и чужие индивидуальные потребности и потенции. Религиозность, в отличие от мировоззрения, означает неразрывность миропонимания и бытия в самых разных аспектах, включая ежедневные заботы человека; она всегда деятельна, и потому религиозный чело-

век — это человек, осознавший себя не рабом Божьим, а свободным участником творческого процесса.

На ранних этапах эволюции включающий, целостный, характер существования легко обнаружить в жизнедеятельности русских святых: Ф. Печерского, С. Радонежского. Но неоднородность существования рождала многочисленные варианты миропонимания и способов существования. Естественным следствием такого положения было формирование такой потребности, как осмысление бытия. Понимать смысл происходящего, а значит, очевидность приложения усилий в непоследовательной и непредсказуемой российской действительности жизненно важно. Только понимание Целого позволяет примирить, согласовать не только объективные трудности, но и субъективные, психологические; целое позволяет выявить направленность и избирательность существования, стало быть, определить последовательность, порядок и организацию жизни.

В исторической действительности понимание Целого (религиозное или идеологическое), в силу неоднородности жизни, воспитания, уровня развития, типов сознания и т. д., очень быстро обретало ту или иную интерпретацию, воспринимаемую одними и отвергаемую другими, и тем самым переставало быть Целым. Преданность и максимализм осуществления своего понимания Истины каждой группой россиян создавали непреодолимые барьеры и невозможность конструктивного созидания, превращали Целое в часть, а это и есть атеизм. Атеизм, будь то непризнание Бога, Абсолюта, или Универсального закона, например принципа универсальной эволюции, в психологическом контексте проявляется, когда часть подменяет целое, рождая узость и субъективизм, что приводит, в свою очередь, к обособленности, отстраненности с их известными последствиями: недоверием, гордыней и пр.

Особенно удивительным в российском характере является то, что так же как двойственный индивид, преследуя благие цели, незаметно для себя оказывается в противоположном полюсе, так и на общенациональном уровне — *многие процессы имеют характер инверсии*. Приняв какую-либо идею, поверив в нее, а точнее — в интерпретацию идеи, отдельная группа отстраняется, обособляется от других, не замечая, что, исповедуя общее благо, на деле несет вражду и зло.

Оба эти психических свойства: религиозность и атеизм — наиболее ярко проявлены в таких чертах нашего характера, как универсализм и национализм. Другое проявление атеизма — материализм.

Понятие «русский космизм», или универсализм, оформилось и «обрело законное гражданство в отечественном культурном наследии» в последние два десятилетия XX века. С точки зрения национальной психологии вполне понятны не только размытость объема и содержания этого понятия, но и отношение к нему отдельных представителей науки и культуры. Эта неопределенность — от двух-трех имен до внесения всего потока отечественной культуры — вполне объяснима.

Как отмечает С.Г. Семенова («Русский космизм»), *«...ощущение глубинной причастности сознательного существа космическому бытию, мысль о человеке как микрокосме, в стяженном виде вместившем в себя все природные, космические стихии и энергии, проходят через мировую культуру, как восточную, так и западную»*. С последней частью утверждения нельзя полностью согласиться: так, если *«ощущение глубинной причастности космическому бытию»* действительно отличало античность, то постепенно Европа сосредоточивается на антропоцентризме и научной рациональности. Восток всегда признавал целостность мироздания и внутреннее единство космоса и человека. Русский космизм явился естественным следствием православия и попыткой преодолеть ограниченность классической рациональности научными же методами.

То, что Россия стала родиной научного учения о биосфере и переходе ее в ноосферу, открыла дверь в реальный космос, является естественным следствием психотипа россиян. Тотальная потребность и значение целостности в себе и мире и невозможность ее осуществить в российской действительности много веков заставляли многих наших соотечественников искать этой целостности, этого «Всемира». Сначала упование на Царство Божие, потом постепенно нарастающее осмысление Жизни через религиозно-философскую традицию, литературу, поиск Целого через естественные и точные науки в самом широком спектре: от генетической минералогии до биогеохимии, радиogeологии и т. д. Русские космисты: В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин,

Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, А.К. Горский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский, Н.А. Умов и многие другие — это вершины, золотые плоды национальной жизни, которые вобрали в себя и через себя выразили дух, природу, сознание, характер россиян. Русские космисты — одно из лучших проявлений национального типа, но потребность и значимость Целого присуща не только представителям науки. Литература и искусство, странники и духовные подвижники; простой россиянин нет-нет да задумается о Жизни, о Боге.

Картина Мира или потребность в ней в сочетании с отзывчивостью ведут к открытости, равнодушию, заинтересованности, «всемирному болению за всех», за дела и судьбы индивида, человечества, планеты и мироздания. Но человек не совершенен, а нация — более сложный организм. Откликнувшись на идею, которая, кажется, приведет к всемирному благополучию, к Царству Божьему, мы незаметно превращаем идею в идола, и религиозность становится атеизмом, целое — частью.

Так было с идеей Третьего Рима, III Интернационала, лагерем социализма и т. д. Проявление универсализма незаметно переходило в национализм.

«...Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Русскому народу совсем несвойствен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомые западным народам», — пишет Бердяев.

Но, как и во всем у нас, имеется другой полюс, и тот же Бердяев продолжает: *«...но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано, вплоть до вселенской Церкви Христовой... обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный. Единственно призванный. “Русское” и есть праведное,*

доброе, истинное, божественное. Россия — “Святая Русь”. Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной, страной святых, живущих идеалами святости». В народе долгие века бытовало представление, что *все святые* говорят на русском языке, т. е. «русские».

Сегодня, когда западные ценности в очередной раз входят в нашу жизнь, также в очередной раз возникла и расширяется волна субъективизма, одним из выражений которого является национализм.

Как всегда, субъективисты и националисты подчеркивают черты национального характера, неповторимость нашей истории и судьбы, нашу потребность мессианского подвига для человечества. При этом забывают, что наше мессианство не только не спасло мир, но и обернулось тяжелым бременем, а то и гибелью для немалой части наших соотечественников. Может быть, нам чаще нужно вспоминать слова святого: *«Спаси себя — и с тобой спасутся тысячи».* В национальном и современном варианте это означает: *«Давайте научимся жить в собственном государстве без потрясений и разрушений. Давайте будем отзывчивыми, понимающими, любящими (т. е. православными), хотя бы терпимыми к тем, кто живет рядом, несмотря на то, что они другие».*

Лучшие русские люди, да и не только они, можно сказать, *«гнушались им (национализмом) как нечистью»* (Н. Бердяев). В русской традиции всегда было похвально стыдиться националистических проявлений.

Замечательные черты, о которых говорят субъективисты, действительно присущи национальной культуре, национальному характеру, но есть и их противоположности, о чем умалчивают субъективисты, но что всегда подчеркивают объективисты. Объективистам — западникам, демократам, правым — нужно помнить, что национализм возникает там и тогда, когда особенности нации не учитываются, когда нет возможности осуществить характерное или присущее.

Адресуясь к общечеловеческому, нам нельзя забывать слова Достоевского: *«...Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шага все изменится... Стать русским — значит перестать презирать свой народ*

(и свою историю — А.С.). И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать».

Есть и другое проявление атеизма — материализм. Столь присущие нации религиозность, нравственное чувство в годы смуты, утраты смысла оборачиваются махровым материализмом. В европейце материализм всегда органичен, у нас же он носит характер всепоглощающего беспредела. Обратимся еще раз к Достоевскому. *«...В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, перед властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, включает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — все вздор...»*

Конечно, современная поглощенность материальным есть компенсация недавних запретов, но тотальное увлечение одним неизбежно обернется *«...народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства и стыдом народным... Матери пьют, дети пьют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабаке снесли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?»*

Беда в том, что *«...народ же ничем не защищен от таких идей (силы золотого мешка — А.С.), никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей»* (Ф. Достоевский). Народ не только не защищен от таких идей, но поневоле вынужден проникаться ими: реклама на TV, подбор фильмов, засье «попсы» на эстраде, гламур как образец для подражания — все это призыв к потребительству, т. е. СМИ действуют с точностью до наоборот. Сосредоточенность на одном в нашем случае чревата перебором в противоположное.

Назвать крайности, не исключать, а включить и общечеловеческое, и национальное, и духовное, и материальное — это сделать первый шаг к осмыслению, а значит, к взаимопониманию и возможности конструктивного взаимодействия.

Глава 2

Особенности проявления характера

Рассмотрим особенности проявления национального характера у представителей каждой из трех социальных групп: власти, культуры и народа. Особенностью России был и остается двойственный характер нашей генной природы и, несмотря на то что двойственность всегда стремится к синтезу, на общенациональном уровне мы не имеем синтеза, а консолидацию и единство мы обретаем только в периоды национальных побед, тяжелых испытаний, трагических событий.

В общенациональной жизни двойственность определяет логику истории и характера, но в каждой из больших социальных групп: во власти, культурном слое и народе — генная природа преломляется через функциональное назначение.

Власть

И двойственность, и функциональное назначение: организация и управление общей жизнью с наибольшей очевидностью проявлены лидерами государства, определявшими общий ход жизни нации. С определенной долей уверенности, насколько позволяют источники, можно видеть все три психотипа в лидерах государства.

Западники/экстраверты:	Петр I, Екатерина II, В.И. Ленин, Н.С. Хрущев, Б.Н. Ельцин, Д.А. Медведев.
Восточники/ интроверты:	Николай I, Александр III, Николай II, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов.
Евразийцы/ амбиверты:	Владимир Святой, Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Павел I, Александр I, Александр II, М.С. Горбачев, В.В. Путин.

Главная проблема, но не причина, нашей истории и власти — непоследовательность или отсутствие преемственности, что ввергает народно-хозяйственную, социокультурную жизнь общества в бесконечные перестройки. Сразу необходимо сказать, что все нижеследующее не означает ни похвалы, ни осуждения. Когда Христос сказал: «Воздайте кесарю кесарево», — а святой Павел добавил: «Всякая власть от Бога», — оба имели в виду не одобрение, но и не отрицание правителя, а только необожествление кесаря и необходимость государственной организации жизни и то, что через лидеров осуществляется движение нации к предназначению, воля Бога, или законы мироздания. В силу человеческого несовершенства, — а во власти это всегда наиболее очевидно, так как она публична, проявляется в конкретных действиях, от которых зависят судьбы народов, — движение к цели может быть прямым или косвенным, быстрым или долгим, более или менее конструктивным, с ошибками и неточностями или злоупотреблениями и преступлениями.

Что характерно для представителей каждого из трех психотипов во власти?!

Возьмем два аспекта: цели и методы. Природа самой власти связана с постановкой и реализацией целей, что предполагает способность предвидеть. Эта способность, в свою очередь, требует знания прошлого, умения видеть и понимать настоящее и как следствие — предвидеть краткосрочное и долгосрочное будущее, их соотношенность, последовательность шагов.

Любой руководитель не может не думать о цели — он сосредоточен на ней. Конечно, это бывает в разной степени, но политической власти это наиболее присуще. Существующее у нас суждение о том, что власть озабочена исключительно собственными интересами, обогащением, есть непонимание законности всех человеческих потребностей, в том числе и потребности самоутверждения, которая может реализовываться и в политике, и в искусстве, и на колхозном поле, и в семье, которая имеет разные уровни проявления, разные формы, разное качество.

Желание лично обогатиться меньше всего относится к лидерам государства (нередко их окружение пользуется их слабостями). Ценности человека определяют для него и смысл, и цель, стало быть, для объективиста-экстраверта это объективное, ма-

териальное благосостояние нации, социальные права и свободы; для субъективиста-интроверта — субъективные ценности, выражением которых выступает религия, идеология. Евразийцы, или средний тип, ищут синтеза, равнозначности внутреннего и внешнего. Учитывая назначение власти, это можно выразить как организацию объективной жизни на нравственных началах (насколько умеют и позволяет действительность). Каждый период российской истории, а это постепенное движение от двойственности к синтезу, можно видеть задачу периода, выражением которой являлся лидер государства. Каждый этап и каждый лидер на всем протяжении нашей истории не выражали целое, а значит, всегда присутствовали группы «за» и «против». Многовековые противоречия, борьба, хаос нашего существования — результат того, что общество всегда поделено на «своих» и «чужих», тех, кто «за» и кто «против».

Для западников/экстравертов характерны цели амбициозные, которые оборачиваются инверсией или не осуществляются, так как они не считаются с реальным положением дел и возможностями большинства нации. Что действительно они умеют делать хорошо — это краткосрочные конкретные проекты, но в нашем случае это упирается в сопротивление не только восточников-субъективистов, но и евразийцев. Если отрешиться от конкретных результатов и посмотреть с исторической точки зрения, то станет очевидно, что западники в нашем государстве приходили к власти только после длительного периода субъективной доминанты, когда было необходимо «выправить» общий курс движения. Правление западников обычно более динамичное. Они всегда не любят, отрицают прошлое, пренебрегают настоящим и устремлены в будущее.

Противоположная картина у восточников/интровертов. У них будущее всегда в прошлом (в Древней Руси; самодержавии, православии и народности; в советском прошлом), и потому их действия и установки направлены на укоренение прошлого. Типично для субъективиста правление Николая Первого, который *«...поставил себе задачи ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнить пробелы, чинить обнаруживающиеся ветхости с помощью практического законодательства, и все*

это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самодеятельности, одними правительственными средствами» (В.О. Ключевский).

Крутые меры западников в осуществлении реформ не могли и не должны были быть быстро освоены: не потому, что мы не способны, а только потому, что динамичная, экстравертивная, нацеленная на объективные ценности жизнь неизбежно ведет к небрежению субъективной жизнью, выхолащивает ее, делает поверхностной и примитивной.

Существует мнение, даже убеждение, что, когда у власти восточники-субъективисты, наступает время диктатуры. Более пристальный взгляд обнаружит, что правление и западников, и восточников характеризуется диктатурой, но оба вида диктатуры имеют различный характер. У западников диктатура объективного, идет жесткое насаждение объективных ценностей, вплоть до бород и кафтанов, у восточников — идеологическая диктатура. И та, и другая не считаются со значительной частью нации, и потому «так уничтожить народ!» может звучать и у тех, и у других. Чередование объективистов и субъективистов в нашей истории ведет, как кажется, к непредсказуемости, непоследовательности.

Итак, объективисты/западники живут будущим, не любят, отрицают прошлое, не хотят знать настоящее — для них оно существует только как возможность или невозможность сделать бросок в будущее. Субъективисты возвеличивают прошлое, не хотят знать настоящее, а будущее у них в прошлом. Потому цели тех и других беспочвенны.

Но и евразийский/амбивертный тип лидера достаточно долгое время не мог осуществлять задачи, стоящие перед нацией. Трудность для любого евразийца — это соединять субъективные и объективные ценности, и потому нередко можно видеть падение то в одну, то в другую сторону.

С точки зрения исторической ретроспективы о времени евразийцев можно говорить как о периодах уравнивания, выравнивания объективистских и субъективистских тенденций или как о переходе от радикального субъективизма к радикальному объективизму — царь Алексей Михайлович, М.С. Горбачев. Правление амбивертов совпадает с необходимостью не отставать от общепланетарных процессов. Порой, как при Александре

Первом, выравнивание заключалось в двух периодах разной направленности: в первом — либерал-западник, во втором — мистик, доверивший дела государства Аракчееву, но чаще всего нерешительный: не отказывающий и не делающий.

Два периода различной направленности, характерные для правления лидера-евразийца, имеют и другой вариант. Мы называем Владимира Красное Солнышко — святым, а Ивана Грозного — деспотом, хотя и тот и другой проявились с той и другой стороны. Разница в том, что евразийский вариант правления у Владимира был вторым, а у Ивана — коротким и первым.

К середине XIX века нация завершает период развития, и впервые появляется лидер-евразиец, в котором есть целостная стабильность, — Александр Второй.

Фигура царя-освободителя показательна и интересна для нас, так как черты политика-евразийца могут присутствовать у руководителя любого ранга. Император Александр II практически единственный российский политический лидер, правление которого было не только законным, но и ожидаемым, не связанным с необходимостью оправдывать свою власть, защищать, бороться. Это означает, что силы, время, способности были направлены на решение задач, а не на борьбу и защиту. С ранних лет цесаревич Александр получал навыки государственного мышления и управления: Николай Первый часто привлекал его к делам государственным. Более того, он рос с сознанием того, *что* должен будет сделать. Николай I говорил своему сыну, будущему императору Александру II, что его царствование будет спокойным, ибо он (Николай I) выполнит всю тяжелую, подготовительную работу. В этом он, как известно, ошибся — спокойного правления в России, вероятно, быть не может. Для евразийца характерно следующее отношение к власти: не рвется, но и не отказывается, когда предоставляется возможность.

Важно увидеть, как шли в России реформы, в них можно видеть и постановку целей, и методы трех типов лидеров.

Многие процессы и явления в российской истории и действительности происходят по известному выражению «начали за здравие, кончили за упокой»: первоначальный смысл того или иного процесса по мере его осуществления меняется на противоположный. Такая закономерность свойственна двойственным

типам, пока они не обладают умением синтезировать объективное и субъективное. Примеры хорошо известны: Иван Грозный, Александр Первый, советский перевертыш. Все это естественные проявления нашего характера. Так не раз бывало в нашей истории.

Формула отношения к реформам в России всегда одна и та же. Одни, западники, недовольны тем, что реформы идут медленно, увязли, недостаточно решительны, — другие, восточники, с не меньшей силой настаивают на необходимости вернуться назад, к национальным традициям (как они их понимают). Любое предложение власти встречается оппонентами категорическим несогласием. И объективисты, и субъективисты не идут на разумное согласование, вынуждая власть искать компромиссы (почти всегда обесценивающие саму идею) или решать вопросы авторитарными методами. Причина этого в различной ценностной ориентации каждой из групп. Экстраверты-объективисты не только дорожат объективными ценностями, но и в большинстве случаев характеризуются внешней активностью, определенностью поставленных целей, легко приспособливают субъективные потребности к этим задачам или не замечают их. Отсюда поспешность и пренебрежение к интересам тех, кто не так активен, тех, кто не может мобильно организовать свою материальную жизнь. Именно экстраверты-западники в большинстве случаев являются инициаторами реформ и со свойственным всем нам радикализмом приступают к реформированию. Они полны воли и решимости, всегда имеют идею, обещающую «преобразить мир уже здесь на земле, уже теперь немедленно», и не замечают, не хотят замечать, что другая часть нации имеет другое понимание необходимого и должного. Западникам всегда кажется, что можно и нужно быстро и решительно все сделать и что дело не в том, что они не считаются с другими. Просто *другие* «не понимают, что потом им будет *хорошо* и они еще спасибо скажут», но «быстренько» никогда не получается.

Субъективисты менее динамичны, и, даже если на момент реформ обладают властными преимуществами (Николай Второй, Брежнев), достаточно быстро утрачивают контроль за ситуацией, отстраняются, обособляются и, порой кажется, пассивно воспринимают происходящее. Но реформы почему-то не идут,

а затем «вдруг», «...когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы». Незаметно происходит инверсия, и государство и общество, двигавшиеся к одной цели, оказываются в прямо противоположной. Подмена идет негласно. Каждый на своем месте осуществляет свое понимание «правды». У нас каждый знает, *что* делать и *как*. Например, в царствование Николая Первого без всяких оснований исчез, а следовательно, не применялся закон, облегчавший участь крепостных. Вот так какой-нибудь чиновник или сановник, по-своему понимающий порядок в государстве, решил вопрос.

Конечно же, реформа и ее осуществление зависят от первого лица государства, от его типа сознания. Ис этой точки зрения легко видеть происходящее и последствия. Реформы очевидных западников — Петра, Ленина, Ельцина — не удавались, но это, с исторической точки зрения, и не было их задачей. Им удалось «выправить курс» нашего эволюционного движения. Но возьмем очевидных субъективистов — Николая Первого и Сталина. Речь о самом факте реформ, а не их содержании и цене за них. И тот, и другой фактически смогли сделать *то, что считали правильным*, потому что маленькими шагами приспособляли традиционное по сути (но не всегда по форме) к задачам времени.

Характерно следующее: реально для дела освобождения крестьян субъективист Николай Первый сделал больше, чем просвещенная императрица-западница Екатерина Вторая. В начале царствования Екатериной была предпринята попытка решить крестьянский вопрос. Впоследствии из-за сопротивления дворянства и крестьянских выступлений Екатерина отказалась от мысли провести крестьянскую реформу. Преследуя благие цели, принцип вольности, равенства, просвещения, создание среднего сословия, Екатерина фактически способствовала разрыву между правящим классом и народом. Ни один из лидеров нашего государства не говорил и не писал так много о вольности, равенстве, «естественном праве» каждого человека, в том числе крестьянина, как Екатерина Вторая. В то же время никогда, ни до ни после, положение крестьян не было столь тяжелым, как в годы ее правления. Даже право жаловаться на поме-

щика, существовавшее до Екатерины, было отнято у крестьян. С другой стороны, стремясь создать гражданское общество, в действительности Екатерина Вторая в значительной степени способствовала образованию сословия, существовавшего за счет политической и экономической несправедливости, нередко отличающегося бездельем, легкомыслием, деспотизмом и безжалостным отношением к крестьянам.

Реальную пользу в крестьянском вопросе, не столько в действительности, сколько в политической подготовке и реформировании сознания дворянства, произвел столь часто ругаемый нами Николай Первый. Ключевский пишет: «...*Николай Первый — с начала царствования имел смелость приступить к крестьянскому вопросу*». Но, понимая всю сложность вопроса, делал это тайно, чтобы не разбудить силы, способные этому препятствовать, — метод, характерный для субъективистов. «...*Призван был администратор, которого я не побоюсь назвать лучшим администратором того времени... делец с идеями, с большим практическим знанием дела, доброжелательный, благонамеренный, выше всего ставящий общую пользу и интерес. Он в короткое время создал отличное управление государственными крестьянами и подвел их благосостояние до уровня, когда они стали вызывать зависть крепостных крестьян*». Основные черты устройства жизни и общины государственных крестьян впоследствии вошли в Манифест 19 февраля 1861 года. Если учесть, что из 42 миллионов крестьян 18 миллионов составляли государственные крестьяне, то можно говорить о положительных результатах реформы Киселева — Николая Первого. Кроме того, в годы его правления были приняты следующие законы:

1827 г.	О Четырех десятинах земли, позволяющих переходить крестьянам в городское сословие. Закон явился первым ограничением на дворянское душевладение.
1841 г.	Запрет продавать крепостных в розницу.
1843 г.	Запрет приобретать крестьян без земли.
1847 г.	О выкупе крепостных государством.
1847 г.	Право крестьян выкупаться на волю.
1848 г.	Право крепостных приобретать в собственность недвижимость.

При нашем «все или ничего» трудно оценить шаги, сделанные Николаем Первым. Но именно они приготовили дворянское согласие к реформе 1861 года. Да, не все они доводились до практического исполнения, но, в отличие от попыток предшествовавших императоров, эти шаги подготовили сознание нации к реформе крепостного права.

Интересно и полезно рассмотреть три проекта крестьянской реформы, представленные Александру Первому. Проекты не были осуществлены, но в них очень наглядно представлены характерные тенденции каждой из трех линий развития в нашей стране. В этих вариантах реформ парадоксы нашего сознания и действительности. В. Ключевский пишет об этом: *«...Трудно наперед угадать придуманные ими (составителями) способы решения, по качеству своему они обратно пропорциональны умам и талантам дельцов»*.

Так, либерал Мордвинов в своем проекте предложил установить для крепостных выкуп за личную свободу и отпустить крестьян без земли. *«...Трудно придумать проект менее практичный и более несправедливый»*, — говорит Ключевский.

Проект субъективиста Аракчеева *«как это ни странно, — пишет Ключевский, — отличался некоторыми достоинствами»*. Правительство постепенно должно было выкупить крестьян по ценам данной местности с правом на 2 десятины земли. *«...Нельзя сказать, что в этом было сочувствие или сострадание крестьянам, но был хоть какой-то здравый смысл»*. (Разве не аналогично вели себя субъективисты советского периода?)

И наконец, третий проект, представленный человеком с типично евразийским сознанием. Автор проекта — Е.Ф. Канкрин. Хорошо видно отсутствие сформулированного понимания средней линии развития в нашем государстве. Ключевский не понимает и не может объяснить парадокс. Хвалит проект, но недоумевает, не понимает саму личность Канкринна: *«...Самый лучший проект принадлежал дельцу без цвета, которого нельзя было назвать ни либералом, ни консерватором; это проект — медленный выкуп крестьян с землей помещиков в течение 60 лет, то есть вопрос окончательно мог быть решен без ущемления прав дворян и крестьян»*.

Продолжим исследование особенностей лидера государства по типу сознания евразийца. Сегодня можно слышать, что пра-

вые считают Александра II «своим», западником. Можно ли с этим согласиться?

И в юности, и позже придворные часто говорили о том, что Александру недостает «царственности», как сказали бы сегодня — харизмы. Это неудивительно, так как евразиец всегда внешне неяркий, но обладает духовным магнетизмом. Можно припомнить, что в наиболее почитаемом типе святости, отражающем лучшие черты национального характера, всегда присутствует «простота без пестроты», за которой спокойствие и достоинство, умение соединять противоположности, целесообразность, терпимость, милосердие. Все эти качества были проявлены в Александре Втором.

Отличительной особенностью политика-евразийца является хорошее знание прошлого, без отрицания его; понимает настоящее, стремясь включить принципиальные положения обоих направлений; к будущему имеет отношение положительное. В отличие от западников, не рвется в будущее, отмечая все, что ему кажется ненужным, а последовательно и целенаправленно к нему двигается. Любит поговорку: торопись медленно. Именно индивид, умеющий синтезировать внутреннее и внешнее в себе и общих процессах, является хорошим стратегом. Знание прошлого и неисклечение его, заинтересованность в настоящем без поспешности и негативизма позволяют предвидеть будущее. Руководитель-евразиец часто непонятен потому, что легко откликается и на объективные, и на субъективные запросы и ценности; в зависимости от нужды и исторического момента, готов конструктивно их осуществлять и потому кажется то западником, то восточником. Такой подход у тех, кто справа и слева, вызывает раздражение и обвинения в непоследовательности или даже предательстве.

Воспользуемся наглядным примером. Вот что пишет В.О. Ключевский о начале царствования и методах осуществления целей Александром Вторым.

Император Александр вступил на престол в 1855 году, когда Россия проигрывала Крымскую войну. Ключевский пишет: *«...первые акты его царствования поддерживали в дворянском обществе убеждение, что новое правительство намерено охранять дворянские права»*. Потому *«...желавшие развязки тяжело-*

го вопроса (крестьянского — А.С.) *мало ждали от нового царствования*». Дворяне, в большинстве не желавшие отмены крепостного права, «...спокойно встретили манифест о мире, который призывал общество «к устранению вкравшихся в нем недостатков». Это принято было за фразы, которые писались из приличия, а не за программу нового царствования». Сразу после заключения мира император отправился в Москву и на вопросы представителей дворян, обеспокоенных слухами об отмене крепостного права, ответил следующее: «...Между вами распространился слух, что я хочу отменить крепостное право; я не имею намерения сделать это теперь, но вы сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может остаться неизменным. Скажите это своим дворянам, чтобы они подумали, как это сделать». Как видим, в трудную для России пору император Александр не стал будоражить общество несвоевременными разговорами, но, как только был подписан мирный договор, тут же приступил к подготовке реформ, но без лишнего нагнетания страстей.

Последующие его действия также характерны. Правительство пользовалось любой возможностью, чтобы продвигать реформы, нередко использовало существовавшие противоречия, ошибки и заблуждения. Например, во время представления государю воронежского губернатора Смирин император «...неожиданно сказал ему, что дело крепостных крестьян решил довершить до конца и надеется, что он уговорит своих дворян помочь ему в этом». Смирин побоялся расспросить императора и обратился к Ланскому (министр внутренних дел) за разъяснением этих слов и с вопросом, не получит ли на этот счет воронежское дворянство какое-нибудь предписание. «Получит», — отвечал Ланской, засмеявшись, — и простая вежливость, и проявление верноподданничества незамедлительно переводились в практические шаги по подготовке и проведению крестьянской реформы.

Реформы готовились нешумно, незаметно: Александр II умел потребовать и от либерала Ростовцева, и от консерватора Панина. Не теряя времени и сил на споры и уговоры, Александр Второй подготовил и провел реформы: крестьянскую, земскую, судебную, военную, в сфере образования и печати. Конечно, и объективисты-западники, и субъективисты-восточники были недовольны, но по-разному.

Руководитель-евразиец работает неспешно, избегает крутых мер, не приемлет подчинение и работу из страха, охотно работает сам, добросовестно определяя меру своего участия и ответственности.

Для объективиста характерен метод отбора: брать то, что пригодно в данный момент, не заботясь или мало заботясь, как это отразится в будущем. Субъективисту более свойственно регламентирование жизни, и потому он выбирает и поощряет подчиненных послушных, инициатива либо не допускается, либо допускается строго дозированной. В случае объективиста и шума, и дел будет много, но не факт, что будут результаты, и почти наверняка будут злоупотребления, небрежное отношение к участникам процесса. У субъективиста дело часто зависит от отношений в коллективе: они могут быть хорошими, даже приятельскими, но дело почти всегда страдает от этого. С другой стороны, руководитель-субъективист не приучен к самостоятельности, малоинициативен, и потому дело заорганизовано: много совещаний, собраний, призывов, которые сами участники воспринимают как дело, но результат нередко равен нулю.

Евразиец по основному методу — строитель, воспитатель. Склонен формировать команду, скорей воспитывая тех, кто есть, чем призывая новых, так как считает, что нужно создавать систему, структуру, законы, и они, в свою очередь, обеспечат выполнение необходимого и постепенно сформируют коллектив.

Если говорить о стиле управления, то и объективист, и субъективист каждый со своими оттенками может быть и авторитарен, и демократичен, и либерален, но при этом в большинстве случаев это будет раз и навсегда выбранный стиль. Евразиец как правило имеет смешанный стиль, в зависимости от ситуации и нужды может быть и либерален, и авторитарен. Властвовать не любит, терпелив, но при необходимости может быть не только строгим и требовательным, но и жестким, суровым (не жестоким). В отличие от субъективиста, не боится принимать решения, но и не тороплив, как объективист.

В этом разделе наша задача — констатировать особенности характера, проявлений; рассматривая вопрос национального са-

моопределения, мы вернемся к психологическим особенностям и проблемам власти.

Культура

В культуре, более чем в других сферах человеческой деятельности, проявляется наиболее присущее народу или нации. Рассмотрим вопрос русской святости и не менее удивительное явление нашей культуры — интеллигенцию.

«...Вся культура народа в последнем счете определяется его религией... если это так... то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях нашей истории и современности... Каждый народ имеет свое религиозное призвание (свою интерпретацию истины и ее осуществления — А.С.), конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями». В этом религиозном призвании просматривается *«...путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих»* (Г. Федотов).

Жизнь современного человека и жизнь и подвиг святого столь несопоставимы, что может казаться неправомерным само упоминание о святости и святых. Отложим в сторону стереотипы нашего понимания святости и духовности и обратимся к сути. За основными тенденциями можно обнаружить характерные для нации проявления. Читая книгу философа русского зарубежья Г. Федотова «Святые Древней Руси», не устаешь удивляться, как в, казалось бы, таком достаточно однородном вопросе, как святость, проявлены основные черты национального характера. Великие святые земли русской своим духовным подвигом смогли подняться, превзойти наши общие грехи и слабости. Дух и подвиг святого, в их сути, через столетия повторяют выдающиеся представители, а, возможно, через тысячелетия этот путь станет нормой для многих и вслед затем для большинства.

Обратимся к главным вехам русской святости. С первых шагов русского православия можно видеть его главные особенности. Первым святым из чинопредподобных был Феодосий Печерский. Интересно то, что святой Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря, был канонизирован гораздо позже, и фактически о нем нет сведений. Причина этого лежит в жизни и подвиге обоих святых. *«Нельзя думать», —* говорит Г. Федо-

тов, — что предпочтение, оказанное современниками святому Феодосию перед Антонием, было явлением случайным. В лице первого Древняя Русь нашла свой идеал святого, которому оставалась верна много веков. Преподобный Феодосий — отец русского монашества».

Несмотря на то что христианство пришло на Русь из Византии, на монашество гораздо более сильное влияние оказали, и тем самым заложили его традиции, палестинские святые. Дух и практика палестинской традиции заметно отличались от суровости не только египетских и сирийских отцов-монахов, но и греческих.

Подчеркнем то, что в последующие века будут проявлять в той или иной степени евразийцы.

«Палестинцы гораздо скромнее, менее примечательны внешне (чем греки), зато обладают даром, в котором... состоит первая добродетель подвижника: рассудочностью, понимаемую как чувство меры, как духовный такт. Они не изобретают и не применяют искусственных упражнений для умерщвления тела (как сирийцы). Их жизнь разделена между одинокой молитвой и духовными благами общежития (соединение субъективной и объективной жизни — А.С.). Палестинцы находят время для служения миру».

Те же черты можно видеть и у Феодосия, который первый *«вынес келью из пещеры», «...безмолвие и созерцание он умалит ради трудовой и братской жизни».* Более того, *«...поставленный во главе монастыря Феодосий не изменил своего нрава... его проповеди отличаются простотой формы и частым соединением противоположных начал. Ум его “мудрый, но простой”, — пишет летописец, — он не любит прибегать к наказаниям, готов терпеливо воспитывать свою братию. Единственный образ некоторой игуменской строгости связан с хозяйственными отношениями монастыря».*

Повествующий о нем Нестор подчеркивает его, как сказали бы мы сегодня, демократизм, и даже более того, *«...от ученик своих многожды укоризны и досаждения принимать».* Почти обязательные для святого чудеса носят отличительный характер. Феодосий не единожды спасает монастырь в голодные годы от нужды. Эти игуменские чудеса наряду с даром прозрения един-

ственные, которые открывает Феодосий братии, что очень отличает его от поведения сирийцев, египтян, афонцев.

Может быть, самое главное в том, что преподобный Феодосий «...не только не изолировал своего монастыря от мира, но поставил его в самую тесную связь с мирским обществом», был духовником многочисленных мирян, в том числе князей и бояр, бывал в Киеве, соединяя со своими посещениями *кроткое учительство*. «...Но тихий наставник мог быть неотступным и твердым, когда дело шло о борьбе за поруганную правду».

В лице святого Феодосия можно видеть пример отношения к государству. Князь Святослав, изгнавший с Киевского престола своего старшего брата, хотел получить благословение, но Феодосий обличает его, несмотря на угрозы и вероятность изгнания и смерти. Святослав не посмел поднять руку на праведника. Видя бесполезность слов, Феодосий меняет тактику: борьбу и обличения на молитву. «...В стоянии за правду он готов идти в изгнание и на смерть, но он не ригорист, он подчиняет, в конце концов, закон правды закону любви и жизненной целесообразности».

Величайший русский святой — преподобный Сергей Радонежский. В нем можно видеть не только вершину духовного подвига, но и величайший образец национального характера, в удивительной полноте и целостности соединяющий объективные и субъективные потребности и ценности человека. Преподобный Сергей был основоположником, главою и учителем нового на Руси пустынножительства. Святой Сергей сам находит свой путь, избирает лесное урочище для уединения и трудов молитвенных. Но постепенно, помимо своей воли, превращается в игумена монастыря, а затем «...переступает монастырскую ограду, чтобы служить людям». Как говорит Г. Федотов, «...Сергий не изменяет основному типу русского монашества... Образ Феодосия Печерского явно проступает в нем, лишь более утончившийся и одухотворенный». В чем же утонченность и одухотворение?

По сравнению с Феодосием слабее выражена аскеза, но сильнее кротость, никогда не используется наказание для духовных чад своих, никогда он не карает грешников. В чудесах Сергей умалчивает себя, свою роль. Так, исцелив ребенка, которого считали мертвым, он говорит отцу, что тот ошибся, думая, что ребенок

умер. Молитвой вызвав источник воды, он запрещает называть его своим именем. Та же простота и отсутствие внешних атрибутов, как у палестинцев, та же открытость, что и у Феодосия, «простота без пестроты», за которой, если присмотреться, — «таинственная глубина».

Преподобный Сергей первый среди русских святых имел явление Богоматери. С полным правом его можно назвать первым русским мистиком, то есть носителем особой таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезы и молитвы. Тайны его духовной жизни остались скрытыми для нас. Видение Богоматери «*суть лишь знак, отмечающий неведомое, дошедшее до нас через его учеников*».

«...От мистики до политики огромный шаг, но Преподобный Сергей сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли». Как и Феодосий, Сергей помимо монастырских обязанностей шел в мир, посещал Москву, брал на себя выполнение политических поручений от примирения князей до благословения Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Главу о святом Сергии Г. Федотов заканчивает словами, которые с полным правом можно назвать напутствием всем россиянам: «Преподобный Сергей еще в большей мере, чем Феодосий, представляется нам гармоническим выразителем русского идеала, несмотря на заострение обоих полярных концов его — мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и кинобит совместились в его благодатной полноте, но в следующий век пути разойдутся: ученики Преподобного Сергия направляются в разные стороны».

На каждом этапе эволюции нации в лице ее духовных подвижников можно слышать главные звуки, в которых слышится то, что на разные голоса будет звучать в последующих событиях и явлениях. Невозможность достичь синтеза объективного и субъективного в очень непростых условиях нашего государства обрекала нас на очень медленный путь. *Механизмом развития явилось разделение на части (например, сословия), каждая из которых на своем уровне, в своем варианте осуществляла некоторый синтез, а противостояние и борьба между этими направлениями ускоряли общий процесс развития*. На обще-

национальном уровне в субъективной жизни нации, а позже и в объективной раскол происходит в середине XVII века. Но его начало можно обнаружить в конце XV века, почти сразу после преподобного Сергия. Монашество делится на две, столь непохожие линии развития с акцентами на объективном и субъективном. В двух русских святых можно видеть лучшее выражение обеих линий, легко узнаваемые черты, которые мы встретим позже в западниках и славянофилах, правых и левых и т. д. Коротко остановимся на них.

В Ниле Сорском *«безмолвное пустынножительство обрело свой голос»*. Он написал духовные произведения, в которых оставил полное руководство духовного пути. *«...Преподобный Нил редко покидал свою пустыню для мира, не был вхож в княжеские дворцы...»* В нем находим главный образец для субъективиста. Нестяжание — этим известен Нил, уточним эту формулу: нестяжание мирских благ, но стяжание духа, благодати. Несмотря на явную склонность к уединенной жизни, Нил не был отшельником, он основатель «скитской» жизни: средней между отшельничеством и монастырским общежитием. *«...Хозяйство не связывает небольшой общины... но близость братьев дает возможность отношений, построенных на чистой любви»*. Его служение не имеет характера ни управления, ни учительства, только братства. Ему свойственна и им подчеркивается духовная свобода, но своеволие он называет лихоимством.

Настоятельно ищет он руководства в божественных писаниях, в которых, в отличие от своего оппонента Иосифа Волоцкого и других, хорошо разбирается: *«...Писания много, но не все божественна...»* Согласие между писанием и разумом для него необходимое условие поведения. Святой Нил первый на Руси, кто настаивает на умении различать, первый, кто вносит критику в русскую агиографию (жизнеописание святых). В духовном учительстве св. Нил настаивает: *«...без мудрствования и доброе на злобу бывает, ради безвремения и безверия. Егда же мудрование благим меру и время установит, чуден прирывает обретаема»*.

Сосредоточенность на субъективном (интроверсия, доминанта правого полушария) позволяет лучше различать, видеть суть, причины. Так же как пр. Нил «открывает» критику и различение,

субъективисты XIX века, славянофилы, начнут процесс национального самоосознания. Святой Нил Сорский не проявлял крайностей, но последователи, увы, забудут, что *«среднюю меру удобно есть проходить»*.

Более нагляден приоритет субъективного в Скитском уставе Нила — систематическом изложении (впервые на Руси) духовного делания. Преподобный Нил никогда не забывает, что цель аскезы, умной молитвы, — теорию и практику которых принес на Русь Нил, — лишь приготовление к *деланию сердечному*. (Умная молитва — аналог медитации классического Востока.) Может казаться, что уединенная, неустанная молитва делала Нила суровым, что так отличало последователей субъективной линии развития, но Нил всегда находит для братской любви слова: *«...Не терплю, любимиче мой, сохраните таинство в молчании; но бываю безумен и юрод за братнюю пользу»*. Св. Нил никогда не осуждает, выступает против казней, более того, в его обители всегда находят помощь и поддержку гонимые.

«Северный монашеский поток, излучаемый Преподобным Сергием и продолженный Нилом Сорским, дал Руси большую часть ее святых». Слова Г. Федотова справедливы лишь отчасти, так как нет разделения субъективной и средней линий развития. В действительности последователи Н. Сорского постепенно все больше уходят в отшельники, и их имена и духовный подвиг нам почти неизвестны.

Несравненно менее богат духовно, но более влиятелен исторически оказался Южный поток Троицкой лавры, возглавляемый Иосифом Волоцким. Сегодня объективисты-западники будут удивлены, не поверят, если услышат о своем далеком предшественнике и его деяниях, но в этом парадокс российской действительности. Московские монастыри, продолжившие дело Иосифа, отличались с тех пор *«...хозяйственностью, практическим смыслом и большой волею. Эти качества редко уживаются со святостью»*, — говорит Г. Федотов. И действительно, только два святых принадлежат этому направлению.

Буквально с первых шагов игуменства Иосиф имеет помысел: *«единство и всем общее во всем»*. Вот истоки будущих западников-социалистов от Белинского через народников до большевиков.

Внешний вид Иосифа отличался не только от субъективиста Нила, но и от «простоты без нестроты» святого Феодосия и Сергия. «...Современники рисуют Иосифа не изможденным постником, а совершенным представителем русского идеала красоты... цветущая красота его была в соответствии с его вкусом к благолепию, к внешней бытовой красоте... Эстетика быта и обряда прекрасно уживаются у Иосифа с практическим умом, с зоркостью к окружающему, с большим талантом хозяина и строителя. Он не только принимает пожертвования (в отличие от Нила), но умеет заставить их притекать в монастырь... Но богатые драгоценными бытовыми чертами жития пр. Иосифа скудны в одном: они молчат о внутренней духовной жизни. Внешний аскетический подвиг и широкая деятельность занимают то место, которое у пр. Нила посвящено умной молитве».

В Уставе преп. Иосифа находим глубокое отличие от северного монашества. В 14 главах Устава первые 9 посвящены материальному содержанию монастырской жизни, тогда как у Нила основная забота о внутренней жизни. Иосиф проявляет черты, которые впоследствии чаще будут свойственны субъективистам, чем объективистам, и в этом тоже парадокс нашей истории и характера. Жизнь монастыря по Иосифу строго расписана: о соборной молитве, о трапезном благоговении, о небеседовании по повечерице, о нисхождении из монастыря, о службах, о запрещении крепких напитков, о невхождении женщин. К тому же правила даны в четырех редакциях, то есть имеем кодекс дисциплинарных запрещений. Иосиф «входит в подробности» обо всем и все оговаривает до мельчайших погрешений. У него на всем господствует идея страха, но для самого Иосифа важна не суровость аскезы — это привнесут далекие последователи, а строгость в исполнении правил, регламент. Уставное благочестие Иосифа станет основой «Домостроя» в XVI веке, затем будет определять поведение раскольников, а позже перейдет в моральные принципы купеческого сословия.

Другая сторона деятельности пр. Иосифа — активное вхождение в дела своего времени. И если Нил и его последователи держатся за неосуждение грешников, снисхождение к виновникам в ереси, по крайней мере, не требуют крутых мер к ним, —

Иосиф совсем другой. Страстно борясь за национальные святыни, за укрепление самодержавия, Иосиф лично убеждает государя (Иван Третий), не склонного к крутым и жестким мерам, в «заточение посылать и казням лютым предавать». Эта победа Иосифа над еретиками была началом мучительного раскола в религиозном сознании православного общества, так как восстановила против Иосифа и его последователей Владык и Старцев — «...ибо сильны были христианские заветы милосердия на Руси». Иосиф и иосифляне победили, их понимание добра и блага, их уставное благочестие постепенно становится сознанием все большего количества россиян, и через полтора столетия обрачивается большой бедой, общенациональным Расколом на своих и чужих.

Последователи Нила Сорского (интровертной направленности сознания) почти неизвестны, «уставное благочестие» Иосифа Волоцкого (экстравертная направленность сознания) переходит в мирскую жизнь, постепенно делая ее тяжелой, сумрачной, любой ценой удерживающей старые традиции. Средний тип святости дает в последующем наибольшее количество святых.

В изложенном отчетливо видно, как еще в XV веке, до того как закончилось формирование государства, три направления, три тенденции развития, за которыми стоят три типа сознания, проявились со всей очевидностью. Эти три типа всегда присутствуют в национальном целом. Но средний тип, когда он освоен, отличается кротостью (у святых) и спокойным достоинством (у мирян-евразийцев), почти не заметен; тогда как два других имеют большую выраженность черт (у последователей — радикализм) и отчетливо проявлены на протяжении всей нашей истории.

Явное деление на своих и чужих фактически начинается в конце XV века почти сразу после Сергия Радонежского, по праву названного вершиной русской святости, русского характера. В нем, как и в отце русского монашества Феодосии Печерском, находим главные ключи к национальной жизни: соединение противоположностей, исполнение закона целесообразности и любви.

В нашем отечестве всегда остро стоял и стоит вопрос правды и справедливости. Но может ли торжествовать правда, если у нас

своя правда у объективистов и субъективистов, у власти, культуры, народа, если у нас каждый сам себе голова, имеет свою правду, свое понимание правильного и должного?! Столкновение «правд» можно видеть на протяжении всей нашей истории; хорошо понимая последствия проявлений национального характера, великие святые земли русской ставили закон целесообразности и любви выше закона правды. Синонимом любви служили слова «милосердие», «терпимость». *Соединение противоположностей, целесообразность, терпимость и милосердие — принципиальные условия психологической стабильности и конструктивного созидания в нашем государстве.*

Русский интеллигент звучит для нас так же, как русский святой. И в том и в другом случае все лучшее, высокое сливается в этих звуках. И в этом просматривается вполне закономерный ход нашей истории. Следуя своему предназначению, Россия должна была идти средним путем, а значит, после периода укоренения православия, то есть субъективного начала, пришло время медленного, но нарастающего освобождения жизни от тотальности церкви и религии, движение к выравниванию обоих начал. Постепенно рождается русская мысль и ее выразители в лице русской интеллигенции. До сих пор нет канонического определения этому понятию, ибо *«...каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная — на 10 лет — новую эру»* («Трагедия интеллигенции» Г. Федотов). Не ставя задачу определить это уникальное понятие, родившееся в России и практически не приживающееся на иной почве, попробуем понять его место в нашей истории и судьбе. Будем помнить, что речь идет о прошлом нашей культуры.

«...Прежде всего, ясно, что интеллигенция — категория не профессиональная, это не “люди умственного труда”. Иначе была бы непонятна ненависть к ней, непонятно и ее высокое самосознание. Приходится исключить из интеллигенции всю огромную массу учителей, телеграфистов, ветеринаров, и даже профессоров... Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс чести, нравственности, свое призвание, свои обеты. Нечто, вроде средневекового рыцарства, тоже не

сводимого к классовой феодальной группе, хотя и связанного с ней, как интеллигенция связана с работниками умственного труда». Г. Федотов в качестве определения ставит два критерия: идейность и беспочвенность. Первое — как положительное, второе — как отрицательное.

С положительным аспектом, идейностью, нельзя не согласиться. Идеи — Мысли Бога, направляющие человеческое развитие (история людей — это история идей). Идея — это ключ к истине, добру, справедливости. Идея раскрывает смысл, превращает жизнь из биологического существования в разумное, человеческое. Русская мысль формировалась в трудных условиях. Она должна была вобрать в себя наше богатое прошлое (не только православие), учиться у Запада, имевшего к этому времени достаточно развитую творческую философскую жизнь, и, более того, иметь свободный творческий ум, чтобы создать свое Слово, свою оригинальную мысль. Идея — то главное, что обеспечивает и целостность, и смысл, и целесообразность усилий, всегда нелегких в России. Идейность подразумевает: честь, нравственность, преданность, вплоть до самосожжения в прямом и переносном смысле.

Направления в движении и развитии русской мысли возникали, боролись с предыдущими и порой сами себя уничтожали. *«...Никогда злоба врагов не могла нанести интеллигенции таких глубоких ран, какие наносила она себе сама».*

Спорным остается вопрос, какое направление считать основным, и в связи с этим более точно обозначить понятие и его носителей. Г. Федотов пишет: *«...За идеалистами реалисты, за реалистами критически мыслящие личности — народники, за народниками марксисты — это лишь один основной ряд братоубийственных могил».* Но в то же время *«...очень значительная часть русской интеллигенции не помышляла о революции».*

Федотов делит интеллигенцию по направлениям, в зависимости от их отношения к революции.

Возьмем другой угол зрения.

Два направления хорошо известны — это западники и славянофилы. Нет необходимости останавливаться на этом хорошо известном вопросе и тех, кто составлял эти направления. Можно лишь уточнить, что западники разделились на социалистов-революционеров и либералов.

Но есть еще достаточно большая группа русских мыслителей, которых Г. Федотов не относит к интеллигенции, хотя и отмечает высокий уровень их идейности. Это Пушкин, Достоевский, Ключевский, Лесков, Розанов, Гончаров, некоторые из русских космистов, и этот ряд можно продолжить. Что явилось основанием для невключения последних в пантеон русской интеллигенции? Только одно — все они почвенники. Обе группы: объективисты — западники и субъективисты-славянофилы — беспочвенники, т. е. представители этих двух групп были оторваны в той или иной степени от действительности: быта, национальных традиций, государства, класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований.

И тут необходимо вернуться к святости. Как было показано, монашеская жизнь распадается на три легко обнаруживаемых типа святости и духовного деланья. Последователей Иосифа Волоцкого — объективистов; Нила Сорского — субъективистов; и среднюю линию, представленную Феодосием, Сергием и более поздними святыми — преп. Корнилием, Тихоном Задонским, Паисием Величковским, Серафимом Саровским. Если ранее суть трех способов существования выражалась через три типа святости, то с XIX века она сохраняется и обуславливает национальное существование жизнедеятельностью интеллигенции.

Три направления интеллигенции есть внерелигиозное, внецерковное развитие национального идеала. В этих трех направлениях мы можем видеть три линии развития национального характера: объективистов-западников, субъективистов-славянофилов и евразийцев-почвенников.

Теперь о «почве». В нескончаемом споре объективистов и субъективистов, или западников и восточников, победа тех или других рано или поздно приводит к результатам прямо противоположным задуманному.

Так, уставные требования иосифлян перешли в жизнь русской церкви и православного общества России, а через полтора столетия после Иосифа Волоцкого идеализм, максимализм, преданность «уставному благочестию» сковывает все процессы в государстве. Жизнь человека, семьи и общества все больше становится тяжелой и сумрачной и не позволяет пробиться ничему новому. Дело объективиста Иосифа становится делом «ревните-

ля благочестия» субъективиста Аввакума. Дальнейший ход еще более удивителен. Именно последователи Иосифа, Аввакума в XIX веке составляют большинство в купеческом сословии, превратив благочестие в ложь и фарс.

Подобное можно видеть и в советской период. Идеалы, провозглашенные большевиками, обретают формы при Сталине, а затем превращаются в профанацию при Брежнев.

Почему это происходит с нами?

Идеализм, соединенный с максимализмом и у объективистов-западников, и у субъективистов-восточников, всегда оторван от национальной действительности — беспочвен. Чем больше объективисты продавливают свое понимание блага, правды, тем больше встречают сопротивление и, в свою очередь, еще больше настаивают на своем. Процесс не идет, нация устает от хаоса, анархии, беспредела, и происходит очередное «вдруг». Ту же картину, но наоборот, можно видеть, когда доминируют субъективные, восточные, ценности. Оба направления, когда каждое из них доминирует, неизбежно связаны с кризисами, насилием.

Почему же почва, или евразийство, явленные уже в истоках национальной жизни — в монашестве XI века — потом в культурной среде, никак не оформится в национальном сознании?!

Рассмотрим несколько примеров: И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и А.С. Пушкин. Все они по типу сознания были амбивертами, или евразийцами, но Тургенева принято считать западником, Достоевского часто относят к славянофилам, Пушкин же есть «чистейший образец» евразийца.

Вот что пишет И.С. Тургенев («Статьи и воспоминания»): «...Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Панишина (“Дворянское гнездо”) все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого “разбить его на всех пунктах”. Почему я это сделал — я, считавший славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в данном случае — таким именно образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым.

Рисуя фигуру Базарова, я исключил из круга его симпатий все художественное, я придал ему резкость и бесцеремонность

тона — не из нелепого желания оскорбить молодое поколение (!!!), а просто вследствие наблюдений над моим знакомцем, доктором Д., и подобными ему лицами. “Это жизнь так складывалась”... Личные мои наклонности тут ничего не значат; но, вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений на художества, — я разделяю почти все его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне “отцов”... я, который в фигуре Павла Кирсанова даже погрешил против художественной правды...»

И еще один характерный штрих.

«...У меня по поводу “Отцов и детей” составила довольно любопытная коллекция писем и документов... В то время, как одни обвиняют меня в оскорблении молодого поколения, извещают меня, что с “хохотом презрения сжигают мои фотографические карточки”, — другие, напротив, с негодованием упрекают меня в низкопоклонстве перед самым этим молодым поколением. “Вы ползаете у ног Базарова!” — восклицает один корреспондент».

Почему сам Тургенев относит себя к западникам, несмотря на то что «жизнь так складывается», несмотря на свое расхождение с «чистыми» западниками — Белинским, Герценом, и по существу, и в действительности? Да потому, что, являясь амбивертом по сознанию, будучи «искренним и правдивым человеком», не мог не считаться с жизнью, с действительностью — почвой. И объективисты, и субъективисты не признают ошибок, не готовы к взаимной адаптации. В своих поздних произведениях Тургенев отказывается от героя-борца, ратует за постепенное либеральное движение, т. е. фактически переходит на позиции евразийства. Механик Соломин («Новь») говорит: «Базаровы не нужны — нужно трудолюбие и терпение, учить грамоте, заводить больницы». Но не только в творчестве — в собственной жизни Тургенев пытается быть либералом-постепенцем: в родовом имении создает школу; будучи в Англии, пишет проект распространения грамотности и первоначального обучения в России.

Еще в большей степени находим евразийство, или почвенничество, в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. Н. Бердяев говорит, что по Достоевскому можно изучать душу России. И действительно, начав свой литературный и подвижнический путь

с социалистами-западниками — Белинским, Некрасовым, петрашевцами, верившими в то, что «среда», общество может изменить и жизнь, и человека, Достоевский вскоре отходит от западничества и постепенно разрабатывает «Русскую идею», «почвенничество». На первый взгляд кажется, что он призывает к славянофильским идеям: православию, народу, — но фактически ничто не объединяет его с субъективистами. Для Достоевского почва, православие — это не Древняя Русь, а суть христианства, с его верой в человека, несмотря на *«все самые темные движения его»*. Достоевский принимал и *«демоническое, и ангельское начала»* в человеке; для него человек выше и социума, и общины. Два слова начертаны на его знамени: «Человек и Свобода!».

Достоевский не объективист и не субъективист, не западник и не славянофил, но тот и другой; он так же, как Тургенев, Гончаров и др., следует правде жизни, тому, как она складывается в России, тому, что в ней проявляется, но не покорно, а разумно ее выстраивая.

И потому, с одной стороны, он поддерживает Островского, арестованного демократа Михайлова, публикует в своем журнале стихотворение Некрасова, комедию Щедрина (западников), но в то же время обличает либералов в громких фразах, лицемерии («Скверный анекдот»). С другой стороны, сотрудничает с еженедельником «Гражданин», считавшимся реакционным, поддерживает самодержавие (поддерживает славянофилов).

Почва — это жизнь, и только ей надо быть преданным и отвечать на ее запросы; в любом деле находить возможность, пусть даже маленького, но конструктивного шага.

Отношение к Достоевскому, как и к любому евразийцу в прошлом и настоящем, противоречивое. Для одних он величайший русский писатель-реалист, знаток жизни, психолог-ясновидец; для других — «путаник», «вредный» писатель, автор «плохих» романов. Но не только в творчестве — в жизни его также мало понимали: для одних он гуманист, страдающий и понимающий каждого, человек всегда озабоченный судьбой своего народа и человечества; для других — игрок и сумасшедший. Но вот Г.В. Флоровский пишет, что в Достоевском есть «внутреннее единство», цельность, он защищает не только «своеобразие», но и «своеволие» человека, ибо *«даже смирение и покорность воз-*

можно через своеволие», в то же время «никто не показал убедительнее Достоевского саморазрушительность свободы, которая оборачивается одержимостью, внутренним пленом».

Достоевский не верит в социализм не потому, что не любит Запад, как славянофилы («...Нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество»), а потому, что не верит, будто «одной логикой натуру перескочить» можно, не верит, что экономика и «среда» могут решить наши проблемы. Нельзя не видеть, считает Достоевский, что «зло» глубже социальных одежд человека, его нельзя запретить, его надо «превзойти». Федор Михайлович был убежден, что отсутствие внимания к внутреннему человеку, заботы об «ангельском начале» и его поощрения обернется не меньшим злом для человека и человечества.

Представители культуры по типу сознания евразийцы так же, как их предшественники — святые Феодосий, Сергий, встречают непонимание, «укоризны» даже от учеников своих, но продолжают писать и делать то, что шаг за шагом сможет приблизить лучшие времена.

В. Тимофеева в книге «Год работы со знаменитым писателем» рассказывает о том, как проходили встречи Достоевского с публикой. Во время одной из встреч, посвященной чтению главы «Братьев Карамазовых», в публике послышались голоса: «сумасшедший, юродивый» (Достоевский с необычайной силой и страстью читал свои произведения). На эти реплики из зала Достоевский «вдруг» ответил: «Пусть странно! пусть хоть в юродстве! Но пусть не умирает великая мысль! <...> Я не мстить хочу! Я простить хочу!» — и далее автор воспоминаний пишет: «...Мы слушали это с возрастающим волнением и с трепетом сердца тоже хотели “простить”! И вдруг все в нас чудодейственно изменилось, мы вдруг почувствовали, что не только не надо нам “погодить”, но именно нельзя медлить ни минуту... Нельзя потому, что каждый миг нашей жизни приближает нас к вечному сумраку или вечному свету, — к евангельским идеалам или к зверям». В этом воспоминании хорошо видно, как понимал Достоевский свой гражданский долг. Нам не хватает оформленного понимания почвы, евразийства.

А.С. Пушкин. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. При-

бавлю от себя: и пророческое. Пушкин есть пророчество и указание» — так начал свою знаменитую речь Ф.М. Достоевский на Пушкинском празднике.

Но «странным образом, несмотря на огромную литературу “пушкиноведения”, идейные воззрения Пушкина остаются доселе мало исследованными или во всяком случае недостаточно оцененными. В частности, остались неясненными его совершенно оригинальные взгляды на занимающую нас здесь тему», — писал С. Франк в своей работе «Пушкин об отношениях между Россией и Европой».

Невозможно полностью поместить всю работу Франка, как хотелось бы, ибо каждое предложение, каждый абзац удивительно точно передают то главное, что мы имеем в уникальном явлении нашей культуры — *Алекса́ндре Серге́евиче Пушкине*.

«Пушкин был не только величайшим русским поэтом, но и одним из самых сильных, пронизательных и оригинальных умов России, “умнейшим человеком России” (как определил его Николай I после первой встречи с ним)».

«Никогда не переступив, как известно, западной границы России, он глубоко воспринял в себе западную культуру, воспитался сначала на Вольтере и французской литературе, потом на Байроне, Шекспире, Гете. Но он не переставал от этого не только быть, но и чувствовать себя русским человеком. В его душе утонченнейшие влияния западной культуры уживались с наивным русским духом, жившим в нем и питавшимся народными сказками няни Арины Родионовны. Он любил Россию Петра, стихию Петербурга, но он любил и Москву и древнюю Русь, и никогда у него не возникал вопрос о несовместимости того и другого. Убежденный “западник” (в том смысле, что высоко ценил западную культуру и был убежден в ее необходимости для России), он чутьем гениального поэта и историка глубоко и верно воспринимал дух русского прошлого и своей исторической драмой “Борис Годунов”, своими историческими поэмами и повестями более, чем кто-либо иной, содействовал развитию русского исторического самосознания. Его обработки русских народных сказок суть образец художественного претворения непосредственного выражения народного духа в фольклоре».

Трудно назвать представителя русской культуры, имя и творчество которого было бы столь известно в нашей стране, как имя Пушкина; но его личный пример, его идейные воззрения не повлияли на нас и не побуждают прислушаться к национальному гению.

Хотя Пушкин и не дожил, и не участвовал в «великом споре» западников и славянофилов, он был хорошо знаком как с взглядами, так и лично с нашим первым западником Чаадаевым и с одним из основоположников славянофильства Хомяковым.

Один из парадоксов нашего характера состоит в том, что представители обеих психологических групп, выражающих прямо противоположные взгляды на одно и то же, не желают видеть и замечать очевидное; так, например, в идеологическом наследии Пушкина те и другие находят «нужные» цитаты и тем самым «обосновывают» собственные взгляды на развитие России, не считаясь и даже не замечая ни противоречия с позицией самого поэта, ни доводы оппонентов.

На первый взгляд, выбранные пушкинские строки как бы противоречат друг другу. Например, сторонники «национального» вспоминают возражения Александра Сергеевича Пушкина западнику П. Чаадаеву по вопросу всемирно-исторического значения России: *«Долго Россия была отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглощали бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа, в отношении России, всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».*

Или другое решительное возражение Пушкина против опровержения Чаадаевым православия на том основании, что оно было заимствовано из Византии. Приведенные выше слова легко толковать как противозападную позицию Пушкина. Но как быть, например, с отношением Пушкина к Петру Первому? (Принципиальным вопросом идеологического спора западников и славянофилов была фигура Петра и его значение для России.)

В отличие от славянофилов (субъективистов, интровертов), Пушкин не только считал, что «дело Петра» — национальное дело, но и что через европейское просвещение *«национальный склад*

русского ума и духа может осуществить себя, свое собственное внутреннее предназначение». Защищая дело Петра, то есть в определенной степени разделяя взгляды западников, Пушкин писал Хомякову: *«Из чего он (Хомяков) заключает, что византийские идеи московского царства более народны, чем идеи Петра».*

Пушкин не западник и не славянофил. По мысли С. Франка, *«Пушкин был убежденным почвенником и имел некую «философию почвенности».*

В чем же заключалась «оригинальность» взглядов Пушкина на вопрос отношений России с Западом?

«Сочетание “западничества”, восприимчивости и любви к европейской культуре, с чувством инстинктивной, кровной связи с родиной во всем ее своеобразии подкреплялось у Пушкина одним сознательным убеждением, которое — несмотря на простоту и лаконичность его выражения — содержит глубокую философскую мысль.

...Философскую мысль, лежащую в основе этих чувств и мыслей, можно лучше всего выразить в короткой, но многозначительной формуле: чем глубже, тем шире. Только в последней, уединенной глубине человеческого духа, питаемой традицией, воспоминаниями детства, впечатлениями родного дома и родной страны, человек, соприкасаясь с последней “несмертной” таинственной, божественной глубиной бытия, тем самым обретает свободу, простор для сочувственного восприятия всего общечеловеческого».

Именно формулой — *«чем глубже, тем шире»* — снимается вечная русская дилемма между объективистами-западниками и субъективистами-восточниками, между общечеловеческим и национальным. Вместо: либо национальное, либо общечеловеческое — синтез. *«Как отдельная человеческая личность, чем более она глубока и своеобразна, чем более укоренена в глубокой самобытной духовной почве, тем более общечеловечна (пример — любой гений), так и народ. Восприимчивость к общечеловеческому, потребность к обогащению извне, есть в народе, как и личности, признак не слабости, а, напротив, внутренней жизненной полноты и силы».*

И еще одна цитата из С. Франка, являющая нам не только гениальность Пушкина, но и поистине открывающая наш собст-

венный, национальный путь. В Пушкине *«обнаруживается гениальная способность... к синтетическому, примиряющему противоположности, восприятию, — к пониманию им исторической реальности. Против крайнего западничества Чаадаева он защищает ценность самобытной русской исторической культуры; против славянофильства он утверждает превосходство западной культуры и ее необходимость для России. И это есть не эклектическое примирение непримиримого, не просто какая-то “средняя линия”, а подлинный синтез»*.

Нельзя не согласиться с мнением «совершенной оригинальности» мысли Пушкина. Как уже было отмечено, впервые соединение противоположностей, синтез можно видеть в XI веке у Феодосия Печерского — отца русского монашества, у других русских святых от св. Сергия до Серафима Саровского. Однако последнее (упоминание святых) не только не умаляет гениальность Пушкина, более того, со всей очевидностью проступает в нем генеральная линия эволюции России: со св. Серафимом практически сходит на нет религиозный вариант «гармонического выразителя русского идеала», и именно Пушкин подхватывает эту основную, фундаментальную для России идею и реализует ее в своем творчестве. Как известно, Пушкин и Саровский жили в одно время, но пути их не пересеклись. Некоторые сожаления по этому поводу вряд ли оправданны. Наоборот, в том факте, что не Серафим Саровский передал Пушкину «завет», а сам Пушкин своим чутьем гения уловил и продолжил главную для России и россиян мысль, можно видеть подтверждение главной национальной идеи, способной привести к миру и согласию, благополучию и процветанию.

Еще раз вернемся к речи Достоевского на Пушкинском празднике: *«О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое...»*

Жил бы Пушкин далее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров...»

После речи Достоевского *«зал пребывал еще в каком-то оцепенении, которое прорвалось столь бурно, что вряд ли когда прежде Благородное собрание видело что-либо подобное. Славянофил Иван Аксаков и западник Тургенев бросились целовать Достоевского. В зале творилось невообразимое — люди плака-*

ли, обнимались, кто-то упал в обморок, словно, пусть на мгновение, но все злое, недоброе, разделяющее людей отпало вдруг как скорлупа, и они обрадовались себе, новым, забытым, но мучившимся всегда в этой проклятой скорлупе и теперь ликующим от возможности быть самими собой».

В святости и интеллигенции — двух вершинах национальной культуры и жизни, с наибольшей полнотой проявлен национальный характер. Можно видеть, что, когда доминируют ценности одного порядка: объективные или субъективные, — нация неизбежно упирается в тупик, к тому же такие начинания стоят очень дорого. Путь синтеза, путь евразийский — труден, но результаты его и качественнее, и не разрушительны.

Наша культура как отражение национальной жизни есть синтез объективного и субъективного, отсюда ее глубина, сопричастность всему, отсюда ее *общечеловечность*, отсюда ее *главные понятия-символы, ее главные смыслы: Человек, Смысл, Целое, Свобода, Идеальность, Почвенность*. Вся наша культура, а в ней проявлены принципиальные особенности нации, сосредоточена на человеке. Русская философия как совокупная национальная мысль имеет выраженный антропологизм, *«...она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смыслах и целях истории»* (о. В. Зеньковский).

Важнейшей чертой романов Достоевского, по праву названного «русским из русских», является полифонизм — у каждого героя есть свой голос, своя «идея», которая передает суть и смысл жизни человека, каким бы «маленьким», «простым» он ни был. Уважение к человеку — это не только уважение к его политическим, социальным и экономическим правам, это его право самому определять, что ему делать и как ему жить, чтобы осуществить полноту собственной жизни; культура же должна предоставить человеку знания разумной организации жизни и научить ими пользоваться.

Народ

Часто встречаемое сравнение народа с землей не случайно. Так же, как земля наша огромна, богата, наполнена силой и стихией, которая и пугает, и манит, до конца не изведена, но в то же время плохо организована, не ухожена, так и народ наш. Порой

безудержный и бесстрашный, порой то ли пассивный, то ли смиренный; богатый талантами и «расточительностью сердца» и бедный в своей повседневной жизни; жертвенный и милосердный, но жестокий и беспощадный; жаждущий добра, правды и справедливости, но способный на беспредел. Подобен большому ребенку: то не по годам мудр, то наивен и обидчив; то проглянет уязвленная гордость, своеволие и самомнение, то скрытая доверчивость, готовность всему открыться, поверить. Национальные черты присущи представителям народа так же, как и всей нации. Но есть и особенности, их несколько.

Три психологических типа в нашем отечестве не понимают друг друга, но еще в большей степени три группы граждан в нашем государстве: власть, культурный слой и народ — не понимают и не принимают друг друга. Среди множества стереотипов нашего мышления есть один, непосредственно связанный с народной жизнью.

Природная отзывчивость, воспитанные православием сочувствие и сострадание, соединенные с максимализмом, создали образ феномен «наш бедный, несчастный народ». Конечно, нельзя сказать, что он богатый и счастливый. Вечно жалея, сокрушаясь о его тяжелой жизни, при этом мало понимая и мало делая для него, мы уподобляемся сердобольной матери, которая, жалея «дитятку», лишает его и свободы, и независимости, и самостоятельности; приучает к самосожалениям, болезненной чувствительности, лени и прочим, совсем не симпатичным свойствам.

Нередкие разговоры-упреки в адрес массовой американской культуры вполне справедливы, но, может быть, стоит принять не саму эту культуру, а один из ее принципов — активное положительное отношение к жизни. Ничто так не разрушает человека, как жалость других и собственные самосожаления. Эта сторона народной жизни есть ее поверхностный слой.

Так сложилась наша национальная жизнь, таков результат нашего психотипа, условий жизни и истории. В этом никто не виноват — это результат всех составляющих нашей судьбы, но это можно изменить.

Двойственность нашей генной природы, два психотипа, два народных варианта национального характера встречаем в очерке Тургенева «Хорь и Калиныч», перевернувшем в свое время пред-

ставления о народе. В практическом Хоре и поэтичном Калиныче находим два полюса русской народной жизни. Тургенев, пожалуй, как никто до него, раскрывает связь человека с природой, портретные характеристики, образ жизни, особенности психологии народа. Последующие герои «Записок охотника» и других произведений Тургенева, Лескова, других писателей о народной жизни выстраиваются в длинный ряд за названными героями. Одни тяготеют к душевному, мягкому Калинычу, другие к обособленному, деловому Хорю. Два типа тенденций достаточно проявлены. Это те же субъективисты и объективисты.

Пожалуй, наиболее красочно тип народного субъективиста представлен в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова. В своем сказе об *«обширно протекавшей жизненности»*, полной и подвига, и страстей, и мистики, и суровой реальности, Иван Флягин раскрывает *«драмокомедию»* русской жизни. В судьбе Ивана Северьяновича сплетаются наивность и ум, плутовство и святость, трагедия и комедия. Все эти противоречия не расщепляют личности героя. И в этом одна из главных особенностей представителей народа. Простой человек целостен. Именно целостность позволяет герою пройти через убийство и плен: *«Всю жизнь... погибал и не мог погибнуть... все видел, испробовал массу профессий, обучился разным ремеслам, пережил сильную любовь, и вот теперь, в начале шестого десятка, оказался послушником в монастыре»*.

Иван Флягин — странник. «Странничество» — характерная национальная черта. Это вечная неуспокоенность, поиск, вопрошание смысла, Бога, Правды. Странниками были западники Герцен и Белинский, славянофилы братья Киреевские, Аксаковы, Толстой и Достоевский. Как есть буквальное странничество — хождение по земле русской в поисках Царства Божьего, Беловодья, Истины, так есть и психологическое. Психологические странники, а их в народе большинство, конечно, не так ярко проявлены, как странники культуры, но все равно можно видеть: задушевность, теплоту и сердечность, мистичность, любовь к необъятным просторам. И объективист, и субъективист любят матушку-землю, но по-разному.

Субъективисты-странники очарованы таинственной красотой родной земли, она завораживает, рождает покой и доверие.

Но, когда утрачен смысл, индивидуальный или общий, субъективисты нередко отстраняются, легко впадают в лень и пьянство.

Объективист — это человек-хозяин. Советская идеология, да и русская культура, наложили на этот тип некоторый негативный оттенок. Если его отбросить, то перед нами предстанет основательно стоящий на земле, крепкий, рассудительный, домовитый хозяин. Земля для него кормилица, но, в отличие от странника, не «матушка-земля», а скорее «мать-земля», земля-труженица. Ценности этого типа иные, они вполне определенные, в нем и его жизни все объяснено, расставлено по полочкам, всему свое время и место. Так же как любой объективист во власти или культуре, народный тип легко отбрасывает все лишнее, непонятное, и, даже если он человек верующий, вера его конкретна, органично вписывается в хозяйственную жизнь. Забота о доме часто заставляет его быть обособленным, бережливым, он живет крепко и ладно, подальше от людей (Хорь как собирательный образ объективиста в народной среде). Хозяйство и весь уклад жизни таков, что всякому видно, что при желании Хорь со всем своим семейством мог бы выкупиться из неволи. Жизненный смысл носит характер материальный, зримый. Объективист в народе редко теряет индивидуальный смысл, но когда в общей жизни царит бездейность, бессмысленность, легко превращается в цепкого хищника.

Оба типа чаще спокойны, неторопливы. Но если субъективист-странник любовно, мягко нетороплив, то объективист-хозяин подчеркнуто нетороплив, так и видишь, как он рассудительно, неторопливо поглаживает бороду. По большей части и тот и другой не понимают друг друга, но в силу собственной целостности находят область взаимодействия или отгораживаются друг от друга и не противостоят (за исключением гражданской войны).

Средний, евразийский тип большую часть нашей истории в народной среде не выражен, но в ответственные моменты истории два потока народной жизни каким-то непонятным способом проникают друг в друга, сливаются, синтезируются, и тогда можно видеть лучшие проявления национального евразийского типа. Индивидуальная или групповая обособленность становится отстраненностью от своего, частного. Максимализм превращается

в тотальную направленность жизни, подчиненную общей цели или делу. Анархизм и своеволие чудесным образом переходят в подчиненность и согласованность с умением взять на себя ответственность, проявить бесстрашие, готовность к любым, даже самым непредвиденным ситуациям. Вместо отвлеченного идеализма и негативизма приходит народная смекалка, способность различать правду, добро, истину. На смену недоверию и подозрительности — отзывчивость, готовность понять, принять, простить. В такие исторические минуты с наибольшей силой проявляется уверенность в себе, в своих возможностях, самосознание и достоинство нации. Эти судьбоносные моменты — свидетельство, залог и обещание того, что нация может прийти к синтезу объективной и субъективной жизни индивидов и общества в целом и тем самым к благополучному и стабильному существованию.

Мы вернемся к теме «народ» в главе «О национальном единстве» и попытаемся понять причины глубокой отстраненности народа от политической, социальной и культурной жизни общества.

Очертив особенности национального характера, естественным было бы сделать резюме.

Отсутствие национального единства практически на всем протяжении нашей истории являлось и остается основной причиной всех наших проблем и трудностей. Уже в первых литературных произведениях — летописях, красной нитью проходит мысль о необходимости единения Русской земли и всех русских людей. Читая летописи, невольно отмечаешь, что древние летописцы, наблюдая жизнь своих современников и предыдущих поколений и размышляя о ней, кажется, предвидели будущие лихолетья нашей судьбы и неустанно призывали к миру и согласию. Более тысячи лет миновало с тех пор, а отсутствие единства все так же разрушает нас, забирает силы, которые могли бы пойти на созидание. Следствием духовного и идеологического здоровья является психологическая стабильность и созидание. При высоком уровне потребностей духовной и нравственной жизни, общности мы не имеем единства. Но мы можем это изменить.

В национальном характере всегда присутствуют два аспекта: двойственность и синтез. Да, синтез — явление скорее редкое,

однако возможное и, более того, естественная потребность амбивертного типа человека и нации, ведь каждый из нас устал от двойственности, противоречий и каждый заинтересован в целостности и единстве как собственной, так и общей жизни.

Вероятно, самое большое препятствие на нашем пути — *недоверие*, явившееся результатом многовековой двойственности и противоречивости национального характера, пронизывающих большие и малые явления нашей жизни. Недоверие не позволяет нам конструктивно взаимодействовать, ведет к постоянной подозрительности, поиску врага, виноватых и удерживает нас в негативизме, переходящем в тотальный нигилизм. Печально, но следствие нашего существования проявляется и в том, что у нас каждый сам себе голова, что на поверхности не всегда видно, потому что одни активно выражают свое несогласие, другие — пассивно, молчаливо делают по-своему. «Сам себе голова» имеет и другую формулировку: самоналагаемая дисциплина. Именно эта национальная черта проявлялась в трудные моменты нашей истории, когда вся нация объединялась и устремлялась в едином порыве к тому, что все воспринимали как правду жизни. Нам всегда необходимо Слово, которому мы поверим, и тогда нас не надо призывать, уговаривать.

Мы обречены на противостояние, борьбу, кризисы и катастрофы, на взаимоисключающее деление на *своих* и *чужих* до тех пор, пока не осознаем и однозначно не скажем себе, что мы евразийцы. Вся нашу историю звучал и звучит вопрос: «Мы — кто? Мы — Европа?» Да, Европа! Но и Азия! Мы никогда не откажемся ни от того, ни от другого: и духовное и материальное, и объективное и субъективное, и внешнее и внутреннее для нас ценно, а значит, и то и другое всегда будет с нами, меняя лишь формы и имена. Смысл двойственности в умении различать, и чем лучше мы умеем это делать, тем лучше может быть наша жизнь. Мы действительно умеем различать, но пока это свойство проявляется в основном негативной своей стороной. Позитивный вариант умения различать — это творчество, а значит, целостность, смысл, силы и радость — то, в чем каждый нуждается; и каждый может сменить негативную установку на позитивную.

Национальное целое — это соединение, единство восточного и западного, духовного и материального, внутреннего и внешне-

го, это соединение противоположностей на основе целесообразности или руководство целями единения, целостности.

Целостная картина национального существования, раскрывающая общие смыслы и непротиворечащие им индивидуальные, может послужить началом духовного возрождения нации! И каждый может, хотя бы иногда, делать усилия, которые приведут *его* к полноте жизни. И чем больше будет тех, кто обрел единство с самим собой, тем легче будет и тем, кто рядом, и всем нам.

Раздел второй Судьба

Предварительные замечания

Если история — это единый поступательный процесс восходящего развития человечества, как утверждает историческая наука, то, казалось бы, историю и можно, и нужно рассматривать как отражение эволюции человека. «*Настоящий путь философии истории есть путь к установлению тождества между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой истории*», — пишет в своей работе «Смысл истории» Н. Бердяев. В то же время существующие сегодня основные подходы к истории по-прежнему рассматривают историю как социальную эволюцию, в которой история не имеет смысла, а человек предстает как социальный тип.

Человеческая жизнь, лишенная смысла, превращается в биологическое существование: бессознательное, примитивное и полностью обусловленное независимыми от самого субъекта факторами, — но человек не только дитя природы, он являет собой более сложную самоорганизующуюся систему. Человек по своей сути преобразователь. Стало быть, человеческая история — это история преобразования человеческого способа существования и, следовательно, имеет смыслы, аналогичные смыслам человеческого существования. Мировая и национальная истории становятся понятными только при условии раскрытия смыслов человеческого существования.

Врастание отдельного человека в историю, рассматриваемую не как описание событий в их хронологической последовательности той или иной интерпретации, а как процесс *со-бытийности*, укорененности человека в мире и их единства, могло бы стать одним из подходов в решении проблемы отчуждения человека как от себя самого, собственной Подлинности (субъектности), так и от своего окружения, от истории отечества и от мира в целом. Если бы, изучая национальную историю, каждый россиянин открывал для себя смыслы, традиции, логику нашей исто-

рии, его отношение к родине, его гражданская позиция была бы более активной и осмысленной.

Логика истории — это логика человеческой эволюции. В разделе «Мир, в котором мы живем» будут рассмотрены онтологические основания, позволяющие представить мировую историю как отражение человеческой эволюции.

На данном этапе нас будет интересовать развитие субъектности России, или специфика становления ее индивидуальности, непохожести, отражением которой и является история нашего отечества. Понимать значение различных сил и их комбинации, направленность и избирательность исторического движения для удовлетворительной организации существования является насущной необходимостью. Так же, как человек, жизнь которого лишена смысла, по словам А. Эйнштейна, *вряд ли пригоден к жизни*, так и нация, смысл существования которой утерян или не определен, быстро теряет активность, или жизненные силы.

Прежде чем перейти к истории России, кратко рассмотрим вопрос развития и общую схему истории.

О развитии

Признав главным фактором истории и действительности человека и человеческий способ существования, мы по аналогии с человеком должны рассмотреть развитие нации. Аналогия, конечно, не буквальная, аналогия в смыслах. Как человек в своем развитии проходит стадии *роста, развития, самоопределения, самоутверждения и самореализации (самоактуализации)*, так и нация. Каждая стадия имеет свои задачи, осуществление которых и обеспечивает дальнейший прогресс. Важно отметить, что так же как смысл жизни человека является в целом неизменной линией избирательности и направленности, допускающей различные отклонения в рамках определенного диапазона, так и нация неизбежно следует генеральной линии развития в некотором коридоре возможностей. Последнее утверждение означает, что задачи каждого периода развития, несмотря на то что имеют общие для всех «возрастные» критерии, имеют прямую связь и обусловленность генеральной линией развития нации.

Нации, как и люди, имеют вполне определенный тип активности и сознания, которые определяют способ ориентации в про-

странстве и времени, способ действия и в целом способ существования. Национальная субъектность, или индивидуальность, — это то *нечто*, что сохраняется неизменным на протяжении существования, что отличает одну нацию от другой.

Индивид на определенном этапе своего становления приходит к осознанию «необходимости себя», необходимости обрести точку опоры собственного существования — то же происходит и с нациями. «Необходимость себя» возникает на стадии самоопределения и является долгим и почти всегда мучительным процессом самопознания, обращения к собственной внутренней реальности. Почему внутренней реальности? Потому что, только поняв особенности нашего мировосприятия, способа реагировать и действовать, выражением которых является культура, традиции, мы сможем понять и, главное, принять себя и конструктивно двигаться в будущее.

Размышления о путях развития России почти всегда сводятся к вопросу влияний, заимствований, несамостоятельности, отсталости развития. Действительно ли мнение о нашей несамостоятельности правомерно? Подобное утверждение есть неглубокий и односторонний взгляд с позиций мировосприятия человека западной, или экстравертной, культуры. Да, с точки зрения внешней жизни: социальной и материальной — мы не столь успешны, как нации Запада. С точки зрения внутренней самоорганизации мы не столь успешны, как нации классического Востока; но мы имеем достаточно развитыми оба аспекта человека, и это не отдельные индивиды или группы. С позиций *целостного человека и общечеловеческого способа существования*, как мы убедимся в процессе нашего исследования, Россия развивается, по известному выражению А.С. Пушкина, «с веком наравне».

Современная наука утверждает, что самоорганизующиеся системы, какими могут быть признаны человек, нация, человечество, одновременно являются саморазвивающимися, и развитие имеет характер интегративной направленности. Иначе говоря, каждая система развивается как целостность и единство, и нарушение одного из основных свойств может привести к невозможности прогрессивного развития. Со всей очевидностью данный научный тезис проявляется в системном мировом кризисе: внутренняя жизнь человечества, вне сомнений, является основным

компонентом существования, и ее нивелирование, упрощение, явное несоответствие внешней стороне жизни привело к дисбалансу человеческого существования.

Понятие «развитие» часто подменяется понятием «изменение», имеющим существенное отличие от первого. Необходимо внести ясность в наше понимание развития. Основной проблемой современной психологии, образования, проблемой, скрыто присутствующей во всех общественных науках, является понимание термина «развитие», которое часто отождествляется с «изменением» и «формированием».

«Изменение» — это появление новых свойств, привнесенных извне и связанных с новым распределением, перераспределением частей, элементов. Например, современное образование акцентирует развитие интеллектуальных способностей, что ведет к определенной успешности в области точных наук или технологий только незначительную часть учащихся, другие аспекты становления человека: вопросы самоорганизации, взаимоотношений межличностных, социальных, гражданских — то, что необходимо каждому, остаются без внимания. Изменяется какой-либо элемент, свойство, но не меняется человек в целом. Аналогичное можно наблюдать в общенациональной жизни. Например, тенденция сменить специалистов, профессионалов *управленцами* обнаруживает постоянные сбои, общее неприятие и отторжение большинством нации. *Изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разъединенных элементов.*

Развитие же — это развитие целого, всей системы, будь то человек или нация. *Развитие — это прогрессивное самораскрытие на основе процессов дифференциации частей, функций и последующей более качественной интеграции, ведущей к увеличению эффективности, обогащению, усложнению жизнедеятельности.*

Развитие нации — это разворачивание, раскрытие потенциально данного, ибо любая саморазвивающаяся система имеет код, сущность, разворачивание которой и происходит в процессе существования, через дифференциацию компонентов и элементов системы и их интеграцию на новом уровне. В этом случае целостность и полнота существования являются естественным процессом и приносят глубокое удовлетворение.

Принцип развития, которым мы будем руководствоваться, был сформулирован отечественным философом и психологом С.А. Рубинштейном: *внешнее не является причиной, определяющей или создающей внутреннее, а внутреннее не является его следствием. Внутреннее как онтологически «самодостаточное», объективно существующее преломляет внешние воздействия, согласно своей собственной специфической сущности.*

Применительно к нашей теме принцип развития может быть сформулирован следующим образом: внешние воздействия по отношению к субъекту существования, например нации, не являются ни причиной, ни фактором, создающим те или иные явления, процессы. Только в том случае, если внешние воздействия совпадают тем или иным образом со спецификой внутреннего, воздействия входят в резонанс с внутренним и тем самым усиливают специфичное самого субъекта. Степень усиления зависит от степени совпадения специфического в субъекте и воздействии. Например, в начале 90-х Россия в очередной раз обратилась к западным ценностям, в нашем случае западные ценности, или западный способ существования, должны органически соединиться с восточными ценностями, или ценностями внутренней жизни, национальной культурой, традициями. Однако национальное было сглажено, практически сведено на нет. Результат не замедлил проявиться: вобрав в себя некоторый объем западных ценностей, общественный организм отторг западную модель, что очевидно в отношении общества к правым партиям и их лидерам.

Внутренняя жизнь нации проявляется через культуру, традиции, повторяя их не столько в формах, сколько в сути. Общечеловеческий, или синтетический, способ существования, к которому рано или поздно должна прийти Россия, — это не только не противоречащий ни западному, ни восточному способам, но и *синтезирующий* их. Уместным кажется напоминание, что любая самоорганизующаяся система, например нация, человечество, начинает свое существование как недифференцированное и диффузное целое, которое в процессе становления проходит через периоды дифференциации, распределения и интеграции на новом уровне целостности.

На каждом этапе развития России можно видеть чередование способов существования, с постепенным нахождением синтеза

или компромисса. Различное мировосприятие, различные способы существования приводили к противостоянию, столкновению, «великому спору» этих подходов к реальности, заставлявших нацию находить середину, взаимоприемлемый вариант существования, интегрироваться на новом уровне.

Общая схема истории

Наше отечество четырежды в своей истории стояло на краю бездны, когда в государстве рушились все жизненные связи и гибель казалась неизбежной. Перечислим их: перемена местожительства (Киевская / Московская Русь); Смута (нач. XVII в.); октябрь 1917-го и гражданская война; 90-е годы двадцатого столетия.

Этапы	Инерция мобильность	Ритм	Кризис/переход
<i>Рост</i> <i>Задача:</i> закладка основ внешней (Киевский) и внутренней (Московский) жизни	Киевская Русь (Крещение) Русь Московская	кон. XV–XVI в.: Иван III — нач. царств. Ивана IV	с 60-х гг. XVI в. до сер. XVII в.
<i>Развитие</i> <i>Задача:</i> сохранение равнозначности духовной и материальной жизни на уровне сословий	сер. XVII в. Раскол Петр I	сер. XIX в. — реформы Александра II	кон. XIX — нач. XX в. 1917–1922 гг.
<i>Самоопределение</i> <i>Задача:</i> интеллектуальное определение нацией порядка общей жизни	1922–1929 гг.	1930–1940 гг.	1940–1945 гг.
<i>Самоутверждение</i> <i>Задача:</i> утверждение самобытия	1945 — сер. 1955 г.	1956–1970 гг.	1970–1985 гг. Перестройка
<i>Самосознание</i> <i>Задача:</i> осознание национальной субъектности			

Инерция, мобильность, ритм, угасание или переход на новый эволюционный уровень (точка бифуркации) — вот фазы любого существования или процесса. Всю историю можно представить как большой процесс жизни нации, а этапы этого процесса, в свою очередь, можно рассматривать как малые процессы. То есть каждому глобальному кризису предшествовали инерция, мобильность, ритм, угасание или кризис, время выбора. *Перемена местожительства* (Киевская/Московская Русь) обычно не интерпретируется как кризис, так как государства еще не было, но в ней отразилась характерная для национального существования тенденция: выбор способа существования с ориентацией на западный или восточный.

Кризисы (на этом этапе вынесем за скобки «перемену местожительства») нашего существования можно соотнести с периодами эволюции. Ритм, равновесие необходимо рассматривать не с сегодняшней точки зрения, а относительно задачи периода и событий, имевших в нем место. Если мы правильно понимаем историю, то в период равновесия должен отразиться главный звук российской Души — соответствующее периоду равновесие объективной и субъективной жизни. Даже беглый взгляд показывает, что время Ивана III и начало царствования Ивана IV, время Александра II, 1956–1970-е гг. характеризуются соответствующим времени равновесием, или выравниванием, стабилизацией объективной и субъективной сторон жизни нации.

Глава 1 История России

Рождение

Древние славяне, появившиеся на наших землях в IV–VI веках н. э., ярко проявляли и западные, и восточные черты. Напористые, дерзкие, жестокие и деятельные в набегах, войнах, они были совсем иными в домашней среде, удивляя чужеземцев открытостью, доброжелательностью, простотой быта. Активное начало проявлялось в дальних походах в Европу, в Византию и в бесконечных межплеменных распрях, усобицах, вынудив их, в конце концов, пригласить варягов, ибо: *«земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и володеть нами»*. Приход Рюрика с братьями заложил первый камень в деле государственного строительства, акцентировав объективное начало, придав новый импульс к образованию и росту славянского объединения. Народ проявил восточную природу — способность подчиниться для будущего общего блага. Государства, собственно, еще не было, так как не было третьей составляющей нации — культурного слоя, а язычество на этом этапе не могло быть соединяющим фактором: много богов — много стандартов, правил и норм жизни, что исключает единство.

Время принятия христианства (988–989) есть истинное рождение государства Российского. Главное, что принесло христианство в деле создания государства, — идею единства, выраженную в единовластии, единстве содержания жизни, то есть в общем понимании мироустройства и порядка жизни. Принятая Владимиром Святым религия положила начало формированию духовенства — третьей составляющей нации. С принятием христианства образуется структура нации, аналогичная универсальной структуре, то есть нация начинает свое существование как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, в которой каждый компонент структуры имеет свою природу и функции:

активное начало — власть: организация и управление;
 нейтральное — культурный слой: содержание жизни и соединение власти и народа;
 пассивное — народ, трудящиеся: участие в исторической судьбе, задачи текущего существования.

Мы должны хорошо понимать православие, так как именно оно определяло содержание жизни и формировало национальную психологию и культуру. Пришедшее к нам из Византии православие и традиции палестинских монахов легли на славянскую почву, и постепенно сложилось то, что позже назовут Святой Русью — восчувствованный нацией идеальный образ общей жизни.

Необходимо остановиться на особенностях восточного христианства и его отличии от западного. Прежде всего, имеет место заблуждение в определении: восточное христианство — православие, не идентично ни по сути, ни по содержанию классическому Востоку.

Нужно учитывать, что распространение христианства на Западе происходило из Рима, тесно связанного с народами, населявшими Европу, объединяя ее в общее культурное и религиозное пространство посредством латинского языка и связывая европейские народы с античностью.

Иначе происходило в России, которая была политически и географически отделена от Византии, а религиозно зависела от нее. Время принятия христианства на Руси совпало со временем расцвета Византии, что усиливало нашу зависимость. Но греческий язык не стал на Руси богослужебным, и это послужило дополнительным фактором изолированности. Кроме того, Византия, продолжая свою борьбу с Римом, влияла на религиозное сознание русских, усиливая вероисповедную настороженность в отношении к Западу. Принятие христианства от Византии — православия, положило начало осознанию Русью своего отличия от Западе. Отметим наиболее значительные факторы духовного и религиозного расхождения путей становления восточного (православия) и западного христианства.

Первое, что необходимо отметить, это различие моделей взаимоотношений Власти и Церкви, за которыми можно обнаружить различные типы мировосприятия и способов действия:

Византия — двойственность, переходящая в синтез; взаимоотношения — модель согласия и «симфонии»; способ действия — резонансный и кооперативный.

Запад — дуальное мировосприятие: человек против мира, природы; взаимоотношения Власти и Церкви: модель «двух мечей»; способ действия — принцип силы.

Второе, процесс секуляризации проходил в России иначе, чем на Западе.

Пробуждение философских интересов (нерелигиозное осмысление жизни) в России проходило в рамках религиозного мировоззрения, которое, в отличие от Западе, не противопоставляло себя религии, не боролось с ней, что замедляло процесс секуляризации на Руси. Иными словами, потребность в целостности и единстве мира и человека диктовала россиянам иной, недугальный, подход к действительности и, как идеал, резонансный способ действия.

Нашей задачей будет проследить развитие и влияние этих принципиальных тенденций существования. Предвидя возражения некоторой части россиян, отметим: в нашей истории и действительности всегда существовали обе модели, оба способа действия и существования в целом. Но в силу свойственного нам негативизма и отсутствия целостной и смысловой картины национального существования мы почти всегда подчеркиваем силовой способ и не замечаем резонансный и кооперативный или считаем его унижительной слабостью.

Принятие Русью православия не случайность, не просто красивая легенда о выборе религии Владимиром Святым. Православие и все его принципиальные положения: целостность, духовная трезвость, чувство «нераздельности», но и «неслиянности» мира божественного и человеческого, освященности власти как точки приложения Промысла Божия, все эти положения — естественное, органичное следствие амбивертного сознания, стремящегося к синтезу. Именно поэтому у народов и наций аналогичного типа мировосприятия и способа существования можно

легко обнаружить тенденцию соединения, слияния духовной и светской власти (Византия, южные славяне, мусульманский мир). Основные черты восточного, византийского, православия не только положили основание — они проявлялись и проявляются в психологии нации, особенно в ее культурном слое, на протяжении всей истории. Не останавливаясь на подробностях, подчеркнем главное. В византийской церкви постепенно оформились два направления: созерцательно-уединенное, хранящее святыни, в современных терминах его можно рассматривать как отстраненную индивидуальную нравственную жизнь; и духовенство, пытающееся осуществлять гражданскую функцию, влиять на содержание жизни, взаимодействовать с властью и народом. После долгих столетий явной и скрытой борьбы патриарх и священники, то есть представители второго направления, занимают в государстве положение, можно сказать, обслуживающее власть. В отличие, например, от католичества, ставящего духовную власть *над* светской. И хотя двуглавый орел, знаменующий равенство светской и духовной власти, остается символом Византии, духовенству так и не удалось осуществить эту идею в действительности.

На славянской почве православные подвижники постепенно заняли правильное положение в государстве: *деятельная нравственность*, не *над*, как в католичестве, не *под* или *со стороны*, как в Византии, а *рядом*. Не вмешиваясь, не диктуя власти, а являя пример собственной высоконравственной жизнью и доброжелательным взаимодействием. Активное духовное подвижничество в делах общегосударственных производило главный звук российской души. Это и есть наш корень, наша истинная природа. Мы никогда не сможем жить наполовину: активным внешним действием или пассивным созерцанием. Впервые возникший идеал общей жизни оформился в некую смутно чувствуемую правду жизни. Но стабильного благополучия не было и не могло быть — если правда лишь чувствуется. Необходимо сознательное усилие нации, а до этого было далеко.

РОСТ

Период роста — это время принятия христианства (988) — до сер. XVII века. *Задача периода* — *закладка основ территории*

альной, политической, экономической жизни и национальной психологии, сознания, культуры. Мы должны увидеть, как формировалось то, что определило дальнейшее движение нации к цели. Две фазы внутри этого эволюционного периода: Киевская и Московская Русь. Каждая из них явно формирует национальное сознание и подсознательные потребности: объективное выражение — Киевская Русь и субъективное — Московская. Каждое из начал должно было устояться, глубоко войти в подсознание нации; они не могли быть одновременно равнозначными на этом этапе.

Киевская Русь. Перечислим факторы, работающие на задачу первой фазы периода, — *формирование и закладка потребностей и понятий объективной, внешней жизни.* Весь порядок политической, экономической, а значит, и юридической жизни определяется жизнью городов и торговлей. Большие торговые города оказывали основное влияние на общий ход существования. Народное хозяйство питалось внутренней и внешней торговлей, делало жизнь наполненной движением, приносило на Русь большие богатства, что способствовало как росту цивилизации — установлению юридических и гражданских отношений, так и заметному развитию культуры и просвещения. Хорошо отражает положение дел «Русская Правда» — Судебник, рассматривающий преимущественно вопросы материально-денежного характера.

Установилось династическое единовластие, но не единоначалие — это означает отсутствие жесткой централизации, сильного государства, что впоследствии привело к раздробленности, но в то время обеспечивало быстрый рост и гражданскую активность. Порядок совместного княжеского владения, то есть незакрепленность крупного земельного собственника, воспитывал сознание общности русских земель. Но родственная, а не политическая связь князей создавала обстановку борьбы, соперничества и ослабляла государство. Социальная структура имела две составляющие — по политическому и экономическому признаку. С одной стороны, это способствовало развитию гражданских отношений — вече, княжеские и боярские съезды; с другой — вело к расслоению общества, неравенству правовому и имущественному.

Постепенно формируется и другой взгляд на жизнь, создаваемый церковью. Духовные люди — часть общества, включающая не только духовных лиц, но и мирян, — определяли отношение к человеку не по правам и имуществу, а по его цели, назначению, религиозно-нравственному служению. Такое отношение к человеку и видение его места закладывало основы будущей значимости нравственного и духовного начала в жизни россиян. И в жизни и в юридическом праве главенствующую роль продолжает играть обычай, но постепенно религиозно-нравственный порядок, определяемый христианством, возрастает через распространение просвещения, книг и через подчинение суда церкви в вопросах религиозно-нравственных, семейных, частногражданских.

Расцвет Киевского периода приходится на время правления Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и в национальном сознании сохраняется как первый период русской государственности, символически обозначаемый как «золотой век». В то же время в лице Феодосия Печерского (XI в.) возникает идеал русского монашества: соединение духовного и материального, или синтез субъективного и объективного аспектов жизни.

Здесь упомянуты лишь самые общие черты времени, в которых проявлено преобладание внешней стороны жизни.

Можно констатировать Киевский период как первую идентификацию русского сознания в образе «золотого века». Национальное сознание отождествляет себя прежде всего с формами внешней, объективной жизни. Все формы активности еще не носят характер устоявшихся традиций и, более того, в следующей фазе роста — Московской, — как может казаться, постепенно исчезают. Но ничто не проходит бесследно, и образ, и стоящий за ним стиль жизни уходит в национальное подсознание, чтобы яркими вспышками или бессознательными тенденциями проявляться в последующих явлениях российской истории.

Русь Московская. Примерно с середины XII века можно наблюдать запустение городов, ослабление великокняжеской власти; начинается медленное перемещение населения к северо-востоку. Что заставило русичей сменить гораздо более благоприятные природно-климатические и экономические условия на непроходимые леса, болота, разветвленный речной бассейн, тяжелые зимы и короткое лето, неплодородные земли, неблагоприятные условия

для торговли — сложнейшие обстоятельства жизни? Считается, что они бежали от набегов, но активное движение на северо-восток помимо объективных факторов имело и другие, психологические причины. Акцент на внешней стороне жизни, его следствия: политическая раздробленность, рост княжеской и боярской самостоятельности, экономической независимости, порядок наследования Киевского престола и, подчеркнем, по словам Н.М. Карамзина, *«вся западная Русь имела тогда Государей (князей) особенных, независимых, и достоинство Великого Князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием»*, — делят нацию на тех, кто устремляется на Запад, и тех, кто ищет других, более спокойных условий существования.

Происходит первый национальный раскол, первое деление нации. Как мы увидим далее, на каждом этапе развития нация проходит две фазы: первая, когда западные тенденции развития активно заявляют о себе, но, вольно или невольно, нивелируются вопросы внутренней реальности. И вторая фаза периода, когда, наоборот, ценности внутренней жизни становятся преобладающими, а внешняя жизнь обретает застойный характер. И в том, и в другом случае явное преобладание одной стороны жизни и пренебрежение другой своим следствием имеет отторжение происходящего частью общественного организма и последующий кризис. Каждый период нашей истории — это движение в рамках «запад-восток», что фактически означает уравнивание или нахождение среднего, синтетического пути.

Собственная генная природа требует не только активной внешней жизни, но и более уединенной, спокойной, в которой активность переносится во внутренний мир. Это было столь важно, что даже тяжелые внешние условия, в том числе и татары, не остановили наших предков. Этот фактически первый раскол, первое деление нации на западников и восточников, не столь очевиден, как последующие, потому что государство еще не сформировано, свободное окружающее пространство позволяет свободно перемещаться как на Запад, так и на Восток; но и в нем проявились характерные тенденции, которые будут проявляться на протяжении нашей истории.

Ярким примером национального характера служит жизнь и деятельность князя Андрея Боголюбского, положившего осно-

вания нового направления в развитии восточных славян — великороссов. Судьба бросила Андрея Боголюбского, сына и наследника Юрия Долгорукого, в «омут безвыходных междоусобий, господствовавших в Южной Руси». По словам историка Н.И. Костомарова, «Андрея не пленяли никакие надежды в Южной Руси, Андрей был столько же храбр, сколько и умен, столько же расчетлив в своих намерениях, сколько и решителен в исполнении. Современник-летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей отказался от Киевского великого княжения без отцовского благословения, выбрав Суздальскую землю как место более спокойное».

«Сей Князь, любимый, уважаемый подданными, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу (Киев), но хотел единственно тишины долговременной и благоустройства в своем Уделе, основал новое Великое Княжение Суздальское, или Владимирское и приготавил Россию северо-восточную быть истинным сердцем государства нашего» (Н.М. Карамзин). В лице Андрея Боголюбского можно видеть пример лидера-евразийца, сочетающего в себе и своей деятельности как объективные, так и субъективные ценности.

В московский период объективная жизнь обретает другую форму реализации: короткий, но тяжелейший труд летом, так как надо успеть подготовиться к зиме, — это вырабатывало привычку делать что-либо, только когда очевиден смысл, и способность к короткому, но очень напряженному труду. А в зимнее время — неустанное, но неторопливое исполнение религиозной активности, вырабатывающей другую привычку, утверждающую значимость субъективной стороны жизни. То время с полным правом определяется как восточный период (как формирующий восточную составляющую национального сознания), и дело не в нашествии монголо-татар — они только усилили значимость субъективной жизни, так как спасала общность и взаимоподдержка. Московская Русь — время, когда все факторы жизни — природа, государство, экономика, внешняя среда (татары, шведы, Литва) — работают на закладку и воспитание значимости внутренней жизни.

В этот период идет активное осмысление православия, поиск собственной интерпретации, которые определили религиозно-

нравственную жизнь нации, сформировали национальную психологию. Русское православие создавалось общественным идеалом того времени — подвижниками-пустынниками. Значительную роль в освоении земель, активно идущем в это время, играли пустынники, основывавшие на новых землях монастыри, вокруг которых селились крестьяне. То есть на значительной части нашего государства начало жизни, ее характер были религиозно-нравственными. Долгие зимы заставляли обратиться к внутреннему миру. Духовное начало пронизывало весь уклад жизни, все слои общества. Многочасовые службы, обряды, церковный календарь, праздники — каждое действие, все стороны жизни соотносились с тщательно разработанным ритуалом. Если в первый период роста основным чтением были летописи и былины, то в это время наиболее читаемыми и пересказываемыми становятся жития святых.

Все граждане государства, от простого крестьянина до великого князя, не только подчинялись такому порядку, а воспринимали его как естественный. Государство не борется с церковью, как это можно видеть в Европе, а создает максимально благоприятные условия для развития субъективной жизни. Это и льготы, и освобождение церкви и монастырей от налогов, наделение их землями (одна треть земли в это время принадлежит духовенству и монашеству). Показательно следующее — в период централизации европейские государства стараются освободиться от церковной власти. Филипп IV Французский вменяет в обязанности церкви уплату налогов и не только не устрашается отлучения от церкви, обещанного папой, но организует заговор против него, сажает на престол «своего» папу и, более того, с его помощью расправляется с врагами. Тогда как в нашем случае характерен другой подход. В 1502 году в споре двух религиозных подвижников, Нила Сорского, ратующего за нестяжание земель и другой собственности, и его оппонента Иосифа Волоцкого, Иван Третий принимает сторону Иосифа, закрепляя право церкви и монастырей на землевладение, предоставляя благоприятные условия, способствующие привлечению населения к религиозной жизни.

Коренные перемены национальной жизни, пришедшие со сменой местожительства, воспринимаются потомками неоднозначно. Одни сокрушаются от того, что мы отстали от Запада,

другие в не меньшей степени сожалеют о том, что мы утратили столь высокую религиозно-нравственную жизнь. Но нет причин для огорчения — мы не восточная и не западная страна, а евразийская — значит, развитие и освоение внутреннего мира, так же как и внешнего, идет чередуясь или соединяясь, синтезируясь.

Уже в конце XV века заметны, а в XVI — очевидны снижение и упадок религиозной жизни. Прежде всего это обнаруживается в городских и пригородных монастырях. Постоянные подношения в виде земли, денег, вкладов верующими, желающими обеспечить себе лучшие условия в посмертии, приводят к тому, что жизнь и служба городского монашества превращается в постоянные поминовения в память об усопших и пр., и все это ведет к упадку монастырской дисциплины. Церковь перестает оказывать положительное влияние на мирян.

Религиозные обязанности, не способствующие развитию социальной и политической жизни государства, постепенно уравниваются мирской жизнью. Следы этого заметны в царствование Ивана III и Василия III, когда заканчивается объединение земель вокруг Москвы, и вопросы политической, экономической и международной жизни вновь обретают значимость. Наступает время равновесия двух начал, особенно наглядно проявившееся в первый период царствования Ивана IV Грозного. Обычно историки обходят молчанием начало царствования Грозного, но нас интересует национальный психотип, наглядно проявившийся в Иване IV. Первый период царствования недолгий — тринадцать лет, краткий миг в истории, но в нем отчетливо проявилась двойственная национальная природа. В этот период власть проявляет личную и государственную нравственность. Это и деятельность Избранной рады, и Земский собор — представительная демократия, и местное самоуправление, и новый Судебник; расширение территорий, торговли, рост международных связей — вся жизнь государства происходила, по словам современников, в обстановке общего доверия, согласия и взаимодействия. Вопрос не в том, что усиливается централизация и закрепляются сословия — это обеспечивало стабильность и работало на сохранение значимости внутреннего мира. Вопрос в другом — если организация политической и социальной жизни основывается на нравственных началах, то нет причин сокрушаться. В нашей

стране, большой и сложной, тем более в периоды роста и развития, когда человек еще не научился самосохраняться, заботу и ответственность государства можно только приветствовать.

В этот период развития национальное сознание отождествляет себя с образом «Святой Руси». Как и в первой фазе («золотой век»), идентичность выражена в идеализированном образе, сумме желаний; национального самосознания нет: имеет место этническая и конфессиональная идентичность.

Да, очень недолго. Да, второй период царствования Ивана Грозного, а затем межцарствие, Смута, кажется, перечеркнули положительный опыт. Но это на поверхности: каждый следующий шаг истории опирается на предыдущий; даже если это не очевидно, он присутствует в подсознании нации как смутная потребность.

После баланса приходит время стагнации, а затем и упадка, разрушения. Первое крушение всех жизненных начал — Смута. Почему с нами это случается? Почему разрушить до основания, а потом строить новый мир — для французов, например, уникальный эпизод истории, а для нас — характерное явление?

С точки зрения эволюции кризис — свидетельство достижения нацией определенной ступени в развитии, когда пробудились и требуют проявления потенции, обеспечивающие движение вперед. Чем больше эти новые силы встречают сопротивление, тем более динамично и властно пробивают они себе дорогу, а значит, неизбежно сопровождаются злом и насилием. Это общее положение. В нашем же случае кризис усугубляется психологией. Преданность субъективной жизни, право на внутреннее самоопределение, что в сочетании с внешней активностью приводит к неистовой борьбе за это право, за преданность идее, правильнее сказать, своему пониманию идеи. Более того, процесс усиливается свойственной нам способностью долго терпеть, накапливать и коротко, но очень напряженно действовать. Если прибавить к этому, что все участники процесса — россияне, то есть обладающие одними и теми же характеристиками, накал страстей и борьба до смертного боя становятся понятными. Эти тотальные потрясения — испытания на прочность, на преданность, когда ни материальные блага, ни здравый смысл не останавливают, и потому русский бунт страшен.

Пока нация не обладает самосознанием, то есть глубоким осознанием себя, своих особенностей, потребностей, своей цели, крушения неизбежны, ибо, только разрушив все прежние связи, можно на новом уровне осваивать и развивать собственную природу и двигаться к цели. Стагнация и кризис — это период с 1560 года до середины XVII века, когда появляются первые ростки будущих преобразований, то есть начинается новый эволюционный этап — развитие.

Итак, главные выводы роста.

1. Время роста нашего государства имеет две фазы периода, вошедшие в национальное сознание как потребности: объективной жизни, выраженной в самозначимости материального благосостояния, личной свободы, демократической организации жизни — Киевская Русь; субъективной жизни — самозначимости духовного самосовершенствования, нравственности в личной и общественной жизни, глубокого взаимодействия и взаимосвязи с Целым, то есть природой, человеком, Богом; значимости общности людей, преданности идее — Московская Русь.
2. Баланса, можно сказать, нет, он очень недолог и неустойчив, но это задача другого периода.
3. Время роста — закладка основ, в том числе национальной психологии, сознания, — работало на наше предназначение. Можно утверждать, что задача периода была выполнена — оба начала глубоко вошли в национальное подсознание, стали потребностью.

Развитие

Второй период эволюции *«развитие»* — это время с середины семнадцатого века до первой четверти двадцатого. *Главной задачей периода было научиться самосохраняться в рамках генной заданности.* Если в период роста каждое из начал формировалось отдельно, без противопоставления, борьбы между ними, то во втором периоде необходимо равномерное, равнозначное сохранение и развитие двух природ, некоторое соединение, синтез объективной и субъективной жизни. Историки называют этот период последовательными модернизациями при непременном сохранении самобытности нации. Самобытность связана

с психологией и содержанием жизни, которая на данном этапе также модернизируется, или развивается. Именно в это время окончательно складывается самобытность россиян — соединение двух начал; не обслуживание одного другим, как это было в период роста, а равнозначное слияние. И хотя у разных групп нации это соединение осуществляется в разных формах, общая задача выполняется.

Изучая исторические источники, можно видеть, как нация параллельно-последовательно сосредотачивала свои усилия на сохранении и развитии обеих линий. «Параллельно» означает, что оба начала — объективной и субъективной жизни — взаимовлияли и взаимообуславливали друг друга. Но общие условия: национальная и конфессиональная неоднородность и усилившееся в годы правления Екатерины Второй расслоение — привели к сословному разделению общества. Синтез духовного, материального, внутреннего и внешнего осуществлялся в сословных объединениях. Особенностью России было то, что даже во времена самого жесткого деспотизма на низовых уровнях существовала прямая демократия. В каждом корпоративном сообществе были свои взаимоотношения, нормы нравственности, социокультурных предпочтений и общественных идеалов. Каждый шаг развития осуществлялся только при условии психологической готовности: успешными оказывались реформы, затрагивающие либо небольшую часть однородного населения: дворян, купечество, городское население, — либо часть, опять же однородную, территории: Польшу, Финляндию, сырьевые месторождения. Попытки коренных изменений, невозможные без авторитарных методов (по причине тотальной неоднородности государства), удерживавших новообразования силой, или были безуспешны, или требовали колоссальных затрат, которые последующие события часто обесценивали, сводили на нет, т. к. общественный организм нации их отторгал.

Можно ли продумать и реализовать реформы, если, например, даже в начале XX века в Средней Азии сохранялось рабство, а в Финляндии — зачатки гражданского общества? Более того, нация, кроме сохранения и развития объективных форм жизни, должна была сохранять и развивать субъективные, которые не только не были общими для нации, но и всегда требуют

времени, стабильности, благоприятных условий. Единственной возможностью сохраниться была централизация и корпоративность, так как другого способа сохранения государства: субъективного единства, или общности, не существовало.

Последовательность заключалась в том, что удавались реформы, углубляющие предыдущие преобразования.

Нередко можно читать и слышать о непоследовательности нашей истории, о России как «вечно догоняющей», «второгодницы». Такой взгляд — результат непонимания логики развития амбивертного типа: движение требует не обслуживания внутреннего внешним (как на Востоке) или внешнего внутренним (как на Западе), а соединения, синтеза. Такой тип развития означает более медленное движение в начале любого процесса, но затем, как кажется неожиданно, стремительное. Отсюда: «медленно запрягаем, но быстро едем». Нации, задачей которых является синтез субъективного и объективного, развиваются наиболее медленно и практически всегда в условиях национального и религиозного единства. Наша страна никогда не была ни этнически, ни религиозно однородной (до XV века это было неярко выражено, позже это стало явным). Значит, развитие нашей страны было бы крайне медленным, поэтому нужны были механизмы, подталкивающие, ускоряющие процесс. Если не умеем находить синтез, разумные компромиссы, то движение обеспечивается противоборством или параллельным обособленным, корпоративным существованием. В условиях многосложного государства, когда отсутствует субъективное единство, есть только один способ сохранения государства — жесткая централизация с выстроенной структурой по корпоративному принципу.

Начало этапа *развития* приходится на царствование Алексея Михайловича, можно видеть некоторые попытки преобразований (Ртищев, Ордин-Нащокин). Создается, по выражению Ключевского, «настроение», но «старина» очень сильна, память о недавней Смуте пугает, да и характер Алексея Тишайшего явно не предназначен для серьезных перемен. Законы эволюции требовали движения в соответствии с другими странами северной зоны планеты. И на Западе, и на Востоке в это время согласно назначению процессы развития идут очень активно. Например, Япония уже изолировалась от внешнего мира, власть централи-

зована, крестьянство закреплено, успешно формируется новый культурный слой — самураи, все работает на глубокое укоренение субъективной национальной жизни. Запад наращивает механизмы объективной стороны жизни: производительные силы, совершенствование орудий производства, создание первоначального капитала, то есть идет активное развитие капиталистического производства, к тому же уже создано и развивается новое содержание жизни — идеи гуманизма.

Реформы Никона в середине XVII столетия привели к отделению от Русской Церкви части верующих (старообрядцы). Раскол (его начало можно обнаружить в конце XV века) — это не проблема церкви, это наша национальная трагедия. Религия, отвечая за содержание жизни в государстве, формирует сознание. Если в сознании два Христа — *свой и чужой*, значит, в жизни будут свои и чужие. Едва сформировавшееся на базе единства сознание русских раскалывается; кроме того, к этому времени наша страна представляет собой многонациональное и религиозно неоднородное государство — путь внутреннего единства нации через религиозное единение оказался невозможным. Ни набег татар, ни усобицы князей не были так опасны для нации.

Раскол делит русских, основание нации, надвое, еще более усугубляя общую неоднородность, и тем самым постепенно создает две параллельные линии развития: с ориентацией на Запад или на Восток (Византию), то есть на объективистов и субъективистов. Это положение, с одной стороны, своей тяжестью заставляет искать выход, то есть развиваться, но, с другой стороны, формирует такие черты, как подозрительность, недоверие, привычку противостояния и борьбы. Образовавшаяся язва борьбы и противостояния внутри культурного слоя — духовенства, власти и церкви, власти и народа так и не затянулась за всю нашу долгую историю. Государство обречено на бунты, революции, перестройки, если его граждане не являются *согражданами*. Невозможно прийти к целостности и стабильности государства, если нация пребывает в состоянии недоверия и борьбы.

Рассмотрим, как шло соединение начал в каждой из социальных групп государства.

Власть по своей природе призвана определять общий ход и организацию жизни и развития. Можно сказать, что Петр Пер-

вый начал, а Александр II закончил процесс создания объективных форм государственной жизни на этапе развития.

Исторической задачей Петра I была не модернизация сама по себе, а закладка принципиально новых условий, новой колеи, и в этом смысле она успешна. Петр Первый круто повернул Россию на Запад. Петровские реформы сделали Россию сильной державой, империей, вернули ее в общеевропейский процесс. Власть была не только укреплена, что делали и другие, — она стала абсолютной. Такое положение неизбежно означало бесправие двух других составляющих нации: народа и духовенства. Нужен ли был такой крен на Запад? Да, Петра с полным правом называют Великим, потому что он проявил историческую и политическую гениальность. Хорошо понимая природу, дух народа, сложность государства, он интуитивно знал, что Россию необходимо сохранить целостной державой, пока в ней не созреют силы, способные цивилизованно организовать жизнь. И он заложил необходимое: с одной стороны — сильную централизованную власть, обслуживающее ее духовенство и бесправный народ как условия сохранения государства. С другой стороны, заложил основания для развития промышленности, торговли, широкого образования — условия будущей цивилизованной жизни. Были созданы центростремительные и центробежные силы. Реформы Петра Первого — яркое свидетельство нашей евразийской природы. На этом этапе эволюции других вариантов соединения начал, по всей видимости, не было.

Если рассматривать каждый аспект, каждую область функционирования государства, то видно, что в последующие царствования совершаются шаги, углубляющие начатое Петром. Любой объективный шаг должен быть соединен с субъективными ценностями, то есть он должен реализовываться в соответствии с религиозно-нравственными понятиями общества (внутри сословий) и вести к цели этого периода: конституционному строю, гражданскому обществу; к частной собственности, позволяющей индивидам организовывать собственную материальную жизнь без надежд на царя, государство, помещика, при этом не только сохраняя субъективные ценности, но и развивая их.

Следующие два века российской истории — это рост семян, посеянных Петром. Остановимся на второй половине XIX века,

явном свидетельстве результатов Петровских реформ, когда Россия могла закончить этап эволюционного развития как государства северной зоны планеты, осуществляя тем самым свою планетарную задачу.

В царствование Александра Второго настает время активного развития всех форм объективной жизни: и освобождение крестьян, и разрушение сословной отчужденности, и земская реформа — ведут к децентрализации и началу гражданского общества; кроме того, освобождение крестьян создает рынок рабочей силы, постепенно в сельском хозяйстве возникают товарно-денежные отношения. Россия за несколько десятилетий по ряду показателей достигает уровня европейских стран, потративших на развитие капитализма двести лет. Это одна линия развития, и в ней проявилось русское «долго запрягает, да быстро едет».

Время Александра II — это достижение некоторого баланса: отмена крепостного права, буржуазные реформы, подготовка конституции, личная образованность царя и наряду с этим реакционная политика после Польского восстания. Конец крепостничества, то есть создание условий для индивидуального самосохранения, и готовность принять конституцию — свидетельство окончания этапа развития государства. Власть к 80-м годам XIX века была готова к новому периоду, но, как это бывает в нашем Отечестве, в самой власти не было преемственности, и следующие два правления не только не завершили начатого, но подвели государство к кризису.

Культура. По причине религиозной и этнической неоднородности: в XVII веке заканчивается активное расширение территорий, значит, определяется состав государства, встает задача нового содержания жизни и нового культурного слоя нации. Вспомним, если назначением России является общечеловеческий способ существования, то вполне понятна необходимость общечеловеческого содержания жизни, основанием которого может быть наука, являющаяся наднациональным, надконфессиональным феноменом.

Петр I положил начало техническому образованию, но, возможно, более существенным было то, что он ограничил власть церкви, разделив светскую и религиозную жизнь. Преданность старине становится выраженной национальной чертой и носит к

этому времени характер не преданности сути учения Христа, а порой доходящей до фанатизма приверженности формам реализации — сложившимся традициям, обрядам. Такое положение тормозит развитие, препятствует нововведениям и не позволяет создать новый общенациональный язык, общее содержание жизни. Считается, что Петр ограничил церковь из-за детских и юношеских страхов, возникших при столкновении с Софьей и стрельцами, но принципиальным было другое. Будучи человеком сильным и более всего преданным благу отечества, он наверняка преодолел бы собственные страхи ради этого блага. Думается, он интуитивно знал, что сложное и территориально, и национально, и религиозно государство вечно удерживать только жесткой централизацией и административным правом невозможно — нужны другие способы, объединяющие нацию.

Православие при нарастающих тенденциях неистовства, верности традициям (по сути, нежелании считаться с другими национальными и религиозными традициями), а то и стремлении подчинить светскую власть (Никон) не могло стать общим содержанием, значит, должно было быть ограничено. На смену религии постепенно приходит культура, способная вместить и природное, и религиозное, и национальное. Ориентированный на Запад, Петр видел средства единения в развитой торговле и активно закладывал ее основы. Но Россия не только Европа. И после Петра начинается медленно формироваться новое содержание жизни: через смену влияний с «немецкого», практического, на «французское», содержательное; сначала на уровне легковесных развлечений (Елизавета), а затем, в царствование Екатерины II, развитие нового образования, нового культурного слоя.

XIX век — время расцвета культуры. Общее содержание и язык в России должны опираться на общечеловеческие ценности. Таким инструментом на том этапе могла стать культура, вобравшая в себя оба начала: идеи западной культурной традиции — личного достоинства, свободы, равенства; и совокупность идей, стоявших за православием, — личного совершенствования, соборности, которая в условиях многонационального государства вела к веротерпимости, признанию политических и социальных прав других народов и народностей. Может быть, самое удивительное качество нашей культуры — это глубокая связь

объективного и субъективного, полноты жизни, *«каждый маленький шаг, жест... соподчинен чему-то жизненно существенному — то религиозной, то моральной, то общественной правде. Русским не свойственен культ чистых ценностей. У русского художника трудно встретить культ чистой красоты, как у русского философа трудно встретить культ чистой истины. И это во всех направлениях»* (Н.А. Бердяев). Но как религиозная практика, доходя до совершенства, отрывается от реальной жизни (за редким исключением), так и культура, достигая высот, теряет связь с обществом, властью и народом и неизбежно в силу этой самозамкнутости оказывается в кризисе. Содержание культуры XIX века не стало содержанием жизни государства, не привело нацию к внутреннему единству.

Православие продолжало определять субъективную жизнь народа, в том числе в национальных анклавах, через административное и юридическое право, опирающееся на русскую, то есть православную традицию. Крестьянство, городское население, да и немалая часть дворянства, живущая в провинции, сохраняет преданность патриархальным порядкам, тем самым не позволяя нации отринуть субъективную жизнь, сделать ее незначимой. Но постепенно православие становится не столько религией, сколько идеологией и традицией, пронизывающей весь уклад жизни основной части общества.

Подхватить упавшее знамя Святой Руси должен был культурный слой нации. Почему этого не произошло? Ярчайшие звезды и созвездия нашей культуры — это примеры и образцы нравственности. Поднимаясь до нравственных высот духовных подвижников Руси в собственной жизни и творчестве, представители культуры не смогли это сделать в общегражданской жизни. Не было единства в самой культурной среде, тем более не могла она выступить в качестве объединяющей силы. Отсутствовала общая идея, способная смирить и примирить яркие индивидуальности и тем более объединить нацию.

Духовенство — носитель соборности (единство во множестве) — само было расколото и в силу сложившихся обстоятельств занимало обслуживающее власть положение. Культура, наука, интеллектуальная среда, явившиеся следствием западного образования (другого не было), усвоили и западный дух обособлен-

ности и безбожия. Сказанное не означает, что они были людьми неверующими, но в сознании преобладало «я», не было Бога или Закона, а значит, каждый был сам по себе. Такое положение приводило, не могло не приводить, к позиции стороннего созерцания или же борьбы. Содержание культуры не питало народную жизнь, а на власть оказывало нельзя сказать, что благородное воздействие, скорее вынуждало ее защищаться и противостоять. Развитие философии, «великий спор» западников и славянофилов, идеи «почвенников», идеи космизма фактически возвращали национальное сознание к истокам: единству мира и человека, но в системе научного мировосприятия и способа действия, что могло бы стать теоретической базой для самоопределения. Но идеальный ментальный образ национальной жизни, цель самоопределения, не был сформулирован. Кроме того, к этому времени образуется часть культурного слоя — революционеры: радикальные экстремисты, безгранично верившие в возможность «общества, среды» изменить нашу жизнь к лучшему. Отсутствие единства в культурной среде, а тем более общенационального единства не позволило нации полноценно пройти период развития.

Однако, несмотря на все сложности, был вновь подтвержден главный звук российской души — в идеях космизма наглядно проступает гениальная природа: целостность и единство мира и человека.

Народ. Явлением, серьезно повлиявшим на развитие России, было окончательное установление крепостного права в середине XVII века. Оно усилило отставание от Европы, вызванное переменой места жительства и монголо-татарским нашествием. Крепостное право, то есть зависимость народа от помещика, от государства, не позволяет освоить основной эволюционный опыт этого периода: способность индивидуально организовать материальную жизнь. Мы часто драматизируем собственную историю. Крепостное право в России возникло позже, чем в Европе, и позже было отменено, но по формам нельзя сказать, что принципиально отличалось от западных.

Здесь можно сказать об ошибке, которую мы часто допускаем, говоря, что русский народ пассивный. Причина в том, что не видим, как проявляется активная природа, — она не спит,

а накапливается, постепенно ищет приемлемую форму, сочетающуюся с нравственными понятиями. Внешняя активность проявлялась в мощном бунте или мощном рывке в развитии. Кроме того, всегда были возможности для проявления внешней активности — казачество, главным образом беглые крестьяне; внутри всех сословий, в том числе в крестьянской и казачьей общинах, всегда существовала прямая демократия: выборность старейшин, согласование индивидуальных интересов, коллективное принятие решений. Да, материальная жизнь была нелегкой, но и не такой, какую мы рисуем себе сегодня. Нужно помнить, что бунты были направлены не на существующий строй, а против помещиков, т. е. возможность общности, человеческих отношений была более значимой, чем материальные трудности. Яркое проявление в Столыпинскую аграрную реформу, когда крестьяне отказывались выходить из общины, то есть становиться единоличными собственниками, жить обособленно. Народ, в общенациональном целом, сохранял преданность субъективной жизни, ее значимости.

Показателем освоения эволюционной задачи того или иного периода развития является народ. Укоренение той или иной способности в большинстве народа есть основание для дальнейшего движения. Освобождение крестьян и последующая земельная реформа П.А. Столыпина были шагами, способными обеспечить освоение народными массами способности организовывать свою материальную жизнь без надежд на государство или помещика. Реформы не были закончены, больше того, последующие события — революции 1905, 1917 годов, мировая и Гражданская войны — свели на нет предшествующие усилия. Эволюционный этап развития государства не был завершен. К тому же Россия оставалась в целом страной неграмотной, то есть не готовой к самоопределению. Идеологического единства также не было.

Итак, мы видим, что на этапе развития нация учится сохранять равнозначными обе природы, если же развитие одной линии идет интенсивно, вторая неизбежно ущемлена и требует компенсации. Например, после Петра I до 60-х годов XVIII века — явный застой в объективной жизни; при Екатерине II — активная закладка и формирование нового содержания, нового правящего класса, нового культурного слоя (субъективная жизнь), и в то же

время крепостничество (объективная жизнь) достигает своего крайнего выражения, выступления крестьян носят особенно неистовый характер.

К концу XIX века необходимость перемен чувствуется во всех слоях общества. Идеи и идеалы будоражат Россию, но россияне плохо знают себя: наша черта быстро откликаться на идею, сочетающаяся с преданностью ей, а главное, преданностью своему пониманию этой идеи, соединенная с потребностью неистово бороться за нее, быстро приводит к стагнации, а затем и к разрушению. Время развития закончено, оба природных начала не только способны равнозначно самосохраняться, но и развиваться.

Назовем главное в этом периоде.

1. Задача этапа развития выполнена: нация научилась не только сохранять оба жизненных начала равнозначными, но и развивать их.
2. Подготовлены основы нового содержания жизни, вобравшие в себя оба начала и опирающиеся на общечеловеческие ценности; создан более широкий и сословно не связанный культурный слой.
3. Разобщенность в соответствии с типом сознания власти, культурного слоя и народа, неоднородность государства создают трудные условия для сохранения и развития, вынуждают использовать централизацию и корпоративную структуру общества.
4. Этап эволюционного развития закончен, но явно не хватило времени, чтобы закрепить главные результаты — индивидуальное самосохранение, первые шаги общегражданской жизни государства; содержание жизни сделать общим.

Важным было и то, что, несмотря на все многосложные условия, Россия принципиально не отставала от других государств северной зоны планеты, тем самым исполняя свое предназначение.

Самоопределение

Попробуем посмотреть на советский период с исторической точки зрения. Прежде всего будем исходить из того, что ни изменить, ни стереть прошлое нельзя — оно с нами и, оставаясь не-

осознанным, диктует сегодняшний день; в то время как осознание прошлого ведет к свободе от него или, как минимум, к контролю и управлению процессами. Мы подошли к самому трудному участку пути, трудному для нас потому, что мы его дети. А дети, как известно, делятся на тех, кто не понимает родителей, и тех, кто думает, что понимает...

Но разум требует понять, чтобы не повторить ошибок. Вселенная разумна, и человек в ней не исключение, а значит, он подчинен законам, порядку мироздания. Незнание Закона не меняет существа дела, но создает зло и страдание.

Задача периода — национальное самоопределение, или формулирование представлений нации о положительной общей жизни, закреплённое Конституцией. Подобная задача предполагает ряд условий: общую идеологию (как систему взглядов, определяющую и регулирующую жизнь общества), институализацию образования, социализацию всех слоев населения, создание условий социального и гражданского взаимодействия.

Назовем внутренние и внешние условия на начало XX века, определившие ход дальнейших событий. Но прежде сделаем небольшое отступление. Как утверждает современная наука, эволюция Вселенной имеет интегративную направленность, или целостное направление развития, что предполагает также целостное направление развития человечества. Ретроспективный анализ истории позволяет говорить о том, что XX столетие — время подготовки к XXI — веку общечеловеческой жизни. К этому времени северное человечество (значит, и Россия) должно закончить этап развития и пройти самоопределение и самоутверждение (которые могут повторяться). И западное, и восточное человечество в основном завершили освоение соответственно внешней и внутренней жизни со всеми плюсами и минусами. России, чтобы оставаться полноправным участником мировых процессов, к XX веку необходимо было завершить и закрепить задачи предыдущего периода, а именно:

- закрепить умение индивидуального самосохранения;
- обрести общенациональную ментальность в системе общенациональных понятий, ценностей, смыслов, способную привести нацию к субъективному единству.

Это позволило бы оказаться на стадии самоопределения.

Что мешало нашему государству начать процесс самоопределения в начале XX века?

1. *Способность самостоятельно организовывать материальную жизнь не была укоренена в поколениях.*
2. *Отсутствовала общая ментальность: общий для нации тип мировосприятия, способ переработки информации, общий коммуникативный язык в системе общечеловеческих понятий.*
3. *Следствием перечисленного было отсутствие субъективного единства, что делало задачу национального самоопределения практически неразрешимой.*

Общее положение было зыбкой почвой, вряд ли способной выдержать здание общечеловеческих ценностей в многонациональном государстве. Когда нет уверенности в безопасности, общечеловеческие ценности становятся маской, прикрытием собственных слабостей или амбиций. Народ был неграмотен, разобщен, не было связи с властью и культурной средой. По объективным и субъективным причинам религия хоть и оставалась основой содержания жизни русского населения и административного права, но не являлась объединяющей силой, как когда-то, и не включала интересы, ценности других этнических, конфессиональных, социальных групп. Общая картина усугублялась положением в культурном слое и во власти. Культурный слой не только не связывал власть и народ, что могло бы, например, обеспечить если не глубокий, то широкий охват образованием народных масс, но можно сказать, что его представители делали все возможное, чтобы расшатать государство. Духовенство послепетровских времен так и не смогло стать авторитетной силой. Часть культуры обособленно созерцала жизнь, уйдя в творчество; другая, немалая часть яростно боролась и внутри собственно культуры, и с властью, наполняя пространство политическим нигилизмом.

Попытки Александра II и Александра III остановить надвигающуюся революцию не увенчались успехом. Безответственное поведение некоторой части культурного слоя нации достигло кульминации в годы правления последнего Романова. Император Николай II, как и его отец Александр III, не был предназначен для царствования и не получил необходимых для этого знаний и навыков государственного управления. Более того, в отли-

чие от Александра III, по своим личным качествам был человеком совсем не расположенным к решительным и ответственным действиям. Будучи человеком религиозным и высоконравственным, он оказался не способен твердой рукой удержать власть и порядок в государстве. Последствия не замедлили сказаться...

Главная проблема была в отсутствии общенациональной ментальности, так как общее миропонимание, восприятие, установки и стереотипы мышления, переработки информации могли бы преодолеть предыдущее отставание как в вопросах объективной (материальной, социальной), так и субъективной (в том числе религиозной, духовной) жизни. Не было элементарной грамотности, тем более общего образования и их следствия — социальных структур общечеловеческого взаимодействия — необходимых условий для самоопределения. Перечисленные внутренние условия дополнялись и факторами другого порядка, подталкивающими к самоопределению:

- политическая мысль, движения, партии, теоретически или практически готовые взять власть;
- были обозначены, но не сформулированы принципиальные подходы к национальному существованию (идеи космизма, почвенничества), позволяющие сформулировать ментальный идеал общенациональной жизни, самоопределиться;
- народ, освободившийся от крепостничества, в определенной степени был готов к более активной социальной жизни.

Внешние условия: готовность северного человечества к процессам общепланетарной жизни оказывала свое воздействие на внутрироссийские процессы.

Можно ли было полноценно участвовать в мировом процессе? В сложившейся ситуации вряд ли. Закрепление индивидуального самосохранения неизбежно связано с созданием мелкого и среднего бизнеса, а значит, с обособленностью, разобщенностью. В наших условиях, при отсутствии идеологического единства, общей ментальности, громадной неосвоенной территории, многонациональности, многоукладности и пр., это заняло бы не одно столетие. Если бы мы начали решать эти проблемы по примеру европейских стран, мы бы не только не сохранили статус России в мире, но, вполне вероятно, могли увеличить отставание. Нельзя забывать о последствиях монгольского нашествия и кре-

постного права. Западная Европа освободилась от крепостничества в XVI–XVIII веках и в течение 150–200 лет решала эти вопросы. К тому же в Европе это происходило в условиях очень плотного существования, то есть сама жизнь заставляла активно взаимодействовать, учиться друг у друга, считаться друг с другом и создавать технологию и культуру материальной и социальной жизни. У нашего государства не было такого резерва времени. XXI век был не за историческими горами.

И Провидение повело нас другой дорогой, нравится нам это сегодня или нет.

Задачей периода «самоопределение» является определение *всей* нацией своего понимания порядка общей жизни и последующего его утверждения. Стало быть, нация должна иметь общую ментальность. В условиях тотальных диспропорций, имевшихся на начало XX века, такая задача становилась нереальной, особенно если учитывать необходимость соответствовать планетарным процессам. Разделим советский период на временные отрезки, фазы, имеющие принципиальные отличия.

1917–1922	Революция, Гражданская война	Кризис. Заканчивается предыдущий этап эволюции
1923–1929	Большевизм	Поиск и попытки самоопределения
1930–1941 1941–1955	Сталинизм	Самоопределение — создание однородности и национальной ментальности. Самоутверждение
1955–1970	«Оттепель»	Исправление перегибов, т. е. выравнивание сталинского периода
70-е — сер. 80-х	Брежнев	Стагнация
сер. 80-х — 90-е	Горбачев Ельцин	Перестройка. Кризис

Как в жизни отдельного человека, так и в существовании нации период самоопределения в норме сменяется самоутверждением, утверждением заявленного, но и в жизни человека, и в су-

ществовании нации процесс самоопределения может повторяться. Количество повторов зависит от качества самоопределения, от того, насколько адекватно генеральной направленности исторического существования определены цели и задачи развития.

Вернемся к вопросу национального существования.

Задачу периода *самоопределения* можно было осуществить только при условии соединения, синтеза внешней и внутренней жизни в масштабе всей нации. На начало этапа страна во всех сферах жизни имеет тотальную неоднородность, что в принципе исключает синтез объективной и субъективной природ в масштабах нации. Отсутствие субъективного единства в условиях двадцатого столетия: тенденции ускорения и интеграции существования, идеологических конфликтов — имело бы крайне негативные последствия для России. Это принципиальное положение, которое практически не осознается. Рассмотрим каждую из фаз, выделяя главное.

1917–1922 годы. С точки зрения эволюции государства конец предыдущего периода (фактически 1914–1922 годы) — это кризис, или переход на новую ступень развития. В нашем случае кризис всегда тотален, результатом его становится новая парадигма общественных отношений. Это могли быть не большевики, а какая-нибудь другая партия, в любом случае все произошло бы так или примерно так. Большевики оказались более решительными и целеустремленными. Они не приехали откуда-то, они такие же, как все мы, — преданные своему пониманию идеи и готовые бороться за нее. Нужно помнить, что по ту и по другую сторону были россияне, и те и другие дрались за свое понимание жизни. Победа досталась большевикам, так как они, в отличие от других партий, активно шли в массы, взаимодействовали с народом, имели, хоть и неглубокое, но целостное видение жизни (религиозной веры к этому времени у большинства народа не было), их лозунги отвечали внутренней потребности большинства нации. Меры, принятые ими по сохранению государства, были естественны для любой власти. В нашем представлении эмиграция первой волны — миллионы людей, но в действительности значительное количество этой эмиграции было населением территорий, отошедших от России (Польша, Финляндия, Прибалтика, часть Белоруссии); кроме того, много россиян выехало сразу после

Февральской революции — приверженцы монархии или те, кто собирался переждать трудные времена вдали от родины.

1922–1929 годы — идет поиск форм государственного управления, экономики, организации социальной жизни в соответствии с заявленными целями. Это время перепутья, в такие исторические моменты хорошо видна наша двойственная природа, наша готовность двинуться то ли на Запад, то ли на Восток. Ленин и его окружение выбрали Запад (НЭП), но это могло затормозить развитие, так как скорей всего не обеспечило бы в тех условиях быстрого ментального роста нации, необходимого для субъективного единства. Активное развитие частной собственности неизбежно означало бы обособленность и очень медленное движение к субъективному единству. Россия в этом случае значительно отстала бы от государств северной зоны планеты.

Большевиками, по сути крайними западниками, были выдвинуты соответствующие ценности: социальное равенство, свободы, права. Россия с 1917 по 1929 год — это Великая французская революция на русской почве. Революция по природе явление западное, внешнее, восточные революции правильнее назвать освободительными войнами. Активно взявшись переделывать государство, Ленин и его сподвижники, видимо, достаточно быстро обнаружили несостоятельность затеянного. В газете «Известия» в начале перестройки была опубликована статья с цитатой секретаря Ленина о признании последнего в том, что большевики ошиблись, так как нельзя перескочить из феодализма в социализм. Говоря языком данной работы, было осознано, что сначала должен быть закончен период *развития*, то есть освоена способность индивидуально самосохраняться (с точки зрения западного сознания это означает способность организовать материальную жизнь). Отсюда НЭП.

Но человек предполагает, а Бог, Закон, Судьба располагают. Более важным оказалось развить национальную ментальность, чтобы позже «подтянуть» умение организовывать материальную жизнь. Быстро, в срок, то есть к XXI веку, это можно было сделать только через единство содержания жизни: веры в единого Бога, или единой идеологии. Но общего содержания жизни в России не было. Большевики, западники, положили начало созданию идеологии, но быстро внедрить в народное (преи-

мущественно интровертное, восточное) сознание европейские ценности было невозможно. Дело не в неспособности понять, а в принципиально другом типе восприятия, ума и в умении найти формы осуществления материальных и социальных норм, соответствующих требованиям времени (особенности правополушарного функционирования мозга); Запад искал их тоже не быстро. Поэтому Ленина и большевиков должен был сменить Сталин и коммунисты — проявление восточного начала. Так всегда в нашей истории: объективисты-западники задают импульс к развитию, всегда крайний, а потому отторгаемый основной массой, представители которой проявляют скорее восточную природу. Затем субъективисты-восточники перехватывают инициативу, тоже в крайних формах. Постепенно наступает некоторое равновесие, потом все повторяется на новом витке. Сталину, вне зависимости от нашего личного отношения к нему, удалось консолидировать нацию и методом жесткой стандартизации внедрить единую идеологию. В кратчайшие исторические сроки, тяжелой ценой нация научилась думать о делах общечеловеческих. Неглубокий уровень этих дум был неизбежен. Но в принципе вопрос был решен.

1930–1955 годы. Сталинский период. Чувство тягостного недоумения вызывает это время. Как могли сосуществовать тоталитарный режим, уничтожающий собственный народ, и состояние общего энтузиазма, готовности к свершениям, жертвам? И дело тут не в неграмотности или неразвитости.

Что бесспорно оказалось в плюсе? *Всеобщая грамотность, ликвидация диспропорций во всех сферах жизни привели к созданию общей ментальности, субъективного единства — основания для самоопределения в нашем государстве.* И то и другое было сделано в кратчайшие исторические сроки. Несопоставимо тяжелой ценой? Да, но до стадии самосознания вследствие нашей двойственной природы и многосложных условий жизни это неизбежно. Можно ли было выполнить эволюционную задачу — достижение определенного синтеза — при столь тотальной неоднородности: объективной — природно-экономической; субъективной — социально-культурной, национальной и религиозной? Необходимо признать, что высокий уровень развития представителей культуры и безграмотность основной массы на-

селения создавали колоссальный разрыв, «замостить» который другим способом, пожалуй, было невозможно, во всяком случае за короткий исторический период к XXI веку. Конечно, полная однородность не была, да и не могла быть достигнута, не только в силу незначительной временной дистанции, а прежде всего из-за незнания собственной природы, реальных задач, целей и возможностей.

В «самоопределении» внимание нации направлено на желаемые ценности, которые в процессе самоутверждения, то есть утверждения этих ценностей, корректируются, постепенно приводя нацию к самосознанию. В силу природной двойственности разрыв между желаниями и реальными возможностями всегда велик, но эволюционные законы, по всей вероятности подчиненные циклам мироздания, нельзя отодвинуть. Мы должны были идти в ногу со странами Запада и Северной Азии, что означает завершение одного и того же периода развития: самоопределения и самоутверждения, что и имело место.

Существовал еще один бесспорный факт. Советский Союз — государство, с которым считались в мире. Все три результата: общая ментальность, субъективное единство, мировое признание — свидетельство самоопределения и самоутверждения, говорят о балансе объективной и субъективной жизни или о движении нации к собственному предназначению. Если рассматривать вопрос не с точки зрения нашего сегодняшнего восприятия, а самовосприятия и самоидентификации участников процесса, то будем вынуждены признать — подавляющее большинство воспринимало свое существование положительно, и даже те, кто видел и понимал происходящее, обратную сторону медали, верили, надеялись на некую целесообразность. А. Платонов, которого вряд ли можно заподозрить в симпатии к советской власти, писал: *«Страна темна, а человек в ней светится»*. Так бывает только в случае баланса внутренней и внешней жизни. Впервые в нашей истории имело место общенациональное равновесие, относительная однородность жизни: имущественная, социально-правовая; культурная, субъективная жизнь также была однородной — православие сменила советская идеология, которая, по сути, отвечала глубинным запросам нации. Главное было в том, что нация, а не отдельные индивиды или группы, училась соеди-

нять, согласовывать оба природных начала. Фактическое же отсутствие гражданских свобод, чудовищная карательная система, по сути, заставляли человека сосредоточиться на внутренней жизни и тем самым приближали неминуемый крах и будущие преобразования. Так же как сильный человек в тяжелых условиях, под давлением идеологических запретов концентрируется на внутренней жизни, рождая новые идеи, обнаруживая новые пути развития, так и сильные духом нации способны не только вынести трудные условия, но и найти пути к обновлению, возрождению.

Обычно на подобные утверждения звучат протесты под общим лозунгом: «Искать оправдания насилию — преступление против человека! Утверждать подобное — это возродить насилие и т. д.». Но нет никакого поиска оправданий. История не имеет обратного хода, более того, история — это эволюция, имеющая характер движения по спирали. И даже если какие-то элементы повторяются на новом витке спирали, это свидетельствует только о недостаточно освоенном опыте, о непонимании стратегических и тактических задач периода. Необходим анализ, выявляющий характерные как минусы, так и плюсы. Чтобы на очередном витке спирали повторилось то лучшее, что в нас есть, мы должны научиться различать, видеть причины, смысл.

Другой удивительный, хотя и закономерный феномен того времени, — это то, что наш народ перестает быть «пассивным». Когда жизнь организована в соответствии с внутренними потребностями, даже если они условны или в чем-то иллюзорны, человек, нация проявляют свою природу, становятся целостными. Это нужно подчеркнуть: нация в этот период становится субъективно единой и заявляет о своем понимании общей жизни. И иллюзии, и откровенные заблуждения при первой попытке самоопределения характерны для любого народа.

Что мы должны понять, какой урок вынести из этого опыта? Советская идеология как таковая создана в 30-е годы Сталиным и коммунистами, по природной ориентации — восточниками, что означает опору на субъективные ценности. Именно удовлетворение субъективных запросов, пусть и упрощенно понимаемых, позволило в очень короткие сроки практически дважды создавать современную промышленность и возрождать сельское

хозяйство, выстраивать объективную жизнь. Для многих наших сограждан советский период равнозначен брежневскому, но время Л.И. Брежнева — это стагнация. (Когда нет самосознания, нация и человек учатся через ошибки и кризисы.) Кроме того, явные успехи Запада в организации жизни наступают после 60-х, то есть упадок у нас и эффективное развитие на Западе — этот контраст усугубляет отрицательное отношение к советскому периоду.

В силу неглубокого субъективного единства, идеологизированного образования, поспешных, нередко насильственных и нетрадиционных по форме методов внедрения государство не могло сохраняться и развиваться: для этого нужны были другие способы. Ими стали тотальная стандартизация и мощная карательная система. Что касается стандартизации, главный вывод, вероятно, заключается в том, что стандартизации, или унификации, должны подвергаться те сферы общей жизни, которые действительно нуждаются в унификации, но не может и не должна стандартизироваться субъективная жизнь людей. Восток, то есть субъективная жизнь, как известно, «дело тонкое» и, можно добавить, требующее времени и не терпящее насилия. Настоящей проблемой, определившей в конечном счете порядок вещей, была не стандартизация и даже не чудовищный карательный механизм. В саму систему был заложен механизм саморазрушения. Претендуя на универсальность, советская идеология в действительности исключила универсальное: Бога, или Закон. Созданное человеком неизбежно несет в себе его ограничения. Присвоив право конечной истины, идеология перекрыла возможность роста, развития, обрекла себя на страх, на необходимость тщательно следить за незыблемостью всего ею созданного; не позволяла вопросов, сомнений, тем более несогласия. Но отсутствие движения — это смерть. Кратковременность была заложена изначально, а методы еще больше приближали неизбежное. Это хороший пример, как идеалы превращаются в идолов и вместо ожидаемого блага несут зло и страдание. Нужно понять, что проблема не в идеях и идеалах, а в их интерпретации и методах реализации.

К середине 1950-х нацией были пройдены характерные для нас фазы периода: с ориентацией на внешнюю (большевизм)

и внутреннюю (сталинизм) жизнь — и, следовательно, приходит время некоторого равновесия.

1955–1970 годы. «Оттепель». С середины 50-х и почти до конца 60-х годов наступает время «оттепели», нравственного обновления, обретения нового уровня равновесия двух начал. Реабилитация жертв массовых репрессий, предпринятые реформы властных структур, некоторое расширение прав союзных республик, общественных организаций вызвали волну энтузиазма и в определенной мере нового баланса начал. В период ритма, стабилизации уравниваются, выравниваются перегибы, имевшие место в процессе мобильного развития, которые необходимо было закрепить, утвердить. Однако «оттепель», выравнивание, практически не коснулась народных масс, а власть не только не представляла собой однородность и единство, но и не имела осознанной стратегии развития. «Оттепель» была недолгой, и вслед за ней наступило время стагнации (1970–1980).

1970–1980 годы. Стагнация. Не меньшим, чем сталинские методы, а под углом дальнейшего развития нации, может быть, и большим злом была брежневская эпоха. Безнравственность и бездеятельность, как противоположные проявления национального идеала, характеризуют наше существование, когда приходит время стагнации. Так было перед Смутой, перед революцией и перед надвигающимся кризисом девяностых. Но, в отличие от подобных прежних периодов, раковая опухоль распознана по всему организму. Нормой становятся «халтура», «халыва», воровство, пьянство. Конечно, рядовой гражданин ворует не так, как большой начальник, да и живет не в таких условиях, но тем не менее это становится общим местом. Присутствуют, конечно, достижения и в космосе, и в области спорта, искусства, и духовный подвиг единиц, но в целом нация переживает нравственную болезнь. Утрачены смысл и вера — то, что всегда дает силу, тем более россиянам. Можно ли было этого избежать? Маловероятно. Допустим, что руководителем страны стал бы не Брежнев, а Андропов, человек умный, сильный, — смог бы он увидеть вещи принципиальные: необходимость создания условий для индивидуального самосохранения, то есть частной собственности; необходимость предоставить гражданам право свободного выбора в вопросах субъективной жизни? Андропов был не

только порождением советской идеологии, но и, являясь политическим лидером всю свою жизнь, он был ее активным строителем и не сумел бы посмотреть на систему со стороны. Те, кто мог видеть, — не имели рычагов, те, кто имели, — не видели. Другое дело — Горбачев и Ельцин, они формировались в 60-е, у них другой взгляд, другое отношение, и потому они смогли начать разрушение отжившего.

Советская идеология строилась с опорой на субъективную природу нации, что и позволило объединить народ. Но отсутствие глубокого понимания и двойственной природы россиян, и общей задачи развития неизбежно вело к исторически кратковременному существованию самого строя. Что это за время с точки зрения эволюции государства? Это была преждевременная и скоропалительная попытка осуществить стадию самоопределения и самоутверждения, не закончив как должно этап развития. Более того, советское государство пыталось осуществлять элементы реализующейся нации, то есть помогать другим народам, учить их. До этапа самореализации (наступающего после обретения самосознания) ничего, кроме психологической и материальной зависимости, нельзя дать другим. Войны, революции, репрессии, голод, разрушения в основном уничтожили ту часть народа, которая более или менее научилась организовывать свою материальную жизнь. Колхозы, совхозы, да и другие советские формы хозяйствования, в принципе не могли решить эту задачу развития. Фактически самостоятельное, индивидуальное самосохранение так и не было качественно освоено, и сегодня мы видим последствия этого в пробуксовке экономических реформ.

Но у нас есть и другое следствие, способное в достаточно короткие сроки привести нацию к следующему шагу в развитии, — общая ментальность, которую, увы, мы стремительно теряем. Советская идеология быстро, хотя и очень упрощенно, научила народные массы думать об общих делах. Сталин и коммунисты делали упор на субъективные, то есть человеческие ценности, сводя их к примитивным формам. Была создана государственная структура социального взаимодействия, то есть понимаемые закон и правила общечеловеческой жизни осуществлялись в жизни граждан. Это есть хоть и примитивное, но самоутверждение. Таким образом, несмотря на поверхностность, искажение, а то

и извращение идеалов, в течение 70 лет был пройден путь, на который в противном случае ушло бы не одно столетие. Мы лихо, но поверхностно прошли самоопределение и самоутверждение. Другим оно не могло быть, так как опиралось на достижения, хоть и реальные, но выхваченные из общего контекста, к тому же при тотальной зависимости народа от власти. Поэтому чуть дрогнула почва, мы тут же сами забросали себя камнями.

Теперь о культуре в советский период. Это лучшее, что было в то трудное время. Как никогда ранее в нашей истории, объемно и многопланово культурный слой полноценно выполнял свое гражданское назначение: обеспечивал содержание жизни и связь власти и народа. Дело не в самом содержании, то есть идеологии, а в том, что была исполнена гражданская функция, обретен опыт. Культурный слой в советский период составлял значительную социальную группу нации, связанную с народом и, в определенной степени, с властью и обеспечивающую единство нации, дух взаимопонимания и созидания. Культура имела в себе всю совокупность собственного назначения: обеспечивала содержание жизни, была доступна и власти, и народу, в недрах своих растила семена будущего, отстраненно наблюдала настоящее, храня идеалы нравственности, и боролась за эти идеалы, за наше общее будущее.

С точки зрения развития нации принципиальным было достаточно быстрое внутреннее развитие: активное некоторой части культурного слоя и пассивное основной части населения. Внешняя активность, инициатива были подавлены идеологией, заставляя сконцентрироваться на осмыслении нашей жизни, на поисках причин и выхода. Эта внутренняя активность не замыкалась в узком кругу, как это было в XIX веке, а через подтексты, контексты, иносказания, песни, стихи, анекдоты влияла на общество и подготавливала его к будущим преобразованиям.

Нам осталось рассмотреть еще один вопрос: был ли советский период движением к собственному предназначению? Социализм (общество справедливости, равенства, свободы), объявленный большевиками в качестве цели и идеала и дополненный коммунистами: «воспитанием духовного, гармонично развитого человека», — можно было бы считать ментальным оформлением национального идеала общей жизни, что и было задачей само-

определения. Но, понимая все еще сохраняющуюся пристрастность к советскому прошлому, не будем настаивать на этой формулировке сегодня. Обозначим ее суть: организация общечеловеческого способа существования, что означает равнозначность духовного и материального, внутреннего и внешнего в системе наднациональных, надконфессиональных понятий, ценностей, смыслов. В заявленной цели, идеале сошлись наши западные и восточные ценности — внешний и внутренний человек. Беда не в том, что мы быстро откликаемся на идеалы, а в том, что, откликнувшись, мы немедленно хотим иметь его в наличии и к тому же превращаем в идола.

Процесс самоопределения, то есть ментального оформления идеала национальной жизни, сопровождается ростом общественного мнения или созданием национальной ментальности. По мере этого роста в культурном слое возникает движение, направленное на необходимость совершенствовать этот сформулированный образ. Такой порядок вещей закономерен для любого государства, проходящего подобный эволюционный этап. На нашей почве в силу двойственности и максимализма нашей природы все обретает более яркие краски.

Главным результатом советского периода было дальнейшее движение нации к предназначению. Если в период *роста* каждое из начал закладывалось поочередно, без помех, противостояния, для того чтобы глубоко войти в подсознание и стать национальной инстинктивной потребностью, то во второй период — *развития* — оба начала параллельно сохраняются и развиваются, находя формы соединения двух природ, разные у разных групп нации. На третьем этапе эволюции, *самоопределении*, можно видеть определенный синтез начал и сформировавшуюся национальную ментальность, способную привести к субъективному единству.

Выводы советского периода:

1. Фазы самоопределения и самоутверждения пройдены, нация впервые в своей истории приходит к определенному синтезу двух природ, осуществляя тем самым дальнейшее движение к предназначению.
2. Всеобщая грамотность, базирующаяся на единой идеологии и общей культуре, создает национальную ментальность —

условие, которое при правильном использовании могло привести к демократической организации жизни и общности.

3. Советская идеология в рационально-упрощенных формах повторила идеи православия (общность, жертвенность ради будущего, личная нравственность) и тем самым обеспечила субъективное единство и заинтересованность в преобразованиях, которые позволяли нашему народу в короткие исторические сроки добиваться положительных результатов в разных областях жизни.
4. В советский период не только не были устранены недоработки предыдущего периода (отсутствие индивидуального самосохранения), но были допущены ошибки и перекосы в развитии промышленности (акцент на группе А) и в сельском хозяйстве, в организации социальной жизни на основе демократии.

1985–1990 годы. Перестройка — это время, когда нация работает над совершенствованием образа национальной жизни. Как всегда, у нас инициатива принадлежит той части населения, в которой объективное начало доминирует. Зажатая в сталинско-брежневское время западная природа, акцентирующая материальную жизнь и социальные права, диктовала условия и стиль жизни.

Дело не в том, чтобы отказаться или не считаться с материальными потребностями, правами и свободами, а в том, чтобы *параллельно* создавать возможности для реализации субъективного начала, не менее важного для россиян. Теперь, когда нация ментально развита, никакие простые или примитивные формы не смогут удовлетворить потребности внутреннего самоопределения и саморазвития. Либерализм, свобода в организации внутренней жизни значительное большинство людей приводит к хаосу, вседозволенности, примитивизму, что не может не вызывать протест, который может привести нацию к новой перестройке.

Имея в виду необходимость национального самоопределения, подчеркнем: нам нужно осознать свой путь, и только после этого двигаться дальше. Слишком дорогую мы платим цену за незнание себя, собственной природы. Да, человечество еще никогда сознательно не строило свою жизнь — это факт. Но, как писал Вл. Соловьев, факт еще не есть основание для того, чтобы и дальше жить бессознательно. Ведь множество фактов, таких как чума, холера,

безграмотность, успешно преодолены, даже если и не везде. Сегодня мы, пускай и с потугами, но остаемся в мировых процессах. И чтобы оставаться в них и далее, мы должны навести порядок в собственном доме, а это значит — сделать правильные выводы из нашего столь нелегкого прошлого.

Глава 2 Современная Россия

Современная Россия — это следствия предыдущего существования. Логично было бы исследовать объективные и субъективные условия национального существования. Но мы не будем останавливаться на *объективных* следствиях предыдущего существования — они хорошо известны и не единожды перечислены. Отметим, что общие объективные условия: состояние природопользования, экономики, промышленности, сельского хозяйства, политический и социально-экономический аспекты национального существования в период с 2000 г. властью (В.В. Путин, Д.А. Медведев) *определены и соответствуют генеральной линии развития России.*

Состояние этих вопросов на начало деятельности В.В. Путина требовало активного внимания и сосредоточенности на внешней: политической, социальной и экономической — стороне существования, результатом чего и была достигнутая стабилизация. Стабилизация — хорошая площадка для начала нового этапа: перехода на стадию самосознания, — но стратегия развития остается неизвестной или сводится к экономике, модернизации, технологизации, что напоминает повторение советского самоопределения (электрификация, индустриализация и пр.). Активность, направленная на организацию внешней — экономической и социальной — жизни, необходима и своевременна, но *отсутствие целенаправленного внимания государства и общества к вопросам внутренней жизни привело к неэффективности предпринимаемых усилий, отстраненности и обособлению индивидов и групп от общей жизни.*

Организация и управление государством в условиях неоднородности и мультифакторности национального существования является, конечно же, нелегкой проблемой. Сегодня причинами неэффективности деятельности власти называют коррупцию, проблемы малого и среднего бизнеса, клановые интересы, отставание в области новых технологий, стагнацию кадровой полити-

ки — эти и другие причины имеют место, но одной из основных причин является психологическое состояние нации.

Главная причина неэффективности или даже инверсии реформ в России — это отсутствие единства нации и, следовательно, единства общепонятного и общепринятого смысла преобразований: у каждой большой или малой, социальной или национальной группы, да и у каждого россиянина, свое понимание необходимого и должного. В периоды, когда перед нацией встает необходимость совместных действий, со всей очевидностью проявляется (или не проявляется) такая национальная черта, как *«самоналагаемая дисциплина»*. Это национальное качество можно обнаружить за всеми достижениями и неудачами: только когда смысл общепонятен, нация обретает удивительное единство, ответственность, дисциплину и согласованность действий, наиболее наглядно проявленные в защите Отечества, когда же единства нет — *«каждый сам себе голова»*. Проблема не в том, что, например, децентрализация лучше, чем централизация, или наоборот, проблема в том, что пока нет национального единства, децентрализация обернется еще более тотальной неэффективностью (как в 90-е), утратой самой государственности.

Для России принципиальным является равнозначное развитие как духовной, так и материальной жизни, и именно отсутствие духовной и внутренней жизни является причиной общей неудовлетворенности и неэффективности предпринимаемых усилий.

Психологическое состояние нации. Негативным фактором современного этапа существования России является отсутствие целенаправленной организации общей духовной и внутренней жизни нации в современных формах и способах, что и определяет текущее состояние всех процессов. Причиной неэффективности предпринимаемых властью усилий и общего психологически нездорового климата в государстве является отсутствие должного для России внимания к вопросам внутренней жизни, что ведет к утрате национальной идентичности. Общее состояние нигилизма (не только правового), коррупции, произвола чиновников, безнравственности и отсутствие осмысленной, адекватной национальным особенностям внутренней жизни нации ввергает россиян в состояние усталости, тщетности усилий и бессмысленности существования, порождает неверие в успеш-

ное будущее страны, националистические проявления, демографические проблемы и, как всегда в таких случаях, лишает сил, ведет к психологическому и соматическому нездоровью. Напомним слова А. Эйнштейна: *«Человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, он вообще едва ли пригоден для жизни»*, тем более это относится к нации. Конечно, имеется некоторая часть населения страны, живущая конструктивно и созидательно в собственной жизни, но для значительного большинства, и даже для вышеназванной группы наших соотечественников, общее состояние и положение дел в государстве рождает бессмысленность, отстраненность и отчуждение.

Когда нация утрачивает общие объединяющие смыслы, надеяться на благополучие и процветание едва ли возможно. Неопределенность будущего или его неадекватность национальным чаяниям, безверие диктуют логику жизни, в соответствии с которой, по словам апостола Павла, царит принцип: *«будем есть, пить и гулять, ибо завтра умрем»* (кроме есть, пить и гулять, можно добавить: брать взятки, совершать преступления и т. д.).

Перелистывая страницы нашей истории, наблюдая за текущими событиями, невольно отмечаешь, что нам *«...часто — увы! увы! — чуждо даже национальное достоинство»* (Н. Бердяев). Во всяком случае, его явно маловато: часто можно слышать и читать не просто категоричность, упреки в собственный адрес, а откровенный негативизм и брань.

Почему человеку, тем более нации, так трудно дается достоинство. Обратимся к толковому словарю С.И. Ожегова: *«Положительное качество. Совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в себе»*, и тут же: *«Оценить по достоинству — составить правильное мнение»*. Последнее определение — составить правильное мнение — и есть основная причина отсутствия достоинства как индивидуального, так и национального. Мы плохо знаем себя: то мы самые великие, умные, святые, человечные, то — самые неумные, безнравственные, бесчеловечные, сервильные. Неизбежные спутники незнания себя — превосходство и неполноценность. Последние как сямские близнецы: когда на переднем плане — превосходство, где-то рядом прячется неполноценность, и при первой же возможности они поменяются местами.

Конечно же, в россиянах есть много хороших качеств, и не без основания мы гордимся ими, но есть и их противоположности. На пути к национальному единению нам предстоит осознать антиномичность собственного характера. Достоинство не самоцель, а результат самосознания, которое только и может привести нацию к психологическому здоровью, а вслед за ним к благополучию и процветанию.

На всем протяжении нашей истории не раз звучала мысль, что ни политика, ни экономика, ни социальность — никакие внешние меры — не давали и не дадут в России *устойчивых позитивных результатов*. Когда имеет место психологическая нестабильность и отсутствует идеологическое единство, в России начинается *«какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму»* (Ф. Достоевский). По причине нашей природной двойственности, когда мы сосредотачиваемся на одном, например материальном, — через некоторое время увлекаемся противоположным: идеализмом, обеспеченным авторитарными методами. Когда же нация существует в единстве внешнего и внутреннего, имеем стабильность и эффективное развитие. Например, после Великой Отечественной войны, по оценкам Запада, Россия могла восстановить народное хозяйство не ранее чем через двадцать пять — тридцать лет, однако уже в начале 50-х довоенный уровень жизни был восстановлен. Причина послевоенных успехов и достижений в психологическом состоянии нации, которое, хотя и в условиях авторитарности, было решающим фактором.

Вопрос не в том, чтобы отказаться, например, от либеральных ценностей, децентрализации, новых технологий и т. д. Вопрос в другом — в подлинном гуманизме: *гармонии и мире, позволяющих человеку осуществить свою судьбу*. И гармоничный мир, и осуществление своей судьбы в понимании различных субъектов имеют свои особенности, продиктованные способом существования. Но в нашем государстве на протяжении всей истории имеет место чередование то доминанты западного, то доминанты восточного способов существования, что неизбежно оборачивается игнорированием ценностей и смыслов существования для одной из групп и ее неучастием в общей жизни. По необходимости мы дифференцируем: в действительности всегда

есть и внешняя, и внутренняя жизнь, и их синтез — речь идет о доминанте. Необходимо учитывать, что человечество имеет опыт сохранения мира, государства посредством внешних, внутренних факторов или их синтеза. Внешний способ сохранения государства: от авторитарных методов до ценностей социально-экономического характера; внутренний: общность миропонимания, ценностей внутренней жизни человека. Третий способ сохранения государства, включающий как внешний, так и внутренний способы, характерен для наций амбивертно-синтетического развития.

Однако Россия — громадное и неоднородное, прежде всего в национальном и конфессиональном аспектах, государство, и, следовательно, только когда нация будет воспринимать себя как целостность и единство, то есть как подлинную общность, и децентрализация, и свободы станут естественным шагом нашего существования.

Последние слова кем-то будут встречены с сарказмом: «опять ждать, опять обещания». Но почему же или /или? Нет, не ждать! Активно действовать, но прежде понять, как, в каком направлении, для этого необходимо знать себя, свои особенности, универсальное и индивидуальное. Необходимо понять, что даже *«русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя изменить и возродить Россию одними политическими (экономическими, технологическими и пр. — А.С.) средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Русскому народу предстоит духовное перерождение»* (Н. Бердяев).

Духовное возрождение — это возрождение веры в человека, в Разум, в возможность осуществить свою судьбу; духовное возрождение не могут заменить никакие внешние факторы и явления. Духовное возрождение нации — это принципиальное, существенное изменение качественных характеристик нации, что в условиях России возможно только в случае обретения национального самосознания. Духовное возрождение не только возможно, но и жизненно необходимо, ибо в альтернативе у нас только тотальное непонимание друг друга, следствием чего является вековое противостояние и привычные *броски* на Запад или на Восток. Мы не только не умеем слушать и слышать друг друга

на индивидуальном, а тем более общенациональном уровне, мы и не собираемся этого делать. Каждый индивид, каждая социальная группа абсолютно уверены в собственной правде, и интерпретация позиций, действий друг друга носит характер чудовищного искажения смыслов, что, в свою очередь, порождает страх признать ошибку (иначе уничтожат в буквальном или переносном смысле). Каждая группа, даже осознавая собственные ошибки, не исправляет их, а стремительно наращивает все новые и новые «доводы», которые не столько исправляют положение, сколько усугубляют его. Ярким примером служит советский период: ведь и до разоблачения культа личности руководителям государства была понятна надуманность, ошибочность если не всех, то многих положений советской идеологии (не только личности Сталина, но и идеологии). Ошибочность не только не была исправлена, например, после обращений к КПСС А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, но и старательно обрастала все новыми и новыми фантомами. Или современный пример: партия «Единая Россия». Рождение и жизнедеятельность партии были тесно связаны с популярностью В.В. Путина, но на современном этапе все чаще слышны упреки в повторении ошибок КПСС. Почему? Потому что признания и желания способствовать стабилизации нашего существования недостаточно: необходимы объективные основания, нужна разумная, общепонятная нации идеология. Предложенный партией «российский консерватизм» вызывает больше вопросов, чем дает ответов. В принципе верно определяемая главная мысль — *неторопливое, последовательное развитие всех сторон существования нации* — остается весьма неопределенной: что сохранять и приумножать, а что именно необходимо исправить и, главное, как? Отсутствие ответа и страх не удержать власть ведут к неоправданным или даже недопустимым методам, например, использованию административного ресурса.

Непонимание и незнание *что и как* необходимо делать в условиях мультифакторности и неоднородности России, действительно архитрудных условиях, характерно не только для партии власти: и либералы, и коммунисты не имеют серьезных и приемлемых для всех социальных групп государства идеологических обоснований стратегического развития нации. Диалога

с обществом нет ни у одной партии; диалог заменяет имитация. Каждая политическая группа занимается не столько поиском и созданием подходов, не исключающих принципиальные позиции всех социальных групп государства, сколько наращивает собственный вес путем критики оппонентов. Но все эти потуги бесперспективны!

Причина в том, что целостная и смысловая картина национального существования отсутствует. Взаимное непонимание, отсутствие смысла в многотрудных условиях российского существования не может быть преодолено ни экономическими, ни социальными, ни религиозными (православными) мерами — *необходима идеология Единства, опирающаяся на принципиально новый, синтетический, тип мышления и синтетический, или общечеловеческий, способ существования.*

Вся наша история и действительность наполнена борьбой, страданиями, непониманием, противостоянием, и чаша боли и бессмысленности переполнена. Наши беды не в отсталости, не в негативизме, не в трудностях — все это следствия; наши беды — в тотальном одиночестве всех и каждого, в многовековой тоске по пониманию, общности, возможности быть открытым, свободным, доверять и не бояться; глубокое непонимание вело к чудовищной неправде, жестокости. Это длящееся веками непонимание, одиночество породило бездну. Бездна между властью и культурой, бездна между властью и народом, бездна между культурой и народом, бездна между Москвой, Петербургом и остальной Россией. Бездна одиночества и непонимания встречает молодое поколение. Основная причина всех наших трудностей и бед в бесконечной, как кажется, бессмысленности национального существования: наше общее прошлое непонятно и противоречиво, настоящее — безрадостно, а будущее — туманно. Глубоко нам присущая потребность общности, человечности уже много веков упирается в бессмысленность нашей жизни, бессмысленность, рождающую чувство усталости и тщетности усилий. Вековая усталость, тщетность и бессмысленность — периодически сменяющиеся надеждами — вот причины бездны.

Но бездна не в действительности, бездна — в сознании, и ее можно превзойти, преодолеть, обратившись к миру смысла, который одновременно уникален и универсален.

В сегодняшней действительности имеется множество очевидных предпосылок для преодоления бездны, но также сохраняется возможность вновь и вновь повторять прошлый опыт. Если мы действительно устали от бессмысленности нашего сосуществования, мы можем и должны решиться на духовное возрождение.

Представляется, что нет необходимости доказывать существование глубокого психологического кризиса, в котором мы пребываем. Некоторая стабилизация практически не изменила общее состояние взаимного недоверия, подозрительности, общего ощущения бессмысленности происходящего. Общество наполнено апатией, усталостью, но в то же время вопрошает, призывает определиться; в призывах можно услышать и требования вернуться в советский период, и категорически его исключить, и необходимость идеологически осмысленной, нравственной жизни, и крайние предложения о разделе государства, так как, в силу столь большого объема, кажется, что невозможно организовать разумную, благополучную жизнь для всех.

Причина затянувшегося состояния тупика — принципиальные разногласия в подходах к действительности разными социальными группами (правыми, левыми и центристами) и в их верности собственным воззрениям. Правые, левые и центристы — это не обязательно члены политических партий; правые, левые и центристы — это активное отражение трех способов существования, подходов к действительности каждый россиянин активно или пассивно принадлежит к одной из групп. В отличие от прошлых, необъективированных, бессознательных разногласий, современные противоречия могут быть осознаны. Так же как человек на стадии самоопределения становится чувствительным и легко откликается на идеалы, что приводит к нестабильности, так и нация. *Пройдя через периоды: советский, направленный на внешнее развитие в 30–50-е, на внутреннее — в 60–80-е; постсоветский — на внешнее и период некоторой стабилизации (не столько как равновесие внутреннего и внешнего, сколько как уравнивание доминанты западных приоритетов после 90-х), — нация приблизилась к осознанию принципиально различных подходов к действительности и соответствующих этим подходам способов существования.* Но что с этими разногласиями делать, не знает, однако жизнь в одном государстве

требует согласования точек зрения и подходов к действительности, не бессознательных, как ранее в нашей истории, а сознательных, предполагающих более высокий уровень самоорганизации — включающий.

Включающий, или синтетический, способ переработки информации предполагает опору на смыслы человеческого существования. Смыслы универсальны, тогда как типы мышления имеют свои особенности и акценты у разных людей и представителей различных социальных групп. Смыслы — это законы человеческого существования, и, обнаружив их природу, иерархию, возможности индивидуализации, мы сможем начать процесс конструктивного взаимодействия и духовного обновления нашей жизни.

Раздел третий

Мир, в котором мы живем

Предварительные замечания

Одним из принципиальных условий самоопределения является положение, когда *самоопределение* совпадает с определением другими. На всем протяжении своего существования Россия имела противоречивые отношения с миром, и сегодня отношение к нашему отечеству продолжает оставаться пристрастным. Изменить сложившееся положение возможно только при условии национального самоопределения.

Общечеловеческая жизнь, обретая статус данности, предполагает целый ряд факторов, унифицирующих общую жизнь людей. Но прежде чем унифицировать, необходимо обнаружить целостную картину человеческого существования: только зная все составляющие, их роль и значение, можно разумно и целенаправленно двигаться в будущее. Пока существование людей носило характер автономий, бессознательная направленность жизни была органичным проявлением внутренних детерминант. Сегодня, когда существование людей стремительно становится всеобщим, прежний, бессознательный способ существования чреват глобальными катаклизмами.

Сегодня вполне очевидно, что человечество находится в периоде системного кризиса и мировой экономической кризис суть лишь следствие глобальных процессов человеческого существования. *Причина глобального кризиса не в экономике, причина в нарушении баланса существования системы, имя которой человечество.*

Почти до середины XX века человечество как целостная система, как Большой Человек, существовало в равновесии и единстве, даже если и равновесие, и единство были неочевидны. Когда в жизни человека сохраняется *равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов, направленных на осуществление жизненного смысла, существование предстает как единство и целостность.*

Так и существование наций и человечества обретет единство и целостность, когда духовный и материальный, внешний и внутренний аспекты существования обретут равновесие в соответствии с генеральной линией развития нации, человечества. Причиной глобального кризиса является нарушение равновесия духовной и материальной, внутренней и внешней жизни и все еще неопределенность вектора развития наций, человечества. Убедиться в этом будет нашей задачей.

Что же произошло в мире людей, что привело к столь тяжелым последствиям и весьма неопределенному будущему? Ответ необходимо искать в относительно далеком прошлом западной цивилизации как доминирующей и определяющей ход существования последние четыреста лет. Предложим читателю общий взгляд на человеческое существование, а затем предпримем попытку раскрыть содержание.

Общий взгляд на человеческое существование. Принято выделять в развитии человечества два типа цивилизаций, имеющих радикальные отличия: традиционные и техногенные. Традиционные цивилизации считаются медленно развивающимися, ориентированными на сохранение традиций, опыта предков. В техногенной цивилизации иные ценности, ориентированные на активную деятельность, инновации. Считается, что традиционные цивилизации рано или поздно переходят на техногенный путь развития. Подобный взгляд, по определению, предполагает организацию человеческого существования на основе европоцентризма, и, стало быть, межэтнические конфликты внутри государств и междоцивилизационные конфликты будут нарастать, ибо пришло время, когда субъектность и самосознание наций заявляют о себе и требуют уважения и равноправия.

Точка зрения сторонников техногенного развития рассматривает и акцентирует внешнюю сторону существования людей, но человек, нация и человечество имеют не только внешнюю, но и внутреннюю жизнь, и не считаться с этим не просто непозволительно, а чревато многими бедами и оборачивается преступлением против человека и человечества.

Как уже было отмечено, в XX веке психологи и нейрофизиологи (К. Юнг, Р. Сперри) приходят к открытиям, обобщение которых позволяет утверждать, что человек и человеческие сообщ-

щества организуют собственное существование и имеют ценности в соответствии с типом сознания, выражением которого является тип культуры и цивилизации. Хорошо известны и признаются такие типы сознания, как экстраверсия и интроверсия, и соответствующие им типы западной и восточной цивилизаций (техногенной и традиционной). Как третий тип сознания не столь очевиден, ибо имеет выраженную тенденцию к равновесию и равнозначности внутреннего и внешнего, так и третий тип цивилизации — амбивертный — почти неизвестен.

Техногенная, или западная, цивилизация *в качестве доминанты* имеет экстравертный тип сознания, ориентированный на объект, или внешнюю среду. Отсюда ценности: активность направлена на внешнюю жизнь, на преобразование природы, материальной и социальной жизни людей, на познание объективного мира. Символом техногенной цивилизации является Книга рекордов Гиннесса: ценны любые индивидуальные достижения, без учета их содержания. Формула организации жизни: «стимул — реакция» (стимул понимается как внешний фактор); исторического процесса: «вызов — ответ».

Традиционные цивилизации, представленные классическим Востоком, в качестве *доминирующей тенденции*, определяющей культуру и цивилизацию, имеют интровертный тип сознания и культуры. Общая направленность и избирательность существования стран классического Востока, а значит, традиции, ценности ориентированы на субъективное развитие: активность, выраженная духовным и религиозным многообразием, направлена на преобразование внутреннего человека, его саморазвитие, что требует большего времени и стабильных условий существования. Интроверт мало заинтересован внешней стороной жизни, сосредоточен на внутреннем мире и, достигнув определенного уровня развития, всегда неожиданно для стороннего наблюдателя «совершает прыжок» в развитии. Формула организации жизни: резонанс и кооперация.

На Западе, *ориентированном на развитие внешнего человека*, смена традиций, внешних, экономических и социальных условий наиболее желательна, так как стимулирует развитие. В странах классического Востока традиции — это условия, в которых органически происходит *становление внутреннего человека*, и пото-

му до определенного этапа развития нации смена внешних условий нежелательна.

Принципиальные различия западной и восточной культур хорошо видны в отношении к реальности: Запад стремится *познать* мир — отсюда рождение и культ науки, Восток — *осмыслить* мир и себя в нем, следовательно, сохраняет верность традициям, всегда связанным с осмыслением реальности.

Йога-Сутры Патанджали, прибегая к символизму, сравнивает экстравертный тип с зайцем, интровертный — с черепахой, но подчеркивает, что к финишу заяц и черепаха приходят одновременно.

Третий тип: в него наряду с нациями Евразийского Эллипса, Среднего и Ближнего Востока, входят нации и народы Южной Америки, Африки. Ведущий тип сознания — амбивертный, то есть равнонаправленный, что и определяет активность, равнозначно направленную на ценности духовной и материальной, внутренней и внешней жизни, адаптированные к национальной специфике. Тип развития более медленный, так как равнонаправленность требует больших усилий и времени. Развитие наций такого типа имеет два варианта: двойственности и/или синтеза объективного и субъективного. Формулой развития можно считать русскую пословицу: «долго запрягает, но быстро едет».

Отнесение народов Евразии, Среднего и Ближнего Востока к восточным принципиально неверно, так как, во-первых, основано на традиции: в античности и Средневековье народы, проживавшие на *восточной границе Европы*, считались восточными. Во-вторых, поверхностно: тип сознания, культуры, цивилизации в своей основе имеет амбивертность, или синтез объективного и субъективного, но по причине медленного развития наций этого типа и значительного присутствия, как может казаться преобладающего, религиозной жизни во всех сферах существования в западном сознании предстает как восточный.

Перечисленные типы человеческой активности и обусловленные ею типы сознания, культуры являются способами человеческого существования, и, несмотря на то что в каждом человеческом сообществе имеются представители всех трех типов активности, или трех способов существования, каждое человеческое сообщество или группа сообществ имеет доминирующий тип культуры и способа существования.

В процессе эволюции, когда приходит время общечеловеческого существования, каждая линия, или тип развития, «подтягивает» аспекты существования, ранее выступавшие в качестве дополнительных, и адаптирует их к основным. XX век — время *Великого Перехода*, как его определяют древние источники классического Востока, или *перехода* от биосферного к ноосферному существованию, как утверждает современная наука. Для западной цивилизации дополнительным аспектом существования является развитие внутренней жизни; для классического Востока — внешней, социально-экономической; для наций амбивертного типа развития задачей является достичь общего уровня.

На этом этапе отметим лишь два положения, характеризующие процесс распространения типов цивилизаций, или способов существования, фактически означающий движение к общечеловеческой жизни.

Первое, экспансия западной цивилизации на остальной мир была успешна только тогда, когда европейские ценности «ложились» на органичную для них почву: в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, население которых состояло из европейских переселенцев, поглотивших местное население.

В XX веке на Западе заметно возрастает интерес к ценностям классического Востока, но носит характер личного интереса и не оказывает влияния на общее развитие западной цивилизации.

В странах классического Востока ценности Запада были приняты как дополнительные в социально-экономической сфере, то есть ограничены внешней стороной жизни — не принципиальной для этого типа развития; национальные ценности, направленные на развитие внутреннего человека, не претерпели существенных изменений, хотя и снизили объем и значимость внутренней жизни. Именно сохранение ценностей внутренней жизни и адаптация к ним социально-экономической стороны существования явились причиной успешного развития наций Востока во второй половине двадцатого столетия (Япония, Сингапур, Китай).

Третий тип наций, по природе имеющий двойственный характер взаимодополняющих аспектов: внешнего и внутреннего, — в процессе развития ищет «свой путь»: и западные, и восточные ценности принимаются только как взаимодополнительные и адаптируются к национальной специфике; в «чистом виде» отторгаются.

Второе, при обосновании более успешного развития западной, техногенной цивилизации принято ссылаться на тот факт, что до XV–XVII веков Европа развивалась по типу традиционных цивилизаций. Стало быть, говорят сторонники западного типа развития, есть только один путь развития, и другие нации должны следовать их примеру. Однако легко обнаружить, что европейская культура и цивилизация начиная со времени античности всегда делала выбор в пользу внешнего развития. Так, если для древних греков развитие включало не только внешнее, но и внутреннее, то уже Древний Рим отдает предпочтение внешней стороне жизни. Несмотря на высокий уровень значимости системы знаний, заимствованный у греков, существование было подчинено военным задачам, что, в свою очередь, формировало ценности. Например, геометрия нужна, чтобы «измерить свой надел», тогда как древние греки стремились познать себя и мир.

Несмотря на то что греки положили начало основам европейской культуры, в том числе науки, развивалась Европа на основе древнеримской культуры. До Нового времени, времени зарождения науки, Европа фактически «подготавливалась» к научной рациональности, принципиально определившей дальнейший ход развития западной цивилизации. Субъективное развитие, определяемое религиями, имело социально-устроительный характер и было подчинено объективным, внешним целям.

Итак, три типа цивилизаций, обусловленных типом активности и сознания, — это субъекты существования, назовем их субъектами первого порядка, рассматриваемые как *качественная определенность способа существования*. Три типа цивилизаций:

Западная — внешняя жизнь	Синтетическая — равновесие внутренней и внешней жизни	Восточная — внутренняя жизнь
--------------------------	---	------------------------------

составляют структуру единого человечества, или структуру Большого Человека.

Глава 1

О гуманизации существования

Банальным трюизмом звучит сегодня утверждение о необходимости повернуться лицом к человеку, о негативных последствиях технологической, информационной и интеллектуальной революций, но очевидность неудовлетворительного положения человеческого существования заставляет вновь и вновь возвращаться к проблемам гуманизации.

Гуманизм обычно рассматривают в трех смыслах:

- *«гарантия основных прав человека как условия сохранения гуманных оснований его бытия»;*
- *поддержка слабых, выходящая за рамки обычных представлений данного общества о справедливости;*
- *формирование у каждого человека социальных и нравственных качеств, позволяющих ему стать развитой личностью и осуществить самореализацию на базе общественных ценностей»* (СФТ-М; ИНФА-М, 2007).

Пройдя через стадии признания гуманистических идеалов, создания институтов, норм и правил человеческих отношений, добившись значительных результатов в различных областях социальной жизни, процесс гуманизации на современном этапе обнаруживает все более очевидное отсутствие положительной динамики развития человечества и нарастающий ряд гуманитарных проблем. Сегодня процесс гуманизации наиболее активно проявлен в аспекте основных прав и гуманитарной помощи. И если против гуманитарной помощи трудно возразить и вопрос не требует обоснований, то два других аспекта гуманизма порождают ряд принципиальных проблем.

Первый аспект — *«гарантия основных прав человека как условия сохранения гуманных оснований его бытия»*. Почему же даже гарантированные равные права не ведут к справедливости, остаются несбыточной мечтой? Ответ находим в работе В.С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве»: *«равенство прав без равенства сил ничего не значит»*, не решает социальных проблем

и, как следствие, рождает чувство несправедливости, двойные стандарты, нигилизм, безнравственность и бессмысленность существования. Когда организация существования осуществляется без учета внутреннего человека, его возможностей, сил, *«сила права легко переходит в право силы»* (там же). Социальная жизнь — это условия, силы — это субъект, внутренний человек. Силы современного цивилизованного человека — это не столько физические силы, сколько психические и духовные. Однако современное образование сосредоточено на познании научных дисциплин, общий объем и уровень качества которых вряд ли пригодится большинству учащихся. Тогда как то, в чем нуждается каждый: умение и навыки самоорганизации и конструктивного взаимодействия либо отсутствуют, либо имеют несистемный характер, зависящий от предпочтений педагога или школьного психолога.

И тут мы упираемся в проблемы, связанные с третьим аспектом: *«Формирование у каждого человека социальных и нравственных качеств, позволяющих ему стать развитой личностью и осуществить самореализацию на базе общественных ценностей»*. Формирование, заменившее в нашей стране развитие, на деле оборачивается «навязыванием», насилием или декларацией о намерениях. Почему?

Какую бы область человеческого существования мы ни рассматривали, повсеместно можно наблюдать невозможность, как кажется, *основательного* решения трудностей и проблем. Новые открытия, подходы, проекты, модели, активно входящие в жизнь, решают узкие и частные вопросы, нередко возникает видимость решения, так как достаточно быстро становится понятным, что принятые решения оборачиваются «мыльными пузырями» или же проблемы решаются на крайне некачественном уровне.

Необходимость поместить в центр всех вопросов человека, его ценности, потребности, интересы остается декларацией — человек по-прежнему остается некой *безличной единицей*, объектом самых разных интересов: политических, экономических, социальных, конфессиональных и пр. Если попытаться дать общую характеристику и основную направленность современного существования человечества, то наиболее адекватным будет определение «социотехнического», в котором нет человека,

субъекта, а есть общество и техника, для которых человек остается объектом.

Парадокс в том, что, провозглашая самоценность человека, современный мир фактически стремительно отторгает все то, что в человеке (нации, человечестве) индивидуально и уникально, подменяя общим и унифицированным. Социальная и научно-техническая доминанты развития привели к «одномерному» человеку. Понятие «развитие», что предполагает прогрессивное самораскрытие и становление *целостного* человека, «*позволяющее ему стать развитой личностью и осуществить самореализацию*», все больше подменяется «изменением», «формированием» и «информированностью». Анализ успехов и проблем процесса гуманизации человеческого существования подводит к общему выводу-определению: «*поверхностный гуманизм*». Например, такая проблема, как голод, нищета, является не столько проблемой «отсутствия», недостатка, сколько проблемой распределения, за которой стоит алчность как отдельных людей, так и наций. Или активно декларируемые права человека, демократия, за которыми реально стоят либо национальные интересы, либо культурные стереотипы.

И одномерность, и «поверхностность» есть следствие социотехнического, *объектного, внешнего* развития. Организация общей жизни сведена к вопросам экономического и социального существования, что, конечно же, не является злом само по себе, и речь не о том, чтобы отказаться от этих аспектов жизни.

Речь о том, что главной из современных проблем является сам человек, его сохранение и развитие. Вероятно, пришло время, когда *процесс гуманизации существования должен перейти в новую стадию — стадию подлинного гуманизма, которая предполагает удовлетворение фундаментальной потребности человека в мире и гармонии с тем, чтобы он мог осуществить свою судьбу, самоактуализироваться*. Осуществление и утверждение самобытия требует не только социальных и экономических условий, которые сами по себе не обеспечивают ни самореализации, ни равенства, ни справедливости, ни нравственности. Осуществление своей судьбы возможно только при целостном существовании. Полнота жизни — это синтез духовной и материальной, внутренней и внешней жизни, направленной к личной

жизненной цели, смыслу. *Возможно ли это в современных условиях, обусловленных всем ходом предыдущего существования?* Можно с полной уверенностью сказать: **НЕТ!**

«Нет» не означает, что все предыдущее существование человечества было ошибочным. Ответ «нет» означает, что оно было не целостным, и, только восполнив неполноту, человек и человечество может реально начать процесс подлинно гуманного существования. Пытаясь решать вопросы гуманизации существования, ни наука, ни общество не имеют ясной, обоснованной и общепринятой концепции самого человека, человечества и существования в целом.

Человек — существо социальное, но не только. Человек, как он есть, живет и для себя, и для других, то есть живет внутренней и внешней жизнью, и оба аспекта существования взаимозависимы. Внутренняя и внешняя жизнь — это как вдох и выдох, жизнь человека начинается с вдоха и заканчивается последним выдохом; приостановка дыхания чревата последствиями. Внутренняя и внешняя жизнь невозможны одна без другой — это не две жизни, а две стороны одной жизни. В одних случаях внутренняя жизнь «работает» на внешнюю: у экстравертов и в культуре Запада. В других внешняя — на внутреннюю: у интровертов и в культуре Востока. Третий тип — это стремление к равновесию или синтезу внутренней и внешней жизни. В разных цивилизациях, нациях, людях не только различны акценты: на внутреннем, внешнем или синтезе — но и имеют свою специфику, свою тональность. Не считаться с индивидуальными или национальными особенностями — это и есть негуманное отношение к людям.

И проблема не в том, что общечеловеческая жизнь, обретая статус данности, избежать которую, по всей видимости, не дано, да и ненужно, предполагает целый ряд факторов, унифицирующих общую жизнь людей; и не в том, что чья-то «злая воля» не желает считаться с нуждами и ценностями отдельного человека; и не в том, что прежде должны быть созданы элементарные условия существования для всех и каждого. При акценте на внешнюю сторону существования нет места подлинному гуманизму, так как нет уважения к собственно человеку, его индивидуальности, нет веры в собственные возможности человека, нации (что

со всей очевидностью проявляется в межэтнических конфликтах). Естественной потребностью и человека, и нации является утверждение самобытия, рожденного *«единством внутреннего и внешнего, в котором была бы сохранена вся интимность, вся невыразимая, но неотчуждаемо первичная ценность самобытия»* (С.Л. Франк).

Проблема невозможности перейти к подлинному гуманизму в том и заключается, что отсутствует общепринятое и обоснованное знание человека как субъекта существования. Человек предстает как недифференцированный объект, у которого необходимо *сформировать* социальные и нравственные качества. Кто, где и когда определил эти качества, кто их способен «формировать»?! Каждый человек уникален, и это не красивая пустая фраза. Каждый человек — самоорганизующаяся и саморазвивающаяся, развивающаяся из себя, система. Формирование не предполагает естественного, органичного для каждого субъекта становления, не предполагает индивидуальных особенностей и смыслов. Подобный подход ведет, не может не вести, к безнравственности, лжеморали. Если человек-субъект фактически неизвестен, организация общей жизни людей основана на объективных, по сути *объективных*, законах и отношениях, не приходится удивляться, что подлинного гуманизма: уважения к человеку и его праву на самоактуализацию все еще не существует. Структура человека и ее компоненты, их связи и взаимозависимости неизвестны. Все более нарастающая проблема отчуждения человека от себя, своего окружения, общества, мира, несмотря на все множество предпринимаемых усилий, есть результат перенесения активности на объекты внешнего мира, взамен активности самого человека — субъекта. Человеческое Я, субъект, не признается реальностью, причиной и источником. Но общий принцип детерминизма: «внешние воздействия через внутренние условия» — очевиден даже на уровне здравого смысла. Внутренние условия — субъект и его сознание, остаются виртуальными, не имеют бытийного статуса, а значит, фактически неизвестны.

Человек не сводим к организму; его сознание и его Я не только не производны от организма, но каждое имеет онтологический статус (об этом речь пойдет ниже), существуют *«нераздельно и неслиянно»*. По мере эволюции психический и субъектный

компоненты человека возрастают; сущностная и сознательная природы человека к необходимости обслуживать организм прибавляют другие, собственно человеческие и духовные потребности. Потребности внутренней жизни возрастают с каждым годом и десятилетием, но общая организация существования человечества имеет более чем выраженную тенденцию к нивелированию внутренней жизни и определяет ее как личное право. Последнее (личное право) при отсутствии гуманитарной интерпретации научной картины мира, целостного и системного понимания человека, его развития — факторов, обеспечивающих человеку полноту самоактуализации и жизни в целом, ведет к дегуманизации человеческого существования.

Организация внутренней жизни, что являлось доминирующей тенденцией восточного человечества, имеет столь выраженную специфику, что не позволяет ее широкого использования другими нациями и народами. Немаловажно и то, что эволюционная необходимость социально-экономического развития наций Востока понизила степень активности внутренней жизни людей восточной цивилизации.

В условиях западной цивилизации внутренняя жизнь, обычно культивируемая религиями, имела социально-устроительный характер и постепенно перешла в социальные, внешние нормы и правила.

Нации и народы амбивертной цивилизации в целом сохраняют приверженность ценностям внутренней жизни, но общие для человечества тенденции: упрощение или даже исключение организации внутренней жизни — накладывают свой ритм. В России, как известно, в советский период существование определялось жестким материализмом, в соответствии с которым считалось, что внутренняя жизнь полностью зависит от социальных условий и должна формироваться коммунистической идеологией, что не подразумевает индивидуального развития.

Итак, внутренняя жизнь человечества значительно уменьшилась в объеме и качестве, другими словами, баланса внутреннего и внешнего аспектов существования нет, отсюда глобальный кризис. Человек развивается изнутри как целостная система — только в этом случае его мировосприятие, миропонимание, самоорганизация имеют характер органичных процессов станов-

ления. Формирование должно смениться правильной самоорганизацией прежде всего внутренней жизни — это и есть духовное развитие человека; *внутреннее* — основание развития. Долгие века внутреннее развитие человека было делом религий, но с XVII века существование человечества постепенно обрело иной контекст — научный, и, вероятно, приходит время, когда внутренняя жизнь человека должна или может обрести характер самоорганизации на основе научных знаний.

В психологической науке проблема субъектности человека активно обсуждается, и предпринимаются, правда пока неадекватные (субъект сведен к деятельности и поведению), шаги к ее реализации.

Субъектность наций еще более, чем субъектность человека, существует как виртуальность, подменяется объектностью (территорией, ресурсами, экономикой и пр.) и в международных отношениях не имеет сколько-либо узаконенной формы. Наиболее ярким следствием такого положения являются трудности в конфликтных ситуациях, когда возникают проблемы территориальной целостности, выхода из состава государства, независимости (СССР, Югославия, Косово, Страна Басков, Южная Осетия, Абхазия).

XX столетие принесло такой феномен межнациональных отношений, как идеологический конфликт, наглядно демонстрирующий человеческий прогресс, свидетельство возросших собственно человеческих, нематериальных потребностей. После падения Советского Союза казалось, что мир вышел на общую магистраль, но достаточно быстро стала очевидной односторонность и непродуктивность подхода только на основе ценностей западной цивилизации.

Следовательно, и позитивные, и негативные следствия человеческого развития должны рассматриваться под углом целостного человека, а не только внешней стороны существования. Человек и человечество нуждается в *современных формах и способах самоорганизации внутреннего мира*.

Гуманизм перейдет из категории добрых пожеланий к реальному бытию, историческому движению общества к более совершенному существованию, когда собственно человеческие — нравственные и духовные (как производные сознания и субъектности) — потребности перейдут из категории производных материи к статусу онтологических.

Процесс гуманизации, пройдя ряд стадий позитивного развития, связанного с внешней, социальной и материальной жизнью человека, не имеет в настоящее время прогрессивной динамики, так как поощряется и культивируется не человек-субъект, а внешняя активность человека, и, как это всегда бывает, отсутствие внимания к внутреннему человеку при избыточной внешней активности порождает проблемы.

Глобальная гуманитарная проблема человечества — проблема дезонтологизации человека, нации и человечества в целом. Проблема дезонтологизации — это проблема редукции человека к организму (материи); проблема производности, вторичности таких аспектов человеческого существования, как субъектность и сознание, а значит, вторичности человеческих (не биологических) потребностей, нравственности, духовности.

Преодолеть проблемы и трудности современности можно, только осознав негативные следствия, рожденные предыдущим развитием. Необходимо не отказ от, например, материализма или детерминизма, а целостный, синтетический взгляд на существование, необходима новая фундаментальная основа — философия Единства. Без философского и общенаучного, как общезначимых, уровней познания все множество сколь угодно замечательных открытий, нововведений, частных систем и построений не складываются в целостность, не создают фундамента жизни. Основой, фундаментом и общим критерием существования может быть только то, что является непреложным безусловным положительным началом, каковым является Единство Вселенной и всех подсистем в нее входящих, в том числе человека, наций, человечества. Но прежде чем перейти к сути и содержанию проблемы онтологизации человека-субъекта, его сознания и единства, как оно может быть проявлено в человеке и человечестве, необходимо понять причины, стоящие за всем комплексом проблем, что позволит осознать и выработать новые подходы к процессу гуманизации существования.

О причинах

Остановимся на нескольких явных казусах материализма, все еще определяющих человеческое существование и фактически препятствующих прогрессивному развитию человечества.

Одной из доминант, определявшей культурный контекст западной цивилизации, была и остается идеология классической рациональности. Со времени классической науки (XVII в.), исключившей из сферы своих интересов субъекта, цель, сознание, общим контекстом существования западного сообщества людей остается *объектность* (признаваемая объективностью) или материализм. Принципиальные характеристики классической рациональности: *объектность*, материализм, детерминизм — все еще продолжают оставаться методологическим основанием общественных наук и существования в целом. Основные тенденции классической рациональности: редукция человека к организму; в общественных науках — безличный подход, человек как «социальная единица», все люди как один субъект — продолжают определять подходы к действительности. Жизнь общества познается и организуется в категориях «способов производства», географических, этнических, социальных и прочих объектов.

Конечно, материализм, например, начала двадцатого столетия и современный материализм имеют существенные отличия. Такие категории, как сущность, системность, целесообразность, аксиологичность, целевая детерминация, казалось бы, решают многочисленные проблемы, рожденные классическим материализмом.

Но так ли это?

Как любое явление, классическая рациональность породила позитивные и негативные следствия. И если общий уровень материальной и социальной жизни возрос, что, без сомнения, является заслугой материализма, то подобно тому как в материализме субъект и его сознание выступают производными, вторичными, так и вся проблематика собственно *человеческого*, нематериального существования продолжает оставаться виртуальной. Стоит ли удивляться, что человеческая индивидуальность, смыслы *человеческого* существования: нравственность, духовность, остаются декларацией о намерениях, не столько имеют место, сколько случаются? Трудно не согласиться с мыслью Д.С. Лихачева: *«Мир, который создает наука путем исследования окружающего, должен быть “интересным”, более сложным, чем мир до его изучения. Наука обогащает мир, изучая его, открывает в нем новое, дотоле неизвестное. Если наука упрощает, подчиняет*

все окружающее двум-трем несложным принципам — это “невеселая” наука, делающая окружающую нас Вселенную скучной и серой. Таково учение марксизма, принижающее окружающее общество, подчиняющее его грубым материалистическим законам, убивающим нравственность — попросту делающим нравственность ненужной. Таков всякий материализм» (Д.С. Лихачев, «Воспоминания»). Материализм убивает и делает ненужным не только нравственность, но и индивидуальность человека.

Несмотря на то что *«всякий из нас добровольно рассматривает свое “я” как нечто постоянное, неизменяющееся»* (У. Джеймс), самотождественное, в материализме Я не является реальностью, не может быть причиной, источником и назначением. Отсутствие знаний о природе, функциях, содержании Я (субъекта) порождает проблему отчуждения, которая сегодня встала во весь рост и фактически определяет отношение человека к себе, другим, обществу, миру.

Проблема отчуждения — это проблема самоидентификации. Не зная себя как субъекта существования, человек отождествляет себя то с организмом, то с результатами своего труда, то с проявлением функций, то есть активность переносится с самого субъекта на другие аспекты (сознание, организм) и атрибуты человека.

Субъект, или сущность, имеет постоянную природу, константную на период существования и, следовательно, является устойчивой и надежной опорой, тогда как все, что определяется как «мое», переменчиво, вероятно и не может быть определено как Я, субъект.

Человек, нация, человечество в материализме лишены разумного будущего: *понятия «смысл жизни», «смысл национального существования» не имеют онтологических, значит, жизненных оснований*, следовательно, обречены на случайный, вероятностный характер, а жизненное целеполагание ориентировано на внешние показатели; но для самоорганизующейся системы, в том числе человека, непреложным законом является самораскрытие, что предполагает заданный образец, к которому система стремится, и только в этом случае имеет место полнота и единство существования и чувство личного удовлетворения. Да, человек может ставить перед собой внешние цели, но факти-

чески они предполагают внутренние усилия и согласованность с внутренними ценностями.

Может ли быть организовано общее существование людей на принципах гуманизма, если Я человека не имеет оснований, не является причиной? Может ли на практике осуществляться вера в собственные возможности человека, если его сознание, назовем его «механизмом самоорганизации», признается вторичным, производным, зависимым не от его Я, субъектности, а от мозга, материи, несмотря на утверждение выдающихся нейрофизиологов о нематериальной природе сознания? Следствием материализма явилось отсутствие знаний о субъектности и сознании и общая организация существования на основе *объектных* законов.

Не менее парадоксальна ситуация в организации общей жизни людей на основании *объективных*, на деле *объектных*, законов. Опора на материализм в гуманитарных и общественных науках превращает человека в объект, что не может не вести к организации существования на основе объектных, то есть без учета субъекта и субъективных — внутренних — факторов организации существования. В исторической науке отсутствие сути и содержания понятия национальной субъектности ведет к бесконечным интерпретациям и переинтерпретациям исторических событий. И потому история не имеет смыслов, не ведет к принципиальной предсказуемости, возможности выработать стратегию развития наций, человечества.

С очевидным парадоксом сталкиваешься при рассмотрении законов общественной жизни людей. Объективные законы на деле оказываются *выделенными объектными связями, то есть связями между объектами*. Но без субъекта нет объекта, и это относится как к человеку, так и к нации, и к человечеству. Непризнание онтологического статуса идеального (сущностного) и психического (механизма самоорганизации системы) приводит к принципиальной невозможности уважать человека, нацию как субъектов, считаться с ними, организовать жизнь человечества с учетом индивидуальности человека, нации. Очевидное отчуждение, оторванность человека от себя, других, общества, жизни, неудовлетворительная организация общей жизни людей — результат организации общей жизни на основе *объектных, называемых объективными*, законов общества.

Существование двух (материализма и идеализма) антагонистических точек зрения на реальность на протяжении столетий Л. Бинсвангер назвал «раковой опухолью, разъедающей» человека и человечество; дихотомия духа и материи с разветвленным набором суждений, доказательств, обоснований, как минимум, подталкивает к двум выводам: либо обе точки зрения неверны, либо верны лишь частично. Вопрос о необходимости пересмотра классического способа трактовки бытия *«не только не разрешен, не только удовлетворительно не поставлен, но при всем интересе к “метафизике” предан забвению»* (М. Хайдеггер). Со времени Декарта бытие утратило свое исходное значение и обрело объектно-субъектный характер в теории познания, тогда как в естествознании и общественных науках субъект — то, что лежит в основании, — продолжает быть выведенным за скобки.

Все попытки объяснить причины и их следствия, а также проблемы развития с позиций материализма носят неубедительный и поверхностный характер (приводятся примеры либо по Марксу, что правомерно лишь для экономики, либо доорганизмических уровней существования).

Главным фактором, системообразующей категорией при рассмотрении существования людей, что кажется очевидным, является *человек и человеческий способ существования*. Причиной, источником и назначением становления бытия на человеческом уровне существования является целостный человек — это и есть главный фактор, рычаг человеческого существования, мировой истории. *Исходной точкой, основанием общественных наук должен стать человек и человеческий способ существования*, рассматриваемые как целостная система, включающая как материальное, природное, так и субъектное, и психическое, с признанием при этом всех трех компонентов онтологической данностью.

Материализм утверждает ошибочность тезиса: *«развитие мира производно от развития человека»*, так как *«подобный подход ведет к утопии»*. Но именно непонимание человека, закономерностей его развития, его потребностей и ценностей, универсального и уникального являлось причиной подавляющего большинства несостоявшихся начинаний мировой истории.

Мировая история насчитывает немало примеров создания нового человека без учета природы самого человека, закономер-

ностей его развития. Вероятно, одним из первых подобных опытов было восстание в XXIV веке до н. э. в шумерском городе Лагаше под водительством Урукагины. Новый общественный строй был провозглашен как *«государство справедливых»* и, нетрудно догадаться, продержался 70 лет.

Ярким примером является и советский опыт, со всей очевидностью продемонстрировавший, что принцип *«строительства нового общества со старым человеческим «материалом»*» (Ленин) и в нем строительство нового человека — homo sovieticus — не меньшая утопия. Несмотря на явную неспособность подобных начинаний, точка зрения на человека как tabula rasa («чистой доски», которую можно «формировать», «как скажет партия»), всегда имеющая материалистическую обусловленность, остается преобладающей. *Точкой отсчета, началом координат всей организации существования должен стать человек, что предполагает глубокое целостное понимание человека, его природы, структуры, функций; потребностей и ценностей, универсального и уникального. И только на этой основе — целостном человеке — должны быть надстроены все формы организации жизни: политические, социальные, экономические, образовательные и пр.*

При обосновании материализма одним из аргументов служит тезис:

«Материализм ближе к логике здравого смысла, которым руководствуются люди, также как стихийный материализм лежит в основе мирозерцания большинства ученых».

Одним из аспектов повседневной жизни человека является забота о самосохранении, которая на предыдущем этапе существования была заботой о материальном существовании. Кроме того, человек начинает свое существование, когда его субъектность и сознание находятся в свернутом виде и вхождение в мир происходит через элементарную чувствительность и материальный мир. С этих позиций тезис материализма оправдан, но некорректен. Ни сам человек, ни его жизнь не сводимы к материальным потребностям, более того, на определенном этапе становления человека проблемы материального существования оказываются все более зависимыми от собственно человеческих, нематериальных отношений: от нравственных и духовных по-

требностей и ценностей, которые имеют иную природу и функции. Человек живет смыслами, имеющими характер круга, спирали, тогда как материализм основывается на формальной, линейной логике.

Логику здравого смысла, которым руководствуются люди, во многих случаях правильнее определять как логику личного смысла, который зависит от *мотива или цели*. Стало быть, то, что здраво и имеет смысл для одного, не является таковым для другого. Например, для одного все сводится к материальным ценностям, для другого — важны отношения, для третьего — интеллектуальные или духовные потребности; и отношения, и интеллектуальные, и духовные потребности имеют нематериальную природу и, следовательно, нематериальную логику и смыслы.

Что же касается второй части тезиса (*«стихийный материализм лежит в основе мирозерцания большинства ученых»*), то можно отметить следующее.

И материализм, и идеализм являются философскими системами, которые есть порождение сознания. Следовательно, приверженность материализму или идеализму зависит от типа сознания, то есть зависит от субъекта познания, который, как утверждает современная наука, является главным фактором происходящего. Именно по этой причине на протяжении тысячелетий существуют не только материализм и идеализм, но и третий тип философских систем — синтетический (гилозоизм, адвайта, исихазм); три типа идеологических систем соответствуют трем типам сознания: экстраверсии, интроверсии и амбивертности.

Современное научное сообщество крайне разобщено. Так, говоря о нашумевшей в свое время книге А. Блума «Сумерки американского разума», утверждающей, что наука является материалистическим, редукционистским, детерминистическим феноменом, один из авторов синергетики И. Пригожин настаивает, что *«к сегодняшней науке эти характеристики явно не применимы, — она не сводима ни к материализму, ни к детерминизму»*. Если слова Пригожина верны, а в этом нет оснований сомневаться, справедливо ли утверждать, что материалистическая интерпретация является объективной? Не является ли утверждение, что *«стихийный материализм лежит в основе мирозерцания»*

большинства ученых», следствием полученного образования и материалистического контекста существования?!

Материализм, оформившийся в XVII–XVIII веках, начал с объектности и стихийности, постепенно пришел к признанию сущности как детерминирующей причине существования, к системности, аксиологичности, целевой обусловленности, индетерминизму, то есть *наращивает элементы*. Однако *современная наука все больше настаивает на ином подходе к реальности: рассмотрении сложных систем не путем наращивания элементов, а дифференцируя их на подсистемы*.

Материализм, включивший целый ряд элементов, может казаться объективным и убедительным, и, следовательно, делается вывод, что нет причин для отказа от современного материализма.

Но причины все-таки есть.

Несмотря на все попытки придать материи такие качества, как активность, сознательность, духовность, материя остается вещностью, ибо сущностью самой материи является объективирование, а функцией — адаптация. Материя по своей сути неиндивидуальна, лишена самостоятельного в себе бытия, так как без субъекта нет объекта, без сущности нет явления, каждый объект предполагает субъекта, сущность. Материя сама по себе не может быть ни нравственной, ни безнравственной. Нравственность — это категория сознания, и, если мы действительно хотим организации жизни на нравственных началах, мы должны признать онтологический, жизненный, статус сознания и его производного — нравственности. Только в этом случае сознание будет изучено как самостоятельная, саморазвивающаяся данность, ибо нравственность имеет природу сознания. Нравственность может перейти из категории долга, долженствования в категорию личного смысла, при этом не исключаящего иные подходы к реальности.

Современная наука к концу XX века шагнула за пределы (точнее, в глубь) материального и фактически имеет дело с другими компонентами бытия: сознанием и субъектностью (на человеческом уровне существования). Кроме того, рассматривает самоорганизующиеся системы как целостности, познание которых связывает, повторим, не столько с наращиванием элементов (как

это делает материализм), сколько с дифференциацией на подсистемы различной природы и последующей интеграцией систем на новом уровне.

Материализация, или объективирование, — это оформление, *отграничение* одной сущности от другой, одного субъекта от другого. Эта граница, или отделение, не предполагает соединения, слияния, единства: движение материальных частиц, объективирующих сущность, — это движение «на себя», что исключает единство. Два или несколько объектов при наложении или совмещении не могут стать одним целым. *Существование, организованное на принципах материализма, фактически исключает не только* (как было отмечено ранее) *признание человеческой индивидуальности, но и единство людей*.

Корнем большинства современных проблем является отсутствие обоснованного знания о взаимосвязях и взаимозависимости духовного и материального, рационализации нравственности и духовности. Сегодня все чаще заходит речь о сближении двух реальностей, но вопрос остается открытым. Решение этих проблем возможно только при условии признания универсального уровня связей, а именно: реальность в целом и ее подсистемы имеют общую для всех универсальную структуру, включающую код системы, механизм самоорганизации и объективирующий контур.

Итак, мы кратко обозначили и проиллюстрировали принципиальную *невозможность перейти на следующую стадию гуманизации существования — стадию подлинного гуманизма — по той причине, что вся организация предыдущего существования основывалась на объектном, материалистическом подходе и контексте, которые в принципе исключают (определяют как виртуальность) индивидуальность человека и единство человечества*.

Перечисленное есть констатация сложившихся условий, они, как кажется, непреодолимы. Но в действительности имеются достаточно серьезные предпосылки, позволяющие начать процесс перехода к подлинному гуманизму.

Глава 2

Философские и общенаучные предпосылки

В последней трети XX столетия возникли реальные возможности научного объединения фундаментальных сфер бытия: неживой природы, органического мира, социальной жизни и космоса — в целостную картину мира на основе универсального (глобального) эволюционизма, объединяющего общенаучные базисные принципы.

Несмотря на ряд попыток построить естественно-гуманитарную концепцию картины мира, общепризнанной гуманитарной составляющей научного видения мира нет. В отличие от естественно-научного знания, раскрывающего причинно-следственные связи картины мира, принципиальным отличием гуманитарного знания является раскрытие смыслов, целей, ценностей человеческого существования и опора на них.

Противопоставление естественных и гуманитарных наук в прошлом, тенденция к их сближению в настоящем реально не изменили общее положение: нет связующих элементов, нет общего языка. Вопрос синтеза естественного и гуманитарного знания, объективного и субъективного всегда стоял перед вопрошающим и познающим человеком. Чтобы избежать терминологических междисциплинарных трудностей, обратимся к наиболее успешным вариантам решения этой трудной задачи.

Современный уровень существования, отличающийся стиранием многих барьеров, созданием общего понятийного поля, в т. ч. через унификацию образования, привел к тому, что миропонимание в терминах духа и материи все активнее вытесняется миропониманием в терминах взаимодействия энергий. Представители естествознания используют этот термин по отношению к материальному миру, но порой в философии, психологии и других гуманитарных науках и нередко в обыденной жизни понятие «энергии» используется все чаще. Если иметь в виду содержательные характеристики этого термина: мера движения,

деятельности, — то употребление таких выражений, как «жизненная энергия», «психическая энергия», вполне оправданно.

В мировой культуре имеются философские и духовные системы, нашедшие, как представляется, наиболее адекватный современному научному знанию подход к проблеме. Ключ в расширительном понимании и применении категории «энергия». «Энергетизм» — философская система, возникшая как реакция на открытие закона сохранения и превращения энергии, согласно которой вся реальность есть энергия, понимаемая не только как свойство материальных объектов, а как неуничтожимая субстанция. Немецкий химик В. Оствальд, основоположник энергетизма, утверждал, что *«энергия есть самая общая субстанция, ибо она есть существующее во времени и пространстве»*. Энергетизм способен преодолеть проблему противопоставления духа и материи, идеализма и материализма, так как все явления природной, психической, социальной и духовной жизни могут быть интерпретированы в категории энергии. Отклик на идеи энергетизма можно обнаружить у Эйнштейна, Дюгема, Гейзенберга.

Духовные системы, исходной позицией которых было не противопоставление духа и материи, а их синтез, имеют столь же долгую историю, как материализм и идеализм. Это и *гилозоизм* древних греков, и *адвайта* (недвойственность) индуизма, и исихазм православия.

Для нас особенно важно понять и учитывать, что сердцем православия являлось учение исихазма, одним из ключевых понятий которого была «энергия», выражавшая синтез духа и материи. Своеобразие православия (амбивертность) заключалось в неразрывном психофизическом единстве человека; духовное и материальное рассматривались как «нераздельное и неслиянное». К сожалению, мы не имеем полностью разработанного учения, сочетающего в себе онтологические, гносеологические, этические, деятельные и созерцательные аспекты самосовершенствования.

Более разработанным является учение Дж. Кхула. Не все аспекты учения могут быть поняты и приняты сознанием современного человека. Однако учение представлено как стройная система, значительный ряд положений которой нашли и находят научное подтверждение. Например, учение о всеобщей эволю-

ции и интеграции психики позволяет объединить различные теории личности на основе принципов эволюции и структурно-функционального единства человека.

Преследуя цели унификации, понимания и практического применения, будем использовать термин «энергия» как общую характеристику бытия, в его трех модальностях: активности, пассивности и их равновесия. Категория «энергия» позволит сменить материалистическую идеологию идеологией Единства, синтеза. И главное, духовность и нравственность обретут онтологический статус и право на реальное существование.

Кроме того, в связи с тем, что понятие энергия тесно связано с процессуальными свойствами всего существующего, его использование может привести к качественному изменению нашего мышления, которому часто не хватает гибкости и широты охвата рассматриваемых вопросов по причине константности языковых символов, ставших, по существу, знаками.

Суть энергетизма и упомянутых систем удачно выражена нашей соотечественницей, много путешествовавшей и изучавшей различные духовные практики, Е.П. Блаватской: «Материя — это дух в наинизшей точке своей циклической активности», а «дух — это материя в ее наивысшем выражении». Другими словами, *в проявленной Вселенной нет и не может быть того, что можно было бы определить отдельно как дух или как материю, — все существующее выступает как некие целостности, в которых «нераздельно и неслиянно» присутствует энергия в ее трех модальностях: активной, пассивной и нейтральной. В процессе становления бытия эти три компонента обретают все более и более сложную организацию, и на человеческом уровне бытия — это субъект (Я), сознание, организм. Любая сколь угодно малая или большая форма существования целостна и является собой единство; все существующее есть «энергия» в ее различных состояниях.*

Мы будем опираться на принципиальные логически и методологически оправданные аспекты перечисленных систем. Суть философии энергетизма, системный, эволюционный и синергетический подходы, онтопсихология по С.Л. Рубинштейну (философский аспект концепции) позволяют в совокупности обосновать философско-мировоззренческую идеологию «Единства».

Необходимо отметить, что онтологическая концепция С.Л. Рубинштейна (1889–1960) фактически является синтетической философией. По признанию самого Рубинштейна, его отношение к Марксу и марксизму прошло от позитивного к *«выходу за пределы марксизма»*. Не все, но значительное число положений можно рассматривать как философию Единства.

Обозначим принципиальные положения, которые послужат опорой дальнейших размышлений.

Широкая популярность на протяжении многих лет книги Ф. Капра «Дао физики», способствующей дальнейшему взаимопроникновению культур рационального Запада и мистического Востока, раскрывающей глубинную взаимосвязь картин мира физиков и мистических учений и практик Востока, позволяет обратиться к этому источнику.

По утверждению Ф. Капра, изучение субатомного мира привело в XX веке к необходимости коренного пересмотра многих основных понятий классической физики (материи, пространства, времени, причины и следствия), что повлекло за собой необходимость пересмотра, изменения картины мира. *«Принципиальное единство Вселенной осознается не только мистиками, это — одно из основных открытий, или, вернее сказать, открытий современной физики. Оно становится очевидным уже на уровне атома и делается все более несомненным по мере дальнейшего проникновения в толщу вещества, вплоть до мира субатомных частиц»* (Ф. Капра).

Несмотря на научные открытия, высказывания выдающихся физиков (Р. Оппенгеймер, В. Гейзенберг, Н. Бор) об удивительном совпадении, параллелях физики и мистики, гуманитарная картина мира все еще опирается на идеологию материализма.

Многообразие мира форм, полярность и противоречивость проявлений, хорошо знакомые в повседневной действительности, преодолеваются, исчезают на субатомном уровне, где частицы одновременно разрушимы и неразрушимы, вещество одновременно прерывисто и непрерывно. Теория относительности, соединив пространство и время и тем самым преодолев трехмерное измерение, выйдя на следующий уровень, преодолела противопоставления. Полярности — это аспекты общей реальности, целостности, которая всегда есть и проявляется либо в чередова-

нии противоположностей, либо в их динамическом равновесии. Эти три компонента или модальности целого: активность, пассивность и их динамическое равновесие — являются той первоосновой, которая, разворачиваясь постепенно, последовательно и необратимо в пространстве и времени, образует все более усложняющиеся формы проявления триединства.

Таким образом, будем ли мы подходить к пониманию мира с позиций науки или с позиции интуитивного, мистического знания, существование определяется триединством компонентов бытия: положительным, отрицательным и нейтральным, с точки зрения религиозного сознания — это единство духа, души, тела. Энергетическое триединство лежит в основе единства мира и обеспечивает универсальную взаимосвязанность всех процессов и явлений, всех уровней существования, объединенных генетической и структурной преемственностью. В основание философии единства может быть положен принцип структурно-функционального единства, который в процессе становления бытия обретает все более и более сложную организацию.

Обратимся к современному общенаучному знанию. В статье «Философия нестабильности» (Вопросы философии. 1991. № 6) один из создателей синергетики, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин рассуждает о смысле тех изменений, которые произошли в науке XX века и *«стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе»*.

Классическая наука (и оформившийся на ее основе материализм), по словам И. Пригожина, *«грешила тем, что в ней не оставалось места для уникальных событий (и человека — А.С.). Материя, согласно этой концепции, представляет собой вечно движущуюся массу, лишенную каких бы то ни было событий и, естественно, истории. История же, таким образом, оказывается вне материи»*. Другими словами, история, по материализму, не имеет онтологических оснований. Общественные науки, в том числе история, активное формирование которых состоялось также в период классической науки, опираются на общий для классического типа рациональности *объективный* (признаваемый объективным) подход, человек предстает как социальный тип. Ни

человек, ни нации, ни само человечество неизвестны как субъекты существования, что нивелирует индивидуальность субъектов истории и ведет к игнорированию своеобразия различных способов существования.

Детерминизм как фундаментальный принцип материализма *«породил два противоположных способа видения универсума: универсум как внешний мир, являющийся в конечном счете регулируемым автоматом... универсум как внутренний мир человека»* (И. Пригожин. Вопросы философии. 1991. № 6), являющийся выражением неопределенности, нестабильности.

Открытие элементарных частиц, неравновесных структур, идея конструктивной роли времени, появление идей о динамических, нестабильных системах поставили под вопрос фундаментальный принцип материализма — детерминизм: учение о всеобщей обусловленности (и причинности) объективных (фактически объектных) явлений. В результате нестабильности возникают новые пространственно-временные структуры, траектория движения которых, по Пригожину, *«остается принципиально непредсказуемой»*.

В комментариях к работе И. Пригожина чл.-корр. РАН С.П. Курдюмов отмечает: *«Автор предпринимает попытку прояснить на уровне философских обобщений качественные изменения, произошедшие в современных физических представлениях о природе и мире в целом. Стержнем этих изменений можно считать, и здесь я полностью разделяю позицию Пригожина, признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания, что заставляет не только по-иному взглянуть на прежние теоретические концепции, восходящие к построениям ньютоново-лапласовского типа, но и в какой-то степени по-новому оценить положение человека в космосе»*.

Так же как и Пригожин, С.П. Курдюмов рассматривает странные аттракторы как пример возникновения новых пространственно-временных структур.

Однако, по С.П. Курдюмову: *«Пригожин, по крайней мере в данной статье, слишком расширил роль нестабильности, настаивая на принципиальной непредсказуемости поведения сложных систем... Полностью детерминированная, с точки зрения*

традиционных представлений, система порождает индетерминированный процесс... Несмотря на то, что мы переходим в сферу вероятностного поведения объекта, вероятность в данном случае не как угодно произвольна», но «внутри области аттрактора». Вариантов развития не сколько угодно (сколько угодно вариантов поведения). Варианты развития всегда имеются, но в соответствии с некой *«предопределенностью или детерминированностью, несущей с собой своеобразные правила запрета и налагающей весьма жесткие ограничения на способы существования природных объектов... Свобода выбора есть, но сам выбор ограничен возможностями объекта, поскольку объект является не пассивным, инертным материалом, а обладает, если угодно, собственной “свободой”*» (С.П. Курдюмов).

Иными словами, открытая самоорганизующаяся система — это энергетическая система, состоящая из трех компонентов:

активного — код системы;

нейтрального — механизм самоорганизации;

пассивного — объективирующего контура.

Система, в том числе человек, нация, человечество, только тогда становится самоуправляемой, конструктивно организованной и эффективной, когда имеет четкую структуру и функции. Все три компонента присутствуют в любой системе, но, имея различную природу и функции, не могут быть сводимы или выводимы один из другого. В зависимости от сущности и удельного веса идеального или материального система может быть отнесена к идеальным (духовным), психическим (у человека — сознание и его производные, например смысл, нравственность) или материальным (природным). Каждый из компонентов структуры, повторим, имеет собственную природу и функции, следовательно, обусловлен собственной логикой и смыслами и не может быть сводим или выводим из другого. Человек, в отличие от природных систем, *«дитя духа и материи и выражает каждую из противоположностей, а также результат их слияния в себе».*

Итак, *объективной является система, всегда состоящая из трех компонентов: активного, пассивного и нейтрального. Эти компоненты и составляют структуру системы.* В общенаучных терминах — это код, механизм самоорганизации и объ-

ективирующий контур, а в философии — сущность, сознание, организм. Сущность и удельный вес (содержание) системы определяют назначение и логику существования объекта.

Универсальная структура — это структура элементарной частицы или атома в философской и общенаучной интерпретации.

Система — Вселенная со всей совокупностью подсистем разного уровня организации — это реальность, всегда состоящая из трех компонентов, которые в терминах:

Физики – (энергии)	активная протон	нейтральная нейтрон	пассивная электрон
Философии —	сущность	сознание	Явление
Общенаучных —	код	механизм самосознания	объективирующий контур

Обозначим природу и функции структурных компонентов:

активность / субъект/ — природа энергий имеет характер свернутой информации, константный и линейный на период существования;

функция — причина, источник, назначение (целевая детерминация): в свернутом виде сохранение общих, видовых, и индивидуальных свойств и параметров системы;

нейтральность / сознание/ — природа энергий среднего компонента структуры — магнетизм, что обеспечивает самоорганизацию системы;

функция — механизм самоорганизации системы;

пассивность / организм/ — природа пассивных (материальных) энергий имеет характер вращательного движения и, следовательно, создает сфероидальную форму, объективируя систему;

функция — адаптация к внутренним и внешним условиям.

С точки зрения детерминизма:

пассивность (материя) — детерминирована;

нейтральность (сознание) — индетерминирована;
активность (субъект) — самодетерминирована.

(И. Пригожин «Философия нестабильности» и
комментарии чл.-корр. АН С.П. Курдюмова)

- В процессе Становления Бытия этот общий принцип структурно-функционального единства на каждом последующем уровне существования усложняется и дополняется специальными законами и закономерностями.
- Каждый из трех компонентов структуры имеет собственную природу и функции, не выводимые и не сводимые друг к другу, и только согласованные действия трех аспектов единой целостности обеспечивают сохранение, функционирование и развитие системы.
- Отнесение системы к идеальной (религия, наука, идеология) или материальной (природа) определяется ее сущностью и содержанием.
- Человек выражает каждую из противоположностей, а также результат их слияния в себе.
- Принцип структурно-функционального единства является онтологической основой существования.
- Так же как свойства элементарной частицы (например, активность) могут быть поняты только при ее взаимодействии с другими частицами и определены только в терминах их связей с целым (Н. Бор), так и свойства каждой составляющей человечества: группы наций или отдельной нации — могут быть определены при их взаимодействии и в терминах их связей с целым.
- Система начинает существование как недифференцированная и диффузная целостность и единство. В процессе становления система проходит через фазы дифференциации, распределения и последующей интеграции.
- Система достигает состояния равновесно распределенной и дифференцированной целостности и единства, что является ее назначением.
- Формулой единства и развития является: взаимоотношения–равновесие–единство–рождение (нового).

Итогом научных исследований XX века явилось открытие удивительной согласованности основных свойств Вселенной и выводы ученых о том, что любое нарушение одного из основных компонентов структуры может привести к невозможности прогрессивной эволюции. Научные исследования привели к пониманию *интегративного направления развития Вселенной*. Интегративность и направленность развития предполагают интегративное исходное бытие, имеющее определенное качество, сохраняемое в своей основе на протяжении существования системы. Если обратиться к теории расширяющейся Вселенной, такой исходной основой можно признать универсальную структуру.

Теория эволюции Вселенной имеет одно из определяющих значений в утверждении принципа универсального эволюционизма и современной научной картины мира. Теория утвердила идеи эволюции в неорганической, органической, социальной природе и космосе на основе структурной и генетической преемственности. В рамках теории были найдены ответы на многие вопросы. Так, после ускоренного расширения окончательно установилась фаза состояния вакуума и огромного числа частиц, определивших нашу Вселенную как **целое**. К моменту завершения расширения были сформированы численные значения мировых констант, определившие характер дальнейших эволюционных изменений, в том числе и возможность возникновения **жизни и разума**. Именно эта прагенетическая энергия, состоящая из трех компонентов: активного, пассивного и их равнодействующей, — есть субстанция, первооснова всего существующего. Если бы в субстанции: первичном и самодостаточном бытии отсутствовали жизнь и разум (в их численных значениях), имеющие принципиально иную природу и соответствующие функции, откуда бы они «появились» на более развитых уровнях становления бытия?

Система начинает свое существование, имея в себе принципиальные компоненты бытия: активность, пассивность и нейтральность, или код системы, объективирующий контур и механизм самоорганизации, которые в процессе становления бытия обретают все более и более сложную организацию, и на человеческом уровне универсальная структура имеет следующий вид: жизнь, разум, организм (субъект, сознание, организм).

Единство и целостность не могут быть обнаружены, если мы будем сопоставлять свойства и характеристики, тогда как признание системы — Вселенной — и всех подсистем, в нее входящих, организованных и самоорганизованных по принципу структурно-функционального единства, позволит рассматривать каждую субсистему как целое, повторяющее в принципе универсальную структуру и функции.

Итак, единство и целостность любой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы в основе имеет универсальную структуру, включающую: код, механизм самоорганизации, объективирующий контур.

Все три компонента всегда присутствуют в любой самоорганизующейся системе, и, напомним, любое нарушение одного из компонентов может привести к невозможности прогрессивного развития.

Следовательно, существование человечества может быть рассмотрено как процесс освоения и развития активных, пассивных и нейтральных энергий, или начал. Каждое событие — это некоторое взаимодействие, некоторый баланс трех сил. К перечисленным ранее междисциплинарным вариантам универсальной структуры прибавим аналоги гуманитарного знания:

физика	активная протон	нейтральная нейтрон	пассивная электрон
общенаучные	код	механизм самоорганизации	объективирующий контур
философия	дух сущность идея жизнь	сознание сознание идеальное разум	материя явление идеология организм
психология	субъект	сознание	личность
история	субъект	способ существования	история
религия	дух	душа	тело

Рассмотрим каждый из компонентов универсальной структуры, как он может быть представлен на уровне существования человека. Мы отметили ранее, что категории «жизнь» и «разум» в их численных значениях присутствовали во Вселенной уже в первую мировую минуту, и в таблице можно видеть дисципли-

нарную специфику каждого компонента универсальной структуры.

Категория «жизнь» как компонент бытия впервые в европейской культуре была выдвинута А. Бергсоном и постепенно обрела сторонников (Э. Леруа, Т. Шарден, В.И. Вернадский); в настоящее время все чаще рассматривается учеными как активность, свернутая информация. Активность является причиной, источником и назначением (как финальный результат, энтелехия) системы. В каждой системе *активность* может быть определена как суть, сущность, код, или заданность, системы, которая константна на период существования системы и в свернутом виде сохраняет основные параметры и свойства системы. Ни одна самоорганизующаяся система не может начать существование, если в ней отсутствует код, детерминирующий как саму систему, так и ее развитие: ни один атом, дерево, животное, человек или человечество не может выйти за заданные пределы как видовые, так и индивидуальные. Каждая система в своем развитии проходит полный или неполный процесс.

Принципиальным представляется остановиться на вопросе причин и целей, детерминизма и телеологии. Системный подход, рассматривающий системы как универсальное структурно-функциональное единство, снимает противопоставление причины и цели, возвращая нас к учению Аристотеля о четырех причинах, одна из которых «целевая», или «энтелехия», — *осуществление внутренней цели как самоактуализация системы*. Причина, по которой общечеловеческая, национальные, индивидуальные цели существования и стратегии развития остаются гипотезами или им отказывают в реальности, состоит в том, что материализм признает духовный мир производным от материи и располагает его «в голове человека». Другими словами, по материализму: дух, суть, код, субъект и пр. (так же, как и законы) не имеют самостоятельного бытия и являются «*чистой абстракцией, никогда не имеющей места в реальности*». Но если мы существуем во Вселенной, единство которой обусловлено универсальной структурой, один из компонентов которой и есть дух, суть, жизнь — активность, сохраняющая в свернутом виде суть системы, и, кроме того, нам известно, что эта энергия присутствовала с первой мировой минуты, задолго до появления челове-

ка, почему мы отказываем этому виду энергий в существовании где-либо помимо головы человека?! Разве пространство не является жизнью или существованием системы, в которую мы входим: человек — в человечество, планету, планета — в Солнечную систему и т. д. Если это так, тогда суть или код большей системы, в которую мы входим как подсистема, и есть обуславливающий нас код, суть, дух.

Система — это самоорганизующаяся и саморазвивающаяся целостность и единство, следовательно, никаких внешних, по отношению к системе, целей быть не может. Любая внешняя цель неизбежно будет отторгнута. Человек, ориентированный на внешний, предметный мир, может ставить перед собой внешние цели, но фактически за ними всегда стоят внутренние возможности, и только овладев собственным механизмом самоорганизации, сознанием, индивид овладевает пространством и временем. И наоборот, не владея собой, невозможно достичь ни больших, ни малых внешних целей.

Целями внутреннего развития всегда является видовая заданность кодом, то есть в коде всегда сохраняется информация видового полноценного образца, например, код бабочки имеет не только образ гусеницы, но и куколки, и бабочки. Каждая система имеет положительное начало — код, сохраняющий основные свойства и параметры, в том числе видовой и индивидуальный образ, стремление к которому и есть развитие, эволюция. Назовем ли мы целевой принцип «целевой причиной», «вещью в себе», или неким «априори» в структурах мира, ни при каких условиях, ни на каком уровне становления бытия мы не можем исключить категорию цели, ибо цель организует, структурирует существование, обосновывает необходимость развития: движение системы к заданному образцу. Одно то, что любая система существует не хаотично: двигаясь то в одну, то в другую сторону, — а имеет определенную избирательность и направленность, говорит о наличии цели, но не в понятиях материализма: внешних, заранее планируемых, — а самодетерминированных и внутренне целесообразных. Следовательно, *любая система имеет вектор существования, на котором в каждый отдельный момент может иметь или не иметь место равновесие как пространственное, так и между конечной и пространственно наличной точками.*

Природа разума, сознания — это нелинейные среды: фундаментальный срез мироздания. Нелинейные среды — это компонент бытия, который может быть обозначен как «механизм самоорганизации» нематериальной природы. Неравновесность механизма самоорганизации продиктована необходимостью чутко реагировать на внутренние и внешние воздействия. Эта неравновесность, нестабильность, спонтанный структурогенез служит источником новых вариантов поведения систем, что на уровне человеческого существования означает всю множественность проявлений от хаоса до упорядоченности на более качественном уровне. Именно механизм самоорганизации является регулирующим компонентом структуры, но, в отличие от всех дочеловеческих форм существования, имеющих бессознательный, инстинктивный механизм самоорганизации, человек имеет сознание, позволяющее ему регулировать механизм, управлять им, преобразовывать и сам механизм, и систему в целом, и ее взаимоотношения с другими системами.

Отметим принципиальную разницу в функционировании механизма самоорганизации человека и природных, дочеловеческих, форм существования. Равновесие природных систем имеет жестко обусловленный характер, зависимый, например у животных, от инстинктов. Человек, в отличие от природных систем, имеет два механизма самоорганизации: бессознательный, инстинктивный, и сознание. Оба механизма взаимодополняют и взаимозаменяют друг друга. Наличие инстинктов, бессознательных механизмов самоорганизации, позволяет человеку самосохраняться способом биологической адаптации и в то же время развивать сознание, которое, несмотря на то что является врожденным, раскрывается, разворачивается постепенно. Инстинкты человека имеют ту или иную силу/слабость в зависимости от степени развернутости и контроля сознания, то есть чем более у человека развито сознание, тем менее его действия, деятельность и жизнь носят адаптивный, бессознательный характер. Именно сознание является механизмом *самоорганизации* в точном значении термина: контролируемым, зависящим от самого человека механизмом, что и позволяет человеку быть свободным, выбирать и быть ответственным за свои действия и собственную жизнь. Но сознание человека как психологическая система явля-

ется сложной структурой, которая либо должна осознанно контролироваться, либо функционирует по принципу спонтанного структурогенеза. Следовательно, равновесие как сознания, психики, так и самого человека зависит от контроля сознания, в противном случае самоорганизация будет происходить бессознательно.

Признание самостоятельного онтологического значения энергий жизни и разума, или сути и сознания, позволяет по-новому рассматривать человека, его природу, место и роль в существовании и, что не менее важно, преодолеть дихотомию духа и материи, перевести понятия духовности, нравственности из неопределенных и противоречивых долженствований в объективные, понятные и реализуемые категории.

Единство Вселенной обеспечивается равновесием подсистем, каждая из которых, в свою очередь, может также состоять из подсистем и также регулироваться равновесием, которое в широком смысле может быть определено как гомеостаз: динамическое сохранение основных характеристик внутренней среды системы. Это равновесие синхронное или пространственное. Однако система не только сохраняется, но имеет интегративную направленность развития, что предполагает движение целостной системы во времени. Следовательно, на векторе времени также должно существовать равновесие, которое может быть определено как гетеростаз. Основанием обоих видов равновесия является принцип целесообразности. *Оба вида равновесия обеспечивают единство системы, функционирующей по принципу целесообразности.*

Итак, мы будем исходить из признанного наукой Единства Вселенной, механизмами которого являются синхронное и диахронное равновесие, и оба вида равновесия подчинены целесообразности.

Глава 3 Человек и человеческий способ существования

Тема и задачи книги не предполагают полное и развернутое рассмотрение человека и человеческого способа существования. Но возрастающая тенденция современного периода развития человечества — потребность понимать происходящее субъектами существования (человеком, нацией) — требует обозначить подходы к раскрытию этой тенденции. Понимание происходящего — это не интеллектуальное понимание, это нечто другое, это умение слышать за словами суть и смысл. Сколько бы мы ни сокрушались о несовершенстве человека и мира, сколько бы ни призывали человека к разумной и нравственной жизни, мы не достигнем удовлетворительного существования, пока не будем понимать человека, не будем учитывать человеческую реальность в ее полноте и не организуем на этой основе нашу жизнь. Понимание происходящего начинается с понимания себя; «познай себя и ты познаешь мир» — учил своих учеников Сократ. Знает ли себя человек, знает ли человека наука? Конечно, наука накопила немалый массив знаний, и каждый из нас в той или иной степени знает себя, но знание это фрагментарно. Обычно мы знаем себя со стороны, которую видят другие и которую мы сами представляем другим. А наш внутренний мир, полный сомнений, тревог, страхов, несбывшихся надежд, ожиданий, остается не осознаваемым нами и тем более неизвестным другим. Наше внутреннее пространство, заполняясь все новыми достижениями и печалью, взлетами и разочарованиями, счастливыми минутами и неудовлетворенностью, влияет на все стороны нашей жизни и постепенно, хотим мы того или нет, определяет наше восприятие, отношение, речи, поступки, поведение и жизнь в целом.

Нельзя сказать, что внутренняя жизнь в прошлой истории человечества была простой и понятной, но нужды выживания и самосохранения не позволяли значительному числу людей обра-

тяться к решению этих трудностей. Сегодня из жизни людей все больше исчезают понятия духовности, нравственности, души, истины, человеческой любви, Бога; культура, за редкими исключениями, сменяется суррогатом или откровенной пошлостью и профанацией, а такие понятия, как совесть, интуиция, пронизательность, смысл, признаются, но не имеют сколько-либо рационально-логических обоснований и потому «случаются», а не являются следствием целенаправленных усилий.

Кроме того, нельзя не отметить, что существовавшие в прошлом формы и методы удовлетворения внутренних запросов, обычно сохранявшиеся в рамках религий, по всей видимости, позволяли человеку понимать и принимать происходящее. В сознании людей был некий прочный порядок, устой, который, по мысли К. Ясперса, *«от самой простой формы до самого утонченного мыслительного образования был Единым»*.

Перечисленные феномены не виртуальность — они реальность человеческого существования. Что произошло, почему утрачен смысл и порядок? Действительно ли причина в том, что человек стал умнее и не принимает «старые сказки»? Может быть, человек стоит на перепутье, когда старые формы и способы жизни не удовлетворяют его, а новые неизвестны, а может быть, новые — это хорошо забытые старые?

Далеко не каждый человек воспринимает происходящее сегодня как кризис существования, следовательно, ни глубина кризиса, ни его причины не осознаются. Однако удовлетворительно разрешить кризис существования, не понимая его причин, невозможно. Сегодня *человеческий* способ существования неизвестен, не имеет научного обоснования, а эволюция человечества сведена к развитию общественно-экономических формаций, и человек по-прежнему остается социальным типом. Современный кризис — это кризис *человеческого* существования, и, как в любом кризисе, новые тенденции будущего и факторы, препятствующие этому будущему, могут быть обнаружены. Иначе говоря, подлинной причиной нарастающих проблем современной жизни является отсутствие системного знания человека, способа его существования, универсального и индивидуального в нем, а также неизбежные следствия этого незнания, ведущего к пренебрежению человеком, к пренебрежению подлинными ценностями че-

ловеческого существования. Прошлые подходы к человеку, когда отцы церкви или правящие круги определяли, что человеку нужно и как ему жить, были неизбежны по многим причинам, и прежде всего потому, что человечество пребывало в детском возрасте.

Современное человечество в понимании и организации жизни опирается на науку, и это не требует обоснований. Однако нельзя забывать о неполноте научного знания, о зигзагах научной мысли. Например, оттолкнувшись от открытого Парменидом (расцвет 504 г. до н. э.) тождества бытия и сознания, положившего первый камень в здание науки, впоследствии наука фактически отказалась от сознания, заменив его логическим мышлением. Акцент на мышлении и нивелирование сознания на протяжении нескольких столетий привели к тому, что сознание остается наименее исследованной областью психологии, несмотря на то что сознание является качественной определенностью, отличающей человека от всех других существ, несмотря на то что современная наука эволюцию и изменение сознания связывает с выживаемостью человечества.

Ни сознание в его полноте, ни душа, ни духовность, ни нравственность, ни другие собственно *человеческие* потребности и интересы не могут иметь разумных обоснований при современном, материалистическом, состоянии наук о человеке. Материализм требует «привязки» к материи, мозгу, но перечисленные психические феномены человеческого существования нематериальны. Если в точных и естественных науках материалистическая парадигма не создает принципиальных препятствий, то в области гуманитарного знания материализм является «китайской стеной» человеческого развития. Человек как бы сказал себе: *«Бог, истина, душа, нравственность... придуманы людьми, потому что они были слабыми, глупыми. Современный человек не нуждается в гипотезе Бога»*.

Но если каждый спросит себя и, подумав, честно ответит, можно ли организовать существование в отсутствие *безусловного и неопровержимого начала*, не зависящего от воли людей? Научные открытия последней трети двадцатого столетия утверждают: *жизнь и разум*, в их численных значениях, существуют во Вселенной с первой мировой минуты, то есть задолго до челове-

ка; появление человека, значит сознания, закономерный процесс эволюции. Почему, несмотря на эти и другие научные открытия, сохраняется приверженность точке зрения, что сознание имеет «прижизненное и социальное» происхождение и находится в «голове» человека? Почему организация существования по-прежнему опирается на материализм, по определению исключающий человеческое Я, а сознание, его природа и развитие остаются неизвестными.

Когда существование жизни и разума считалось уникальным явлением, для объяснения сознания и других психических феноменов была создана концепция «прижизненного и социального» происхождения сознания и ее базисный принцип — интериоризация, перенесение внешнего во внутреннее. Л.С. Выготский, создатель концепции, понятие «интериоризации» относил к формированию *сознательной* деятельности. Перенесение внешнего во внутреннее, по Выготскому, должно сопровождаться интеллектуализацией (осознанной интеллектуальной обработкой объекта исследования). Но что такое осознание? Что есть *осознанная* интеллектуализация? Впоследствии идея интериоризации обрела искаженный смысл: усвоение любой информации осуществляется посредством усвоения внешних действий, операций; интеллектуализация либо отсутствует, либо имеет упрощенный характер. Проще говоря, услышал, прочитал ту или иную информацию, сообщение — значит усвоил. Понятие «осознал» либо приравнивается к термину «усвоил», либо выпадает из образовательного процесса. Упрощенный вариант интериоризации определял и определяет все образовательные процессы, и, следовательно, для значительного большинства на этой основе строится вся политическая, социальная, культурная, межнациональная и повседневная жизнь людей. Если внутренняя жизнь — порождение внешней, то рефлексия, самопознание, самосознание, интуиция должны быть вполне понятными и предсказуемыми процессами, и им можно обучать в школе, институте. Неудивительно, что при подобном подходе к внутренней жизни люди не понимают, не слышат друг друга. Для многих людей понимание — это линейная логика понятий, но жизнь не линейна, и каждый из нас вкладывает в понятия и слышит в них свои смыслы. Сложившееся положение нередко ведет к искажению смыслов,

поверхностности знаний, подмене осознания формально-логическим пониманием; система образования фактически не обучает умению осознать, мыслить категориями содержательной абстракции. Наиболее ярко неспособность понимать смысл происходящего можно наблюдать в политических, социальных и межличностных отношениях, в вопросах нравственности. Перечисленное и множество «неудобных» феноменов, не укладывающихся в материалистическую парадигму, стремительно растет, и делать вид, что их не существует, вряд ли является оправданным.

Современный человек не хочет исполнять чью-то волю, желания, требования, не хочет не потому, что своенравен и своеволен, а потому, что хочет понимать происходящее. Сегодняшняя вседозволенность, поспание не только разумного и вечного, но и элементарно здравого — следствие не только перехода к новому способу существования — самосознательному (остающемуся неизвестным), но и прежнего жесткого долженствования. Мы получаем обратную связь прежнего долженствования. Время, когда долженствование было естественным и единственным способом организации общей жизни людей, уходит в прошлое. Контроль, нормы, правила, конечно же, необходимы, но наряду с созданием систем, обеспечивающих нарастающую потребность понимать происходящее.

Человек живет, руководствуясь системой ценностей, даже если не полностью осознает это. Но бывают времена, когда *«кумиры, которым мы прежде восторженно служили и служение которым осмысливало нашу жизнь, потеряли свое обаяние, не могут привлечь нашей души, сколько бы людей кругом нас ни отдавало бы еще им своих сил. У нас осталась лишь жажда жизни — жизни полной, живой и глубокой, какие-то последние, глубочайшие требования и желания нашего духа, о которых мы не только не знаем, как их удовлетворить, но не знаем даже, как их выразить...»*

Наша душа обнищала и изголодалась. Потеря веры — не легкое дело, низвержение кумиров, которым мы и наши отцы поклонялись так долго и страстно, — не детская забава... Ибо отречение от кумиров не есть наглое предательство, не есть отказ от веры и впадение в буйство нечестия: оно есть признак

смены вер, и если новая вера еще не найдена, то падение старой само уже есть признак страстного ее искания, мучительного томления по ней» (С.А. Франк «Крушение кумиров»).

Сегодня нередко можно слышать, что нужно обратиться к православию, но православные — это только часть нашего общества; нельзя забывать и игнорировать нашу действительность: мы многонациональное государство, и не менее очевидно, что немалое число людей нуждаются в иной, не религиозной системе ценностей.

Каждый человек нуждается в системе ценностей — это естественная потребность человека. В широком и общем смысле ценности предстают как системы веры или знания. На протяжении многих веков жизнь значительного большинства людей проходила в соответствии с религией местообитания — это путь веры и преданности. Но были и те, кто нуждался в знании; и число таких людей будет нарастать. Путь веры и путь знания — это весьма общее определение. Люди различны и по мировосприятию, и по способу познания, каждый человек являет собой совокупность особенностей. И эта совокупность не произвольный набор качеств и черт, это психотипическая совокупность миропонимания, потребностей, интересов, ценностей человека, и, ориентируясь на свой внутренний мир, каждый ищет систему ценностей, наиболее отвечающую его индивидуальным потребностям и запросам. Нередкие отступления от той или иной религии, идеологии — это не предательство, это потребность и поиск созвучия и сожизни. Увы, при этом не обходится без нежелательных отклонений, но, законодательно предусмотрев невозможность попрания общепринятых норм государства, нельзя лишать людей возможности поиска наиболее близких по духу жизненных путей.

В числе тех, кто идет путем веры, есть и те, кто склонен к пути знания, но отсутствие убедительной системы знаний и преданность однажды выбранным идеалам не позволяют делать какие бы то ни было шаги в сторону. Путь веры и преданности не всегда дает ответы на современные жизненные вопросы, и поиск ответов не означает предательства. Ничто не мешает сохранять преданность сути идеалов, ибо все пути ведут к Богу, каким бы именем мы Его ни называли, какими бы путями мы ни двигались

к Нему. Путь знания не исключает веры, человек не может жить без веры, ибо *«когда люди теряют веру, они верят во все и не верят ни во что»* (Честертон). Разделяя путь веры и путь знания, мы подчеркиваем лишь основной способ познания.

Выбор пути знания непосредственно связан с активностью ума, который все больше становится фактором, определяющим жизнь людей. В развитии человечества наступило время, когда «убить ум» уже невозможно, и потому остается одно: развивать его в глубину, то есть развивать сознание.

Системы жизненных ценностей, ориентированных на путь веры и преданности, хорошо известны, но путь знания остается практически неизвестным и непонятым. Иногда можно слышать, что человек не нуждается в религии, идеологии. Однако обрести глубокое удовлетворение, радость бытия, полноту самоактуализации вне той или иной системы ценностей вряд ли возможно; неупорядоченные ценности, отсутствие системы ведет к хаосу и бессмысленности жизни.

Именно путь знания, к которому склоняется все больше людей, должен стать известным и общедоступным. Путь научного знания не может быть назван жизненным путем. Наука все еще остается промежуточным знанием и сохраняет ценностно-нейтральный подход к действительности, хотя необходимость включения ценностной иерархической системы признается.

В прошлой истории человечества существовали целостные системы знаний, ведущие человека как по пути веры, так и по пути знания. Возможно, для многих из нас было бы естественным обратиться к мистическому учению православия — исихазму, однако учение утрачено. На Западе и в России пути знания сохранялись в мистических, символических формах и оставались тайными; сегодня они практически утрачены. Рассматривая возможности пути знания, ведущего и к полноте жизни, и к возможности понимания происходящего, мы будем обращаться к немногим сохранившимся следам учения исихастов.

Отсутствие полноты знания о человеке и материалистическая обусловленность науки ограничивают развитие человека личностью. Сегодня термин «личность» имеет широкое и весьма неопределенное значение, что не позволяет его конструктивно использовать. Тенденции гуманизации всех сторон существования

привели к тому, что сегодня и дошкольник, и зрелый человек, и множество других человеческих типов определяются личностями. Подобный подход с точки зрения процессов гуманизации жизни оправдан, но в науке, и прежде всего в психологии, создаст размытость понятия. Личность, при всем множестве определений, сохраняет первоначальный смысл: общественное лицо, обращенное к окружающим. Господство материализма, либерализма привело к сглаживанию внутренней жизни человека, что, в свою очередь, привело к сведению человека к социальному типу. Личность — вершина социального проявления человека; личности типичны, так как ориентированы на социальные роли среды обитания.

Но человек живет внешней и внутренней жизнью. Кризис человеческого существования — свидетельство того, что эволюция людей достигла состояния, когда не одиночки, а значительное количество людей, сформировавшихся как личности, не имеет обоснованных ориентиров дальнейшего развития. Развитие человека не завершается стадией становления личности. В отечественной психологии существует подход к пониманию человека, предложенный Б.Г. Ананьевым. По Ананьеву, личность, социальное существо — «вершина» психологических свойств человека, а индивидуальность, уникальное своеобразие особенностей — «глубина» человека. Индивидуальность — это *«внутренний мир человека, который постоянно растет, — и мера напряженности работы этого внутреннего мира является показателем богатства индивидуальности»* (Б.Г. Ананьев).

Если значительное число людей перешло и переходит на новую ступень развития и вполне вероятно, что еще большее число готово перейти на эту ступень, более чем разумным является создание систем, ведущих по пути знания, обеспечивающих становление индивидуальности. Становление индивидуальности — это и есть путь знания, но сегодня этот путь остается путем проб и ошибок.

Во «Вводных замечаниях» мы упомянули три способа познания: эмпирический, теоретический и интуитивный — и отметили, что в науке присутствует акцент на теоретическом, рациональном знании. Но рациональное знание не является надежным способом познания, не обеспечивает достоверного знания, не гаран-

тирует творческого и преобразующего подхода к реальности. Восток считает рациональное знание первой ступенью подлинного познания, когда человек обретает понимание некоторых гипотез, объяснений, средств, методов познания.

В теории познания субъект познания по-прежнему неизвестен и, например, такая операция теоретического мышления, как обобщение (выявление внутренних связей), применительно к человеку и его жизнедеятельности имеет поверхностный характер; мышление многих людей остается эмпирическим, то есть основанным на внешних свойствах, признаках, что неизбежно ведет к непониманию самого человека, к невозможности организовать разумное для всех и каждого существование.

Вторая ступень подлинного познания — *различающее знание* (распознавание). Различающее познание — это освоение рефлексивного слоя сознания, или овладение самосознанием, освоение которого в научной психологии не имеет целенаправленного систематического изложения и обязательного системного и практического постижения. В научной психологии существовало направление *интроспекции*, пытавшееся выявить закономерности развития внутреннего мира человека, которое было подвергнуто критике и в настоящее время не существует.

Базисный принцип интериоризации (внутреннее существует как отражение внешнего), на который опирается вся система образования, привел к фактическому исключению знаний внутреннего развития, и потому в области наук о человеке понимание внутренней реальности либо сведено к детскому развитию, либо присутствует как варианты неофрейдизма. Другими словами, отсутствие знания закономерностей внутреннего развития не позволяет понимать внутренние связи, процессы, что, в свою очередь, не позволяет обобщать и правильно действовать.

На Востоке с древнейших времен существуют системы знания, раскрывающего природу и закономерности развития сознания, внутреннего мира человека. Различающее познание обеспечивает знание внутреннего мира человека, закономерности и заисимости внешних проявлений от внутренних.

Задача второй ступени познания — обретение самосознания в его полноте, что предполагает знание собственных чувств, ума, мотивов как целостного непрерывного процесса. Когда жизнь

осознается как непрерывный процесс, в котором существенные внутренние связи становятся очевидными, человек знает, *что, как, зачем и когда* делать, не ищет виноватых, понимает и себя, и других. Обретение полноты самосознания сопровождается ростом интуитивного постижения реальности, ум такого человека — это «просветленный» ум.

Третья ступень познания — это период познания, когда происходит освоение духовного слоя сознания. Духовный слой сознания — это область идей, причин, идеального, синтеза. В этот период человек способен достигать достоверного знания, интуиции как целенаправленного управляемого процесса. Все три слоя сознания всегда есть, но на современном этапе эволюции человека только рациональное познание является общепризнанным и имеет узаконенный систематический характер постижения, две последующие ступени осваиваются, если осваиваются, спонтанно, что неизбежно сопровождается ошибками, разочарованиями, остановками развития. Следовательно, проблемой современного периода развития человечества является отсутствие целенаправленного системного освоения рефлексивного и духовного слоев сознания, ведущих к подлинной индивидуальности, полноте самосознания, интуиции. Вероятно, необходимо создание, сначала на уровне эксперимента, системы постижения рефлексивного и духовного слоев сознания. Такой вид познания не только способствовал бы осознанному становлению отдельных индивидуальностей, но сам факт существования такой системы открыл бы перед людьми логику и возможности дальнейшего развития. Отсутствие знания о ступенях познания ведет к тупику развития, к общему заблуждению, что высшее образование, аспирантура обеспечивают развитие сознания.

Путь знания — это путь постижения и овладения сознанием. И если первая ступень пути познания — теоретическое знание — ориентирована на развитие интеллекта и лишь косвенно развивает сознание, то прохождение второй и третьей ступени познания без овладения сознанием невозможно. Из сохранившихся систем развития сознания самым древним и авторитетным учебником психологии сознания является Йога-Сутры Патанджали. Йога дана в тезисах, что затрудняет ее постижение, по этой причине ряд переводчиков и текстологов считают, что текст йоги не

является передачей технологии и не обеспечивает возможность практического использования. Однако понимание природы и методов развития сознания позволяет считать, что в Йога-Сутре Патанджали человечество имеет курс развития рефлексивного и духовного слоев сознания. Духовные книги, Йога-Сутры Патанджали в том числе, излагают знания таким образом, что понимание содержания зависит от освоения ступеней развития сознания. Степень понимания содержания учения соответствует степени освоенного уровня сознания.

Датировка Йога-Сутр остается спорной: представители науки относят написание Сутр к периоду между II веком до н. э. и до IV века н. э., но индусские авторитеты придерживаются более ранней даты, вплоть до X века до н. э. Считается, что Патанджали был составителем учения, существовавшего многие века как устная традиция.

Сопоставление нескольких вариантов толкования сутр позволяет более полно обнаружить смыслы оригинала. Мы будем опираться на комментарии Йога-Сутр Патанджали, выполненных А. Бейли, С. Вивеканандой и Вьясой.

Проблема понимания — это проблема сознания, а значит, проблема научной психологии. Некоторая активизация интереса к психологии не имеет под собой концептуальных оснований, и маловероятно, что даст желаемые результаты. Множество психологий, возникших как ответ на требования *неклассической* науки и на действительную нужду людей, имеют прикладной характер, но без концептуальной основы психология будет оставаться наукой, не влияющей и не оказывающей существенную помощь в организации жизни людей.

Мы отметили, что становление индивидуальности, сегодня актуальное для многих, должно обрести организованный и управляемый характер. Мы также отметили, что такие феномены человеческого существования, как душа, интуиция, совесть, нравственность, как естественные состояния бытия человека не имеют рационально-логического обоснования. Но эти и другие признаваемые феномены человеческого существования могут быть объяснены и имеют формы и методы развития в духовных учениях, сохраняющихся на протяжении тысячелетий. Проблемой остается специфика языка и способа изложения.

Итак, сознание. Сознание является *основой* психической организации человека; основой, которая определяет качество всех психических явлений, состояний, функциональных проявлений. Бессознательное — это не отсутствие сознания, это качественно иное состояние сознания. Йога-Сутры Патанджали рассматривают сознание как уровни качественной определенности, каждый из которых задает определенное качество психическим явлениям. Базовым свойством сознания признается сосредоточение: чем более сознание сосредоточенно, тем более психические явления обретают выраженное качество. Перечислим состояния сознания, каждое из которых является ступенью сосредоточения: блуждающее, инертное, произвольное, однонаправленное (собранный в точку), остановленное. Например, если сознание *инертно*, мышление отличается неразличающей алогичностью и направленностью на все объекты одновременно, если сознание *однонаправленно (собранный в точку)*, мышление будет отличаться ясностью и глубиной постижения.

Рассмотрение природы сознания, самосознания потребовало бы от нас значительного отступления от темы книги, но обойти молчанием данный вопрос невозможно. Воспользуемся примерами, используемыми С. Вивеканандой: *«Как мы можем узнать, что сознание сосредоточилось? По тому, что время исчезает. Чем больше исчезает время, тем больше мы сосредоточены. В обыкновенной жизни мы видим, что, заинтересовавшись книгой, мы совсем не замечаем времени и, отложив книгу, бываем часто удивлены, узнавши, как много времени прошло. Всякое время будет иметь склонность представляться одним настоящим. Итак, определение дано; чем больше прошедшее и настоящее представляются одним, тем сознание более сосредоточено»* (12-III).

Сознание, или душу, человека на Востоке часто сравнивают с алмазом, и так же как алмаз отражает свое окружение, так и в структуре человека сознание отражает: с одной стороны, индивидуальность (сущность, код), с другой — личность. В подавляющем числе случаев человек не знает себя как субъекта, как индивидуальность, а знание себя как личности неопределенно, фрагментарно. Приведем еще одну цитату из комментария С. Вивекананды, в которой дано наглядное описание состояния созна-

ния, не позволяющего обнаружить не только индивидуальность, сущность человека, но и само сознание в его истинной природе (чистоте).

«Дно озера мы не можем видеть, потому что поверхность покрыта зыбью. Тогда, когда зыбь пропадет и вода успокоится, мы можем увидеть проблеск дна. Если вода мутна, дна не видно; если вода постоянно волнуется, дна также нельзя видеть, и только когда вода прозрачна и спокойна, мы видим дно. Это дно озера — наша собственная настоящая душа» (2-I).

«Чистота» сознания и «исчезновение времени» могут быть знакомы человеку, но до тех пор, пока они не обретают характер *стабильной непрерывности*, человек в своей повседневной реальности не знает ни интуиции, ни различных феноменов, относимых к душе, богу имманентному. «Чистота» сознания, «исчезновение» времени, непрерывность сознания будут служить нам ориентирами в нашем исследовании. Мы достигнем большего понимания, если будем сопоставлять знание Востока и научную психологию.

В «Общей психологии» глава о сознании сведена к нескольким элементарным понятиям, к физиологии; развитие сознания не рассматривается. В то же время существует область психического проявления, все еще остающаяся особым классом явлений, который, по выражению А.Н. Леонтьева, кочует по разделам, — это феномен внимания. Внимание относят то к области сознания, то к восприятию, то признают самостоятельным психическим явлением. Восток утверждает, что внимание является свойством сознания. Внимание может быть показателем степени сосредоточения; степень сосредоточения в отдельный момент, период или в жизни является показателем развития сознания. Перечислим состояния сознания, отмечая при этом наиболее характерное.

Блуждающее — спонтанная направленность на внешние объекты, какая бы то ни была стабильность отсутствует.

Инертное — пребывающее в замешательстве, недоумении. Отличается неразличающей алогичностью, направленностью на все объекты одновременно.

Произвольное — выбор объекта из некоторого множества при относительной стабильности. Однако сосредоточение на этом уровне непрерывно прерывается ввиду актуального избирания объектов: один объект сменяется другим без желания субъекта зафиксировать сознание на избранном объекте.

Однонаправленное — состояние стабильной непрерывности сознания, достигаемое посредством преодоления спонтанной избирательности. При таком состоянии происходит «высвечивание» объекта как он существует в реальности. Аффективный компонент при этом состоянии отсутствует.

Остановленное — состояние, при котором прекращается разрывывание содержаний сознания и эмоционально окрашенная мотивация.

Не будем останавливаться на первых двух ступенях развития сознания, хотя каждый человек в отдельный момент или период может находиться в этих состояниях, но для людей интеллектуально развитых состояния блуждающее и инертное не являются доминантными. Нас должны интересовать произвольное, однонаправленное и остановленное состояния сознания, которые являются и актуальностью для цивилизованного человечества, и внутренней причиной многих, если не всех, проблем современности.

Принципиальное отличие сознания от других психических феноменов — способность давать себе отчет. Невозможно давать себе отчет, если в сознании присутствуют следы прошлого опыта, фантазии, ассоциативное течение интеллектуальных процессов, эмоционально окрашенные установки, стереотипы мышления и т. д. Только когда сознание находится в настоящем — «здесь и теперь», оно обретает «чистоту», время «исчезает», и человек способен давать себе отчет. Как часто и как долго человек способен давать себе отчет? Секунды, микросекунды?! Если сознание не находится в настоящем, человек либо не отдает себе отчет о происходящем, либо смутно осознает происходящее, верного восприятия реальности не происходит. Фрагмен-

тарные осознания не гарантируют качественных результатов деятельности. Наука утверждает, что сознательные действия, деятельность — это произвольные, волевые действия, направленные на осуществление цели. Что имеем в действительности? Например приняв то или иное решение, через непродолжительное время человек сдвигает решение на периферию сознания, к вечеру или через день, неделю человек может «забыть» свое решение, потом вдруг вспомнить, потом... и так далее. Можно ли в этом случае сказать, что человек сознательно осуществляет цель? Принять решение, что также требует воли, не всегда легко, но удержать решение, корректировать действия по ходу процесса, при этом не подменяя решение сиюминутными желаниями и возможностями, — все это требует полноты самосознания и контроля за работой сознания. Современный человек считает свои действия сознательными, если он осознает свои физические действия, а зависимость действий и деятельности от настроений, мотивов и пр. не осознается. Методы и технологии управления сознанием малоизвестны. Люди в своем большинстве все еще редко осознают происходящее, не замечают собственной ограниченности, обусловленности настроением, предпочтениями, неспособностью видеть и слышать происходящее, при этом часто остаются в полной уверенности, что они сознательно реализуют принятое решение. Сегодня, когда публичная жизнь обретает более наглядный характер, способность/неспособность осознавать и ясно мыслить становятся очевидными. Часто можно наблюдать, как, например находясь в эмоциональном состоянии (возбуждении, стрессе, недоверии, унынии), человек высказывает предположение, через день или неделю предположение становится мнением, затем обрастает аргументами и превращается в твердую уверенность, и, даже если действительность убедительно опрокидывает всю конструкцию, человек не замечает этого. Эти и другие несовершенства не замечаются, зависимость понимания от *способности* ясно мыслить не осознается, точка зрения не корректируется. Но, может быть, понимание и невозможно?

Вспоминается старая буддийская притча, повествующая о том, что однажды, когда Будда сидел под деревом бодхи, к нему через небольшие промежутки времени обратились три

путника с вопросом: «Есть ли Бог?» Будда дал им различные ответы: одному сказал, что Бога нет, другому, что есть, третьему предложил сесть рядом. По прошествии некоторого времени третий путник поднялся, жестом, исполненным глубокого покоя и смирения, поблагодарил Будду и отправился далее. Все три путника были глубоко удовлетворены встречей с Буддой. Вполне очевидно, что Будда отвечал не на абстрактный вопрос о Боге, а отвечал по существу, исходя из истинного запроса вопрошающего. Почему Будда мог слышать, понимать и давать ответ, удовлетворяющий каждого?

Понимать происходящее — это понимать состояние бытия искомого объекта посредством универсальной структуры. Любая открытая самоорганизующаяся система, от элементарной частицы до Вселенной, в каждую секунду своего существования есть состояние бытия: самой системы и большего целого, в которое рассматриваемая система входит составной частью. Внешние воздействия преломляются через внутренние условия — этот хорошо известный тезис существования и развития легко и охотно произносится, но, что реально он означает, знают немногие. Только понимая внутреннее состояние человека, общества, мира, можно понимать происходящее.

Научная психология рассматривает внутренний мир, психические явления, дифференцируя их на натуральные и культурные, или бессознательные и сознательные. Подобная дифференциация явно недостаточна. Обратимся к духовным учениям классического Востока, многовековой спецификой которого было познание внутреннего человека посредством веры или знания. Основанием развития, утверждают философские системы классического Востока, является сознание.

В данной работе возможна только общая схема развития сознания под углом человеческого способа существования. Человеческий способ существования — это сознательный способ. Если сознание является качественной определенностью человека, то вполне логично считать сознание механизмом самоорганизации, обеспечивающим способ существования; и при организации человеческого существования вполне оправданным является руководствоваться знанием природы и логики развития

сознания. Предоставим читателю общую схему эволюции сознания.

Период эволюции — способ существования	Тип и слой сознания	Ступени (уровни) качественно-определенного состояния сознания	Стадии развития	Способ познания
первый адаптивный	экстра-вертный — бытийный	рассеянное инертное произвольное	рост развитие самоопределение самоутверждение	эмпирический теоретический
второй само-сознательный	интро-вертный — рефлексивный	одно-направленное	само-осознание (чувств интеллекта самого сознания)	<i>различающее познание</i>
третий синтетический	синтетический — духовный	остановленное	само-реализация	<i>синтетический интуиция</i>

Именно отдавая себе отчет, то есть осознавая происходящее, человек способен познавать и как следствие — способен преобразовывать. Сущностью человека является *преобразование*. Сущность не может меняться в течение существования — она есть всегда присущее и неизменное. Человек — преобразователь. В книге «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн пишет: «*Человек в бытие, бытие в человеке. Человек — конечное существо — включается в мир, в его бесконечное бытие как: бытие, преобразующее реальность; переходящее в форму идеального существования*» (предварительно осмысленного).

Человеческая история — это история преобразования, всегда включающая два обязательных компонента: преобразование внутреннего и внешнего человека. Следовательно, существование людей может и должно быть рассмотрено как параллельные процессы, преобразующие самого человека и среду его обитания. Развитие сознания — процесс крайне медленный, и потому, пока человек развивает сознание, механизмом самоорганизации

является инстинкт, способом самоорганизации — адаптация. Любая открытая самоорганизующаяся система имеет механизм самоорганизации, у человека два механизма самоорганизации: инстинкт и сознание. Соотношение между этими механизмами по мере развития в онтогенезе и в филогенезе свидетельствует об уровне развития: чем более человек развит, тем более сознательная жизнь определяет его существование.

Представим общую картину человеческих способов существования. Первый период эволюции для значительного количества людей продолжался до XX века. С.А. Рубинштейн так описывает способы существования: первый — это *«жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем подруги, учителя, затем муж, дети и т. д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней. Это есть существующее отношение к жизни, но не осознаваемое как таковое...»*

Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее... С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни.

Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. С этого момента, собственно, и встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и все упущенное.

С этого разрыва непосредственных связей жизни и их восстановления на новой основе начинается и в этом заключается второй способ существования человека. Отсюда с этого момента возникает проблема “ближнего” и “дальнего”, проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения человека

к жизни, к окружающему его и осознанного отношения, опосредованного через “дальнее”» (С.А. Рубинштейн «Человек и мир»).

Человечество никогда не было однородным, в приведенной цитате дано широкое, но принципиальное обобщение. История человеческого существования, как будет представлено, — это эволюция сознания человека, ибо именно сознание является той качественной определенностью, которая принципиально отличает человека от других известных форм существования.

В связи с тем что нас интересует *эволюция сознания*, внесем уточнения в предложенную С.А. Рубинштейном точку зрения на способы существования. По Рубинштейну, имеются два способа существования человека: бессознательный и сознательный. Если же рассматривать существование человека в контексте эволюции сознания, как это предлагает Восток, то необходимо рассматривать эволюцию как три последовательных периода развития сознания, каждому из которых соответствует развитие определенного слоя сознания: бытийного, рефлексивного и духовного.

Первый период эволюции — это период, когда перед человеком стоит задача освоить опыт выживания, самосохранения, удовлетворения своих потребностей. По мере овладения навыками самосохранения росли и расширялись потребности самого человека и преобразовывалась среда его обитания.

На протяжении первого периода эволюции адаптивный способ существования остается основным. В этот период эволюции сознание долгое время остается блуждающим, инертным, но постепенно человек овладевает *произвольным* состоянием сознания. Действия, поступки и деятельность с материальными предметами обретают волевой, целенаправленный характер, сознание все чаще становится произвольным, и физическая, материальная жизнь начинает восприниматься как непрерывный процесс. (На современном этапе эволюции, в онтогенезе, первые проявления произвольного сознания можно обнаружить у первоклассников.) Однако ни сфера чувств, отношений, ни тем более жизнь интеллекта не осознаются как непрерывный процесс, а присутствуют как фрагментарные осознания. Постепенно сознание тех, кто активно развивает ум, сначала редкими спонтанными вспышками проявляется как самопознание, самооценка, самонаблюдение, рефлексия. Но эти и другие проявления сознания в пер-

вом периоде эволюции не имеют целенаправленного характера, скорей случаются, чем присутствуют как устойчивый процесс.

На стадии «самоопределения» и «самоутверждения» человек становится целостным координированным существом, личностью. *Личность — это координированное человеческое существо, достигшее в своем развитии развернутой структуры психической организации, когда восприятие, чувства, конкретный ум функционируют в единстве с организмом, что обеспечивает адекватные условиям действия, деятельность, поведение в материальном и социальном взаимодействии.*

Личность является итогом первого периода эволюции, первого способа познания, первого способа существования. Нельзя обойти вниманием такую присущую личности черту, как самоцентрированность. При всех достижениях, при несомненной успешности, умении быть эффективной, адекватной, конструктивной (когда это не противоречит собственным интересам) развитая личность сосредоточена на себе, любой вопрос, дело рассматриваются под углом собственной значимости, принадлежности, состоятельности. Самоцентрированность — естественный результат первого периода эволюции: необходимость освоить среду обитания требует ориентации всей психической организации на внешние условия.

Мы отметили, что задачей первого периода эволюции является обретение опыта самосохранения и организации материального и социального существования, что предполагает освоение бытийного слоя сознания. С точки зрения развития сознания произвольное состояние сознания является доминирующим на последних стадиях первого способа существования: самоопределения и самоутверждения, — что обеспечивает материальную и социальную жизнь и деятельность, адекватную условиям среды. Произвольно направленное сознание, признаваемое научной психологией сознанием, Йога рассматривает как предварительную стадию, предшествующую собственно сознательной организации сознания и сознательной жизнедеятельности. Нет четкой демаркационной линии между периодами эволюции. Первые признаки готовности перейти к новому способу существования — это неудовлетворенность жизнью (несмотря на удовлетворительные общие условия), одиночество, появление скуки, от-

сутствие интересов, депрессия. Положительными признаками перехода на новый способ существования являются: интерес к человеку, к различиям между людьми, психологическим причинам, стоящим за побуждениями людей.

Второй период эволюции — это познание и развитие внутренней жизни как непрерывного процесса. Второй период эволюции — это период освоения рефлексивного слоя сознания. Психология определяет рефлексивность как размышление, самоанализ, направленный на осознание своего внутреннего мира. Однако роль сознания, связь и зависимость рефлексии от развития сознания в научной психологии отсутствует. Отметим только два положения, имеющие непосредственное отношение к рефлексии как к основному методу постижения внутренней жизни, как основную задачу второго способа существования. Первое — это позиция «над», «вне»; рефлексивный человек в своем сознании отстраняется от предмета, объекта анализа. Многие люди, размышляя над тем или иным вопросом, проблемой, поглощаются полем собственных знаний, отношений, точкой зрения, иные подходы либо не рассматриваются, либо рассматриваются не по существу, формально и практически сразу отрицаются как неистинные. Такие люди «за деревьями не видят леса». Обязательные компоненты анализа: исследование различных точек зрения, обобщение сущностных связей, интерпретация обобщенного тезиса по отношению к конкретным вопросам жизнедеятельности — не рассматриваются. Качество рефлексии всецело зависит от уровня развития сознания, только когда сознание однонаправленно (собрано в точку), становится возможным положение «над», «вне».

Второе, рефлексия должна носить стабильно непрерывный характер, что наряду с отстраненностью позволяет исследовать, обобщить и выработать собственное отношение к происходящему или к жизни в целом. Стабильная непрерывность возможна только при однонаправленном состоянии сознания. Однонаправленное состояние сознания — это интегральное состояние сознания, когда имеет место объединение, синтез всей психической организации, в том числе памяти, бессознательного, в общее состояние, процесс, в котором объединяются прошлое, настоящее и будущее. (Бессознательное не исчезает, но становится прозрачным: характерные связи прошлого и настоящего стано-

вятся логичными и очевидными.) Чем *больше* сосредоточено сознание и чем *дольше* человек может его сохранять, тем глубже и шире раскрывается исследуемое. Именно синтез всей психологической системы позволяет иметь достоверное знание — интуитивные прозрения.

Для второго периода эволюции, или второго способа существования, основным является однонаправленное или собранное в точку состояние сознания, когда сознание сначала редко, но постепенно все чаще обретает стабильность, становится «чистым», и время «исчезает». Однонаправленность достигается двумя обязательными компонентами: освобождением сознания от препятствий к однонаправленности и параллельной работой обретения различающего познания. Самосознание — это, помимо осознания физической жизни, осознанная жизнь чувств, ума, самого сознания как непрерывного, взаимосвязанного процесса. Самосознательная жизнь возможна, если мы понимаем природу и логику развития сознания, а они не линейны. В прошлой истории человечества, конечно же, были люди, достигавшие в своем развитии и самосознания в его полноте, и синтетического сознания. Другими словами, история людей знает тех, кем были пройдены и второй, и третий периоды человеческой эволюции, но это были единицы, потом десятки, возможно, несколько сотен за весь предыдущий период; наступает время, когда значительная часть человечества может начать путь освоения подлинного самосознания. Древние источники Востока называют наше время Великим Переходом, наука, как известно, говорит о переходе от биосферного существования к ноосферному.

В *третьем периоде эволюции*, который предстоит человечеству, по всей вероятности в отдаленном будущем, человечество будет осваивать синтез внутреннего и внешнего, духовного и материального. В сфере сознания человечеству предстоит освоить духовный слой сознания, который при третьем способе существования становится доминирующим.

К общему обзору развития сознания и периодов эволюции прибавим несколько замечаний. На первый взгляд, может казаться, что произвольное и однонаправленное состояния сознания не имеют или имеют незначительные различия, но в действительности различия не только существенны, но и имеют фундамен-

тальное значение. Рассмотрим общее и отличия произвольного и однонаправленного состояний сознания:

- произвольное* — относительно стабильное, но прерывающееся актуальным избиранием объектов без желания субъекта зафиксировать сознание на избранном объекте;
- однонаправленное* — стабильность достигается посредством преодоления спонтанной избирательности; эмоциональный и субъективный компоненты отсутствуют.

Общее — это стабильность, в случае произвольного состояния сознания стабильность легко прерывается актуальными воздействиями. Когда присутствует заинтересованность, сознание, как может казаться, стабильно удерживается однонаправленным, но заинтересованность не является волевым усилием. Подобный вид «однонаправленности» присутствует в очень ограниченной области жизнедеятельности человека, обычно в профессиональной, при этом другие сферы существования остаются неупорядоченными и бессознательными. В точном значении йогического понимания, заинтересованность не является однонаправленным состоянием сознания, потому что волевые усилия отсутствуют, и привычка удерживать сознание однонаправленным, то есть непрерывным, не вырабатывается. Следовательно, никакие результаты, возможные при однонаправленном и остановленном сознании: интуиция, просветленный ум, сущностное понимание причин и следствий и др., — при произвольном сознании невозможны.

Человек, занятый интеллектуальным творчеством, может находиться в состоянии, когда произвольное сознание может перейти в однонаправленное. Но переход возможен, если этот человек знает о логике развития сознания: после того как ответ найден, конструкт создан и можно бы отвлечься, именно на этом этапе должно сохраняться, в терминологии исихазма, «молчание ума». Сознательное, целенаправленное удержание ума в состоянии молчания, остановленным (в научной психологии, по Добрынину, это постпроизвольное внимание) невозможно без практики волевых усилий по сдерживанию развертывания содержаний ума (ведь кажется, что ответ найден). Волевые процессы сопро-

вождаются физиологическими усилиями торможения и возбуждения мозга. Если *практика по сдерживанию ума, торможению мозга, достигает состояния, когда сила беспорядочных видоизменений сознания уравновешивается силой сдерживания, имеет место стабильное однонаправленное состояние сознания, переходящее в остановленное, и интуиция становится возможной.* Однако отсутствие знаний о методах контроля ума ведет к такому характерному явлению, как всплеск прозрения, который человек не удерживает, и следует либо зауженная, либо ошибочная интерпретация.

Состояние непрерывного настоящего, не окрашенного никакими воздействиями, есть истинная природа сознания. Способность достигать и удерживать сознание в состоянии стабильной непрерывности настоящего является задачей второго периода эволюции. По мере освоения опыта непрерывности способность ясно мыслить, понимать мотивы, причины действий и деятельности возрастает, человек обретает «просветленный» ум.

Но часто ли современный человек находится в настоящем?! Вспомним Будду, его призыв быть здесь и теперь; или Иисуса, призывающего быть как дети, которые обычно живут настоящим. Исчезновение времени и пребывание в настоящем открывает перед человеком новый мир, новую жизнь. Знание о принципиально ином восприятии и отношении к жизни, о возможности перехода к новому способу существования присутствовало в системах знания всегда. Но в западных учениях, по причине их тайного характера, знание обрастало таинственным символизмом, искажениями, ошибочными интерпретациями, что со временем привело к утрате знания. На Востоке учения не были тайными, но способ изложения фактически исключал возможность понимать изложенное содержание без наставника.

Однонаправленное состояние сознания — это непрерывное состояние настоящего, достижение которого становится возможным при прохождении следующих стадий: здоровый образ жизни, соответствующий нормам страны проживания (1), устранение субъективных компонентов (2), абстрагирование, подчинение чувств уму (3), контроль ума и мозга (4). Опустим вопрос здорового образа жизни, предоставив человеку самостоятельно определить его. Кратко остановимся на обязательных условиях

достижения однонаправленного и остановленного сознания. Наша задача — лишь обозначить общую картину.

Начнем с проблем освобождения сознания от помех, препятствующих однонаправленному состоянию сознания. Жизнь организма как непрерывный процесс воспринимается современным человеком как нечто само собой разумеющееся. Почему человек осознает свою физическую жизнь как непрерывную, а жизнь чувств, ума, сознания либо не осознается, либо осознается как отдельные фрагменты, иногда связанные друг с другом, но чаще как «случайные» и связанные с какими-либо внешними событиями? При произвольном состоянии сознания, развиваемом в период, когда должен быть освоен опыт человеческой жизни, сознание человека направлено вовне. Внутренняя жизнь остается не осознаваемым сумбурным набором реакций, связей, отношений, стереотипов мышления, что не позволяет иметь однонаправленное состояние сознания. Этот сумбурный набор — следы прошлого опыта, сохраняется в нашей памяти и отдельными воспоминаниями, образами, реакциями «всплывает» в нашем сознании.

Внутреннее пространство требует освобождения, или, в христианской терминологии, искупления. При целенаправленной практике освобождения от следов прошлого опыта может быть достигнута определенная степень чистоты, что способствует проявлению непрерывного процесса.

Устранение субъективных компонентов

Надо сказать, что, если человек не устал от напрасных ожиданий, разочарований, страданий, страхов, бессмысленности жизни, он не будет ни читать эти строки, ни делать соответствующие шаги; он еще надеется, что проблемы как-то отпадут, решатся сами, не потребуют от него серьезных усилий, но его время еще не пришло.

Первый реальный шаг к свободе от обусловленности собственным прошлым опытом — санскарами — начинается, как правило, когда человек обнаруживает некоторую закономерность происходящего, создающую препятствия; эти препятствия всегда зависят от собственных установок, привычек, стереотипов мышления и окрашены собственной пристрастностью к челове-

ку, отношениям, событиям. Обнаружив некоторые закономерности своей жизни, обусловленные своими установками, привычками, человек стремится их контролировать. Есть множество методов контроля за аффективно-эмоциональной сферой, в которой следы прошлого опыта всегда проявлены с наибольшей очевидностью. Эти методы дают определенный эффект, почти всегда временный, потому что причины не устраняются. Кажущееся изменение неглубокое; следы прошлого опыта либо переходят в другие формы и способы проявления, либо на время «засыпают». Йога утверждает, что семена прошлого опыта являются причиной всех заблуждений и препятствий и сохраняются *спящими, прснувшимися и развернутыми*, но все они, рано или поздно, должны быть *«прокалены до невсхожести»*. Постоянная окрашенность сознания следами прошлого опыта делает его нечистым и, следовательно, не позволяет видеть, понимать происходящее. Мы остановимся на том, что не является общепринятым, но оказывает глубокое влияние на все проявления человека.

Нас будет интересовать апперцепция, зависимость восприятия от прошлого опыта. Для этих целей необходимо вспомнить два закона: один научный, другой мистический. Оба закона раскрывают порядок и логику существования и развития: один, признаваемый наукой, порядок и логику развития материальных форм; другой — сознания.

Закон рекапитуляции, или биогенетический закон, гласит: «Онтогенез есть краткое и сжатое повторение филогенеза». В свое время открытие закона рекапитуляции имело большое значение для доказательств эволюции: существование не беспорядочный процесс то в одну, то в другую сторону, а разумный процесс, организующий порядок и непрерывность существования мира. Однако все попытки перенести закон рекапитуляции на психическое развитие человека оказались несостоятельными. Причина в принципиальных различиях материи и психики. Понять логику развития сознания — это понять логику развития человека от первых элементарных шагов до уровня совершенного человека. Повторим. Существование — не беспорядочный процесс то в одну, то в другую сторону, а разумный процесс, организующий порядок и непрерывность существования мира. Логика и смыслы психологического развития невозможно проследить на примере одной жизни.

И логика развития человека, и различия между людьми становятся понятными, если развернуть структуру сознания во времени.

Вполне понятны возможные реакции на изложение мистического закона, но нужна понимать человека, природу и закономерности развития сознания более значима, чем боязнь упреков в ненаучности, псевдонаучности подходов к сознанию. Закон перерождения, или, как его называют, закон реинкарнации, воспринимается многими людьми как несерьезная фантазия, и для этого есть причины. К сожалению, приверженцы закона почти всегда живописуют примитивное понимание закона и приводят столь неразумные, а порой абсурдные доводы, что вопрос прошлых и будущих жизней не вызывает доверия. Мы не будем заниматься доказательством справедливости этого закона, а рассмотрим две идеи, *позволяющие понимать логику существования и развития сознания, или логику психического развития в фило- и онтогенезе*. Отметим также, что закон перерождения, или, как иногда его называют, закон *возобновляющейся жизни*, присутствовал во всех религиях мира.

Предвидя возражения христиан, напомним читателям: первые христиане признавали закон реинкарнации (Ориген «О Началах»). Строки Нового Завета свидетельствуют о том же; например, слова Христа: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5.48); или «Ибо в вас должен быть тот же ум, какой и во Христе» (фил. 2.5); можно припомнить и послание апостола Павла ефесянам: «Доколе (когда) все придем в единство веры и познания сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Ефес. 4. 13). «Ученики Его спросили у Него: Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии». Не будем пересказывать главу об исцелении слепорожденного, скажем только, что Иисус исцелил слепого, «явил дела Божии» (Иоанн 9.2).

Можно ли за одну жизнь стать совершенным, как Отец Небесный, достичь меры полного возраста Христова, достичь веры и познания Сына Божьего? Стать как Отец Небесный, достичь полноты возраста Христова, «жизни с избытком» требуют весьма длительного времени; человек за короткую жизнь в физиче-

ском теле достичь непрерывности сознания, при котором пере-численные феномены могут стать очевидными, не может.

Нас будет интересовать логика развития сознания, психики. Несостоятельность неоднократных попыток перенесения закона рекапитуляции на психику, отсутствие убедительной теории психического развития, раскрывающей логику и психологические смыслы развития, — следствия исследований сознания на примере единственной жизни.

Кроме того, в этом законе содержится идея *«воскрешения»*. Христианство, отказавшись от идеи *возобновляющейся жизни* и придав недолжный акцент смерти, невольно ведет человека к тупику, бессмысленности усилий, развития и жизни в целом. Но идея воскрешения — светлая и жизнеутверждающая идея; не случайно праздник Пасхи признается самым любимым и светлым праздником православия. Поиски смысла существования ведут к мысли о воскрешении. Например, *«проект общего дела воскрешения отцов»* и преодоления смерти средствами современной науки Н.Ф. Федорова.

Напомним читателю, сегодня представители науки определяют жизнь как свернутую активность, информацию. Эволюция — это смена циклов единой жизни. Подобно тому как жизнь сохраняется при смене циклов природы (зима — весна — лето — осень), это происходит и в существовании человека, то есть, сменяя тело, условия, человек обретает новые, более благоприятные возможности развития. Жизнь неуничтожима, тогда как тело смертно.

«Проект общего дела воскрешения» может быть осуществлен, если наука исследует сознание в его полноте: ведь одностороннее состояние сознания ведет к непрерывности, что обеспечивает знание прошлых жизней, то есть *воскрешает умерших*.

Сознание человека развивается крайне медленно, но обнаружить последовательность и логику его развития можно. Накопление опыта возможно, если существование непрерывно. Но жизнь организма имеет короткий срок, следовательно, полноценный опыт не может быть освоен; опыт накапливается душой, сознанием, ведь религии, духовные учения утверждают, что душа вечна. Механизмом, посредством которого сохраняется непре-

рывность и преемственность, является инстинкт, имеющий различную трактовку в науке и в культурах Востока.

Наука считает инстинкт памятью тела, Восток рассматривает инстинкт как память души, сознания. В вопросе зависимости развития от наследственных и средовых влияний были проведены исследования близнецов, однако метод не дал ответа: при переходе исследования от антропометрических и физиологических признаков к психологическим равенство генетических и средовых условий не дает положительных однозначных результатов. По мере роста близнецов психическая организация обнаруживает все больше различий, что ставит под сомнение утверждение, что инстинкт — память организма.

Наука последней трети XX века пришла к общему выводу, что мистическое знание не противоречит научным открытиям; правильнее сказать, что научные знания не противоречат мистическому знанию. Но если физики, другие представители естественных и точных наук поставили под сомнение материалистическую парадигму, то гуманитарные науки либо не знают об удивительном совпадении мировосприятия науки и мистики, либо не хотят расставаться с хорошо знакомыми и привычными стереотипами мышления. Если мистическое и научное знания совпадают по ряду положений, что мешает ученым допустить гипотезу, позволяющую раскрыть логику развития сознания, психики? Не надо требовать доказательств о прошлых жизнях, они неизвестны, да и не нужны. Нужно проследить логику и последовательность психического развития и обнаружить логику различий между людьми, например сопоставляя способность сохранять непрерывность сознания и качественные показатели самоорганизации. Нас будет интересовать мистический закон *возобновляющейся жизни* с позиции обнаружения логики развития в филогенезе, который повторяется в онтогенезе.

Серьезные источники, например Йога-Сутры Патанджали, утверждают, что только при достижении человеком стабильной непрерывности сознания могут быть познаны прошлые жизни. При этом подчеркивается, что становятся известными не статус и прочие внешние атрибуты существования — становятся известными индивидуальные психические феномены, создающие трудности и проблемы в текущей жизни. Эти откровения души

зачастую предстают как нелицеприятные, и человек, познавший свое прошлое, не только не будет рассказывать о пережитом, но нередко старается «забыть» произошедшее, несмотря на то что жизнь регулярно обнаруживает связи прошлого и настоящего. Стабильная непрерывность сознания — это эволюционное достижение, когда *«минута величайшего достижения равна минуте боли и отчаяния»*.

Еще раз подчеркнем, опыт обретается в непрерывном процессе: эксперимент — опыт — сознательный опыт — инстинктивно правильные действия. Если опыт осознанно не закреплен, он теряется или не имеет удовлетворительного качества. Причина неадекватности действий, жизнедеятельности, трудностей и проблем человека всегда в отсутствии того или иного опыта. Если существование не сводить к жизни тела, а рассматривать как непрерывный процесс постепенного и последовательного обретения опыта человеческого, сознательного существования, то можно обнаружить: *«...то, что есть, видится как результат того, что было. Аналогично, то, что произойдет в будущем, признается осуществлением причин, приведенных в действие в настоящем. Тем самым цикл развития видится как единый процесс в трех стадиях»* (16-III). Иными словами, понимать самого человека, его мотивы, трудности и проблемы можно, рассматривая жизнь конкретного человека как непрерывный процесс освоения опыта. Трудности текущей жизни — это либо отсутствие опыта определенного уровня, либо недолжная его реализация. Зная природу и качественные характеристики уровней развития сознания, можно понимать логику и последовательность обретения опыта в сферах жизнедеятельности (базовых потребностях) человека. Дополнительной подсказкой может служить известное выражение: «Наши недостатки — продолжение наших достоинств, и наоборот», которое означает, что некогда освоенное должно перейти на новый уровень. Составной частью такого анализа должно стать сопоставление следов прошлого опыта с ядром психической жизни и текущими событиями. Причины не в родителях, не в государстве, не в каких бы то ни было внешних условиях, обстоятельствах — причина в самом человеке. Главное следствие понимания закона *возобновляющейся* жизни — это осознание, что сам человек является причиной всего происходящего с ним.

Рассмотрим последовательность развития апперцепции, восприятия, окрашенного следами прошлого опыта в филогенезе и повторяющегося в онтогенезе. В науке зависимость восприятия от прошлого опыта (разумея опыт текущей жизни) признается, но не имеет сколько-либо обоснованной соотнесенности с периодами психологического развития.

Йога рассматривает последовательность развития восприятия, ведущего к достоверному знанию реальности, собственной Подлинности (Индивидуальности). Процесс достижения Самадхи, Просветления — достоверного знания, продолжается много жизней, и в тех случаях, когда мы наблюдаем сравнительно быстрое движение к становлению Индивидуальности, мы наблюдаем повторение прошлого опыта. Йога в коротких фразах описывает всю эволюцию человека: жажда знания, жажда свободы, жажда счастья, жажда исполнить свой долг, скорбь, страх, сомнение — Самадхи, или Просветление, как итог. Будем помнить, что слова — это символы, в которые различные люди вкладывают различные смыслы. Мистическая форма изложения современными людьми нередко встречает недоверие, но попробуем понять суть. Не каждый человек проходит полный цикл развития, но в процессе эволюции все стадии каждым либо пройдены, либо будут пройдены. При перечислении стадий употребляется термин «жажда», который хорошо передает поглощенность человека тем, что является ядром его психической жизни, что он считает наиболее значимым. События, встречи, люди рассматриваются под углом главной тенденции периода развития. В каждой новой жизни человек повторяет пройденное ранее: иногда повтор очевиден, иногда присутствует лишь смутно. Анализ характерных тенденций восприятия и отношения к различным аспектам и атрибутам в текущей жизни позволяет понимать человека. Возможно, первое прочтение вызовет несогласие, но наблюдайте, размышляйте, и вы придете к согласию с теми, кто на протяжении веков открывал для себя это знание.

Жажда знания — причина всякого опыта. Мы привыкли относить термин «знание» к науке, образованию, но без знания нет опыта. Ранее мы обозначили первый период эволюции и первый способ существования, задачей которого является обретение опыта человеческого существования и постепенного усложне-

ния жизни и среды обитания. Человечество никогда не было однородным: и развитые индивиды, опережавшие свое время, и «дети» человечества всегда входили в состав человечества. Жизнедеятельность человека составляют базовые потребности: самосохранение, пол/человеческая любовь, жизнь обществом, познание и самоутверждение. Базовые потребности, они же сферы жизнедеятельности, первобытного человека и сам человек заметно отличались от человека XIX–XX веков. Развитие идет по спирали, на каждом витке человек осваивает опыт человеческих потребностей в новых условиях, что способствует повышению качества потребностей и опыта их удовлетворения.

Жажда свободы — по мере того как произвольное сознание становится более стабильным и человек активно набирает опыт жизнедеятельности, становится личностью, он обретает свободное время, что рождает потребность изменить условия обитания для себя и других. Наступает период «жажды» свободы. В этот период развития человек практически всегда критически воспринимает происходящее: человеку кажется, что он мог бы все изменить, все организовать гораздо эффективней, качественней и справедливей. Тотальная поглощенность желанием освободиться самому и освободить других не позволяет видеть реальность, не позволяет видеть, что нужно другим, каковы *возможности* других и среды. Характерным качеством человека на этой ступени развития является критицизм. В науке критичность признается показателем развития; с подобной оценкой можно согласиться, лишь оговорив, что критичность — первое проявление развитого ума. Философ русского зарубежья Л. Карсавин писал: *«Критицизм — признак ученичества и не руководимых ясною целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что касается положительного доказательства, оно всегда — раскрытие системы»*.

На первых фазах этого периода человек стремится освободиться от тех или иных внешних условий: муж/жена, родители/дети, общество/государство, религия/идеология. В этот период жизни человека часто сопровождает ощущение, что все на него «давят». Постепенно приходит понимание, что свобода — это прежде всего свобода от собственных ограничений, собственных установок, что перемена мест и условий не приносит удовлетво-

рения или приносит его на недолгий период. Неудовлетворенность заставляет человека двигаться, развиваться.

Жажда счастья — к этому периоду эволюционного развития человек имеет хороший опыт самосохранения, опыт межличностных отношений в семье и обществе, некоторую способность исследовать обстоятельства жизни и их преобразовывать, но эти навыки не приносят удовлетворения. Разочаровавшись в возможности обрести удовлетворение, гармонию во внешней среде, человек начинает искать более качественных отношений с ближним окружением, но постепенно обнаруживает, «что счастья нет». *«Жажда знания, свободы и счастья приводит человека к состоянию крайней неудовлетворенности. Ничто не доставляет ему ни радости, ни покоя. Он исчерпал себя в поисках личного счастья. Теперь он начинает расширять свой горизонт и искать, где может находиться то, что он ищет»* (27-II). Обычно разочарованием как следствием поисков знания, свободы, счастья завершается первый период эволюции.

Жажда исполнить свой долг — период, когда человек по-настоящему начинает интересоваться другими. До этого периода поглощенность на себе, своих потребностях, интересах, ожиданиях, разочарованиях не позволяет человеку действительно быть заинтересованным другими; все не относящееся к непосредственной жизни присутствует как способствующее или как препятствующее его ожиданиям, надеждам. Констатация поглощенности на себе — это понимание сил и возможностей человека. Первый период, когда обретается опыт человеческого существования, человек живет способом адаптации, преобразуя предметы внешнего мира, а чувства, отношения не осознаются и не преобразуются или преобразуются под «давлением» обстоятельств. В период жажды свободы человек, чувствуя и зная свои возможности (но практически не зная возможности других и среды), стремится преобразовать мир. В период поиска счастья усилия преобразования переносятся на ближайшее окружение и, не найдя удовлетворения, человек расширяет свои горизонты. Так от ступени к ступени человек расширяет свой опыт преобразования, что требует все большей непрерывности сознания.

Скорбь — к этому периоду своего существования в мире людей опыт адаптации и преобразования качественно и в значительной

степени освоен. Обратной стороной опыта является возросшая чувствительность. Отсутствие определенности в исследованиях чувствительности является следствием незнания логики развития. В соответствии с эволюционным возрастом человек способен откликаться на определенный диапазон воздействий окружающего мира, в духовных учениях этот диапазон называется «*круг не прехитости*». Вопрос не в том, что кто-то не позволяет перейти некоторую черту, — вопрос в том, что человек не может, да и не хочет перейти, расширить область жизнедеятельности. Неудовлетворенность, возникающая, когда опыт очередного периода развития завершен, сопровождается откликом и поиском неизведанного. Чувствительность при этом расширяется, включая новую сферу, но опыта владения этой областью жизнедеятельности или нет, или опыт не соответствует новым эволюционным условиям (условиям новой жизни), и человек, еще недавно успешно справлявшийся с различными обстоятельствами своей жизни, с трудом находит силы и возможности решать вопросы. Эта собственная неспособность вызывает чувство непонимания происходящего, чувство глубокой печали и скорби, но это не скорбь неудач предыдущих периодов, это скорбь собственного несовершенства.

В этом периоде эволюции человек достигает контроля над умом, что обеспечивает однонаправленность сознания и способность достигать достоверного знания, но оба данных свойства на этом этапе развития не являются полностью контролируемым процессом.

Страх — период эволюции, когда чувство страха нередко сопровождает человека. Это не страх физической смерти, насилия, это не страх жизненных неудач. Это страх не исполнить свой долг, не выполнить то, что ощущается как смысл, цель жизни. Это не страх человека, живущего заботами хлеба насущного; это скорее беспокойство, вызванное воображением того, что может и должно быть сделано. Чем старше эволюционный возраст человека, тем выше его ответственность «за все содеянное и за все упущенное».

Сомнение — человека в этот период эволюции, несмотря на очевидные для его окружения навыки и умения, характеризует склонность к сомнениям. Это сомнения не в людях, к этому времени человек способен понимать и различать мотивы, главное

и второстепенное, видеть суть происходящего, не обманываться словами и действиями. Как бы это ни казалось странным, но чем лучше человек понимает себя и других, общество, мир, тем лучше он относится к жизни во всем ее разнообразии. Сомнения этого периода — это сомнения в себе, в своей возможности осуществить задуманное, как правило, это задуманное не относится ни к личной жизни человека, ни к жизни его окружения, задуманное — это его вклад в общечеловеческую жизнь.

Преодолевая сомнения, человек приходит к Просветлению, Самадхи. У людей западного мировосприятия и соответствующего образования сложилось крайне неверное представление об Освобождении, Просветлении, Самадхи. Часто это состояние отождествляют с трансом. Нет, и не может быть никакого трансa. Человек, научившийся достигать и удерживать *остановленное* состояние сознания, — это человек, обладающий глубоким доверием к себе, людям, жизни, Богу; это человек, полный сил и энергии, способный к творческому созиданию; человек, «у которого нет воспоминаний, но правит память» («правит память» — это способность правильного забывания, устранение всего, что ограничивает правильное восприятие реальности). Такой человек способен по собственному выбору достигать достоверного знания, интуиции в необходимом вопросе, обстоятельствах; это человек, имеющий достоверное восприятие реальности.

Мы перечислили периоды эволюционного развития, или развития человека в филогенезе, ведущие его к начальной стадии самадхи, это не самадхи адепта, но тоже достаточно высокий уровень развития и достижений. Можно предвидеть сомнения и неверие, что вполне естественно: человек верит только в то, что составляет его опыт; к тому, что наметилось на его эволюционном горизонте, он может испытывать интерес; то, что ему предстоит в далекой перспективе, оставит его равнодушным. Например, если для человека актуален опыт «свободы», то «жажда счастья» *может быть* и понятна, и привлекательна, а «жажда исполнить свой долг» не вызовет доверия. «Скорбь», «страх» и «сомнения» (как ядра психической жизни) в данном случае не только непонятны, но и будут восприняты как слабость.

В онтогенезе человек повторяет только то, что освоено, что и создает великое разнообразие людей. К тому же эти общие для

всех людей периоды окрашены историческими, национальными, региональными особенностями и своеобразием.

Внутреннее пространство человека — сложная система, и, только понимая ее, можно обрести глубокое удовлетворение, радость бытия, открытость миру. Человечество (хотя и не каждый человек) только в XX веке научилось преобразовывать свою жизнь в материальном аспекте: преобразование, в отличие от адаптации, требует сознания, а такие аспекты жизни, как отношение и отношения, в целом остаются бессознательными. Существующие подходы к человеку в целом, его сознанию и существованию в принципе не позволяют понимать причину столь широких и глубоких различий между людьми. Не устранив причину, невозможно перейти к стабильной непрерывности целостной однонаправленной жизни. Без работы по освобождению от следов прошлого опыта дальнейший прогресс, движение в сторону разумно организованной жизни невозможно. Зная то, что препятствует, зная свои возможности, человек может обрести удовлетворение и радость бытия.

Следующий шаг — это абстрагирование, способность контролировать органы чувств. Органы чувств направлены на внешний мир и, будучи тесно связаны с мозгом, каждую микросекунду поставляют мозгу информацию. Но восприятие человека при встрече с любым объектом или явлением должно быть «чистым», только в этом случае понимание реальности будет достоверным.

Может казаться, что контроль за органами чувств может привести к их атрофии, но это ошибочная точка зрения. Сознательный контроль за органами чувств не только не ведет к атрофии, но способствует, с одной стороны, повышению чувствительности, с другой — их управляемости. В современных образовательных и воспитательных системах навыки абстрагирования целенаправленно не развиваются, человек не приучен абстрагироваться от любых воздействий внешнего мира, эти воздействия человек либо не замечает и не осознает, либо эмоционально протестует. Йога утверждает, что без целенаправленных усилий по преодолению привычки реагировать на воздействия внешнего мира достижение однонаправленного состояния сознания невозможно. А значит, невозможны сознательное обретение

интуиции, знание и жизнь души, знание бога имманентного и фактически Бога трансцендентного.

Йога-Сутру Патанджали часто называют наукой ума, и, делая обзор науки ума, мы должны упомянуть контроль собственно ума. Фактически речь должна идти о создании новой привычки. Процессы мышления сопровождаются возникновением ассоциаций, что способствует познанию, принятию решения. Но человеку, пока контроль ума не обретен, свойственно находиться в состоянии *ассоциативного течения интеллектуальных процессов*, когда ассоциации возникают без какой-либо цели (А.А. Смирнов). Научиться останавливать бесцельный поток ассоциаций является насущной задачей интеллектуально развитых людей. Остановить поток ассоциаций означает поддерживать «канал связи»: мозг—ум—сознание — чистым, свободным. Когда привычка сдерживания ума-сознания и торможения деятельности мозга становится устойчивой, человек обретает однонаправленное состояние сознания, в исихазме это «умная молитва». Практика *остановки* потока ассоциаций постепенно становится привычкой. Конечно, перечисленные процессы сопровождаются многочисленными индивидуальными особенностями, которые не могут быть рассмотрены в данной книге. Работа по контролю ума, мозга требует волевых усилий, связанных с физиологией мозга, и потому выполнение требований безопасности крайне важно: любое нездоровье, недомогание, усталость служат сигналом о необходимости остановить или прекратить усилия.

Наряду с устранением препятствий к однонаправленному состоянию сознания составной частью второго способа познания, существования должна стать практика *обретения навыков различения и распознавания*.

Необходимость различать в многотрудных условиях существования России всегда была актуальной. Впервые на Руси на необходимости различать настаивал преподобный Нил Сорский (ок. 1500 г.); показательны его наставления: «Писания много, но не все божественны». Согласие между писанием и разумом для преп. Нила было необходимым условием поведения.

Мышление человека, получившего западный, научный, тип образования, детерминировано законами формальной логики. Но в повседневной действительности и в целом ряде гуманитар-

ных вопросов логика многих процессов противоречит закону «исключенного третьего». В соответствии с этим законом действительность рассматривается человеком в дуальном варианте, третий, синтетический, вариант или не рассматривается, или признается «средним», «серым», «неполным». *Пока человек целенаправленно не занимается устранением двойственного мышления, проблема различения и правильного выбора не кажется ему значимой.* Следствием двойственного мышления становятся противоречия и конфликты с окружением, а на более позднем этапе эволюции человека одолевают противоречия внутриличностные. Большинство людей настолько привыкли к внутриличностным конфликтам, что обычно не замечают их. Опыт целостности может быть обретен, начальной практикой могут служить такие упражнения, как «интеграция полярностей», используемые, например, в гештальт-терапии.

Проблема двойственности мира, человека — это проблема двойственности духа и материи. Дух, суть — неизменны, явление, объективирующий контур — всегда переменчивы. Каждый из нас имеет диапазон сил и возможностей, и каждый непрерывно выбирает то верхний, то нижний, то средний вариант диапазона. Но не каждый знает свои возможности, и, главное, не каждый знает, что только выбор верхней планки диапазона приносит глубокое удовлетворение и радость бытия. Вопрос не в том, чтобы отказаться от нижней планки собственных возможностей, вопрос в другом: научиться выбирать более целесообразное и последовательно ведущее к глубокому удовлетворению жизнью и радости.

Третий период эволюции, или третий способ существования, — это период синтеза.

Единство существования — главное обретение третьего периода эволюции. Единство Вселенной было есть и будет. С единства все начинается, в единстве продолжается существование, единством когда-нибудь все завершится. Конечно, качество единства в каждом периоде эволюции, на каждом ее этапе отличается от предыдущих и последующих. Сегодня единство микромира и макромира — доказанный научный факт; кажется, что единства нет в человеке и в человечестве. Но каждый из нас может вспомнить минуты влюбленности, дружбы, творчества, мно-

жество событий, когда нас объединяли общие чувства национальных или даже общечеловеческих побед и общих трагедий. Единство Вселенной, мира, к которому движется существование, не вопрос веры — это вопрос научного знания. Единство всегда есть, но мы в суете, неорганизованности, неумении отличить главное от второстепенного не даем единству проявиться, не замечаем его. Единство мира начинается с единства человека, каждый, кто *сознательно* обрел это удивительное чувство полноты и единства, «заражает» этим чувством всех встреченных на пути.

На каждом этапе становления, когда задача развития выполняется или выполнена, человек обретает чувство единства и удовлетворения. Но эволюция продолжается, и по прошествии некоторого времени человек вновь начинает испытывать чувство неудовлетворенности, следовательно, пришло время нового этапа эволюции, нового опыта. Отсутствие знания о логике и последовательности развития ведет к тому, что человек, вместо того чтобы идти в новый опыт, который принесет ему большую свободу, удовлетворение, радость бытия, удерживает старые формы и способы жизни, познания, деятельности, сопротивляется новому.

Постепенно эволюционная тяга, потребность саморазвития ускоряется, и человек все чаще обретает единство, удовлетворение и радость бытия. Состояние единства — это независимое ни от кого и ни от чего чувство полноты жизни, доверия и оптимизма, веры и преданности, радости и счастья, полноты просто потому, что ты живешь в этом мире.

Проблема не в том, что единства нет, — проблема в том, что мы почти не умеем его ценить и совсем не умеем его сохранять. Но этому можно научиться. Единство начинается с духа единства, с воли к единству, с единства в сознании. Единство остается неизвестным фактом, потому что тайна единства — в субъекте (человеке, нации, человечестве). Знание жизненного смысла, собственной Подлинности, субъектности преобразует жизнь из череды не всегда понятных событий, взлетов и падений в разумную, нравственную, счастливую жизнь. Сказанное может казаться нереальным, но нельзя забывать о парадоксах сознания: то, что казалось еще минуту назад в принципе невозможным, вдруг становится реальностью.

Третий период эволюции, или третий способ существования, для человечества время столь отдаленное, что нам и представить его практически невозможно, ведь это будет время синтеза всех аспектов существования, время общих целей и всеобщего понимания. Но человек может прийти к единству собственного существования. Последнее предложение — парадоксальная и в принципе неверная фраза. Когда человек в результате последовательной сознательной самоорганизации достигает третьего способа существования, никакого собственного существования больше нет; правильнее сказать, что все, что может быть названо «собственным», утрачивает общепринятые смыслы, человек живет в состоянии единства: с собой, с другим, обществом, миром, самим бытием. Единство — это другое Имя Бога! Мы все «живем, движемся и существуем в Нем»!

Глава 4

Нравственность как способ жизни

Разговор о нравственности, также как разговор о Боге, душе, справедливости, патриотизме и аналогичных вопросах, в нашем государстве всегда требует особой ответственности: слишком многосложно существование России, что неизбежно приводило и приводит к столкновению позиций, недоверию. Нередко можно слышать реплики: «Что обсуждать?! Просто нужно быть нравственным!» Но одинаково ли мы понимаем нравственность? Может ли нравственность стать способом существования человека, и если может, то что должно быть сделано людьми. Несовпадение понимания нравственности, увы, не очевидно. Двойственный характер нашей культуры, ментальности, существования, соединяясь с прочими факторами неоднородности, оборачивается, с одной стороны, недоверием, с другой — глубокой заинтересованностью в нравственности.

Обычаи и нравы людей изменчивы, тем более в современных условиях, когда автономное существование становится невозможным и понятие блага требует иных подходов, учитывающих современный уровень развития человека, нарастающую динамику и всеобщий характер многих процессов человеческого существования. Спецификой этики как науки о нравственности всегда было формулирование ценностей, нормативность и определение критериев. Но возможна ли нормативность в современных условиях? И каким должен быть критерий в столь многоголосом и противоречивом мире?

Процесс становления нравственности как реальности не может быть быстрым, и, памятуя о советском периоде нашей истории, мы не должны навязывать тех или иных жестких норм и правил, но должны опереться на то, в чем мы традиционно сильны, и «торопиться медленно». Нам жизненно важна альтернатива бессмысленному, безнравственному существованию. Знание онтологического статуса нравственности, логика и законность различных подходов к нравственности, общий критерий — могут

привести нас к большему пониманию и терпимости и, в конце концов, к нравственной жизни. Подчеркнем, *важно наличие альтернативы*. Альтернатива бессмысленному существованию, опора на наши сильные стороны позволит успешно и достаточно быстро начать преобразование нашей жизни. Если назначение нравственности — правильная, разумная организация существования, обеспечивающая благополучное самосохранение и развитие человека, общества, нации, человечества, то необходимо понять, что обеспечивает правильное сохранение и развитие.

Когда существование человечества носило характер автономий и задачей являлся опыт самосохранения и обретения навыков человеческого существования, общая организация жизни вполне укладывалась в *объектные, формально логические* отношения. Но на современном этапе эволюции не учитывать человеческий фактор означает «закладывать бомбу замедленного действия». В полной мере это относится ко всей проблематике нравственности.

Прежде небольшой экскурс в тему. Все, что делает человек, все его связи и действия есть не просто технические операции с объектами, но и отношение к себе, к другому человеку, ситуации, делу. Отношения есть всегда; в прошлом человечество пыталось игнорировать вопросы взаимоотношений (естественно-научный подход) или навязывать определенный тип «правильных отношений» (советская идеология) без учета подлинной природы человека в ее эволюционной динамике — попытки эти оказывались исторически недолговременными или несостоятельными. В то же время стремление к благу, правде, гармонии, справедливости, равенству — ко всему тому, что объединяет понятие нравственных отношений в широком смысле слова, присуще человеку не менее, чем другие человеческие потребности. Сегодня становится нормой признание «человеческого фактора», но в организации общечеловеческой жизни «человеческий фактор» остается неопределенным, потому что ни сам человек, ни принципиальные различия между людьми неизвестны, и «человеческий фактор» либо не предусмотрен, либо ускользает.

Прошрое существование человечества — это долгий и бессознательный путь, наполненный страхом, болью, страданием. Несчастья и страдания были платой за бессознательную жизнь,

но общий уровень развития людей исключал иное, чем правила, нормы, традиции, понимание и исполнение нравственности. Правила и нормы формировались исходя из идеалов общества. Прошрое человечества — это бессознательная эволюция, когда отдельный человек живет «как все», нравственность присутствует как свод норм и правил, не предполагающих разночтения, не создающих серьезных проблем, не препятствующих согласию в обществе.

Но даже самые совершенные правила, нормы и идеалы не могут учесть все варианты развития событий, отношений и все типы человеческих реакций, поведения. По мере развития человек неизбежно сталкивался (и сталкивается) с проблемами несоответствия *должного и существующего*, раскалывающих человеческое бытие надвое. Постепенно человек все больше осознавал дуализм морали (идеалов, правил) и жизни, что вело к внутреннему конфликту, неудовлетворенности, а затем выплескивалось во вне: на родных и близких, общество, власть, мир. По мере эволюции сознания в человеке растет осознание своих потребностей, интересов, формируется собственная индивидуальность, возрастает ответственность за свою и общую жизнь. Приходит время, когда прежние нормы не «работают», не обеспечивают правильные, нравственные отношения между людьми. Формула «так общепринято, так поступают все» обретает негативную коннотацию, так как в этих случаях отпадает собственная ответственность: в том случае, когда человек придерживается моральных норм, существующих в обществе, которые потом «вдруг» становятся аморальными; и тогда, когда в обществе правила и нормы не определены и делать «как все» означает вседозволенность.

Причина системного кризиса, охватывающего все области жизнедеятельности человека, в том, что человечество находится на переходе от бессознательной к сознательной эволюции, от биосферного к ноосферному существованию. Но что это означает и каковы новые способы решения проблем, остается неизвестным.

Нравственность — это правильные человеческие отношения; правильные, значит, сознательные. Становление нравственности как реальности, так же как и становление сознательного существ-

воления, — это эволюционный процесс и, как любой природный процесс, имеет *постепенный и относительно медленный рост* и является *результатом долгих и упорных усилий* (6-III А. Бейли).

В книге «Человек и мир» С.Л. Рубинштейн пишет, что нравственность выступает на сцену жизни в двух своих модусах. Как естественное состояние непосредственных связей между людьми, когда *«нравственность существует как невинность, как неведение зла, как естественное, природное состояние человека, состояние его нравов, его бытия»*, — первый способ существования и как построение человеческой жизни на *сознательной основе* — второй способ существования. Человеческое существование, представленное как бессознательный и сознательный способы существования — широкое обобщение. Уточнение на основании анализа религий, духовных учений, научных знаний позволяет рассматривать эволюцию как три последовательных периода *развития* человека. Три периода эволюции — это обретение опыта:

самоорганизации внешнего человека и среды его обитания;
самоорганизации внутреннего человека;
синтетической самоорганизации.

Периоды развития, которым соответствуют способы существования, — это освоение бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания. Согласно К.Г. Юнгу, идеи которого относительно типов сознания совпадают с духовными учениями Востока, сознание едино, но в отдельном человеке, нации, культуре имеет определенную доминанту и направленность: на объект, на субъект и равнонаправленный, или экстравертный, интровертный и амбивертно-синтетический (у К. Юнга — ритмический). Удивительно не то, что сознание имеет онтологический статус и является универсальной категорией, посредством которой может быть раскрыта последовательность развития человека от самых грубых примитивных ступеней до духовного совершенства и обнаружены причины и логика различий между людьми. Удивительно, что структура человечества повторяет структуру человека и способы человеческого существования. Культуры, несмотря на кажущееся разнообразие, фактически также отражают основные тенденции тех же трех слоев и типов сознания.

Бытийный слой/экстравертный тип сознания — западная культура.

Рефлексивный слой/интровертный тип сознания — восточная культура.

Духовный слой/синтетический тип сознания — культура амбивертно-синтетических наций.

Амбивертно-синтетический тип сознания, способ существования, встречается в двух вариантах: как тот или иной уровень синтеза, когда развитие протекает в условиях однородной среды, или, когда условия неоднородны, как чередование, но оно постепенно сменяется синтезом внутреннего и внешнего, духовного и материального.

Нравственность как производное сознания может быть рассмотрена как процесс эволюции сознания человека. Первый период эволюции — освоение бытийного слоя сознания — прошлая история человечества. Второй период эволюции — освоение рефлексивного слоя сознания, внутренней жизни — наступающее настоящее человечества. Духовный слой сознания становится доминирующим при третьем способе и периоде существования, для человечества — вероятно, далекое будущее. (Описание существования, когда доминирует духовный слой сознания, можно обнаружить не только в духовных учениях, но и в исследованиях одного из основателей гуманистического направления психологии А. Маслоу.) Способы существования — это качественная определенность доминирующего состояния сознания. Представителей каждого из трех способов существования можно обнаружить и в далеком прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Итак, нравственность как естественная норма жизни, как способ жизни присутствует при первом и третьем способах существования человека: нравственность — это исполнение норм и правил (первый способ существования) и нравственность как высокий уровень организации и контроля синтетического сознания (третий способ существования). Отметим, что речь идет о доминирующей тенденции. Нельзя также забывать, что сознание, пока не освоено его однонаправленное состояние, нестабильно, следовательно, нравственность также может быть нестабильной.

При втором способе, который в настоящее время становится актуальностью для немалого количества людей, нестабильность

и спонтанный структурогенез характеризуют сознание, и, следовательно, нравственность в одних случаях выступает как естественное поведение, в других — требует усилий; иногда нравственность чередуется с безнравственностью.

Возникают вопросы: «Почему?» и «Что делать?». Вопросы и проблема и сознания, и нравственности напрямую связаны с развитием человека. Человек в процессе своего развития проходит ступени *становления сознательным субъектом*. Процесс становления сознательным субъектом имеет периоды, когда человек, нация, человечество становятся *субъектами*:

Первый период эволюции — освоение бытийного слоя: блуждающего, инертного и произвольного состояний сознания.

Субъект действия — на материальном уровне реальности (6–7 лет);

Субъект отношений — на уровне чувственной восприимчивости (8–21 год);

Субъект самоопределения — на интеллектуальном уровне (21–28 лет);

Субъект самоутверждения — утверждение личной идентичности (28–35 лет).

Второй период эволюции — освоение рефлексивного слоя: однонаправленного состояния сознания.

Субъект самосознания — в практическом и материальном смысле (35–42 года);

— в сфере чувств, отношений (42–49 лет);

— в интеллектуальной сфере (49–56 лет).

Третий период эволюции.

Субъект самоактуализации — освоение духовного слоя: остановленного состояния сознания (56–63 года).

Мы обозначили принципиальные стадии психологического развития, соотнеся их с физическим возрастом; не каждый человек проходит полный цикл. Отметим, что знание о перечисленных стадиях становления сознательным субъектом не является

общепринятым. Возрастные ориентиры приблизительные — отмечен возможный возрастной диапазон стадии, когда соответствующая психологическая актуальность может быть проявлена: достигнув «своего» психологического возраста, человек продолжает жить в соответствующем режиме, с соответствующими возможностями. Внутри каждого периода имеются фазы, когда устанавливаются отношения между ведущей в этом периоде функцией и остальными.

Если человечество рассматривать по аналогии с человеком, то становится очевидным, что до двадцатого столетия человечество осваивало стадию осознанных действий, становилось субъектом действия. И действительно, когда в действия не привносятся чувства, отношения, специфика переработки информации (что возможно либо для неразвитого, либо для высокоразвитого человека), современное человечество способно действовать вполне осознанно. Но современный человек переходит на следующую ступень развития, предполагающую большую осознанность внутренних условий и независимость от внешних условий, и потому правила и нормы, не учитывающие индивидуальные возможности осознания внутреннего и внешнего, «не работают».

Человек начинает принципиально новый период существования: осознанных отношений — это и будет эрой становления нравственности.

Правила и нормы будут существовать всегда не только потому, что в них сосредоточен опыт поколений, но и потому, что всегда будут те, чья жизнь организуется в соответствии с первым способом существования, включая детей до определенного возраста. Людей, живущих вторым, самосознательным, способом существования, сегодня немало, и для них вполне возможны осознанные отношения, но эти люди нуждаются в системном научном знании освоения внутренней жизни. Конечно, старые привычки, стереотипы поведения потребуют усилий для их преодоления, но человек жизненно заинтересован в разумных и нравственных отношениях с собой, с другими, с обществом и миром. Трудности, рождающие безнравственное поведение, можно разделить на две группы.

Первая, если мы сталкиваемся с поведением «как будто» нравственным, когда за правилами и нормами скрыты ложь, эго-

изм, несправедливость. Подобное, фактически безнравственное поведение является следствием восприятия, обусловленного внутренними конфликтами, психической нестабильностью, неуверенностью. *Безнравственность — это не способ жизни, это неспособность верно воспринимать и адекватно реагировать на внешние и внутренние факторы, безнравственность — это отсутствие умения, навыков конструктивно организовать собственную жизнь, которая всегда есть самоорганизация в пространстве и времени.* А. Маслоу в работе «Личность и мотивация» подчеркивает, что «так называемая “нравственность” в значительной мере обусловлена неудовлетворенностью и неприятием окружающей действительности».

Пока человечество существовало сравнительно небольшими сообществами, в которых сохранялась психологическая и идеологическая стабильность, нравственность означала соответствие существующим правилам, то есть взаимоотношения между людьми и с окружающей действительностью не выходили за рамки норм и правил, что соответствовало первому способу существования.

Сегодня, когда человечество осуществляет переход от биосферной, бессознательной эволюции к ноосферной, сознательной, окружающая человека действительность расширилась в пространстве и обрела небывало высокий уровень динамики. Прибавим к этому фундаментальную смену строя в нашей стране. Это создает беспрецедентную нестабильность, столкновение ценностей, понятий, и человек не понимает ни окружающей среды, ни себя, ни того, что можно назвать нравственным или безнравственным.

Неудовлетворенность и неприятие окружающей действительности — это результат отсутствия гуманитарной картины мира, определяющей организацию существования. Важно подчеркнуть, что общечеловеческая организация существования не должна исключать ни национальные, ни индивидуальные ценности и способы существования. На первый взгляд кажется, что организация существования при столь различных подходах к пониманию нравственности невозможна. Но *общечеловеческое раскрывается при опоре на смыслы; понимание достигается совпадением смыслов без исключения при этом этнических, национальных, профессиональных форм реализации смыслов.*

Вторая группа трудностей заключается в том, что сознательное построение жизни на нравственной основе предполагает анализ поведения, или раскрытие смыслов и подтекста поведения того, что человек «имел в виду» своим поступком, речью; происходит расшифровка, или интерпретация, смысла как самой ситуации, так и внутренних условий (мотива, личного смысла) человека. Этот анализ, своего рода «семантика» (Рубинштейн, Менегетти, «различающее соучастие» в Йоге), предполагает «психоанализ», но не в классическом его понимании, а в принципиально новой системе координат. Практически все для создания новой системы координат имеется в мировой культуре. Именно этот принципиально новый вариант психоанализа должен стать явлением культуры и привести к нравственным отношениям как способу жизни. Конечно, не надо думать, что это случится сразу и вдруг; человеческий, то есть сознательный, нравственный и разумный, способ существования требует знаний, усилий и времени. Но, повторим, важно наличие альтернативы!

Сегодня человечество достаточно развито, чтобы преобразовать свою жизнь, опираясь не только на правила и нормы, что часто воспринимается как несвобода, как несоответствие «правде жизни», но и на сознание. Нравственность станет способом жизни, когда из категории должностования перейдет в категорию личных смыслов и будет определен универсальный критерий, не зависящий ни от времени, ни от условий, ни от субъективных оценок человека или группы людей. Причины нарастающего хаоса, безнравственности, нигилизма не в «злонамеренности» человека, а в отсутствии знания и *современных* подходов к пониманию нравственности и способов ее реализации.

Нравственность — производное сознания, и подобно сознанию имеет структуру, уровни реализации, логику развития, но в контексте данной книги необходимо лишь очертить общие положения в подходах к объективизации нравственности и ее переходу из категории должностования в способ жизни. Сопоставление двух типов нравственности, по С.Л. Рубинштейну, бессознательной и сознательной — это сопоставление нравственного реализма и нравственного релятивизма.

На простом примере различие очевидно. Две сестры младшего школьного возраста, встречая родителей после работы, торо-

пяться рассказать о случившемся. Младшая девочка жалуется маме, что ее сестра разбила любимую чашку бабушки. Старшая сестра, хоть и чувствует себя виноватой, пытается объяснить, что она торопилась отнести бабушке чай.

Как поступит мать? Если ей свойствен нравственный релятивизм, она поймет, что дочь разбила чашку нечаянно, что девочка руководствовалась добрыми побуждениями. Если же матери свойственна нравственность первого типа: соответствие правилам, — то она будет недовольна и, возможно, накажет дочь.

Нравственный релятивизм отличается от нравственного реализма степенью осознания реальности. В нашем примере: в первом случае — это материальная реальность, во втором — это уровень мотивации, внутренняя реальность, которая сегодня остается весьма неупорядоченной и практически неизвестной, неосознаваемой суммой психологических феноменов.

В любое время человеческой истории люди предстают в самом широком диапазоне собственных возможностей, за которыми легко обнаружить различия психологического возраста или степени развернутости и контроля сознания, а значит, различий в способности осознания и понимания происходящего. Сегодня, когда все чаще раздаются призывы «не слушать, а слышать», есть только одно решение: учить людей «слышать», понимать, то есть развивать сознание.

Итак, вопрос психоанализа в новой системе координат.

Первое условие новой системы координат — целостное понимание мира и человека, их внутреннее единство. Многие проблемы человеческого существования снимаются при условии введения безусловного принципа, каким может быть признано единство. *Единство — это состояние бытия*, которое не только имеет безусловный и непреложный характер, но и может быть индивидуализировано, представлено как иерархия существований разных уровней самоорганизации. Если динамическое единство природы не вызывает сомнений, то единство человеческих сообществ остается гипотезой. Причина, как может казаться невозможности единства человечества, в том, что основанием попыток организовать единство человечества является материализм.

Единство и человека, и нации, и человечества всегда есть, ведь единство — это существование, всегда состоящее из ком-

понентов. Если мы *осознаем компоненты и их взаимосвязь*, мы воспринимаем существование как полноту и единство и можем его преобразовывать; если не осознаем, мы предпринимаем множество попыток переустройства, но остаемся неудовлетворенными.

Сегодня единство человечества осознается немногими. На определенном этапе развития сознания ограничения экстравертного и интровертного типов преодолеваются, и единство становится фактом сознания и жизни. Единство станет проявленной реальностью, если люди осознают этот вечный феномен существования и направят свои усилия на развитие сознания и преобразование единства. Первый шаг на пути к единству: осознание, что единство — это прежде всего единство в духе и в сознании, и только на этой основе возможно единство в материальном мире.

Единство снимает возникающие противоречия при условии готовности к конструктивному взаимодействию. Воля и готовность к конструктивному взаимодействию рождает единство в духе. Два или несколько субъектов, несмотря на различные способы жизни, *при готовности к конструктивному взаимодействию* способны прийти к равновесию и единству, которое каждый может *ощущать как данность*, как реальность.

Единство в сознании не возникнет сразу и вдруг, но начало процессу может быть положено принятием конвенциональной концепции человека и человеческого способа существования, общечеловеческих ценностей, общечеловеческого, межкультурного языка-транслятора. Сознание не есть общее знание, но начать необходимо с познания человека и общей картины человеческого существования.

Единство субъектов человечества (человека, наций, человечества) станет проявленной реальностью, когда станет феноменом сознания субъектов. Следовательно, по мере овладения сознанием человек, нация, человечество будут достигать единства. Проблема не в том, что единство невозможно, а в том, что человек, тем более нация и человечество, не знают и не умеют сохранять и развивать единство. Каждый, осознает он или не осознает, имел/имеет опыт единства: например, в состоянии любви, дружбы, группового единства, соучаствуя в деятельности, пережива-

ниях побед и поражений. Единство есть факт бытия, и от человека зависит, будет ли оно проявлено.

Формула Единства: взаимоотношения—равновесие—единство—рождение нового, и далее вновь по спирали; новое — это не обязательно что-либо грандиозное, иногда это новая мысль, новый оттенок чувств, новый элемент отношений. Единство из абстракции может быть переведено в практическую плоскость. Нужны знания, их широкое распространение и условия обретения навыков сознательной самоорганизации. Не менее важно, памятуя о советском периоде нашей истории, предоставить каждому самому определять, делать или не делать ему усилия, чтобы обрести единство и полноту жизни.

Единство — безусловное и непреложное состояние бытия, его отсутствие означает отсутствие равновесия потребностей, интересов, возможностей. Знание различий в подходах необходимо, если единство не возникает как естественный результат взаимодействия. В таких случаях решение проблемы требует более глубокого понимания, анализа и последующего синтеза точек зрения, продиктованных различными подходами к вопросу. Единство нации, а тем более человечества, — это перспектива. Но начать можно и нужно с человека, в противном случае будем вновь иметь лишь декларации о намерениях.

Парадокс человеческого существования, а это парадокс сознания, в том, что в политике, экономике, социальной сфере, человечество пытается находить компромиссы или даже единство. Тогда как в повседневной жизни такие понятия, как самоорганизация жизни, выстраивание взаимоотношений, остаются либо неизвестными, либо имеют ситуативный характер, в целом жизнь остается адаптивной.

Каким образом нравственность из категории долга, этической нормы, долженствования может перейти в норму жизни? Анализ предыдущего существования человечества в подходах к нравственности свидетельствует, что исходным основанием был опыт общественной жизни, а человек, его особенности, индивидуальность выносились за скобки, считались незначимыми. Это было правильно, так как общее развитие человечества не позволяло обратиться к сознанию. Сегодня человек значительно отличается от своих предшественников и не соглашается быть бессловесным

объектом, социальной единицей. Ответ кажется очевидным: нравственность должна обрести характер личных смыслов, личной пользы. Личные смыслы всегда воспринимаются человеком как очевидная данность, но личные смыслы — это не желания, потребности, интересы. *Личные смыслы всегда направлены на сохранение целостности, единства и развитие человека.*

Осознание пользы, преимуществ нравственной жизни принципиально меняет жизнь человека и так же принципиально, рано или поздно, может изменить существование нации и когда-нибудь — существование человечества. Суть нравственности можно определить как правильные, разумные, имеющие смысл отношения, действия. Однако в современных условиях понимание правильности не объективировано, что неизбежно приводит к разногласиям, конфликтам. Если же рассматривать нравственность в контексте *единства и базовых потребностей-смыслов*, можно прийти к пользе и преимуществам как для индивида, так и для общества.

Польза нравственной жизни заключается в самоорганизации, которая обеспечивает Единство: с одной стороны, единство самобытия, с другой — единство с миром. Таким образом, нас должно интересовать единство мира, органично включающее единство человека. В этой главе мы рассмотрим единство человека, а о национальном единстве речь пойдет в разделе «Самоопределение».

Что может заставить человека делать усилия навстречу единству, нравственности? Не надо призывать, заставлять, требовать — каждый сам может убедиться, и практика показывает: как только человек сознательными усилиями достигает единства, полноты, он становится заинтересованным в том, чтобы и далее проявлять добрую волю к нравственной жизни. К сожалению, общий контекст существования, стереотипы мышления, поведения создают непростые ситуации и отношения, требующие более полного понимания сути и механизмов нравственного взаимодействия. Человек нуждается в знании и при необходимости — в помощи. Но только сам человек должен решать: воспользоваться ли ему этим знанием, каким образом и в какой степени.

Современная жизнь людей на национальном и тем более на планетарном уровне требует определенной унификации жизни; внешняя, социальная жизнь сравнительно легко поддается еди-

нообразию, и может казаться, что некоторая унификация жизни способна обеспечить нравственные отношения и нравственную жизнь. Но внешняя жизнь опосредуется внутренними условиями, имеющими иную природу и в настоящее время не объективированными для широкого пользования, не являющимися феноменом мировой культуры.

Понимание достигается совпадением смыслов, следовательно, развернутая картина смыслообразования, общим критерием и знаменателем которой может быть признан принцип единства, позволит не только понимать, но и согласовывать различные смыслы, иные подходы к реальности.

Человек всегда живет смыслами, но в основном это проявляется как бессознательная опора на ощущаемый смысл, часто выраженный бессознательной (частично осознаваемой) установкой. Однако сфера бессознательного — это *прошлый, неосознанный* опыт, который не учитывает новые условия, не дает понимания происходящего и не приносит удовлетворения.

Понятие «смысл» обычно употребляется и как значение, и как суть, и как цель, и как содержание, что в широком и общем понимании вполне допустимо, но, если мы намерены положить категорию смысла в основание человеческого способа существования, необходимо принять более точное определение. *Смысл — это результат совпадения цели и условий, или, что более точно, это равновесие между целью и условиями, возможностями.* Когда мы о чем-либо говорим: «нет смысла», мы имеем в виду нецелесообразность. Смысл всегда обнаруживает направленность, жизненный смысл — это жизненная направленность.

Если суть Вселенной и всех систем, входящих во Вселенную, в Единстве, организованном по принципу целесообразности, смысла, то стремление к полноте, единству и есть естественная основополагающая потребность. Жизнь человека — это совокупность его базовых потребностей, составляющих сферы жизнедеятельности человека и стоящих за ними смыслов.

Творческое самосохранение	— смысл в организмическом единстве.
Пол, человеческая любовь	— смысл в единстве с другим (муж./жен.).

Жизнь обществом	— смысл в единстве со многими.
Исследование, познание	— смысл в единстве с миром.
Самоутверждение	— смысл в единстве самобытия.
Духовность	— смысл в единстве бытия.

Все потребности образуют круг жизни — все смыслы образуют единство, полноту жизни. Жизненный смысл является стержнем жизненного круга, состоящего из базовых потребностей. Жизненная цель, энтелехия — это осуществленное единство, достигаемое при полной развернутости психологической системы индивида.

Психологический возраст определяет возможности человека, возможности самоорганизации и самоактуализации. Потребность в самоактуализации, а значит, в полноте жизни, все большим количеством психологов признается универсальной тенденцией человека. Все еще встречающиеся сомнения в этом связаны с тем, что человек не рассматривается в своем эволюционном возрасте и критерии актуализации определяются как полнота всех возможностей человека как вида. По этой причине к самоактуализовавшимся людям относят незначительное количество людей. Считается, что многие люди не знают собственных возможностей и потенциала, но человек не есть социальный тип, люди различны: потенциальность для вида не есть потенциальность для индивида. Самоактуализация — это и есть реализация собственных возможностей, собственной непохожести, не подразумевающей реализацию на уровне статистической нормы или на уровне одаренного индивида. Человек и может, и стремится улучшить, преобразовать собственную жизнь — это природное свойство человека, которое может и должно получить узаконенный порядок, учитывающий различия между людьми. Нравственность — это не чья-то воля, желание, требование, **нравственность — это способ проявления единства и целостности системы, будь то человек или человечество.** Единство и самоактуализация имеют общий критерий: чувство полноты и глубокого удовлетворения жизнью, радости бытия!

Трудности, а значит, неупорядоченность жизни связаны в основном с двумя следствиями развития: *проблемами выбора и правильного понимания фактора времени.* В нашем государстве проблема выбора, по причине неоднородности нашего суще-

ствования, всегда была актуальной, но в то же время большую часть нашей истории человек был лишен права выбора. Делать выбор — это знать себя, свои предпочтения, интересы, потребности; и в период царской России, и в советский период выбор либо не подразумевался, либо был предельно ограничен.

И сегодня, несмотря на открывшиеся возможности, нередко можно видеть, как человек, оказавшийся в ситуации выбора, теряется, не знает, какое принять решение. Основные причины трудностей, связанных с проблемами выбора, — это отсутствие личной иерархии жизненного и базовых смыслов и привычка «опредмечивания» выбора. Если человек, оказавшийся в ситуации выбора, помнит, что всевозможные потребности, нужды, интересы, влечения вызваны отсутствием равновесия системы, то есть равновесия жизненного и базовых смыслов, ему необходимо решить как, каким способом удовлетворить потребность. Правильно определив сферу жизнедеятельности и *смысл* потребности, человек имеет большую свободу выбора. Когда же выбор сведен к выбору конкретных предметов, решение нередко оказывается неудовлетворительным или ошибочным. Например, человек, не удовлетворенный отношениями в семье, решает не вопрос отношений, а пытается изменить внешние атрибуты отношений: одежду, предметы обстановки, поездки и пр.

Учиться делать выбор можно и нужно с пеленок — в этом случае ребенок постепенно узнает себя и, став взрослым, целенаправленно идет по жизни, не ждет, когда кто-то решит за него или подскажет. Например, идет в магазин, чтобы купить то, что ему необходимо, а не превращает хождение по магазинам в «культурный» отдых. Чем лучше человек *осознает себя, свои потребности, интересы*, тем *очевиднее* для него в каждый отдельный момент, в каждый период жизни *его желание, интерес, влечение, потребность, необходимость*, за которыми всегда стоит одна из базовых потребностей, один из базовых смыслов.

Другой трудностью самоорганизации мы назвали фактор времени. И действительно, современный человек редко понимает и учитывает время. На Востоке говорят: «*Умный владеет пространством, мудрый — временем*». Пространство — это потребности, смыслы, имеющие место в настоящем, тогда как жизненный смысл не предполагает реализации в настоящем — это

всегда процесс, опыт. Если использовать исторические понятия по отношению к человеку, можно сказать, что смысл жизни — это Большой Смысл; случайные, ситуативные смыслы — это малые смыслы. Как правило, тот, кто торопится и видит только малое, может выиграть в нем, но проиграть в большом.

Сознательное соотнесение и распределение потребностей обеспечивает целостность, полноту и единство человека, обеспечивает нравственную жизнь. Смысл перестает быть нежизненной абстракцией, только если мы определяем его как опыт, позволяющий человеку сказать: «Я могу». С ростом самоощущения «Я могу» возрастает и уверенность, и самодостаточность, и опора на себя, а следовательно, чувство свободы, независимости, достоинства. Только личные усилия ведут к единству и полноте.

Реализация личного смысла, если он осознан, не может быть не нравственной, так как предполагает сознательное сопоставление *личной* цели и *личных* возможностей. Не нравственная, или безнравственная, реализация потребностей — это их удовлетворение за чей-то счет. Удовлетворение потребности возможно только двумя способами: за счет других людей или собственными усилиями человека. Проблема нравственности — это и есть проблема выбора способа удовлетворения собственных потребностей. *Безнравственность — это неспособность верно воспринимать и адекватно реагировать на внешние и внутренние факторы, безнравственность — это отсутствие умения, навыков конструктивно организовать собственную жизнь, которая всегда есть самоорганизация в пространстве и времени*. Почему человек не всегда прикладывает собственные усилия? Причина, по всей видимости, в том, что, с одной стороны, человек не знает себя, собственных сил и возможностей, с другой — идеи равенства, бессознательно понимаемые как одинаковость, рождают неадекватные возможностям желания. Мы отметили, что уровни осознания зависят от психологического возраста, то есть от способности осознания различных уровней реальности: материальной, чувственной, ментальной и сознания, — следовательно, и смысл, и нравственность как производные сознания будут соответствовать структуре сознания. *Каждый человек стоит перед выбором: или собственные усилия, направленные на самоопределение и дальнейшую реализацию личных смыслов, ведущих*

к целостности и единству, или бесконечные попытки решить собственные цели и задачи за чей-то счет, которые создают иллюзию самоутверждения (самоактуализации), но всегда оборачиваются одиночеством, зависимостью и общей неудовлетворенностью.

Обратной стороной удовлетворения потребностей за чей-то счет является зависимость от предмета, человека и последующее чувство неуверенности, неполноценности, тревожности. Необходимо подчеркнуть, непосредственно в момент удовлетворения потребности за счет другого могут возникать положительные эмоции, но со временем неизбежно возникает и зависимость, и неуверенность, и тревожность. Человек, решающий свои потребности за счет другого, ведет себя безнравственно в большинстве случаев потому, что не умеет организовать свою жизнь в собственных условиях и часто собственными руками создает себе проблемы и трудности, даже если они отстоят в пространстве и времени. Есть только один безусловный критерий счастья и благополучия: *единство и целостность человека, и у каждого они — свои.*

Если в процессе своего становления человек не обретает сознание собственной отдельности, непохожести (не декларативной, а содержательной), собственного единства, он ориентируется на чужие стандарты, неизбежно неадекватно понимаемые и неадекватно выраженные, при этом подавляя или игнорируя собственные потребности, интересы. *Обретение единства и полноты жизни возможно только посредством собственных усилий; и никто: ни другой человек, ни общество, ни государство — не может дать самоощущения полноты и единства, которые ведут к уверенности, полноценности, адекватной самооценке, к «самостоянию».*

Нравственность — это закон, способ проявления единства и целостности системы, будь то человек, нация или человечество. Изменяя свое сознание, человек изменяет свое бытие. Однако человечество в подавляющем большинстве продолжает жить бессознательной, адаптивной жизнью, осознавая лишь отдельные фрагменты, явления своей и общей жизни. Сознательное существование — это взаимоотношения и взаимодействия, ведущие к равновесию и единству, обеспеченные сознанием, но которые могут быть утрачены, если мы не привносим новое, то есть

не развиваемся. Дальнейшее развитие человека и человечества предполагает, в отличие от прошлого периода существования, не косвенное, а целенаправленное развитие сознания.

Вернемся к вопросу психоанализа в новой системе координат.

Вторая ступень познания, она же второй период эволюции, — это период постижения и овладения внутренним миром человека. Человек является очень сложной системой, и чем более человек развит, тем сложнее и богаче его внутренний мир. Внутренний мир, в отличие от внешнего, не доступен познанию посредством органов чувств, и нередко человек сам поражается *«странным различиям при последовательном рассмотрении той же вещи. Мы удивляемся тому, что говорили месяц назад по определенному поводу. От года к году мы видим вещи в новом свете. То, что было нереальным, переросло в реальное; то, что было волнующим, стало скучным. Друзья, определявшие наш мир, стали бледными тенями; женщины, когда-то божественные, звезды, ветры, воды, — все переменилось; девушки, которые несли ощущение бесконечности, теперь едва существуют; картины стали пустыми»* (У. Джеймс). Более того, мы нередко думаем одно, чувствуем другое, делаем третье. Почему это происходит с нами, почему наша внутренняя жизнь не упорядочена, непредсказуема?

Пока человек живет первым способом существования, он поглощен внешними условиями, на которые направлено его сознание, внутренний мир остается непознанным. Значительное количество людей современности вполне освоило внешний, материальный и социальный, мир, но продолжает его наращивать, несмотря на то что ни интереса, ни удовлетворения такая жизнь не приносит. Человечество все больше погружается в экзистенциальный кризис, не понимая, ни что происходит, ни как выбраться из общего и индивидуального тупика бессмысленности.

Непонимание происходящего — это непонимание внутреннего, человек привык ориентироваться на внешние формы: слова, речи, поведение, но внешнее всегда результат внутреннего, а оно остается неизвестным. Если мы не понимаем мотивы, возможности, мы зависим от тысячи случайностей, обречены двигаться в будущее путем проб и ошибок.

Новый период развития человечества — это освоение сознания, его рефлексивного и духовного слоев, ведущего к осознанию себя как индивидуальности. Сегодня понятия и рефлексии и рефлексивного слоя сознания, а тем более духовного слоя, остаются широким и неопределенным набором смыслов, значений, но ни цель рефлексии: самоосознание индивидуальности; ни последовательность ступеней самоосознания, ни методы, обеспечивающие самосознание и самоовладение, в целом неизвестны. Нас будет интересовать такой аспект рефлексивного и духовного слоев сознания, как интуиция, позволяющая иметь достоверное знание реальности.

Нельзя сказать, что в западной и российской культуре интуиция неизвестна: в западной и российской культуре проницательность, инсайт, интуиция известны как достоверные способы познания. Однако признаются «непроизвольными, моментальными, рационально необъяснимыми». Восточный подход иной. Йога-Сутры дифференцируют интуицию на шестое и седьмое чувство и рассматривают их как сознание определенного уровня развития. Достижение достоверного знания посредством интуиции обеспечивается правильным употреблением ума.

Нас будут интересовать шестое и седьмое чувство как индивидуальные инструменты познания реальности. *Внутреннее развитие человека, остающееся не упорядоченным, не непрерывным, неосознаваемым, не соответствует динамике и сложности внешнего аспекта существования человека, что ведет к «все более и более диким колебаниям и тупику»* (И. Валлерстайн «Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя»). Внутренний человек не успевает за внешним. Нарастающая динамика и сложность существования требуют соответствующих внутренних способностей, их осознанной самоорганизации и контроля. Именно интуиция как достоверное знание реальности способна обеспечить адекватные современным условиям действия и деятельность человека. Адекватная жизнедеятельность возможна, когда сознание однонаправленно и обретает интегральный, синтетический характер, то есть все психические функции и человек в целом становятся единым. Но однонаправленность достигается не быстро — это эволюционный процесс. Одним из проявлений интегральности и однонаправленно-

сти является появление шестого чувства как синтеза пяти чувств и конкретного ума, позже появляется седьмое чувство: синтез чувств и абстрактного ума.

Прежде чем продолжить разговор о шестом чувстве, необходимо несколько отступить от нашей темы. В современных системах образования развитие человека не целостно: акцент смещен на развитие интеллекта, развитие чувств зависит от личных предпочтений педагога, психолога; сознание развивается косвенно. Чувства не развиваются, а формируются, то есть не учитываются индивидуальные особенности. Человек отличается способностью к познанию, следовательно, к преобразованию; эта способность обусловлена не интеллектом, а, подчеркнем, типом и уровнем развития сознания. Интеллект — интерпретатор знания. Если знание не стало осознанием, знание либо забывается, либо сохраняется, но без должного понимания (осознания) не имеет практического значения. Интеллектуальное «понимание» — понимание, основанное на логике понятий, на формальной логике: отсюда поверхностность, вербализм и пр.

Развитие сознания — это последовательное включение в систему психики всех функций: восприятия, чувств, интеллекта и др. Множество негативных проявлений нашей жизни являются следствием непонимания и недолжного отношения к вопросам, связанным с развитием чувств. Сегодня любой цивилизованный человек имеет понятия, например справедливости, патриотизма, толерантности, но *понятие, эмоция, чувство* не тождественны. Кроме того, чувство может быть *конкретным, обобщенным, абстрактным*.

Психологам известно, что у детей дошкольного возраста есть эмоции, но чувств (устойчивых психических образований) нет; дети младшего школьного возраста проявляют конкретные чувства и могут иметь обобщенные чувства. Но обычно это обобщение эмпирическое, по внешним признакам. Обобщению внутренних связей, зависимостей (теоретическому обобщению) *целенаправленно* никто не обучается, предполагается, что, изучая теоретическое обобщение в естественных и общественных науках, школьник, студент учится переносить операции мышления на другие области знания, в том числе в повседневную действительность. Но данное предположение справедливо только в отдельных случаях.

Отметим также, что когда чувства человека конкретны, то, например, чувство несправедливости, при отсутствии общей картины развития человека переходит в эмпирическое обобщение, суждение, что жизнь несправедлива. И никакие доводы, аргументы не побуждают человека посмотреть на ситуацию с другой точки зрения. Такой человек может сохранять чувство несправедливости всю жизнь и переносить его на все или многие аспекты жизни.

Если, например, у N развиты только конкретные чувства, а обобщенные и абстрактные не развиты, то у такого человека справедливость, патриотизм будут проявляться как эмоции, а в ситуациях личной заинтересованности и справедливость, и патриотизм будут проявлением конкретных чувств, всегда имеющих негибкий, зауженный, односторонний характер. Когда чувства человека развиты только на конкретном уровне, понимание другого человека, обстоятельств, сочувствие, соучастие может быть только формальным или, если есть личная заинтересованность, и понимание, и соучастие будут иметь неглубокий характер (нередко яркая эмоциональность воспринимается как сила чувств, что вводит в заблуждение). В ситуациях, когда нет личной заинтересованности, человек либо отнесется равнодушно, либо может использовать обстоятельства в личных целях.

Если у человека развиты абстрактные чувства, патриотизм будет проявляться и адекватно обстоятельствам, и всегда, и везде; если есть только понятие, человек действует формально и нередко безответственно или даже безнравственно.

Действие, поведение, отношение человека к другому человеку, делу, явлению может быть: формальным, внешним исполнением понятия, эмоцией, конкретным, обобщенным или абстрактным чувством, от чего и будет зависеть сила и качество действия, отношения.

Мы остановились на вопросе развития чувств по трем причинам.

Первая. Становление человека — это целостный процесс, задача которого — развитие всех компонентов сознания; методом должно быть не формирование, а развитие, исходным основанием должны быть индивидуальные особенности.

Вторая. Достигая в своем развитии абстрактных чувств, человек обретает синтетическое общее чувство, которое обуслов-

ливает проявления подлинного и глубокого отношения ко всем людям, процессам, явлениям.

Третья. Когда общее, синтетическое чувство соединяется, синтезируется с умом, человек имеет интуитивное (ясное и достоверное) восприятие реальности; понимание сути, причин, мотивов, и действия такого человека становятся не только адекватными, но и глубоко нравственными, так как *различение* и *распознавание* становятся его естественными способностями.

Шестое чувство ведет к осознанию психической жизни — мотивов, целей, смыслов, настроений, которыми человек может управлять. *Шестое чувство является достоверным знаком повседневной реальности, позволяет понимать происходящее.*

Развитие шестого чувства включает фазу различения и распознавания. Различение — это умение отличать от неправильного правильное, от правильного более правильное и, в конце концов, от формы отличать суть. У значительного количества современных людей в различной степени можно наблюдать проявление различающей способности. Различающее чувство — это начало синтеза пяти чувств и конкретного ума.

Необходимо отличать общее и различающее чувство от чувства ведущей сенсорной модальности: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния. В процессе эволюции пять чувств человека из изолированных ощущений, эмоций постепенно синтезируются и предстают как общее чувство. В это же время конкретный ум обычно уже развит и, соединяясь с общим чувством, образует шестое чувство, или чувство-знание реальности, связанной с повседневной жизнью.

Отсутствие целенаправленного внимания к развитию синтетического чувства оборачивается его игнорированием или нивелированием даже теми, кто вполне способен адекватно использовать собственный инструмент познания.

Человек воспринимает свои чувства как реальность, как данность. Являясь индивидуальным инструментом познания мира и организации существования, осознанное шестое чувство может стать действенным инструментом сознательного существования. Перевод *натуральных* чувств в *культурные*: сознательные, устойчивые и абстрактные, открывает для человека возмож-

ность воспринимать жизнь чувств, отношений как непрерывный процесс, в котором человек — и объект, и субъект познания. Непрерывность жизни чувств меняет отношение человека к себе, другим, открывает способ нового существования, следствием чего становится ответственность за жизнь, деятельность, *«за все упущенное и все содеянное»* (С.Л. Рубинштейн). Человек перестает искать виноватых, так как для него становится очевидным, что он сам является источником и преобразователем жизни, сам становится способным адекватно действовать в предлагаемых обстоятельствах.

Присущее россиянам нравственное, различающее чувство (нравственное чувство не есть нравственное действие) есть естественный результат амбивертно-синтетического типа сознания, культуры, способа существования. В нашей культуре присутствует сильный моральный акцент, что само по себе явление знаковое и положительное, но, учитывая идеологические перекосы советского периода и идеологическую анархию девяностых, наряду с традиционными терминами было бы оправданным употребление нейтральных терминов. В нашей культуре различающее чувство получило название нравственного чувства, а распознавание — совести.

Нравственное чувство есть первая фаза развития шестого чувства — различения; совесть — фаза распознавания. Мы упоминали ранее имя преп. Нила Сорского (ок. 1500). Святой Нил первый, кто внес критику в русскую агиографию (жизнеописание святых). В духовном учительстве св. Нил настаивал: *«...без мудрствования и доброе на злобу бывает, ради безвремения и безверия. Егда же мудрование благим меру и время установит, чуден прибыток обретается»*, *«среднею мерою удобно есть проходить»*.

Русская культура (космизм) пыталась перенести акцент с научной рациональности (исключающей человека-субъекта, его сознание) на целостное познание мира и человека, их внутреннее единство. Генетическим свойством нашей культуры является включение, синтез всех аспектов существования, к которому мы добавили западный способ познания, что могло бы привести и культуру, и нацию к прямому знанию посредством правильного использования ума. Развитие идей космизма было прервано

активной реализацией советской идеологии, имеющей материалистический характер.

В соответствии с экстравертной, западной культурой и материалистическим способом существования, внимание и акцент были перенесены на развитие интеллекта; развитие чувств в настоящее время не имеет общепризнанного системного характера. Но первым инструментом познания являются чувства человека, дальнейшее развитие познавательных способностей — это присоединение к чувствам сначала конкретного, затем абстрактного ума, рождающих шестое и седьмое чувства, обеспечивающие прямое достоверное знание (если ум используется правильно). Общее чувство в синтезе с умом, когда они осознаются, и есть сознание. Восприятие на основе шестого чувства всегда целостно и достоверно и не требует времени на исследование, размышления. Игнорирование чувств, перенесение акцента на интеллект привело к достижениям в области естественных и точных наук, но в гуманитарной сфере, в том числе в вопросах нравственности, человечество по уровню развития остается в подростковом возрасте, и лишь незначительная часть современного человечества может быть отнесена к среднему и зрелому возрасту. Развитие интеллекта, что являлось задачей первого способа познания, первого периода эволюции, необходимо при интерпретации и реализации интуиции.

Одним из первых проявлений развитого ума является критичность. Отметим, что критичность — это *первое* проявление различающего и распознающего ума в синтезе с общим чувством. Присущее россиянам нравственное чувство часто проявляется как критичность, которая есть неправильное использование ума. Отсутствие знания о возможностях дальнейшего развития создает у человека иллюзию достоверности своего понимания вопроса. Перенесение акцента с понятия «нравственность» на понятие «нравственное чувство», совесть, то есть различение и распознавание, ведущие к достоверному знанию и адекватным действиям, позволит человеку преобразовать свою жизнь.

Рассмотрим возможные пути дальнейшего развития прямого знания, способного принципиально изменить наше существование, сделать его более эффективным. Возможно, самый большой парадокс заключается в том, что *шестое чувство является до-*

стоянием многих людей. Но отсутствие знания о месте, роли, назначении шестого чувства, его развитии и навыков его адекватного использования не позволяет человеку оптимально быстро и правильно воспринимать реальность и на этой основе правильно, нравственно действовать. Особо необходимо подчеркнуть, что в России не меньше, а значительно больше людей, имеющих общее чувство и первый уровень шестого чувства (к сожалению, используемый в основном как критика, негативизм). Правильное использование первого уровня развитого ума — различение. И это естественный результат нашего типа культуры, ментальности, нашего способа существования; двойственность, тем более в неоднородных условиях, «заставляла» различать, находить ответы на многие вопросы нашей жизни. Человек может чувствовать противоречия, неискренность, подтекст, но либо игнорирует свое чувство-знание, либо при его интерпретации может ошибаться, накладывая собственные ожидания, страхи, недоверие, сомнения. Человек, владеющий своим инструментом — шестым чувством, подобен хорошему музыканту, чутко реагирующему на все нюансы звучания инструмента и оркестра.

В такой работе, как эта книга, невозможно остановиться на более подробном и широком раскрытии процессов достижения достоверного знания. Для тех, у кого есть отклик и потребность обрести этот вид познания, можно дать несколько рекомендаций.

Первое. Убедившись, что ваши чувства и конкретный ум развиты и синтезированы, нужно научиться *регистривать общее чувство*. Общее чувство — это синтез пяти чувств и конкретного ума; оно сообщает человеку, *что, какое состояние бытия* воспринимается. Регистрация общего чувства должна стать привычкой; при этом необходимо отделять собственные опасения, ожидания, предпочтения, интроекты и пр.

Второе — *это формулирование*. Современный человек редко формулирует свои состояния, отношения, действия. Формулирование — это когда в состоянии молчания ума идет поиск и выбор слов, выражений, наиболее адекватно отражающих происходящее. Задача состоит в том, чтобы максимально адекватно учесть пространство и время, точно выразить свое понимание вопроса, учесть состояние слушающего. Формулирование — это процесс, когда сознание, душа, перерабатывает информацию, чтобы вы-

дать достоверный ответ. Этот процесс несколько напоминает работу сверхмощного компьютера, но объем и качество обработки таковы, что ни один компьютер, созданный человеком, не может сравниться с работой сознания. Результат формулирования — интуиция, достоверное чувство-знание — способен «опрокинуть» и многолетние интеллектуальные конструкты, и научные парадигмы. Когда шестое чувство развито, оно наглядно присутствует в речи человека: речь нетороплива, паузы служат возможностью прислушаться к себе, к слушающему, к аудитории, выбрать более точное слово, выражение, интонацию. Это не результат недостаточного запаса слов, неумения владеть речью — именно развитое шестое чувство позволяет человеку строить резонансный и кооперативный тип взаимоотношений и взаимодействия. Именно в паузах человек различает, на что откликается другой и как необходимо реагировать, тем самым усиливая резонанс.

Правильное формулирование возможно при условии стабильного сохранения состояния равновесия, нейтральности по отношению к противоположным позициям, что позволяет достоверно сформулировать происходящее. Противоположности относительны, равновесие же позволяет обнаружить целое и истинное место и значение исследуемого объекта в общей схеме существования. Формулирование, когда оно следует за предшествующими стадиями, есть процесс правильного использования ума, при этом *различение переходит в распознавание, правильное, достоверное знание*.

Йога-Сутры называют процесс мышления модификациями мыслящего принципа. И действительно, в процессе освоения рефлексивного слоя сознания человек продолжает и модифицировать, и рефлексировать, пока не осознает, что построить можно любую конструкцию, зависящую от установки сознания. Если установка человека направлена на критику, отрицание, то модификации будут иметь соответствующую тональность и направленность. Если установка на единство, рефлексия обретает направленность на поиск возможности единства, конструктивного взаимодействия. «Перебирание вещей в уме» не дает достоверного знания. Устав перебирать ментальные конструкции, ум замолкает, наступает пауза — время исихии, молчания ума, и приходит достоверный ответ.

Классическая йога подчеркивает, что большинство людей используют ум как собирание информации о производимых контактах, и именно такое его использование ведет к появлению чувства *личности*: для многих людей — это прошлое, задача первого периода эволюции.

Задача второго периода эволюции, второго способа познания — освоение рефлексивного слоя сознания. Формулирование как результат рефлексии — способ, когда в молчании, паузе человек как бы отстраняется от происходящего, находит наиболее точное определение происходящего. При распознавании-формулировании в мозге человека идет активный процесс объективирования интеллектуальной деятельности, и все наработанное закрепляется, возникают устойчивые нейронные связи. Если же формулирование/объективирование не происходит, полученная информация рассеивается или оседает в бессознательном, и ее использование весьма проблематично. Отсутствие знаний о природе сознания, методах его правильного использования ведет к тому, что рефлексия не носит характер осознанно направляемого процесса, и результат — достоверное знание — либо не достигается, либо отстоит во времени.

Постепенно привычка формулировать приводит человека к спонтанно возникающему достоверному знанию — шестому чувству (в западной и российской культуре его называют интуицией). При первом приближении может казаться, что обретение шестого чувства — процесс долговременный и весьма проблематичный. Но все предыдущее развитие человека подготовило многих людей к правильному использованию ума: и общее чувство, и развитый конкретный ум есть реальные феномены существования значительного количества людей. Следующий шаг — признание способа получения достоверного знания (ступеней различения и распознавания) и обретение навыков правильной интерпретации. Исходные данные (общее чувство и конкретный ум), конечно, могут быть различны, и первое время человек скорее всего будет ошибаться при формулировании. Трудность почти всегда в сохранении состояния равновесия в паузе и отстраненности в процессе формулирования.

Следствием формулирования/объективирования является ослабление чувства личности, без его потери. Чувство личности

переходит в эготрансцендентность — способность воспринимать потребности, интересы других как свои; в пиковые *духовные* переживания. В отличие от *экстрасенсорных* переживаний духовные возможны только в случае высокой степени непрерывности сознания, поддерживаемого длительное время человеком, обладающим высокой степенью контроля, мудрости, человеколюбия, свободы от любых невротических проявлений, от обусловленности культурой, к которой он принадлежит (по А. Маслоу). Возможно, кто-то скажет, что ослабление чувства личности нежелательно. Но если вспомнить, что гипертрофированное чувство личности проявляется в неумении и нежелании слушать другого, в авторитарности, деспотизме, диктатуре, снобизме, мы согласимся с йогой, настаивающей на дальнейшем развитии ума, в том, что, когда чувство личности ослабевает, без его утраты, человек становится способным иметь «*чистое виденье*». Человек приступает к освоению духовного слоя сознания, когда «чистое виденье» становится возможным.

Аналогично процессу развития шестого чувства происходит развитие седьмого чувства. Только в этом случае к синтезу чувств примыкает развитый абстрактный ум. Общее чувство и абстрактный ум, когда они осознаются, вводят человека в мир причин, смыслов, идей, целей, выходящих за области повседневной реальности. Смыслы имеют нелинейную природу и логику спирали, когда *предпонимание* (авторитет, традиции, предрассудки, знания) на каждом новом витке спирали открывает новый угол зрения, новые аспекты вопроса и постепенно вводит в мир причин, смысла, идей, назначения. Современное образование развивает мышление человека посредством абстрактных методов естественно-научного типа, в то время как гуманитарные науки имеют иную логику, значит, предполагают другой набор методов — нелинейный. Сложившееся положение ведет к тому, что, например, гений физики может быть неуживчивым, сложным человеком, что не делает его счастливым и создает трудности для других. Мнение о том, что гению все позволено, в принципе ошибочно. Человек развивается целостно в единстве с собой и с миром; и тогда он обретает глубокую уверенность в себе, гармонию и радость общения, взаимодействия с другими, радость бытия.

В условиях российской действительности, когда действует принцип самоналагаемой дисциплины (каждый сам себе голова) или жесткий террор, лишь повернувшись к человеку лицом, признав его субъектом существования (а не социальным типом, объектом), можно преобразовать нашу жизнь. Преобразование нашего существования возможно только при опоре на то, в чем мы традиционно сильны. Рациональность, исключая человека-субъекта, должна быть дополнена человекоразмерными факторами, а именно — акцентом на развитии шестого и седьмого чувств, синтетических средств познания, являющихся естественным следствием амбивертно-синтетического способа существования, культуры, ментальности. Синтез чувств и конкретный ум присущи многим россиянам, но именно развитый конкретный ум, неправильно используемый (негативизм, критика, подозрительность), ведет к недостоверному знанию. *Мы не умеем правильно использовать конкретный ум!* Шестое, синтетическое чувство приведет каждого к самоидентичности, к «самостоянию», ответственности и достоинству, что не только ускорит все процессы нашей жизни, но и позволит успешно двигаться в будущее. XXI век — это первый век осознанной, целенаправленной жизни, главными инструментами познания и самоорганизации станут синтетические — шестое и седьмое — чувства. Стремительно нарастающая динамика жизни требует максимально эффективного использования времени, но дедуктивный способ мышления (сегодня основной) предполагает слишком большие временные затраты и не гарантирует достоверного знания.

Вечная российская проблема — отсутствие целостности национального существования: мы чередовали западный и восточный способы существования, тем самым отказывая той или другой группе россиян в праве на сохранение собственной идентичности. Пришло время не чередовать, а признать право каждой большой группы утвердить собственную идентичность; время создания в государстве условий благоприятного существования для каждого типа россиян. Только обеспеченное динамическое равновесие всех (трех) типов россиян приведет нацию к благоприятному существованию и развитию.

Вполне прогнозируемы несогласие, возражения, сомнения, и действительно, путь овладения рефлексивным слоем сознания

людьми, живущими первым способом существования, будет воспринят как ненужные усилия. Будут и те, для кого данные знания — это действенный способ обрести конструктивный метод самоорганизации; кто-то будет чередовать усилия и сомнения, из-за которых может казаться, что не стоило вести речь о непонятном и непривычном.

Но, когда человек знает, в каком направлении ему прилагать усилия, способные привести к достоверному знанию (знанию, подтвержденному веками немалым числом последователей), к разумной самоорганизации, у него появляется возможность выбора.

Задача не в том, чтобы завтра все стали знающими, это невозможно — задача в том, чтобы осознать:

- у разных людей разные возможности, знание которых позволяет делать конкретные шаги, позволяет научиться *разумной и нравственной самоорганизации*;
- установка на безусловный критерий — *единство*, ускоряет процесс самоорганизации, ведущий к благополучной и счастливой жизни;
- имеет смысл знать классические источники, проверенные временем и опытом поколений, и только после этого принимать решение.

Глава 5

Философия истории

Мировая история как отражение эволюции

Одним из эффективных подходов в решении вопросов перехода гуманизации на стадию подлинного гуманизма может стать историческая наука. Но прежде историческая наука должна обрести *человекоразмерный* характер: история людей должна быть сопоставима с историей человека. В этом случае, изучая историю, человек сможет понимать себя и окружающую его действительность. *«Подход к номенально “историческому” возможен через глубочайшую конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил»* (Н. Бердяев).

Создание конвенциональной концепции человека и человеческого способа существования позволит сформировать общечеловеческое содержание жизни, создать общечеловеческий коммуникативный язык. Научная картина мира, изложенная в *человекоразмерной* системе понятий и категорий, может стать наднациональным и надконфессиональным содержанием человеческого сосуществования. Знание истории позволит не только обнаружить единство человечества, но и изменить отношение человека к себе, нации, человечеству.

Сегодня мир людей настолько взаимосвязан и взаимозависим, что доказывать обратное вряд ли необходимо, и логичным является рассмотрение всемирной истории как единого поступательного процесса развития человечества. Исторический процесс обычно рассматривается под углом главного фактора, или главной движущей силы развития. Вполне очевидно, что именно люди делают историю и, значит, являются движущей силой развития, но великое многообразие проявлений человека в различных областях существования не позволяет, как кажется, привести их к «общему знаменателю» и тем самым обнаружить закономерности поступательного развития человечества. Попытки найти факторы, определяющие ход истории как во времени, так

и в пространстве, все еще не увенчались успехом и в ряде случаев привели к отказу от рассмотрения главного фактора исторического развития.

Пока человечество существовало как отдельные автономии регионального типа, целостность, единство и уравнивание сил носило бессознательный, как в природе, характер. Заполнив планетарное пространство, люди «вынуждены» взаимодействовать, и, следовательно, баланс сил может быть только сознательным, в противном случае столкновения, кризисы станут повседневной реальностью и приведут к планетарной катастрофе. Понимать значение различных сил и их комбинаций, направленность и избирательность исторического движения для удовлетворительной организации существования человечества является на сущной необходимостью.

Существующие сегодня основные подходы к истории: унитарно-стадиальный (постиндустриальный) и цивилизационный (плюрально-циклический) — по-прежнему рассматривают и историю, и прогресс как социальную эволюцию, в которой человек выступает как «социальный тип». По признанию некоторых ученых, в истории нет законов, нет устойчивых связей и отношений, обнаруживающих логику существования. Главная причина невозможности обнаружить законы человеческого существования — это редукция человека и человечества к материи, объектам. Человек и человечество живет смыслами, но научно обоснованного понимания смыслов и принципов смыслообразования все еще нет, что ведет к непониманию логики существования и развития, и потому «история ничему не учит».

Человечество — Большой Человек, и история — это единый поступательный процесс восходящего развития Большого Человека, историю и можно, и нужно рассматривать как отражение эволюции человека. История, представленная как процесс *событийности*, укорененности человека в мире и их единства, должна стать одним из подходов в решении проблемы отчуждения человека как от себя самого, собственной Подлинности (субъектности), так и от своего окружения, от истории и от мира в целом.

Оправданным представляется обращение к современным общенаучным подходам и русской философии, которая, по словам о. В. Зеньковского, *«больше всего занята темой о человеке, о его*

судьбе и путях, о смысле и целях истории». Подобный синтез продиктован проблемами и трудностями современного существования людей, и прежде всего это трудности единства духовной и материальной жизни, объективизации нравственности и духовности. Именно отсутствие единства духовного, психического и материального не позволяет понимать человека и рассматривать историю как отражение эволюции человека.

В современной, постнеклассической науке достаточно оснований, чтобы вышеупомянутое тождество (человека и истории) установить. Вселенная и все в ней существующее развивается на основе принципа универсального эволюционизма, что означает генетическую и структурную преемственность. Универсальный эволюционизм позволяет решить проблему дихотомии духа и материи, субъекта и объекта, так как помимо единичного, особенного и общего обнаруживает еще один принципиальный уровень связей — универсальный, соединяющий дух и материю посредством механизма самоорганизации, у человека — сознания, в единую целостность. Мы упомянули статью И. Пригожина и комментарии к ней акад. С.П. Курдюмова, позволяющие сделать вывод, что самоорганизующиеся системы ограничены предопределенностью, кодом системы, или сущностью. Согласно современным представлениям появление жизни и разума (сущности и сознания) в их численных значениях присутствовало во Вселенной уже в первую мировую минуту, задолго до появления человека, следовательно, жизнь и разум, или сущность и сознание, как компоненты бытия не являются порождением человека. Сам человек является закономерным процессом эволюции Вселенной. Ученые подчеркивают согласованность основных свойств Вселенной, и, как утверждает «сильный» антропный принцип, Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе появился человек. Единство Вселенной, принцип универсального эволюционизма, антропный принцип позволяют утверждать, что существование человечества есть закономерный процесс эволюции Вселенной, что появление человека является одним из уровней становления бытия, развертывания универсальной структуры.

Перечисляя философские и общенаучные предпосылки, мы отметили, что:

- в основании современной научной картины мира лежит принцип универсального эволюционизма, позволяющий разрешить проблему духа и материи, обнаружить связь и взаимобусловленность сущностного и материального посредством механизма самоорганизации (у человека — сознания);
- современная наука все больше настаивает на подходе к реальности, рассматривающем сложные системы не путем наращивания элементов, а дифференцируя их на подсистемы.

Наука в XX веке, помимо материи, имеет дело с другими компонентами бытия: субъектностью и сознанием, если рассматривать человеческий уровень существования. Каждый компонент универсальной структуры имеет собственную природу и функции и, повторим, не сводим к другим компонентам. Другими словами, системный подход подразумевает рассмотрение системы, структура которой состоит из компонентов:

кода — субъекта (сущности, идеи), детерминирующего направленность системы, ее основные параметры;
механизма самоорганизации — организующего систему;
объективирующего контура — организма, явления (материи).
 Для истории универсальная структура может иметь следующий дисциплинарный вариант:

субъект истории — способ существования — исторический процесс.

Субъект истории — это народ, нация, цивилизация, человечество в целом. Система не может начать существование, если изначально в ней в виде активности, свернутой информации не заложены основные параметры, определяющие ее место, роль и связи в пространстве и времени. Субъектность раскрывает назначение системы и тем самым обнаруживает направленность и избирательность субъекта истории, что позволяет назвать генеральную линию существования. Прогресс и регресс системы может быть определен только при сопоставлении событий и явлений с генеральной линией существования субъекта истории; сопоставление с другими субъектами не продуктивно: отсутствие целостной картины человеческого существования не позволяет обоснованно судить о прогрессе или регрессе.

Способ существования человека, и по аналогии с человеком субъектов истории, становится понятным и очевидным, если мы

назовем принципиальное отличие человека от других существ. Качественной определенностью человека является наличие у него сознания. В отличие от других признаваемых наукой в настоящее время субъектов существования, человек имеет два механизма самоорганизации: инстинкты и сознание, или адаптивный и бифуркационный. Адаптивный механизм не предполагает принципиальных изменений системы, тогда как сознание является механизмом, ведущим к качественным изменениям. Качественные изменения самого человека и среды его обитания и есть сущность человека и человечества. *Сознание отличает человеческий способ существования, что позволяет утверждать: суть человеческого способа существования — преобразование. История человечества — это история преобразования человеческого существования.* Понимая логику развития сознания, можно понимать логику развития человечества. Так же как человек способен или не способен осознавать происходящее и в соответствии со степенью осознания и способностью удерживать осознанное, преобразовывать себя и среду обитания, так и субъекты истории.

Каждый субъект истории, как и самоорганизующиеся системы, имеет избирательность и направленность существования, особый тип самоорганизации и, как следствие, соответствующую специфику прохождения этапов развития. Так же как сознание человека, механизм его самоорганизации, имеет три модальности: экстраверсию, интроверсию и амбиверность, так и механизм самоорганизации человечества — способ самоорганизации — имеет три варианта. Несмотря на общие родовые свойства и качества, каждый субъект истории *«специализируется»* на том или ином варианте самоорганизации и, следовательно, имеет свой акцент преобразования. Тип самоорганизации, или способ существования, субъектов истории детерминирован типом сознания, выражением которого является культура в широком смысле этого слова.

Человек имеет внутреннюю и внешнюю жизнь, проявление которых может быть выражено доминантой внутреннего, внешнего аспектов жизни или их равнозначностью. Так и субъекты существования человечества: нации, цивилизации — являются выражением доминанты внутренней жизни — классический Восток; внешней — Запад; и равнозначности внутренней и внешней

сторон существования — амбивертно-синтетические нации (Россия, Средний и Ближний Восток, Латинская Америка, Африка). Это горизонтальный, или синхронный, срез человечества, Большого Человека.

Вертикальный, диахронный, срез также может быть рассмотрен по аналогии с человеком. Стадии развития человека могут быть представлены как рождение, рост, развитие, самоопределение/самоутверждение, самосознание, самореализация. Так же как не каждый человек проходит полный цикл, так и не каждый субъект истории проходит цикл полностью. Так же как для человека критерием перехода на следующую ступень развития является доминирующее состояние сознания, так и для субъектов человеческого существования критерием перехода на следующую ступень развития является доминирующий уровень развития сознания (общий объем энергий сознания, позволяющий осознавать и реализовывать задачи периода развития). Существование мироздания подчинено планетарным и космическим циклам и общему для человечества и мироздания процессу эволюции, что редко осознается людьми.

Перечисленное: субъект, сознание, организм, внешняя и внутренняя жизнь — это не элементы, а подсистемы. В центре, точке пересечения горизонтального и вертикального аспектов единства — сознание, механизм самоорганизации.

Типы активности и сознания и их развитие могут служить общей схемой для понимания человеческого способа существования. Признание онтологического статуса человечества и его субъектов означает, что развитие каждого субъекта мировой истории может быть представлено как развертывание целостной системы, обусловленной кодом, или субъектностью, и соответствующим этому коду способом существования, которые и определяют генеральную линию, или направленность развития. Подобно тому как ручейки переходят в реки, затем моря, океаны и в конечном счете в мировой океан, так и направленность существования субъектов истории, несмотря на то что каждый субъект имеет свою генеральную линию, свою направленность, свои акценты преобразования жизни, образует общее движение и соединяется в общую генеральную линию — *преобразование существования человечества.*

Итак, *главным фактором истории является человек и человеческий способ существования, суть которого в преобразовании реальности и постепенном переходе к формам идеального (предварительно осмысленного) существования. Человеческий способ существования обусловлен наличием у человека сознания, значит, каждый субъект истории: нация, цивилизация, человечество — имеет особый способ существования, детерминированный типом и уровнем развития сознания.*

Понять логику истории, ее смыслы означает понять общую и частную избирательность и направленность субъектов мировой истории, что позволит начать переход от бессознательной эволюции к осознанным шагам развития наций и человечества.

Прибавим несколько цитат русских философов, которые в совокупности с общенаучными подходами к существованию послужат отправной точкой рассмотрения истории как отражения человеческой эволюции. Особенностью русской философии, по словам о. В.В. Зеньковского, является склонность к онтологизму. Русский онтологизм *«выражает не примат “реальности” над познанием, а включенность познания в наше отношение к миру, в наше “действие” в нем... В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале “целостности” заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Именно в историческом бытии — более, чем при изучении природы или в чистых понятиях отвлеченной мысли, — лозунг “целостности” неустрашим и нужен. Антропоцентричность русской философии постоянно устремляет ее к раскрытию данной и заданной нам целостности»* (В.В. Зеньковский «История русской философии»). Именно целостности, единства духовного и материального не хватает современной философии, истории и другим наукам о человеке, что неизбежно сводит историю и человеческое существование к способам производства, технологиям и пр., выводя человека за скобки.

В работе «Смысл истории» Н.А. Бердяев пишет: *«Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек на-*

ходится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и “историческим” существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории... В “историческом” подлинном смысле раскрывается сущность бытия, раскрывается внутренняя духовная сущность мира, а не внешнее только явление, духовная сущность человека. “Историческое” глубоко онтологично по своему существу, а не феноменально. Оно внедряется в какую-то глубочайшую первооснову бытия, к которой оно нас приобщает и которую делает понятной. “Историческое” есть некоторое откровение о глубочайшей сущности мировой действительности; о мировой судьбе, о человеческой судьбе, как центральной точке судьбы мировой... Подход к ноуменально “историческому” возможен через глубочайшую конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил».

Другой тезис — размышления философа Л. Карсавина: *«Одним из основных исторических понятий является понятие развития... К несчастью, понятие развития в большинстве случаев смешивают с двумя другими, существенно от него отличными. Для одних развитие то же самое, что изменение; для других то же самое, что прогресс... Изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разведенных элементов; тогда как развитие — всегда некое целое, которое “становится качественно иным, становится изнутри, из себя самого, а не путем присоединения к нему чего-то извне”»* (Л. Карсавин «Философия истории»). Мы не сможем самоопределиться, если не поймем себя, своей истории, смыслов собственного существования, а значит, будем «натягивать» на себя чужую одежду: только точность самоопределения обеспечивает качественное существование. Индивидуальное, идет ли речь о человеке или нации, — это всегда внутреннее, и развитие предполагает раскрытие этого внутреннего (сознания, культуры).

И еще раз вернемся к Н. Бердяеву: *«Самая большая трудность философии истории скрыта в природе индивидуального, которое, казалось бы, не поддается разумному объяснению, не вмещается ни в какие схемы. Часто утверждается, что всякий провиденциальный план истории сталкивается с индивидуальным, и тайна индивидуального опрокидывает всякий план, всякую схему истории»* («Философия свободы. Происхождение зла и смысл истории»).

Итак, можно утверждать, что русская философия, стремившаяся к целостности, единству и больше всего занятая *«темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории»*, и современная научная картина мира позволяют признать мировую историю отражением человеческой эволюции:

- история должна рассматриваться как имеющая онтологический статус, а значит, субъектность и сознание человека (и соответственно наций и человечества) имеют субстанциональную основу и являются причинами происходящего;
- развитие наций, человечества должно рассматриваться как целостное развитие системы, в которой внутреннее — тип активности и сознания — детерминирует внешние воздействия;
- главным фактором исторической науки должен быть признан человек и человеческий способ существования, что позволяет раскрыть смыслы истории и осознать логику и последовательность развития.

Если акцент перенести с явлений на человеческие смыслы, мы обнаружим, что история человечества, цивилизаций, наций аналогична существованию и развитию человека. В этом нам и предстоит убедиться.

Общая схема мировой истории

Человек, *«как центральная точка судьбы мировой»*, имеет онтологический статус, так как, будучи, по сути, преобразователем, включен в цепь причин и следствий существования. Следовательно, мы можем понять мировую историю не как описание пройденного, а как процесс развертывания человеческой эволюции или преобразования человеческого существования.

«...Странно поражает нас, что из всех обитателей Земли человек далее всего от достижения своего предназначения», — пишет Гердер, немецкий просветитель XVIII века. И действи-

тельно, преобразование подразумевает два параллельных процесса: внутреннее и внешнее. Второе невозможно без первого: без преобразования/развития сознания (бифуркационного, качественного, механизма самоорганизации), что требует времени, невозможно преобразование мира.

При ретроспективном взгляде на человеческую историю, при сопоставлении XX столетия с предыдущими больше всего впечатляют два ярких феномена:

- движение к общечеловеческому существованию;
- организация общего существования людей вне безусловного начала, Бога.

Являются ли эти тенденции неизбежным следствием предыдущего развития человечества, находятся ли они в противоречии друг к другу, или имеется что-либо объединяющее их? Каковы последствия каждого из феноменов и их взаимного обусловливания человеческого существования? На первый взгляд кажется, что обе тенденции не только естественные, но и неизбежные следствия предыдущего существования и первое предполагает второе. От ответа на эти вопросы, которые и будут предметом рассмотрения, зависит дальнейшее существование рода человеческого.

Необходимость системного подхода в рассмотрении любого вопроса сегодня не требует обоснований, но, к сожалению, в области гуманитарного знания системный подход остается «системным движением» в исследовании отдельных составляющих той или иной системы: отсутствует *общепринятая* онтологическая концепция человека, его существования и развития. Сегодня наука является одним из наиболее авторитетных источников постижения истины, направленных на производство знаний, позволяющих предвидеть актуальные и потенциальные тенденции действительности, развития человечества и способствовать их конструктивному изменению. В качестве синонима системности будем использовать понятия целостности и единства. Отмеченные выше тенденции XX века можно взять в качестве отправной точки исследования горизонтального и вертикального аспектов целостности и единства человечества.

На протяжении долгой человеческой истории содержание жизни определяли религии и тем самым обеспечивали Миропонимание, Порядок, Организацию и Способ существования.

Религиозное содержание жизни постепенно сменялось идеологиями различного типа. Принципиальное отличие религий от современных идеологий (в основании религии также лежит идея) в том, что идея Бога, Абсолюта имеет *всеобщий и безусловный* характер, не зависит ни от времени, ни от воли людей, хотя в процессе осуществления имела и интерпретации, и искажения.

Пока человечество существовало как совокупность относительно закрытых автономий, каждая из которых имела свое понимание миропорядка, свои ценности, правила и нормы, не было необходимости в общечеловеческих установлениях. На современном этапе своего развития человечество стремительно движется к общей жизни людей, но не имеет никакой общей регулятивной идеи, и общий порядок и организация существования определяются широким набором законов, правил, соглашений, имеющих различное качество и сферу применения и, главное, не объединенных никаким общим смыслом, идеей.

Сегодня можно констатировать, что разочарования в идеологических системах, определявших организацию жизни в различных человеческих сообществах на протяжении XX столетия, сменились ренессансом идей, но все попытки идеологически осмысленного подхода к жизни не привели к позитивным изменениям, отсутствие целенаправленного и осмысленного существования продолжает определять жизнь человечества. Однако человек не может жить без смысла: в тех случаях, когда нет общей идеи, регулирующей общую направленность, порядок, ценности, люди — в разной степени осознанности — находят личные смыслы и опираются на них, но смыслы, в силу отсутствия общей картины существования, принимают нередко то временный, то ошибочный, то примитивный характер.

Современная позиция церкви отвергает любую возможность универсальной религии: расхождение в доктринах и в отношении к Богу не позволяют выработать единый подход. Человечество находится в положении, когда справедливы слова о том, что, даже если Бога (безусловного начала) нет, Его стоило бы придумать! Атеизм, позиция церквей, условная религиозность современных людей, детская вера во всемогущество науки, несмотря на ее разобщенность и отсутствие целостной (естественно-науч-

ной и гуманитарной) картины мира, как кажется, не оставляют никаких вариантов решения проблемы.

Однако вопрос современного содержания существования человечества является насущной задачей. Позволим себе сомнения и несогласие с неизбежностью существования вне безусловно-го начала. Наиболее оптимальным решением представляется не отказ или борьба с одним или другим следствием предыдущего существования, а нахождение того, что позволит превзойти современные разногласия и, более того, обнаружит то общее, что соединяет людей. *В качестве концептуального основания объединения может быть принята идея «Единства».*

Единство и есть безусловное начало: то, с чего все начинается, и то, к чему все стремится, будь то атом, человек, нация, человечество или Вселенная. Конечно, тема значительна, необъятна и требует не одного тома монографий, но актуальность темы, в том числе в контексте данной книги, требует обозначить общий контур и рассмотреть ряд аспектов и атрибутов единства человеческого существования, чтобы понимать мир, в котором мы существуем. По словам Д.С. Лихачева, *«только на основе данных цельности мира можно решиться на его “исправление” или на внесение в мир тех или иных корректив»* — это и будет основным ориентиром и критерием в ходе нашего исследования.

Вполне понятно, что по мере чтения будут возникать вопросы, несогласие, чувство незаконченности или недостаточной обоснованности — это естественно и закономерно: во-первых, такая тема, как «Национальное самоопределение», не может быть однозначной и всегда будет иметь многочисленные комментарии и интерпретации; во-вторых, по убеждению автора, книга, даже после того как она прочитана, должна побуждать к размышлениям.

Итак, обратимся к вопросу структуры человечества и общей схемы истории.

Система (Вселенная и подсистемы, в нее входящие) начинает свое существование как недифференцированная и диффузная целостность и единство. На каждой стадии развития система проходит фазы дифференциации, распределения и последующей интеграции, в ходе которых обретает состояние все большей дифференцированности и распределенной целостности и един-

ства и постепенно достигает полноценного существования — назначения.

Экстраполяция данного тезиса на человеческое существование как систему позволяет обозначить и обосновать структуру и общую направленность эволюции человечества. Человечество как целостная система может быть дифференцировано на цивилизации — субъекты первого порядка и нации — субъекты второго порядка. Как мы убедимся далее, уже в период зарождения человечества можно видеть некоторые принципиальные тенденции последующей дифференциации. Период диффузности и недифференцированности, а это всегда бессознательный процесс как у человека, так и нации и человечества, продолжался достаточно долго: от практически полной диффузности и недифференцированности к постепенному автономному существованию этносов, народов и наций (как ступеней развития). Каждая нация или группа наций вырабатывала свое понимание мира, ценностей, норм и правил взаимодействия. Несмотря на различия, нетрудно обнаружить то *нечто*, что соединяло людей в *общности*. Причем это *«нечто»* сохраняется на протяжении тысячелетий, преодолевая как природные, так и социальные изменения и даже катаклизмы. Понятие «общности» может быть рассмотрено в категориях диалектики как единичное, особенное, общее. С точки зрения общности:

нация — единичное;
цивилизация — особенное;
человечество — общее, видовое.

Стало быть, в структуре человечества:

- нации — *единичные* общности людей;
- цивилизации — общности наций, в основе которых лежит *особый* способ существования;
- человечество — совокупность цивилизаций как единство человеческого способа существования.

В данной главе нас будут интересовать цивилизации как общности, имеющие особый, отличный от других способ существования и в дополнение друг к другу способные обеспечить единство человечества.

Не останавливаясь на дискурсе культур и цивилизаций, будем исходить из того, что *цивилизация — это общность людей, состоящая из группы наций (этносов, народов), существующая*

в пространстве и времени как групповая и глубинная идентичность. Несмотря на поверхностные различия наций, цивилизация в целом имеет особый способ существования, тождественность философских, мировоззренческих, религиозных подходов к реальности, типа культуры, которые детерминированы типом активности и сознания.

Человечество как целостная система может быть дифференцировано на *цивилизации* — субъекты первого порядка: западная, восточная и амбивертно-синтетическая; *нации* — субъекты второго порядка. Человеческое существование можно рассматривать как процесс:

- возникновение человечества как недифференцированного единства;
- период постепенной дифференциации и распределения;
- переходный период: завершение дифференциации и начало интеграции;
- интеграция;
- полноценная реализация;
- стагнация и распад или переход на принципиально новый уровень.

Общую схему эволюции можно представить в виде таблицы.

Первый период эволюции	<p><i>Подготовительная эволюция — рождение человечества</i> <i>Инертная эволюция — период роста</i></p> <p>В средней, наиболее благоприятной для жизни зоне планеты возникают три родительских очага человечества как недифференцированного и диффузного единства. Происходит закладка генетических ядер будущих цивилизаций, субъектов человечества: амбивертно-синтетической (Шумеро-Египетской), восточной (Индо-Китайской), западной (Греко-Римской). Человечество в целом живет первым способом существования: сознание дискретно и диффузно. Эволюция носит характер бессознательной направленности. Представители второго способа существования составляют незначительное число (жрецы, лидеры государств, полководцы). Тех, кто входит в третью по способу существования группу, единицы: создатели мировых религий, некоторые святые, философы. Субъектность цивилизаций не осознается.</p>
До Новой эры	

I тысячелетие новой эры	<p><i>Активная эволюция — период развития</i></p> <p>Активная миграция народов в поисках «своего» места. Центром планетарной жизни становится северная зона планеты, где трудные условия способствуют более качественному освоению обстоятельств жизни. Человечество значительно возрастает в количестве и незначительно в качестве: представители второго и третьего способов существования составляют незначительное меньшинство, тогда как первым способом существования живет подавляющее большинство человечества. Эволюция осуществляется как бессознательная направленность к преобразованию существования, с медленным формированием специфики каждого субъекта человечества. Активное развитие и становление человечества в северной зоне планеты. Период постепенно возрастающей дифференциации и распределения. Подавляющее большинство человечества живет бессознательной жизнью, адаптируясь к среде обитания. Возрастает количество людей, живущих вторым способом существования, но в целом человечество к середине тысячелетия едва ли насчитывает несколько сотен человек. С Нового времени медленно, но неуклонно растет число людей, все более опирающихся в организации жизни на сознание. К концу XX столетия количество людей, завершающих стадии самоопределения и самоутверждения, составляет немалую часть человечества. Средняя и южная зоны планеты постепенно переходят в режим активности, но все еще значительной частью человечества не завершена стадия развития. В XX веке завершается распределение планетарного пространства, но оно не имеет равновесного характера; дифференциация человечества на субъекты цивилизации имеет незавершенный и неосознанный характер. В то же время имеет место начало процессов интеграции и неясные попытки самоопределения человечества.</p>
II тысячелетие новой эры	
Второй период эволюции III тысячелетие новой эры	<p><i>Эволюция ритма — период самосознания</i></p> <p>Эволюция ритма — это период эволюции, когда сознание медленно проступает не как отдельные акты осознания, а как фактор организации существования человечества. Разумная организация общечеловеческой жизни на принципах равенства, дополнительности возможна только на основе сознательного подхода ко всем аспектам существования.</p>

Система, будь то человек, нация, человечество, функционирует эффективно, если все компоненты ее структуры дифференцированы, распределены и существуют «нераздельно и неслиянно».

Перед нами стоят две задачи: выявить линии дифференциации и тем самым подтвердить предложенную структуру человечества и определить стадию эволюции человечества. На этом этапе отметим, а в дальнейшем предстоит убедиться, что XX век — *начало Великого Перехода*, как его определяют древние источники классического Востока, или *перехода* от биосферного к ноосферному существованию, как утверждает современная наука. Другими словами, *XX столетие — это завершение процессов дифференциации и распределения и начало интеграции, или существования единого человечества*.

Эволюция человечества, цивилизаций, наций аналогична развитию человека: как человеку свойственны *избирательность и направленность жизни и сознания*, так и нациям, цивилизациям и на большей шкале — человечеству, свойственна интенциональность (избирательность и направленность) существования, которые заданы кодом, или субъектностью. Человечество, или Большой Человек, — это внешний, внутренний и соединяющий их средний аспект существования. Следовательно, цивилизации, они же субъекты первого порядка, — это особость способа существования, сохраняющаяся на протяжении человеческой истории. Несмотря на то что существование каждого субъекта человечества включает все сферы жизнедеятельности (базовые потребности), каждая цивилизация имеет свой, особый способ существования. Напомним читателю. Общий обзор существования человечества обнаруживает три типа направленности и избирательности, соответствующие трем типам активности и сознания человека. Каждый субъект-цивилизация активен в одном и пассивен в другом, каждому субъекту-цивилизации присуще акцентирование либо внешней, либо внутренней жизни, либо их синтеза.

Если наши рассуждения верны, цивилизации — это горизонтальный срез человечества, который можно проследить и в аспекте времени. Так же как человек проходит стадии рождения, роста, развития, самоопределения, самоутверждения, самосозна-

ния и самореализации, так и нации, цивилизации и человечество в целом имеют аналогичный процесс становления. Развертывание универсальной структуры, как она существует на человеческом уровне становления бытия, и есть эволюция, а ее отражение — мировая история.

Древняя история — это период *роста*, и нетрудно обнаружить три очаговые цивилизации, выявляющие горизонтальный аспект общечеловеческого единства: Шумеро-Египетскую, Индо-Китайскую, Греко-Римскую.

Каждая пара задает общий генный импульс, дух группе государств, каждое из которых акцентирует какой-либо аспект существования в зависимости от причин: климат, ресурсы, тип религии как отражение типа сознания, — но никогда не выходящих за рамки генетической основы, субъектности. В странах Запада и Востока это очевидно. Средняя линия развития человечества ускользает от внимания, так как имеет в себе оба начала, хорошо выраженные в сочетании материальности и религиозности (Месопотамия, Иудея, Византия, Россия).

Цивилизации как субъекты мировой истории

Ранее мы отметили, что человечество является субъектом преобразования планетарной жизни, что и определяет его место и роль. Субъектность человечества как компонент в общей структуре человечества включает трех субъектов первого порядка — цивилизаций, сохраняющих свою *особость* на протяжении не одного тысячелетия, осуществляя собственные потребности и интересы и одновременно выполняя свою роль в общечеловеческом существовании. Именно субъектность: направленность жизненной активности и сознания на внутреннюю, внешнюю жизнь либо на их синтез — обуславливает тип существования и развития субъекта истории.

Это хорошо видно на примере Западной и Восточной цивилизаций: внутренняя жизнь западного сообщества людей была обусловлена заботами и интересами внешней жизни, тогда как на Востоке внешнюю жизнь люди подчиняли внутренней. Обе цивилизации, осуществляя собственные потребности, интересы на протяжении тысячелетий, уравнивали друг друга. Но равновесие, баланс может быть устойчивым при наличии третьей

силы, в которой всегда есть то и другое, их синтез. Этой третьей силой выступала синтетическая цивилизация, которая, с одной стороны, осуществляла собственные потребности и интересы, с другой — вносила свой вклад в целостность и единство человечества. *Субъектность, являясь причиной, источником и назначением системы, детерминирует общий ход избирательности и направленности существования, или способ существования.*

Назначение всегда есть, любая система для чего-то предназначена, в коде системы сохраняется универсальный, общий, особый и индивидуальный уровень связей и отношений в пространстве и времени. Синонимом кода служит термин «сущность», которой никогда не соответствует «явление», «объективирующий контур». История, ее факты и события («явления») никогда не соответствовали коду, но она имеет направленность, ощущаемую нациями и их лидерами как национальные потребности и идеалы.

Этот «зазор», разницу между явлением и сущностью стремится преодолеть любая система, это стремление и есть направленность и избирательность жизни и сознания. Назначение, цель не могут быть чем-то внешним по отношению к системе. Внешние цели всегда имеют внутренние основания, обуславливающие возможности достижения цели. Задачами и целью эволюции является преобразование человеческого и планетарного существования, значит, каждый субъект, будь то человек, нация или цивилизация, осуществляя свой вид преобразования, тем самым преобразовывает существование человечества и планеты. Предыдущий период эволюции имел бессознательный характер, но ретроспективный анализ позволяет обнаружить неизменность направленности существования цивилизаций.

Цивилизация	Регион	Внешне	Внутренне
Индо-Китайская	Восток	Пассивные	Активные
Греко-Римская	Запад	Активные	Пассивные
Шумеро-Египетская	Западная Азия	Синтез	Синтез

В XX веке начинается период интеграции человечества: сущность цивилизаций, их подход к реальности принципиально не

меняется, но происходит интенсивное освоение ценностей, ранее выступавших в качестве дополнительных.

Способы существования субъектов мировой истории

Остановимся на краткой характеристике экстравертного (западного), интровертного (восточного) и амбивертного (синтетического) способов существования и их истории, помня, что мы говорим об основных тенденциях, что не исключает наличия противоположных и смешанных проявлений. Способ существования определяет тип культуры и ментальности. Кратко остановимся на общих характеристиках ментальности каждого типа.

Мы будем употреблять термин «ментальность» как общее понятие, означающее согласованность сознания, интеллекта, мозга. Уточним назначение компонентов ментальности:

сознание — тип мировосприятия, способ ориентации и самоорганизации;

интеллект — способ переработки информации;

полушарие мозга — способ выражения.

Способ переработки информации в настоящее время рассматривается без учета типа и уровня развития сознания, что не позволяет сделать надежные выводы. Кроме того, способы переработки информации должны быть рассмотрены в синтезе как с типами сознания, так и с типами функциональной асимметрии полушарий мозга; такое рассмотрение потребовало бы значительно отойти от темы, что в данной работе нецелесообразно.

Образ мира, как бы мало человек ни задумывался о нем, всегда присутствует в сознании человека, которое и определяет тип мировосприятия, отношения, познания и способ действия или, если обобщить перечисленное, способ существования. Человек, в разной степени осознанности, стремится понять мир, свое место в нем и на этом основании адаптироваться и преобразовывать собственное существование. В своем существе человек един и обусловлен видовыми свойствами, но в процессе становления различными людьми, нациями, цивилизациями тот или иной компонент структуры, видовых свойств акцентируется и соответственно с акцентом меняется мировосприятие. Понимание типа

ментальности — это понимание не только того, как человек, нация, цивилизация воспринимает мир, но и как отвечает на фундаментальные вопросы существования и в соответствии с пониманием действует, существует.

Мировосприятие имеет три основных типа, имеющих принципиальные отличия. До недавнего времени европейский, и выросший из него техногенный, тип цивилизации признавался универсальным путем развития. Но научная картина мира последней четверти XX века требует пересмотра ценностей техногенной цивилизации и стоящих за ними подходов к мировосприятию и способу существования.

Западный способ существования (экстравертный)

Ментальность западной цивилизации. И мировосприятие, и способ переработки информации, характерные для западной культуры, определяют обычно как рациональность. И действительно, европейцам, а затем и Западу в целом присущ дух разумного и рассудочного подхода к реальности, нашедший свое наиболее полное отражение в науке. Научная рациональность признавалась истиной в последней инстанции и определяла мировоззрение, мироотношение, способ существования, ключевыми понятиями были сила, господство человека над природой, научно-технический прогресс, диктующий всеобщую унификацию образа жизни. Научная рациональность прошла через смену научных парадигм, и современная, постнеклассическая наука все больше обнаруживает созвучие с восточным типом мировосприятия и резонансным существованием человека в мире. Однако и неклассическая и тем более *постнеклассическая* рациональность в основном остаются предметом научных дискуссий — *базовой основой* ментальности западной цивилизации остается *классическая* рациональность.

Отметим несколько особенностей западного типа ментальности, закрепленных классической рациональностью. Следствием классической рациональности стал *дуализм человека и природы, мира*, что способствовало быстрому и эффективному развитию внешней активности человека, прогрессу социальной и материальной сторон жизни. Акцент на внешнем, притом что субъект и его сознание выведены за скобки, породил сглаживание внутренней жизни, что привело к массовой культуре, снижению ин-

тересов и потребностей внутреннего развития. Классическая рациональность на практике породила материализм, объектность. Оформившиеся в этот же период общественные науки в качестве основных категорий выбирают объекты и явления внешнего мира. Классическая рациональность признавала дуальный и формально-логический тип ментальности и силовой принцип действия.

Классическая рациональность с конца XIX века и до середины XX века претерпевает существенные изменения: прямолинейный онтологизм единственно истинной теории и картины мира сменяется *относительностью* понимания, допущением нескольких отличающихся теорий. Классическую рациональность сменила *неклассическая*, основными выводами которой были: *признание относительности знания, зависимость познания от субъекта*.

Результатом стал отказ от монологизма, полифундаментализма, линейности, элементаризма, редукционизма, признание принципиальной открытости систем, субъекта, но все новые подходы к пониманию рациональности, разумности на практике либо остаются предметом и методами науки, либо отдельными островками действительности, так как сам субъект остается виртуальным по сути и по содержанию. Субъект познания сведен к познавательным способностям и техническим средствам познания.

Причина нереализуемости современной научной картины мира в отсутствии целого и безусловного критерия, относительно которого может быть определена степень полезности того или иного знания. Неизбежно возникает вопрос: относительно чего может или должно быть применено знание? Например, в психологической науке все чаще признается существование «многих психологий», что само по себе плодотворно. И действительно, неклассическая рациональность, настаивая на относительности знания, с чем нельзя не согласиться, открывает «много психологий». Но что в результате? И в образовании, и в организации социальных процессов, и в психотерапии каждый психолог опирается на одну, иногда две-три психологические теории, которыми овладел, и исходит из выбранного им метода как универсального. Но методы, существующие сегодня, так же

как и психологии, относительны. «Что такое “относительное”? *Относительное есть то, что мы можем понимать лишь в зависимости от понимания чего-то другого и в сопоставлении первого со вторым, одного с другим*», — пишет автор «Классического и неклассического идеалов рациональности» М.К. Мамардашвили. Какой метод должен быть применен к конкретному индивиду, группе, нации? На каком основании? Каковы критерии?

Постнеклассическая рациональность дает ответы на проблемы, рожденные не только классической, но и неклассической рациональностью. Любая самоорганизующаяся система, в том числе человек, нация, человечество, детерминирована универсальной структурой, которая, пронизывая мироздание, соединяет, согласовывает «все во всем».

Итак, картина мира и соответствующее ей *научное* мышление западной цивилизации в последней четверти XX столетия подводит к пониманию *недуальности* мира и человека и необходимости *резонансного* и *кооперативного* взаимодействия. Но в действительности: в политике, социуме, экономике, образовании и, тем более, в повседневной жизни людей — сохраняется *дуальный* подход к действительности (двойные стандарты) и *объектность* в понимании и организации существования. *Двойственность миропонимания: человек и мир, человек против мира* — неизбежно рождает силовой принцип действия и ведет к территориальной или идеологической экспансии. Противопоставление человека природе, с одной стороны, обеспечивает прогресс в области внешней, социально-экономической жизни, с другой — ведет к отчуждению человека как от природы, мира, так собственно и от себя, к одиночеству человека не только в мире, но и среди людей.

Даже неглубокое знание человеческой истории обнаруживает главные характеристики западного человека — внешняя активность, динамика во всем, что касается внешней, социальной и материальной жизни, требующей ума, решительности, воли.

Западная цивилизация имеет экстравертный характер. Можно сказать, что общей целью (до стадии самосознания) являлась разумная активность, направленная на освоение внешнего человека и его выражения — материальную и социальную жизнь. Постепенно сформировался идеальный образ западного челове-

ка — это сильная, независимая, в том числе и от Бога, деятельная личность. Древняя Греция, Рим, германские племена — всех их характеризовала энергичная внешняя жизнь. Существование определял князь, воин, дружина, то есть индивид. История Древней Греции, колыбели западной цивилизации — это история ярких и свободных личностей.

К этому идеалу Рим прибавил силу, совокупным выражением которой был цезарь. Язычество, по сути, порождало безбожие, так как много богов — это много стандартов, что не способствовало единению и созданию общих основ цивилизации. И Рим (читай Европа) принял христианство. Западное христианство имеет явно выраженный социально-устроительный характер на протяжении всей своей истории. Религия постепенно приняла формы жесткой централизации и подчинения всех, в том числе светской власти, церкви, папе, то есть человеку. Догмат о непогрешимости папы еще больше усиливал главную тенденцию западного сознания — человек может быть сверхчеловеком. Ренессанс, Просвещение принесли идеи гуманизма, равенства, независимости, человеческого достоинства.

Последующие события научной, промышленной, социальных революций перенесли идею личности в массовое сознание. Это было естественной направленностью западной цивилизации и, пока шло освоение внешней разумной деятельности, обеспечивало прогресс. В XX веке, достигнув определенных положительных результатов, Запад столкнулся с проблемой свободы и свободного времени: что с ними делать, он не знает, так как динамика и богатство внутренней жизни почти неизвестны. Запад ограничивается предоставлением свободы, внутреннее развитие в масштабах наций, цивилизации не культивируется. Экстравертный тип сознания, отталкивающийся от объекта, порождает тип восприятия и мышления, не учитывающий или даже игнорирующий внутреннюю реальность, следствием чего явилось появление такого феномена, как массовая культура. Впечатление самодостаточности — иллюзия, маска, за которой пустота, одиночество, экзистенциальный вакуум, со всеми известными последствиями. Замечательные достижения психологической мысли Запада — знание внутреннего человека — не имеют практического значения в общественной жизни. Элементами культуры в упрощенной форме стал психоа-

нализ, сводящий человека к сексуальности и агрессивности, и бихевиоризм — поведенческая психология, низводящая сознание, психику человека к рефлексам и эффектам (стимулам) среды. Бихевиоризм (стимул — реакция) можно считать методологическим основанием прежде всего американского и в целом западного подхода в решении вопросов во всех сферах существования, причем стимулом признаются внешние факторы.

Западный человек как психотип сосредоточен на внешнем, отсюда его ценности: материальные права и социальные свободы, — которые, по сути, являются только частью человека, тем, в чем и через что раскрывается внутренний человек. По причине успешного развития внешнего человека, может казаться, что западный мир стал планетарной силой и готов к самореализации. Но сегодня очевидно, что реально Запад может дать не так уж много. Колонизация, вестернизация и современные примеры: Ирак, Афганистан, арабская «весна» — наглядно это продемонстрировали.

Целью людей является единое положительное человечество, а это — совокупность внешнего и внутреннего мира в динамике развития. Любой процесс имеет созидательные и разрушительные аспекты. Назовем их, помня, что речь идет об общих тенденциях. Увидеть плюсы и минусы западного развития необходимо, чтобы лучше понимать себя.

Динамизм жизни требовал аналитического ума, что обеспечило эффективность развития внешней жизни, но обратной стороной стали естественные следствия ума, опирающегося на закон противоположностей, закон исключенного третьего: формирование духа борьбы, противостояния, соперничества, критцизма, а в сочетании с общим контекстом существования Запада — материализмом — организация жизни по праву сильного. Основной трудностью и отличием западного ума (несмотря на торжество либерализма, как кажется, предполагающего свободу и полноту развития) является «европоцентризм»: несвобода от собственных понятий, представлений, обусловленности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другим, неизбежным результатом деятельности аналитического ума является безбожие: в экстравертном, западном сознании никогда нет кого-либо или чего-либо *над* индивидом, *над* западной цивилизацией.

И последняя серьезная проблема: внутренняя закрытость, отчужденность. Пока человек неразвит — это неизбежно, так как нужно научиться самосохраняться, взаимодействовать в малом пространстве, но психологическим следствием является недоверие, подозрительность, психологические трудности. Спокойная жизнь европейских народов относительно хороша: за внешним фасадом *нет готовности к взаимоприемлемым отношениям, в любой момент могут возникнуть двойные стандарты, недоверие*. Нельзя построить правильные отношения, взаимодействие, оставаясь обособленным или открытым только внешне: признавать правильным лишь свое понимание жизни. Сегодня, когда человечество стремительно движется к общепланетарной жизни, это одно из самых серьезных препятствий, так как никакие международные законы не способны создать благоприятный климат общего созидания и сотрудничества. Западному человечеству предстоит познать субъективную жизнь, не только предоставив свободу выбора, а сделав ее значимой и полноценной и в жизни отдельного индивида, и в национальном, и в общечеловеческом смысле.

Восточный способ существования (интровертный). Ментальность классического Востока

Картина мира классического Востока была всегда принципиально иной: мир — это целостный организм и человек — органическая часть этого мира. Человек Востока не отделяет себя от мира, не противопоставляет себя ему, не борется с ним. Идеал восточной онтологии — это единство и гармония мира и человека, их внутреннее единство. Мышление человека Востока всегда имело иную логику. Логика классического Востока воспринимается представителями Запада и получившими западный тип образования парадоксальной. Мир, с позиций восточного сознания, недואлен; чтобы получить истинный ответ на любой вопрос, по утверждению величайшего мастера дзэн Д. Судзуки, необходимо выйти за пределы относительного. Повторим, *относительное есть то, что мы можем понимать в зависимости от понимания чего-то другого и в сопоставлении первого со вторым, одного с другим*» (М.К. Мамардашвили). Дуальности,

или противоположности, — это относительности. *При дуальном подходе к миру познание и, следовательно, организация жизни неизбежно упирается в препятствия*. Препятствия — это и есть противоположности. Культура Востока пронизана поиском гармонии, недואльности, что и является высшей целью и ценностью. Например, классическим учебником восточного мышления служит «Мумонкан — Застава без ворот». В понимании, например, европейца застава/крепость по определению не может не иметь ворот, но ворота (в мышлении) и есть препятствия. В учебнике собраны 48 коанов, повествующих о парадоксальных ситуациях из жизни старых мастеров дзэн, размышляя о которых ученик постепенно обретает недвойственность мышления.

Жизнь едина, и каждая часть стремится совпадать с целым, существование которого есть музыка единого космического ритма. В восточной традиции существует понятие, также плохо понимаемое западным сознанием: *деяния — недеяния* (китайский вариант «вэй» и «у-вэй»). Недеяние не означает бездействие, как это долгое время интерпретировалось западной культурой, недеяние — это ненасилие над природой, человеком, недеяние — это резонансное взаимодействие различных частей единого целого, поиск созвучия, сотрудничества, со-жизни, что совпадает с современными выводами синергетики, рассматривающими резонанс как важное проявление самоорганизации. Академик В.С. Степин, ссылаясь на Дж. Ниддама, отмечает: *«В китайской культуре человек ассоциировался с образом крестьянина, а не мореплавателя или скотовода (для которых характерна склонность к командованию и подчинению). Но крестьянин, если он сделал все, что положено, вынужден ждать урожая. Одна из притч китайской философской литературы высмеивает человека из царства Сун, который проявлял нетерпение и недовольство, глядя, как медленно растут злаки, и принялся тянуть растения, чтобы заставить их вырасти скорее*». Повторим, современная, постнеклассическая наука на основе открытий синергетики отвергает силовой способ взаимодействия и настаивает на резонансном и кооперативном взаимодействии.

Основные внешние черты также хорошо известны: *для западного сознания* — это пассивный образ жизни и религиозность, поклонение Высшему. Величие и могущество природы заставля-

ли восточного человека, внешне пассивного, обратиться к внутреннему миру и познать его. Восток — это несметные богатства и нищета, мудрость и невежество. Постигание целостности мира и человека, их внутреннего единства было эволюционной задачей восточного человечества (до XX века). Развитие внутреннего человека — это развитие способностей и умения резонансного, кооперативного действия. Постигая внутренний мир, восточный человек приходит к пониманию условности и тщетности внешней жизни и тотально отдается поиску сущностной свободы, независимости от материального мира, устремляясь к внутреннему богу — сути своего существа.

Результаты поиска отражаются в религиях, учениях, преломляют постигнутое в массовом сознании, постепенно создавая восточный тип человека, имеющий два крайних выражения, на первый взгляд непохожих, — мудрость и невежество. Развитый человек — это мудрец, спокойно созерцающий жизнь, полный достоинства, но простой и доступный. Другой тип восточного человека — также простой, спокойный, доброжелательный, очень религиозный человек, но неактивный в вопросах материальной и социальной жизни. Различия эти скорее внешние — и за мудростью, и за простотой стоит отношение к жизни как к Целому. Порядок, приоритеты определяются иерархией ценностей: более высокое является более значимым, так как обладает большей силой, мудростью, непреложностью. Такое отношение и обеспечивает спокойствие, доверие, открытость, отсюда преданность и надежность. Можно сказать, что восточный человек всегда предан субъективно близкому и больше, чем любым внешним, *дорожит правом на внутреннее самоопределение*, обеспеченное многообразием религиозных и духовных практик. На начальных фазах развития — это преданность традиционной религии, Богу, в повседневной действительности — преданность сути, как он ее понимает. По мере развития это становится преданностью субъективно выбранным ценностям, которые находит в духовном многообразии.

Восточное сознание целостно. Несмотря на выраженный полиморфизм религиозно-философских систем, всегда сохранялась неразрывная связь философской и практической частей. В подходах к реальности всегда присутствовал и материалисти-

ческий, и идеалистический, и синтетический (недвойственный) тип восприятия и отношения. Однако сосуществование этих философских систем не вело к противостоянию, так как в основании философско-религиозного опыта присутствовал общий культурный контекст и акцент на духовном преобразовании человека и прежде всего его сознания. В условиях свободных дискуссий, всегда занимавших важное место в культурах классического Востока, происходил обмен не только идеями и концепциями, но и методиками психофизической регуляции сознания.

Сегодня может казаться, что классический Восток отказался от собственных ценностей: значимости субъективной жизни, существует по западным стандартам. В определенной степени это верно: восточная цивилизация *дополняет* свое развитие. Но классический Восток, в отличие от Запада и стран средней линии развития, предан и дорожит субъективным без навязывания другим, без демонстрации, противопоставления, и потому эта сторона жизни малозаметна.

Восточный, интровертный, ум, когда он развит, можно назвать интуитивным, опирающимся на суть. Такой ум отличается гибкостью, неконцептуальностью, отсюда мудрость, конструктивность, созидательность (конечно, оба вида ума присущи человеку вне зависимости от типа сознания, культуры, но это в принципе, а в действительности это скорее потенция, чем реальность). Представление о так называемой восточной хитрости — результат полного непонимания другой, не западной, психологии. Преданный внутреннему миру, который целостен и включает иерархию существований, человек Востока признает права другого, определяя их не по проявлениям, а по существу, в соответствии с иерархической значимостью, другими словами, опирается на суть, мотив. Восточные люди открыты, доброжелательны, легко вступают во взаимодействие, проявляя при этом глубокую преданность, надежность, то есть полноту взаимоотношений, но при одном неперемennom условии — если субъективно доверяют вам. Западный человек дорожит внешним проявлением честности, нередко предавая или игнорируя суть. Восточный, наоборот, предан сути и легко игнорирует внешние условия. И то и другое полуправда, отсюда взаимное недоверие. Восток, сохраняя мудрость, ведь мы не говорим «мудрость За-

пада», динамично осваивает ценности Запада, и в этом его сила и залог успеха.

Синтетический способ существования.

Амбивертно-синтетический тип ментальности

Все нации и народы средней линии развития имеют *включаящий* тип сознания. И потому развитие этих стран — процесс более медленный. Необходимо подчеркнуть, что ум и сознание народов средней линии развития, всегда соединяющие, включающие, но не «вообще», а применительно к исторической и эволюционной действительности. Современная активность, например, арабского мира показатель того, что достигается стадия самоопределения, и в зависимости от наличия общенациональной ментальности успехи этих народов будут заметно расти.

Амбивертный, или двойственный, тип мировосприятия отличает нации и народы синтетического способа существования. Но двойственность амбивертного типа иная, чем двойственность человека западной цивилизации: не человек и мир, а двойственность самого человека, двойственность внутреннего и внешнего аспектов жизни. Подобный вид двойственности и есть *мучительная проблема бытия и сама судьба человека*. Ибо человек целостен и не может не стремиться к единству. Так же и нации амбивертного типа: равнозначность внутренней и внешней жизни требует непростых усилий по обретению синтеза. Двойственность при равной значимости и внутреннего, и внешнего аспектов человеческого существования стремится к недвойственности, синтезу.

Все нации амбивертного типа сознания, кроме России, отличаются культурной, в том числе религиозной, и цивилизационной однородностью, что обеспечивало общность, понимание, относительную бесконфликтность существования, но в то же время не способствовало интенсивному развитию. Иная картина в России.

Почти на всем протяжении нашей истории *общенационального* синтеза не было, но движение к недвойственности всегда присутствовало и яркими феноменами культуры (исихазм, космизм) выходило на поверхность национальной жизни. Организацию

жизни, или способ существования, определяло чередование западного и восточного типов ментальности и соответствующих им способов существования, но и третий, синтетический, тип ментальности всегда присутствовал в национальной культуре и жизни. В разделе «Самоопределение» мы продолжим разговор о национальной ментальности.

Амбивертный тип развития практически неизвестен и непонятен не только историкам и философам, но и многим психологам. Данное утверждение полностью относится к западной культуре. Человечество стремительно движется к единству, но отсутствие осознанной структуры, дифференциации человечества препятствует дальнейшей сознательной интеграции. Трудность заключается в том, что, как кажется, нет однозначных факторов третьего пути, что и ведет к его отрицанию.

Задачи эволюционного развития наций среднего типа, выражением которых является специфика исторического пути и культура, определяются равнонаправленным типом сознания. Амбивертная цивилизация имеет выраженную тенденцию к *синтезу, равнозначности духовной и материальной, внутренней и внешней жизни*. Причина в обусловленности назначением и типом сознания (культуры на первый взгляд различны, но по существу тождественны).

Наиболее однозначно это проявлено у наций, исповедующих ислам, отличающихся однородностью жизни. Как известно, приверженцы ислама демонстрируют редкий синтез внешней и внутренней жизни человека и общества. Подтверждение сказанному можно видеть в соединении светской и духовной власти, равной значимости религиозной и материальной жизни, в отсутствии разницы между духовными лицами и мирянами, между религиозной общиной и государственными органами, между религией и правом.

Ту же тотальность — результат значимости внешнего и внутреннего — встречаем у еврейского народа, но выраженную не столько в синтезе, сколько в двойственности: тотальной отдаче или материальному, или религиозному, культурному.

Не менее выражен синтетический способ существования у наций Латинской Америки: строительство материальной и социальной жизни и преданность национальной культуре.

Двойственность амбивертных наций почти незаметна, так как существование протекает в условиях национальной и идеологической однородности. Этот же тип сознания можно увидеть и в ходе рассмотрения истории нашего государства, и в особенностях и своеобразии культуры, и в нашем характере. В подавляющем большинстве проявлений обнаруживается двойственность или даже противоположность национального характера. В отличие от других наций средней линии развития, наша история — это борьба двух начал: объективного и субъективного. Ранее мы рассмотрели историю нашего отечества («Судьба») и в разделе «Национальное самоопределение» продолжим наше исследование амбивертного, или синтетического, типа развития.

Нации как субъекты истории

Человек — существо разумное, а стало быть, не может не обращать внимания на личное и общее для людей будущее. Даже на ранних стадиях развития людям свойственно вопрошать, отыскивая *идеальный образ* своей и общей жизни как реализацию собственных потребностей и потенций. Так, например, на стадиях роста и развития, когда нация в своем большинстве живет чувствами, возникает образ национальной идентичности: «*Святая Русь*», «*Старая, добрая Англия*».

По мере развития нации идеальный образ общей жизни проходит через эмоциональное, ментальное и духовное выражение, что соответствует стадиям становления. При рассмотрении человечества в целом, цивилизации или отдельной нации каждый раз должны быть выявлены три взаимосвязанные и взаимообусловленные части структуры: *субъект*, проявлением является *генеральная линия развития*; *сознание—культура*; *явление—история*.

Обычно явления составляют содержание истории, их интерпретация зависит от степени чувствования/осознания цели, генеральной направленности, часто достаточно верных в «малом времени», но почти всегда ошибочных в «Большом Времени». Причина в том, что «большая» цель, назначение наций, групп наций и человечества в целом остается дискуссионной, так как назначение (сущность, код) не имеет онтологических оснований в культуре Запада. Представим процесс эволюционного развития нации как движение к предназначению.

Идеал общей жизни	Стадии развития	Задача периода
Эмоциональный образ общей жизни	Рост	Чувствование идеала
	Развитие	Чувствование идеала; подготовка теоретической базы национального самоопределения
Ментальный образ общей жизни	Самоопределение	Формулирование теории; рост общественного мнения
	Самоутверждение	Влияние нового, совершенствующегося образа
Духовный образ общей жизни	Самосознание	Создание формы исходя из этого образа
	Самореализация	Стабильное функционирование в новой форме

Стадии развития

История государства есть отражение пройденных этапов эволюции, развития нации. Подобно эволюции других царств природы, уровней становления бытия, на протяжении человеческого развития имелись и тупиковые образования, другими словами, не каждое сообщество людей проходило полный цикл. Народы и народности возникали, исчезали, сливались, и потому общие и частные законы развития не всегда очевидны.

Нации как результат существования этносов, народов и народностей в поле одного государства имеют не только общую территорию, язык, народные черты, но и общность исторической судьбы, общее предназначение. Назначение, как было отмечено ранее, — это всегда преобразование существования с акцентом на том или ином аспекте или атрибуте жизни.

Если мы будем исходить из событий, не понимая сути происходящего: направленности и способа существования субъекта истории, мы сделаем ошибочные выводы. Одна и та же задача, одного и того же периода эволюции, например «закладка основ» — в период *роста*, может решаться разными способами: политическими, военными, экономическими, культурными; развитие и прогресс зависят от близости или удаленности события от генеральной линии развития нации. Нации отличаются друг от друга субъектностью, качествами или психологией, которые

определяют национальную специфику при прохождении того или иного этапа пути.

По аналогии с развитием человека исследуем развитие нации.

Рождение — процесс объединения племен или народностей в единую структуру и постепенное рождение и объединение трех составляющих нации: власти, народа и культурного слоя. Наличие трех составляющих нации можно рассматривать как имеющих онтологический статус: активность — власть, пассивность — народ и уравнивающий компонент структуры — культура. Каждый компонент структуры государства имеет свои функции, и только соединенные действия этих трех социальных групп государства обеспечивают благоприятные условия существования и развития.

Рост — это время закладки территориального ядра, политических, экономических основ, национальной психологии, выбор центра государства, то есть сосредоточение светской и духовной власти. Содержание жизни определяется религией, отражающей тип сознания, связей с миром. Культурный слой представлен духовенством и чиновниками.

В период *роста* нации завершается оформление эмоционального идеала общей жизни, основы национальной самобытности. Например, у англичан — «старой доброй Англии», у французов — «прекрасной Франции», у русских — «Святой Руси».

Развитие — в этот эволюционный период главной задачей является обретение опыта самосохранения нации в рамках соответствующей цивилизации. Если в период «роста» самосохранение имеет весьма неопределенный характер, во многом зависящий от окружающих условий и обстоятельств, то в период «развития» самосохранение осуществляется под углом генной (цивилизационной) специфики. Для Запада — это необходимость научиться организовывать материальную и социальную жизнь как для индивидов, так и для нации в целом. Для Востока — познание и сохранение преданности субъективной внутренней реальности в условиях общенациональной стабильности; для Евразии — освоить некоторое соединение и равновесие внешнего и внутреннего миров индивидов и нации.

Постепенно развитие смещается к ментальному, когда культурный слой закладывает теоретическую базу для будущего са-

моопределения нации — идеальный ментальный образ реализации национальных потребностей и потенций. Время *развития* обнаруживает принципиальные различия западного, восточного и синтетического типов человеческих сообществ, складываются разные национальные и региональные типы сознания, культуры.

Запад. Если в период роста самосохранение больше связано с внешними угрозами и внутригосударственными, экономической и политической неопределенностью, то на этапе развития фокус внимания постепенно переводится на индивидуальное умение гражданами государства организовывать материальную жизнь. Это выражается в развитии и реализации частнособственнических тенденций. Если же материальная жизнь зависит от государства, короля, то доверие к власти и стабильность возможны на очень короткое историческое время. Именно в этот период в западной культуре складываются основные тенденции социальной жизни, места и роли человека в обществе. Возрождение, Реформация, Просвещение, возникновение классической европейской науки сформировали идеи гуманизма, определившие общий ход развития Запада. По мере развития наций и постепенно просвещения все большего количества населения материальная и социальная жизнь реформировалась.

В этот период государство создает общие благоприятные условия для освоения гражданами форм и методов индивидуального самосохранения, что означает наличие разных форм собственности, позволяющих каждому гражданину государства организовать материальную жизнь в соответствии с возможностями и потребностями времени. В результате развития сознание западного человека обретает характерные черты: самоценность личности, независимость, материализм и т. д. Формы государственности и собственности обслуживают движение к предназначению.

Восток. Субъективная жизнь человека, а нации тем более, — процесс медленный, требующий спокойной и размеренной жизни государства. Отсюда способы, обеспечивающие стабильность: сильная централизованная власть (Китай) или глубокая религиозность через систему каст, сохраняющая равновесие (Индия). Западное сознание ужасает отсутствие внешних свобод и прав, но для человека Востока важно прежде всего право

на внутреннее самоопределение (религиозное многообразие позволяет гражданам государства выбирать субъективно близкое), и потому внешние ограничения не воспринимаются как нечто нестерпимое.

Интересен пример Японии. Уникальный феномен Японии, ее трансформация, — результат того, что страна на начало XX века была единственным восточным государством, закончившим этап развития.

К восточной активности (активности субъективной жизни), выраженной в синтезе дзен-буддизма и конфуцианства, японцы вынуждены были прибавить и некоторую внешнюю активность — в силу скудных природных ресурсов, островной жизни, частых землетрясений, тайфунов. Но ни сильные тенденции (для восточной страны) к частной собственности, ни неэффективная центральная власть, ни раздробленность не повлияли на единство государства. В целом Япония оставалась восточной страной. Более важным, даже определяющим, оказалось содержание жизни.

Европейские народы ориентированы на деятельную внешнюю жизнь и в соответствии с этим формируют ее содержание, акцентирующее внешнее действие: церковную иерархию, соблюдение celibата, поста и т. д. Значение религии для восточных народов хорошо известно. Вот что важно: из всего религиозного многообразия Востока Япония выбирает дзен-буддизм в качестве основной религии. Буддизм, отбросивший спекулятивные построения брахманизма, в своей сути есть учение о сознании. Дзен, оптимально сохранив суть буддизма, оказал коренное влияние на развитие японцев. Дзен-буддизм часто называют рациональным, практичным учением: не придавая значения философским построениям, своими простыми и в то же время нестандартными методами он учит человека быть внутренне свободным, неконцептуальным. Пронизывая культуру, повседневную жизнь, дзен-буддизм распространялся через многочисленные секты, монастыри, которые в Японии носили совершенно иной, чем в Европе, характер: были открытыми, тесно связанными с мирским населением и властью, активно развивали ум, формировали национальную ментальность. В немалой степени на это же работала и двухсотпятидесятилетняя изоляция страны, обеспечившая стабильность, а значит, концентрацию на внутреннем разви-

тии. Так же как человек, живущий в изоляции, активно развивает свой внутренний мир или индивидуальные черты, так и нация.

Постепенно был образован культурный слой, состоявший не только из духовенства, но и из аристократической среды и многочисленного отряда воинов-самураев, впоследствии обеспечивший осуществление реформ и трансформацию страны. В этом главное отличие и главный залог успеха Японии. Восточный ум, когда он развит, ориентирован на внутренние реалии, на суть, смысл, мотив, значит, быстро схватывает главное и отбрасывает лишнее. Один маленький, но примечательный штрих, свидетельство глубокого проникновения жизни ума в национальную повседневность. В японских детских художественных и мультипликационных фильмах можно видеть мальчика или девочку, которые при столкновении с трудностями жизни говорят: «Надо подумать», — и садятся в медитативную позу. По всей видимости, решающим было идеологическое единство нации и развитая ментальность.

Синтетический тип развития имеет не столь однозначные тенденции развития. Можно говорить о двух основных подходах: двойственном и синтетическом, — связанных с условиями существования. Особенности двойственного варианта развития в условиях неоднородности рассмотрены на примере России («Судьба»). Двойственный тип развития характерен также для еврейской нации. Необходимо отметить, что еврейский народ является одним из древнейших, но еврейская нация — молодая, что явилось результатом долгого периода «рассеянного» проживания по миру.

Развитие других наций синтетического типа проходило в условиях однородного существования, что, с одной стороны, не создавало больших трудностей внутри самой нации, но, с другой стороны, замедляло развитие (Ближний Восток, Латинская Америка, Африка).

В целом для наций синтетического развития характерно более медленное развитие, так как синтез требует большего времени, но, если он достигается (на стадии «самосознания»), результаты могут быть весьма успешными.

Период *развития* соотносим с активной эволюцией, и главной задачей является самосохранение в рамках цивилизацион-

ной и национальной идентичности. Процесс идет инстинктивно, развитие нации определяется бессознательной самоидентичностью, что не исключает сознательной и даже высоко сознательной жизни отдельных индивидов. Преобладающим способом существования является первый: бессознательный. До периода самоопределения у нации, как и у человека, сознание проявляется как этническая идентичность, как общий эмоциональный образ жизни. Культурный слой каждой нации в период *развития* подготавливает основания для *самоопределения*.

Самоопределение — процесс самоопределения нации связан с развитием ментальности и напрямую зависит от него. В предыдущий период эволюции культурный слой создает теоретическую базу для самоопределения или, другими словами, ментальный идеал общенациональной жизни. Этот процесс почти не затрагивает жизнь народных масс, например, как Ренессанс и Просвещение во Франции.

Период самоопределения может быть долгим или не очень: это зависит от того, насколько закончено *развитие* нации, т. е. освоена специфика национального самосохранения, подготовлена теоретическая база самоопределения, а главное, имеет ли место ментальное развитие народа. Речь идет не об использовании ума в повседневной жизни: Запад, Восток и нации синтетического развития заметно отличаются друг от друга, — а о *способности откликаться, думать, осознавать, а затем и реализовывать вопросы общей жизни, т. е. имеет место процесс социализации и интеллектуального функционирования*. Только при широком охвате образованием народа и наличии социальных структур, обеспечивающих гражданам реализацию социального взаимодействия, общечеловеческих потребностей, осуществляется самоопределение нации. Обычно оформляется конституцией. Можно рассмотреть самоопределение на примере Франции.

Сегодня Франция — одно из высокоразвитых государств, обеспечивающее свои потребности, способное осуществлять самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. По всей видимости, французы проходят стадию самоутверждения, то есть этап самоопределения пройден. Конституция 1958 года и президентство де Голля определили вариант общей жизни государства. Весь процесс самоопределения продолжался более 150 лет.

1789 — Французская революция. «Декларация прав человека и гражданина»

1814–1830 — конституционная монархия

1830–1848 — финансовая аристократия

1848–1852 — Вторая республика

1852–1870 — Вторая империя

1870–1940 — Третья республика

1940–1958 — Четвертая республика

1958 — Пятая республика

Смена форм правления, то есть поиск желаемого общественного устройства, сопровождался революциями, войнами, движениями то вправо (финансовая аристократия, империя), то влево (Парижская коммуна, правительство Народного фронта).

Аналогично становлению человека, в период самоопределения внимание нации направлено в будущее, акцентируется *желаемое*, а собственные возможности и слабости не учитываются. Так же как и человек на стадии самоопределения, нация заявляет о себе: «Я есть», что часто проявляется в негативных, националистических формах и тенденциях, не считающихся с реальностью. В этих случаях имеет место идеологическая нестабильность, и нация от одной зависимости легко переходит к другой. Сегодня примеры национальных самоопределений весьма многочисленны: это и страны бывшего социалистического блока, и бывшие советские республики, и ряд стран Ближнего и Среднего Востока. Как можно видеть, перечислены нации синтетической цивилизации, которая все еще не самоопределилась.

Самоутверждение. Если самоопределение пройдено некачественно, самоутверждение дается с трудом, а потому тормозится, встречая сопротивление народных масс, культурного слоя, или сопровождается конфликтами с окружающим пространством, например СССР — США. Наступает как бы пауза в развитии, которая психологически выражается в явном или скрытом требовании уважения, опирающемся не на реальное положение, а на прошлые заслуги или потенциальные способности. Постепенно проводя в жизнь обозначенные ценности, утверждая их, нация проходит этап самоутверждения. Оба эти этапа (самоопределения и самоутверждения) характеризуются потребностью уважения и самоуважения. Причина очевидна: происходит

активное формулирование национальной субъектности — это уже не просто самоидентификация с некоторым, пусть даже ментальным образом. Это потребность утверждения самобытия, своей отдельности, непохожести. Самоутверждение проявляется в потребности активно участвовать в организации общечеловеческого существования. На современном этапе самоутверждение проходят государства «восьмерки», «двадцатки». Конечно, национальное самоутверждение не тождественно индивидуальному, аналогия в смыслах.

Самосознание — предстоит нациям в будущем. Самосознание нации — это второй период эволюции; самосознание нации и индивида на первый взгляд похожи на самоопределение, но это не так. Самосознание как индивида, так и нации, почти всегда понимается как акт осознания события, явления, влияния. Самосознание как период становления — это процесс и стабильное состояние, в котором всегда есть глубокое понимание себя, причин, смысла, самобытия, а значит, реальных перспектив и в конечном счете предназначения. Сегодня трудно, но возможно предположить, в каких формах будет выражаться национальное самосознание. Можно с уверенностью сказать о том, что в этом случае самосознание (не как потенция, а как повседневная реальность) должно проявляться у достаточно большого количества представителей власти и культурного слоя. И главное, должен быть проделан сущностный анализ общенациональной жизни: поняты и осознаны причины и логика национального существования, причины и источники как позитивного развития, так и препятствий, застойных явлений. Фактически необходима психологическая реабилитация. Все нации нуждаются в реабилитации, которая позволит каждому государству осознать собственное предназначение, освободиться от ложных достоинств и утвердиться в реальных.

Самореализация — это время, по всей вероятности, не очень близкое и зависит от степени самосознания. И самосознание, и самореализация — это периоды, когда жизнь нации соответствует второму и третьему способам существования. Предыдущий этап эволюционного развития обеспечивает стабильное благополучие нации в самом широком смысле — материальное, нравственное, эволюционное, — приводит к уверенности в себе, к само-

уважению. Время реализации люди предчувствовали всегда, на что указывают религиозные представления о Царстве Небесном, «золотом веке» и т. д. Название не имеет значения — суть в том, что к этому эволюционному моменту нацией освоено самосохранение, раскрыты собственные потребности и возможности, обретено умение правильно их использовать. В этом случае действительно можно быть сильным, добрым, бескорыстным не за счет чьих-то слабостей, а потому, что человеку изначально свойственно реализовывать собственные возможности, творить, создавать.

Мы обозначили обобщающие, сущностные этапы движения к цели. В действительности из-за отсутствия знания неизбежны отставания, торможения и т. д.

Завершая обзор «Мира, в котором мы живем», остановимся на некоторых принципиальных положениях, характеризующих современное существование человечества.

Глава 6

Мир сегодня и завтра

В начале наступившего столетия позитивные и негативные следствия человеческого развития проявились со всей силой и глубиной. По мнению г-на И. Валлерстайна, автора книги «Динамика глобального кризиса», *«в течение 1970-х тема “кризиса” получала все большее распространение: из невнятных рассуждений, ведущихся в интеллектуальных кругах, она проникла в массовую печать, а затем и в политические дискуссии многих стран мира»*. В статье «Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя», на основе которой г-н И. Валлерстайн выступил с докладом на Международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», автор пишет: *«Миросистема заходит в тупик, из которого будет очень трудно выбраться. Этот тупик выражается в виде все более и более диких колебаний... Система очень, очень далека от равновесия и подвержена колоссальным колебаниям. Вопрос уже не в том, каким образом капиталистическая система сможет залечить свои раны и возобновить наступление. Вопрос в том, что придет на смену этой системе, какой порядок вырастет из окружающего нас хаоса»*.

Ученые утверждают, что эволюция имеет интегративную направленность, и изменения одного из компонентов могут привести как к катастрофе, так и к более эффективному существованию. Если данное утверждение сопоставить с утверждением об актуальности и значимости эволюции и изменении сознания, можно обнаружить зависимость дальнейшего существования планеты и человечества от сознания. Однако основным инструментом самоорганизации человеческого существования остается интеллект, который не является надежным способом достижения достоверного знания. Степень достоверности знания зависит от типа и уровня развития сознания, которое по-прежнему остается наименее исследованной областью.

Энергии разума, сознания — компонент, который, с одной стороны, настоятельно требует реализации, с другой — его природа,

функции, взаимосвязи с другими компонентами структуры планеты и человечества остаются малоизученными и практически не учитываемыми. Человечество, сохраняя приверженность освоенным формам и методам познания, значительно замедлило свое развитие, если не считать развитием хаотичное движение без ясного понимания цели и направления движения. До тех пор пока сознание, а это основной компонент ноосферы, будет признаваться общим знанием и человек не перейдет к осознанной жизни (фраза, сегодня остающаяся пустым звуком), катаклизмы будут нарастать.

Кризис человеческого существования — это нарушение законов и логики развития. Человечество оказалось в тупике развития вследствие отсутствия понимания сущности человека, человеческого способа существования и стадии человеческой эволюции. По аналогии с человеком мы рассмотрели развитие наций и человечества и отметили, что XX век при сопоставлении с предыдущими имел существенные отличия:

активное движение к общечеловеческому существованию, потребность субъектов человечества понимать происходящее, фактическое исключение безусловного и непреложного начала. А также отметили, что в процессе становления система проходит через фазы:

дифференциации, распределения и последующей интеграции.

Рассмотрение этих вопросов позволит понять общее положение человеческого существования и наметить возможные дальнейшие шаги. Нас должно интересовать: какая дифференциация должна быть пройдена и каковы возможности интеграции? Что может обеспечить понимание происходящего субъектами существования? Что или кто может быть безусловным и непреложным началом и критерием человеческого существования?

Человечество в прошлом прошло через ряд дифференциаций, например создание государств, и находится на стадии очередной дифференциации. Несмотря на имеющее место сопротивление интеграционным процессам, активное движение к общечеловеческой жизни нарастает, и вопрос дифференциации кажется неактуальным. Но интеграции должна предшествовать очередная дифференциация.

Все трудности, проблемы, конфликты XX века обусловлены двойственным процессом. С одной стороны, процессы диффе-

ренциации и распределения близки к завершению, но не осознаны, что не позволяет конструктивно их использовать и приступить к полноценной интеграции на новом уровне. С другой стороны, интеграционные процессы обретают все более динамичный характер. Подобное состояние — это активное действие центробежных и центростремительных сил, и, образно говоря, общечеловеческий организм работает на разрыв. Что же не позволяет завершить дифференциацию и, осознав ее, приступить к полноценной интеграции?!

Мы отметили ранее, что уже в период зарождения человечества можно видеть некоторые принципиальные тенденции последующей дифференциации. Заметное движение к общечеловеческой (цивилизационной) дифференциации начинается с европейской экспансии классического Востока и Американского континента. И хотя достаточно быстро стало известно, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток», очевидная дифференциация на Запад и Восток происходит в конце XIX — начале XX века, когда страны классического Востока и Южной Америки начинают самоопределяться (бороться за независимость и самостоятельность).

Необходимо отметить, что до XX столетия межцивилизационных конфликтов как таковых не происходило, тогда как межнациональные отношения преследовали преимущественно цели экспансии, обогащения, и конфликты, определяемые этими целями, носили локальный характер. Фактически до середины XX века человечество продолжало существовать как национальные автономии регионального типа.

Первая межцивилизационная дифференциация на западный и восточный типы существования фактически состоялась, но человечество не осознавало себя ни взаимозависимым, ни единым, и потому значение этого глобального фактора существования не было осознано. Последовавшие одна за другой мировые войны привели к осознанию взаимозависимости человечества и тем самым осуществили сначала в сознании, а затем и в действительности, первые реальные шаги к общей интеграции. В силу эволюционной необходимости нации классического Востока и амбивертно-синтетической цивилизации в XX веке должны были достичь общечеловеческого уровня развития в вопросах внеш-

ней, материальной и социальной жизни при сохранении цивилизационной идентичности. Но отсутствие целостного понимания общечеловеческой эволюции и задач развития привели к нивелированию специфических особенностей незападных ценностей.

XX столетие кардинально изменило общее положение: мировое пространство было освоено и поделено, что в контексте существования человечества как системы означает завершение процесса распределения, но пока еще не равновесного. Дальнейшее пространственное расширение господствующих наций не только было приостановлено, но возникло и активно возматало движение за национальное освобождение и независимость. В XX веке конфликты начинают носить идеологический характер, то есть конфликтов ценностей: капитализм, социализм, либерализм, национализм, фашизм (религиозные войны хоть и имели идеологическую окрашенность, но фактически были борьбой за власть и происходили в рамках западной цивилизации). Современные конфликты имеют идеологический характер, хотя такие причины конфликтов, как обогащение и господство, остаются в силе.

Отсутствие человекообразного (соразмерного с человеком) подхода в вопросах человеческого существования создает почву напряженности и конфликтов в международных отношениях. При сложившихся разногласиях в подходах к организации общей жизни людей, объединить человечество в единый организм с соблюдением равноправия и справедливости вряд ли возможно — необходим более широкий уровень обобщения. *Цивилизационная принадлежность — это глубинное, сущностное (онтопсихологическое) родство философских, культурных, религиозных основ группой наций и народов.*

Сегодня становится все более очевидным, что нация — это не только социоисторический организм; нация — это этносоциоисторический организм, определенного эволюционного возраста. И в зависимости от эволюционного возраста, сопоставимого с психологическим возрастом человека, перед нацией встают те или иные задачи становления, способ осуществления которых зависит от этнокультурных особенностей.

На современном этапе развития сосуществование человечества в целом и наций в поле одного государства будет определять

цивилизационная принадлежность, и эта тенденция будет нарастать. Пример Франции убедителен: с этническими французами органично сосуществуют эльзас-лотарингцы, корсиканцы, бретонцы, баски, тогда как представители амбивертно-синтетической цивилизации — выходцы из арабского мира, сопротивляются процессам сглаживания их национальной идентичности.

В XX веке становится несомненным движение к общечеловеческой жизни, и столь же несомненно, что существование субъектов человечества выходит за рамки материального существования, а идеологическая принадлежность, всегда связанная с национально-конфессиональными ценностями, обретает все большую значимость.

Показателем возросшего уровня человеческого развития могут служить как идеологический характер конфликтов, так и настоятельная потребность понимать происходящее субъектами существования (человеком, нацией). Возникновение обеих тенденций свидетельствует об актуальных для многих людей и наций стадиях самоопределения и самоутверждения, когда индивидуальная и национальная идентичность требует осознания своей особенности, своего отличия от других, утверждения своей идентичности и ее признания другими.

В национальном самоопределении к таким аспектам, как территория, язык, присоединяются идеологические ценности. В зависимости от степени развития национальной ментальности, институализации образования и социализации граждан страны появляется такое новое явление, как размышления на темы общечеловеческого существования так называемого «человека с улицы». В настоящее время самоопределение нации не рассматривается как естественная стадия развития, потому что признается только один, западный, техногенный путь развития. Корень многих проблем существования, в том числе проблемы мультикультурализма, в отсутствии целостной картины человеческого существования и развития, в непризнании законности различных подходов к жизнедеятельности людей.

Вернемся к вопросу дифференциации. Еще недавно могло казаться, что деление мира на капитализм и социализм может служить фактором дифференциации. Однако противостояние капитализма и социализма было недолгим и не являлось процессом

дифференциации человечества. Это была попытка осуществить социальные идеи Французской революции. Противостояние капиталистического и социалистического способов существования фактически было междивизиационным противостоянием, скрытым за социальными одеждами. В этот идеологический конфликт была вовлечена большая часть человечества, и фактически имела место дифференциация, вычленяющая третий тип цивилизации — амбивертно-синтетический. Три цивилизации, повторим, — это:

восточная,
западная и
синтетическая.

Может казаться, что причиной конфликта капитализма и социализма являлось различное понимание вопросов собственности, прав и свобод. «Борьба двух систем»: капитализма и социализма — была идеологическим конфликтом не идей как таковых, а интерпретаций этих идей, за которыми стояли разные типы цивилизационного сознания.

Провозглашенные Французской революцией идеи свободы, равенства, братства постепенно перешли в идеалы, а затем и в принципы организации существования, и стали основанием общественного устройства западной цивилизации, постепенно распространяясь на человечество. На фазе формулирования идеалов возникают различия в интерпретации идей, которые затем в процессе реализации становятся разногласиями в принципах. Однако эти различия в рамках одной, западной, цивилизации не вели к принципиальным конфликтам и противостоянию. Тогда как различное понимание идей и принципов их реализации представителями разных цивилизаций привело к явной — как в нациях синтетической цивилизации, и не столь явной — как в нациях Востока, борьбе и противостоянию.

Принципиальные отличия западной, синтетической и восточной цивилизаций — это различия объектного, объектно-субъектного и субъектного способов существования. Причиной «победы» капитализма, как это казалось после распада Советского Союза, была «природная» обусловленность Запада материальной и социальной, внешней детерминантой; кроме того, Запад не только сформулировал и продолжил активно реализовывать

собственные ценности (в отличие от России), но и «объявил» их общечеловеческими.

И капитализм, и социализм имели ряд принципиально значимых для человечества достижений и породили не меньший ряд проблем, тем самым создав общее поле типов социальной организации. Оба варианта в «чистом виде» (СССР — США) не имеют положительного решения, что и определило краткосрочность противостояния и конфликта. Подчеркнем, не имеют положительного решения не идеи, а выдвинутые интерпретации идей. Идеалы и принципы в условиях противостояния, как это было в XX столетии, легко превращаются в идолов. Идеологический, ценностный конфликт капитализма и социализма — это конфликт интерпретаций, и потому он имел место в Малом времени. Менее ста лет понадобилось человечеству, чтобы понять, что как таковые ни социализм, ни капитализм не способны удовлетворительно организовать общую жизнь людей и тем самым способствовать конструктивному существованию и единству. Системный кризис человеческого существования со всей очевидностью обнаружил, что проблемы равенства, свободы, собственности, фактически так и не решенные, переросли в другую плоскость.

Завершение одного и начало другого столетия вывели на поверхность идеологические ценности межцивилизационного характера. В конфликте ценностей Запад — Россия на смену России, представителю амбивертной цивилизации, приходит исламский мир, и, если не внести принципиальные изменения в организацию человеческой жизни, на горизонте можно будет видеть Латинскую Америку, а впоследствии нации и народы Африки, имеющих тот же, амбивертный тип развития. Дифференциация «Запад — Восток» была нивелирована, а дифференциация «Запад — амбивертно-синтетическая цивилизация» в скрытой форме присутствовала в противостоянии социальных систем и затем также была нивелирована.

Каковы же причины несостоятельности идеологических систем социального типа? Обе системы, несмотря на их различия и даже противоположность, исходили из фундаментальных оснований западной культуры, из типа рациональности: материализма, детерминизма, объектности (субъект неизвестен), то есть

внешнего человека. Но «равенство прав без равенства сил ничего не значит» (В. Соловьев «Чтение о богочеловечестве»), не решает социальных проблем и, как следствие, рождает чувство несправедливости, двойные стандарты, нигилизм, безнравственность и бессмысленность существования. Когда организация общей жизни осуществляется без учета *внутреннего* человека, субъекта, «сила права легко переходит в право силы» (там же). Социальная жизнь — это внешние условия; силы — это субъект, *внутренний* человек. Оба типа социальной организации (социализм, капитализм) на деле оставляли без внимания *внутреннего* человека (субъект и его сознание признаны производными, вторичными), но делали это в соответствии с цивилизационной логикой.

В условиях западной цивилизации субъект тождествен личности (внешний, социальный человек, обращенный к окружающим), и забота о нем сводится к личной свободе и потребительскому *раю*. Подобный подход к человеку, по словам Г. Маркузе, превращает человека в «одномерный» продукт массовой культуры, отношения в обществе обретают характер *объектных*, господствуют принципы потребления, соревнования, силы. В условиях социалистической системы субъект — это социальный человек, равенство бессознательно интерпретируется как «однаковость», человек «подгоняется» под общий стандарт «советского гражданина».

Речь идет об общих тенденциях; конечно же, нельзя сказать, что Запад не познавал внутреннего человека. Например, в области психологии существует значительное количество направлений, школ, теорий личности, но в целом методология научной психологии и практическая психология не рассматривают ни сознание, ни человека как сложные самоорганизующиеся системы и практически не влияют на вопросы развития человека и общества. Нельзя также сказать, что в СССР не было ярких индивидуальностей, жизнь и творчество которых подготавливало нацию к кардинальным переменам. Обе системы «не знают» *внутреннего* человека. Но внутреннее не менее реально, чем внешнее; внутреннее — основание развития. В Советском Союзе произошел фундаментальный слом социальной организации жизни, повлекший за собой и мировые изменения. А в скором времени и капиталистическая система подверглась «диким колебаниям».

Накануне третьего тысячелетия Папа Иоанн Павел II призвал западный мир «обратиться к внутреннему человеку». После некоторого насыщения материальной и социальной жизнью нации классического Востока и нации амбивертно-синтетической цивилизации, не отказываясь от приобретенного, медленно, но неизменно начинают поворачиваться к собственным ценностям, с которыми себя идентифицируют.

Можно сделать вывод, что социальные идеологические конфликты не являются принципиальными факторами дифференциации человечества как единой системы. Организация жизни человека, наций, человечества должна обеспечивать полноценную реализацию ценностей и потребностей и *внешнего и внутреннего* человека, социальной и культурной жизни общества, и целостное существование человечества. Тип социальной организации может варьироваться в пределах от «чистого» капитализма до «чистого» социализма, что зависит от «возраста» нации и ее цивилизационной принадлежности. Сглаживание цивилизационных различий — это низведение человека к социальному типу, сведение его к примитивному существованию. *Принципиальным фактором в процессе дифференциации общечеловеческого существования является выявление цивилизационных различий с целью их осознания и разумного встраивания в единую систему в процессе интеграции.*

Равенство условий и невнимание к внутреннему человеку привели, не могли не привести, к серьезным ценностным конфликтам межэтнического характера. Наиболее ранние из них видны на примере США. На протяжении многих лет Соединенные Штаты гордились тем, что были «плавильным котлом», в котором выходцы со всего мира вливались в единую американскую нацию и становились «настоящими американцами». Благородные цели «позитивной дискриминации», призванные уравновесить дисбаланс в распределении ресурсов и благ, и возникшая на этом фоне идея мультикультурализма не принесли желаемых результатов, более того, достаточно быстро переродились в свою противоположность — этноцентризм. К началу нового века ни североамериканская, ни французская, ни немецкая модели мультикультурализма не оправдали надежд, возлагавшихся на «политику культурного разнообразия в едином демократическом обществе».

Главная причина как межэтнических конфликтов внутри государств, так и межкультурных — отсутствие подлинного уважения, признания другой культуры, других ценностей, другой субъектности. Право на культурное разнообразие существует формально: представители других, незападных, культур считаются менее развитыми. Критерии и оценки, как и вся организация существования западной цивилизации, имеют внешний, объектный контекст, и с этих позиций успехи Запада очевидны, но *«феномен других культур говорит на другом языке»* (О. Шпенглер).

Конфликт цивилизаций — это конфликт людей различной онтопсихологической обусловленности. Парадокс заключается в том, что признаются все еще только два типа людей: экстраверты и интроверты, два типа культур: западная и восточная. Но *«...оба типа склонны отзываться друг о друге крайне нелестно. Это обстоятельство немедленно поражает всякого, кто занимается этой проблемой. И причина кроется в том, что сами психические ценности имеют диаметрально противоположную локализацию у этих двух типов»* (К. Юнг). Третий же онтопсихологический тип людей, культур: равнонаправленный, амбивертно-синтетический, фактически остается неизвестным.

Экстраверты, Запад, считают себя развитыми, активными, творческими, а всех остальных неразвитыми, пассивными, неспособными к созиданию. Интроверты (Восток) признают себя более глубокими, способными к качественному преобразованию, а других — поверхностными, ненадежными. Но еще более удивительно, как оба типа воспринимают и относятся к среднему, амбивертному, типу людей. Амбиверт воспринимается обоими типами то ли как слабый, то ли как не имеющий твердых принципов, то ли как неопределенный и нерешительный. Даже в тех случаях, когда амбивертный тип человека обнаруживает силу, целеустремленность, талант (когда обретает целостность), он остается непонятным и «чуждым»; так происходит и с нациями.

Если проанализировать среднестатистического человека Запада и, например, России не с позиций социально-экономических показателей, а с позиции способности индивидуума к преобразованию и выносливости, различия могут быть заметными. Показателем развития являются не общие социально-эконо-

мические показатели, в которых человек (совсем не обязательно) будет развиваться. Показателем развития является способность человека к преобразованию самого себя и среды обитания и выносливость: способность сохранять *рабочее* напряжение в усложняющихся условиях. Для наций и народов восточной и синтетической цивилизаций в разной степени значимым является внутренний мир. Но если для классического Востока (как и для любого интроверта) приверженность внутренним ценностям сохраняется без противопоставления другим типам людей и наций, то для амбивертно-синтетических наций внутренние ценности не просто значимы — за них идет беспощадная борьба.

Проблема взаимоотношений людей противоположных подходов к реальности, экстравертов и интровертов и все еще непонятных амбивертов, сегодня признается как проблема мультикультурализма и сводится к «развитости» западной цивилизации и «отсталости» других наций. Однако причина все нарастающего уровня упрощения, сведения человека к примитивному существованию, столь характерная для значительного большинства жителей западной цивилизации, не осознается. Интеллектуальные элиты западных стран признают понижение человеческих запросов и интересов, их сведение к удовлетворению потребностей, которые давно уже освоены и не требуют все новых и новых форм и способов. И проблема не только в эгоизме и алчности политических и финансовых элит Запада, проблема в отсутствии целостной гуманитарной картины человеческого существования. Ценности Запада не являются общечеловеческими, человек не сводим к материальной и социальной жизни. Приходит время, когда человеческие, нематериальные потребности все громче заявляют о себе, и отсутствие должного внимания к внутренним ценностям: современных, общепонятных и общедоступных форм и способов реализации внутреннего мира человека и нации, ведет человечество к глобальным катастрофам.

Многовековой проблемой России является проблема взаимоотношений людей с противоположными подходами к реальности. Сегодня наша национальная проблема — сосуществование «двух наций» — обретает общечеловеческий характер. Справившись с внутренней проблемой, Россия не только решит свои мно-

говековые трудности, но и сможет предложить миру понимание и способ удовлетворительного решения актуального на современном этапе вопроса существования людей.

Межцивилизационные идеологические конфликты, конфликты людей с различными подходами к реальности — это конфликты, имеющие отношение к Большому Времени (эволюции), так как за ними многовековая история цивилизаций и определенных особенностей, выраженных в способах существования.

Межцивилизационные различия — это и есть линии водораздела, или дифференциации, осознание которых обнаруживает структуру человечества и возможность организации существования по принципу дополненности. Многополярный мир, основанный только на ценностях европейской цивилизации, исключает возможность многополярного мира на основе общечеловеческих ценностей. Неизбежным следствием многополярности на основе западных ценностей является организация существования по принципу соревнования (конкуренции) и силы и сглаживание человеческой и национальной индивидуальности. В основу многополярности должны быть положены принципы дополненности и диалога цивилизаций.

Принцип дополненности способен обеспечить равноправное сосуществование всех субъектов человечества, так как предполагает осознание особенностей трех типов цивилизаций. Подчеркнем, в основе дифференциации человечества должен лежать принцип онтопсихологических различий, ядром которого является тип активности и сознания, определяющий тип связей с миром и способ действия, существования. *Избежать идеологических конфликтов, которые будут нарастать, если не преодолеть сложившееся положение, возможно только путем признания законности всех (трех) онтопсихологических типов людей, наций, цивилизаций, их принципиальных особенностей, способов существования и общего для всех безусловного начала — Единства. Признание законности цивилизационных различий приведет человечество к подлинному гуманизму, послужит основанием подлинного мира, справедливости, равноправного конструктивного взаимодействия.*

Кроме дифференциации человечества на цивилизации в соответствии с онтопсихологическим способом существования, вы-

ходу из глобального кризиса будет способствовать определению периода развития наций и человечества в целом.

Первый период эволюции, задача которого — освоение человеческого способа существования, в целом завершен. К концу XX столетия стадии *самоопределения* и *самоутверждения* для целого ряда наций были завершены. Однако человечество остается неравновесной системой, что не позволяет двигаться в будущее конструктивно и эффективно.

Неравномерность развития заключается в том, что:

- Западная цивилизация находится на стадии «самоутверждения»; задачей является *создание современных подходов и способов внутреннего развития*;
- Восточная цивилизация частично (Япония, Китай, Юж. Корея, Индия, Сингапур) находится на стадии «самоутверждения», тогда как остальные государства еще не завершили «самоопределение»;

задача: сохранить старые и создать современные формы и способы реализации внутренних ценностей;

- Амбивертно-синтетическая цивилизация, которая, как уже было отмечено, развивается наиболее медленно, имеет в своем составе наибольшую неравномерность: Бразилия, Россия, Турция — на стадии «самоутверждения», ряд стран — на разных фазах «самоопределения», тогда как некоторые государства Африки не завершили время «развития»;

задача: сохраняя равнозначность внутреннего и внешнего аспектов существования, достигнуть общего уровня развития человечества.

Баланса внешней и внутренней жизни и у субъектов, и в целом у человечества нет, что не позволяет двигаться в будущее; человечество продолжает наращивать ранее освоенное в различных областях материальной и социальной (внешней) жизни. Качественное развитие — это преобразование внутреннего и внешнего аспектов жизни человечества, и только в этом случае интеграция в единое человечество станет возможной.

Единство человечества долгое время оставалось, и в определенной степени остается, неосознанным, но приходит время — и мы его свидетели, — когда *единство медленно начинает проступать в сознании и действительности*. Процесс интеграции

имеет характер адаптации к сложившимся на основе западных ценностей условиям. Но человечество в своем становлении находится на переходе от бессознательной эволюции к эволюции сознания, ноосфере. Значит, движение к единству — это процесс от бессознательной направленности существования и осознания отдельных явлений к постепенно возрастающей сознательной самоорганизации человечества.

Состоявшаяся первая попытка организовать общечеловеческое существование нельзя сказать, что была успешной (что не отменяет отдельных положительных результатов). Более того, со всей очевидностью проявился безнравственный характер организации существования. Сегодня, когда планетарное пространство заполнено и автономное существование практически невозможно, есть только одна возможность конструктивного существования: на принципах единства и нравственности. И начинать необходимо не с единства в области экономики, материальных ресурсов и благ, как это было в прошлом столетии. Призывы к равенству и нравственности остаются пустыми и бесплодными, так как основополагающей причиной происходящего является организация существования на основе материализма, в котором разумность, нравственность не имеют и не могут иметь онтологических, а значит, жизненных оснований. Начинать необходимо с духа и сознания единства.

Может ли человечество в его современном состоянии организовать свою жизнь на нравственных началах? При первом рассмотрении и единство, и нравственность кажутся виртуальными и невозможными. У нас сложились стойкие стереотипы, рождающие недоверие, скепсис, но, если осознать отсутствие альтернативы *сознательной* организации существования, единство окажется не столь уж нереальным. Организация существования на нравственных началах — это сознательная организация существования, что предполагает развернутую, научно обоснованную картину человека и способов его существования как синхронных, так и диахронных.

Человечество переходит в принципиально новый период своего существования. И этот переход, и дальнейшее развитие будет зависеть от знания целостной картины человеческого существования, качества дифференциации, предполагающее самоопреде-

ление наций и цивилизаций, и последующую интеграцию. Мы отметили, что дифференциация не завершена.

Завершение дифференциации зависит от признания трех онтопсихологических типов человека, наций, цивилизаций.

Признание онтопсихологических типов позволит перейти на принципиально новый уровень организации человеческого существования, способный со временем создать равные и справедливые условия.

Признание трех онтопсихологических типов человека послужит основанием единства в духе и сознании и рано или поздно приведет к единству человечества.

Рассмотрение современной картины человеческого существования было бы неполным без освещения такого вопроса, как *организация общего существования людей вне безусловного начала и критерия*.

Человечество освоило всю проблематику самосохранения и выживания; сохраняющиеся трудности в этих областях — вопрос не столько *отсутствия*, сколько вопрос *отношения и взаимоотношений, то есть нравственности*.

Проблема нравственности на современном этапе человеческого развития становится определяющей. В вопросе нравственности, так же как и в других аспектах человеческого существования, нет общего для всех людей подхода и критерия. Для одних нравственность — это исполнение норм и законов, для других — преданность сути как ее понимают; нравственность все еще не имеет объективированных подходов.

Нравственные отношения — это сознательные отношения. Нравственные международные отношения невозможны без признания и принятия законности различий между людьми, которые становятся очевидными при понимании внутренней жизни, культуры, раскрытии природы сознания и логики его развития. Отношения Запада и классического Востока не имеют антагонистического характера (пока): причина в сохранявшейся до середины XX века очевидной доминанте — либо внешнего, либо внутреннего. Но так же как, например, в современном Китае, потребность внутреннего самоопределения и человека, и нации стремительно нарастает, а Япония нуждается в переосмыслении и нахождении современных форм национальных тра-

дий, так и страны Запада рано или поздно придут к пониманию необходимости активного развития внутренней жизни. Ни человек, ни нация, ни человечество не могут исключить внутреннюю жизнь.

Значительно отличается степень драматичности взаимоотношений людей с противоположными подходами к реальности в странах амбивертно-синтетической цивилизации. На примере России это очевидно. Аналогичная картина открывается при рассмотрении современных международных проблем. События в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане, так называемая «арабская весна», разворачивались по одному сценарию: западные страны поддерживают оппозицию этих государств по причине схожести смыслов и позиций, акцентирующих ценности экстравертного типа людей. Права человека не имеют принципиального значения, более того, права значительного большинства не признаются и откровенно игнорируются. Почему? Мир по-прежнему стоит на позиции признания только одного, экстравертного, способа существования; иное понимание, мировосприятие, отношение к действительности считается отсталостью, неразвитостью.

Можно ли надеяться, что лидеры государств осознают губительность сохранения существующего положения и продолжения устоявшейся политики?

Есть только один довод, который снимает все возражения. Человечество должно иметь безусловное и непреложное начало, и, каким бы именем мы его ни назвали: *Богом, Абсолютом, Любовью, Законом, Единством*, — без этого *Начала* существование обречено на кризисы и катаклизмы. Существование как оно есть, а не как оно понимается отдельным субъектом познания, целостно и удивительно взаимосвязано и взаимообусловлено. Каждый день открывая законы мироздания, люди вынуждены считаться с великим множеством закономерностей, свидетельствующих о Разумности, Порядке мироздания. Однако человечество продолжает опираться на возникшую в Новое время *веру* в науку, во всемогущество человека, в возможность обходиться без Бога, без Разумной Организации Бытия. Может ли сам человек не ошибаться, может ли знать, все предвидеть не только в текущий момент, а на годы, столетия, тысячелетия вперед?!

Нет, не может. Но современному человеку легче поверить в *случайный* характер феноменов мироздания, чем в Разум и Высший Порядок.

Несмотря на признание зависимости знания от человека, субъекта познания, несмотря на научные открытия XX века, поставившие под серьезные сомнения материалистическую парадигму существования, люди продолжают руководствоваться материалистическим подходом к реальности.

Ни жизнь отдельного человека, ни жизнь нации, ни жизнь человечества невозможна *вне непреложного, безусловного начала, Бога*. Человечеству необходима безусловная опора, безусловный критерий существования.

Что может послужить делу консолидации столь различных людей и человеческих сообществ? Современная наука настаивает, что принципами взаимодействия является резонанс и кооперация, и только если воздействие совпадает с внутренними условиями, возможны отношения, взаимодействие, развитие, прогресс. Правильное, нравственное взаимодействие предполагает знание внутреннего человека, внутренней жизни нации.

Внутреннее развитие определяет внешние возможности человека и человечества. «Мера напряженности работы внутреннего мира является показателем богатства индивидуальности», идет ли речь о человеке или о нации (Б.Г. Ананьев). Человечество стремительно закрывается, избегает внутренней жизни, потому что старые формы и методы не отвечают на сегодняшние запросы людей; и потому, что современная наука, например психология, сведена к теории или терапии; и потому, что образование не ставит перед собой задачу развития человека; и потому, что культура все больше превращается в массовую, то есть развлекающую, а не развивающую.

Непонимание, конфликты, противоречия, как и общность, любовь, добро — это проблемы сознания. Сознание в недавнем прошлом считалось общим знанием, осведомленностью. Гуманитарная картина мира или общепонятное и общепринятое понимание человека и мира, их внутреннего единства, не исключающее тот или иной аспект или тип существования, а *включающее знание* о человеке и закономерностях его существования, еще не есть сознание, но может стать первым реальным шагом к обще-

человеческому единству. Сознание нельзя «вложить в чью-либо голову», сознание всегда результат собственных усилий, но дать знание, раскрывающее смыслы человеческого существования в условиях современного мира, более чем возможно. Фактически для этого нужна только воля к добру со стороны человека, общества, наций, человечества. Оба эти фактора: общепринятая гуманитарная картина мира и воля к добру — и есть единство в сознании и духе, которые способны положить начало движению к реальному единству человечества. Сколько времени понадобится человечеству, трудно сказать, но альтернативы сознательному развитию нет.

Итак, *до XX века единство и равновесие были бессознательными и обеспечивались за счет автономного существования цивилизаций, наций*. Во второй половине столетия интеграционные процессы постепенно становятся доминирующими и тем самым значительно ослабляющими автономность существования цивилизаций и наций. Но автономность — это условия становления личности человека, нации, и после того как личность, координированное адекватное существо, состоялось, ни человек, ни нация не нуждаются в автономии. Более того, открытость и взаимодействие с миром становятся потребностью.

Приходит время, когда человек, нации, цивилизации обнаруживают настоятельную потребность дополнить собственное развитие, но отсутствие гуманитарной картины мира, раскрывающей ценности и способы существования, ведет к неравновесию подсистем-цивилизаций. Баланс внутренней и внешней жизни Большого Человека, то есть человечества, нарушается, что проявляется в череде кризисов, охватывающих все области человеческого существования. Прогресс, движение к более качественному существованию тормозится, так как нет равновесия не только вертикального, но и горизонтального: человечество не столько развивается, дифференцируется, чтобы интегрироваться на качественно новом уровне, сколько наращивает, накапливает элементы.

Сегодня человечество в целом находится на стадии *самоопределения*; так как одни нации прошли этот период в своем развитии, другие проходят, имеются нации, *утверждающие* собственную субъектность, и нации, не завершившие период *развития*.

Различия эволюционного возраста наций ведут к неравенству, несправедливости и безнравственности международных отношений. Подобно тому как самоутверждающийся человек почти всегда утверждает за счет слабости других, так же происходит и с нациями. Международные законы, регулирующие процессы существования в мире, определяют условия взаимодействия, но обходят молчанием субъектность и стадию развития или определяют ее по меркам западной цивилизации, что создает неравноправие, двойные стандарты и пр.

Период «самоопределения» в масштабах человечества может быть завершен, так как он не предполагает полностью осознанной организации существования, но в то же время означает признание некоторой выделенности, «особости» субъектов человечества — наций, цивилизаций. Западное и восточное сообщества людей признаются как общности, имеющие различные типы культур. Сглаживание собственной субъектности государствами классического Востока после периода подъема чревато спадом и внутренними конфликтами (Япония, Китай). Тенденции считать западные, техногенные цивилизации более развитыми сохраняются, следовательно, равноправия в сознании и действительности человечества нет.

В то же время третий субъект человечества — нации амбивертно-синтетического развития, несмотря на проявленные тенденции сближения и группирования (ЕврАзЭС, ОДКБ, возобновление связей России с государствами Латинской Америки и Африки), не воспринимается как особый тип цивилизации, отличный от других.

Дифференциация человечества на субъекты не завершена, что и не позволяет осуществить общечеловеческую интеграцию на новом уровне.

Что может и рано или поздно должно быть сделано? Прежде всего необходима гуманитарная картина человека и человеческого способа существования, которая позволит завершить дифференциацию, что на практике может быть оформлено и закреплено:

- организацией существования субъектов-цивилизаций, например по типу «Евросоюза», с учетом особенностей цивилизации;

- реорганизацией ООН по принципу представительства трех субъектов-цивилизаций, имеющих равные права.

Человечество должно стать, с одной стороны, более дифференцированным, с другой — единым на основе собственной структуры, аналогичной универсальной, соединяя таким образом человечество с миром. В основу многополярности должна быть положена структура человечества: каждый субъект-цивилизация активен в одном, пассивен в другом и имеет механизм самоорганизации — тип сознания, культуры, определяющий способ существования; все компоненты структуры не только не выходят за рамки человеческого существования, но дополняют друг друга. Завершение процессов дифференциации — это фаза переходного периода, следующий шаг — признание и осознание необходимости принятия безусловного и непреложного начала, например Единства.

Итак, человечество вплотную подошло к сознательной эволюции — ноосфере, ибо, расширившись до всех возможных пределов, выйдя из круга автономных существований, человек должен или сознательно организовать свою жизнь, несмотря на все сложности и многообразие, или...

Говоря языком синергетики, человечество пребывает в точке бифуркации, когда система становится неустойчивой и как бы колеблется перед выбором. В этом случае даже сравнительно небольшое событие может стать катастрофическим. Если же будет найден новый источник энергий, способный не просто поддержать систему, а перевести ее на новый уровень более высокой организации, человеческая история будет продолжена. *Энергия сознания и есть то, что, с одной стороны, человечество осваивало и развивало всю свою историю, с другой — не умеет осознанно использовать.*

Раздел четвертый Самоопределение

Предварительные замечания

В названии книги термин «самоопределение» использован в широком смысле, означающем насущную потребность России. Эта потребность существовала в России всегда, ибо сами условия существования побуждали к размышлениям о судьбе и путях национального существования. Напомним лишь два условия, определявших существование нашего Отечества.

По словам В.О. Ключевского, восточные славяне, образовавшие ядро русской нации, в пору великого переселения народов в поисках «своего» места осели в Восточной Европе, которая географически — «...переходная страна, посредница между двумя мирами». И эти обстоятельства заставляли человека «...поминутно и попеременно то приспосабливаться к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспосабливать к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения с другими людьми... Физическая природа с особенной силой должна действовать на материальные потребности человека, для удовлетворения которых средства дает... и из которых рождается хозяйственный быт; сюда же относятся и способы, которыми регулируется удовлетворение этих потребностей, обеспечивается необходимая для того внутренняя и внешняя безопасность, то есть отношения юридические и политические» (В.О. Ключевский «Русская история»).

«Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микрокосм и потому включает в себе противоречия, но это бывает в разной степени. Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть

целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» (Н.А. Бердяев).

Периодически возобновляемые дискуссии о Пути не случайны. Мудрецы Востока говорят: «Путь есть еще до того, как человек его проложил. Путь есть сам человек!» Из всего многообразия возможностей каждый человек, нация, инстинктивно или сознательно, выбирают близкое и понятное или даже непонятное, но при ретроспективном анализе пройденного это «непонятное» оказывается абсолютно органичным жизненному пути. Третий путь как способ существования, как направленность жизни применительно к индивиду давно известен. Классическая Йога Патанджали в одном из комментариев (Йога дана в тезисах) утверждает: «...поначалу этот средний путь не столь очевиден, как те, что лежат по сторонам». Это путь, «...в результате которого постигаются пары противоположностей, познается двойственность и встает вопрос выбора». И действительно, в прямом и переносном смысле по сторонам у нас два пути: Запад и Восток; вся наша история — это и двойственность, и противоположности, и вечный для нас вопрос выбора.

Россия совершает свой Путь в планетарном пространстве и времени, продиктованный генной природой (кодом), рожденным ею сознанием, ее местом в планетарном процессе. Но третий путь — это не путь России. Это путь России, Ближнего и Среднего Востока, исламских государств, стран Латинской Америки, Африки. Третий путь — это третий, амбивертно-синтетический способ существования.

Суть существования и человека, и человечества — *единство через преобразование существования*, но дорог и путей осуществления пути много; в начале и в конце пути много общего; в периоды роста, развития, становления — свои подходы, свои особенности, свои трудности и достижения. Двигаясь к цели — единству человечества, или положительной общепланетарной жизни, — нации или группы наций восполняют недостающее, учатся у других: Восток осваивает внешнюю, социальную и материальную жизнь; Запад — духовное наследие Востока; нации амбивертного типа «подтягивают» достигнутый ранее синтез объективной и субъективной жизни до соответствия с общим

уровнем развития. Нет исключительных народов — есть общий закон, аналогичный развитию человека.

Россия — гигант: и объем государства, и сложные природно-климатические, экономические, социальные условия создавали большие трудности, усугубляющиеся невозможностью выработать единые законы и правила совместного существования в силу многонациональности и поликонфессиональности страны. Более того, к этим серьезным факторам национального существования добавлялся не менее, а может быть, и более серьезный фактор — отсутствие психологического единства в русском народе, ядре российской нации. Напомним слова дьяка Ивана Тимофеева (XVII в.) о том, что «...русские не верят друг другу, поворачиваются каждый спиной к другому; одни смотрят на восток, другие — на запад». Мы проявляем себя то как экстраверты (Запад), то как интроверты (Восток), и в обоих случаях — в крайних формах. Лишь иногда приходим к равновесию как результату усталости от полюсного напряжения, но, к сожалению, не как к сознательному урегулированию собственных основ. Какую бы сторону существования мы ни рассматривали: географическую, природно-климатическую, психологическую, социальную, этническую, экономическую, конфессиональную, культурологическую, — в отличие от других государств мира, Россия не является однородным образованием. И это объективные факторы нашего существования.

Качество жизни, ее полнота, благополучие, эффективность зависят от точности самоопределения, и ничто не мешает удовлетворению собственным существованием и завоеванию авторитета больше, чем отсутствие самоопределения. Нам необходимо осознать себя сущностно и на этой основе понять свою историю и действительность и после этого двигаться дальше. Сегодня понять себя и на этой основе самоопределиться является не просто потребностью, сегодня — это жизненная необходимость. И потому, что в современном мире невозможно автономное существование, тем более для такого непростого природно-социального организма, как Россия; и потому, что, в силу объективных условий, Россия имеет столь разноплановый опыт, который не только может, но и должен активно присутствовать в общечеловеческой жизни, например в области сосуществования различных этнокультурных сообществ. Кроме объективных факторов наше-

го существования, самоопределения требует и то, что жизнь нескольких поколений россиян, прошедших через советский период, перестройку, 90-е годы, начало нового столетия, наполнена трагедиями, кризисами, безнравственностью и бессмысленностью, когда прошлое неоднозначно, а будущее неопределенно. Это общее состояние нации можно определить как состояние психологического и идеологического нездоровья, следствием чего является усталость, бессилие, желание отстраниться от общей жизни.

Неоднородность и мультифакторность существования России, современное психологическое и идеологическое состояние россиян настоятельно требуют обратиться к вопросу национального самоопределения. Мы не Запад, и не Восток, но и, как кажется, совсем не похожи на другие нации Евразии, тем более Южной Америки и Африки. Эта непохожесть рождала достаточно распространенную точку зрения об уникальности и избранности России, что, в свою очередь, служило причиной многих позитивных и негативных явлений нашей истории и действительности.

Но каждая нация уникальна. Уникальность — это не исключительность, не наличие чего-либо принципиально не существующего у других; уникальность — это частный случай общего. И в истории, и в характере, и в судьбе нам присущи *принципиальные факторы* существования и развития Запада и Востока, Севера и Юга — именно *совокупность принципиальных факторов различных способов существования и составляют российскую уникальность*. В нашей судьбе и характере есть и логика, и смыслы. На всем протяжении нашей истории можно обнаружить и то, что определяло существование России, и тех, кто создавал идеалы, формировал ценности, за которыми виден синтез не только духовного и материального, внутреннего и внешнего, но различных способов существования человека. Отсутствие *сформулированного* понимания нашей субъектности, способа существования, типа сознания (а значит, восприятия, отношения, мышления, ценностей) на протяжении всей отечественной истории вело к противостоянию, борьбе как внутри нации, так и с миром. Конфликт и борьба идеалов, часто взаимоисключающая, вели к компромиссу, который и был своеобразным синтезом двух начал. Принципиальным условием не только благополучия и процветания, но и самосохранения является национальное самоопределение.

Глава 1

О национальной субъектности и стадии развития

Мы рассмотрели ряд аспектов человеческого существования, позволяющих кратко обобщить размышления о нашем существовании. Подход к человеческому существованию с позиции философии *Единства* предполагает анализ истории и действительности посредством универсальной структуры, которая для субъектов человечества имеет следующий вид:

- *субъектность* — генеральная линия развития, обусловленная кодом;
- *стадия развития*, обусловленная сознанием, культурой;
- *существующие условия*, обусловленные предыдущим существованием (рассмотренные нами в главе «Современная Россия»).

Субъектность. Код, или сущность, системы, — а система не может начать существование, если изначально в ней в виде свернутой информации не заложены основные параметры, определяющие место, роль и связи системы в пространстве и времени, — раскрывает как обусловленность, так и *назначение*, которое у человека, нации, человечества *есть преобразование изначально заданного*, и тем самым позволяет назвать генеральную линию существования. Изначально Россия обусловлена своим двойственным положением в природном, культурном и духовном смысле. Именно преобразование многоликой двойственности в синтез было и есть суть и содержание существования нашего Отечества.

Генеральная линия развития позволяет определить, является то или иное событие, явление, процесс в национальной жизни прогрессом или регрессом. Сравнение с другим объектом-субъектом, например с Западом, не только не продуктивно, но всегда рождает чувство превосходства или неполноценности, что не позволяет последовательно и конструктивно взаимодействовать.

Определим положение и связи России в пространстве и времени через категории универсального, общего, особенного, единичного.

Универсальный уровень связей раскрывается через наложение универсальной структуры на рассматриваемый объект. Как уже было не раз отмечено, принцип универсального эволюционизма позволяет решить проблему единства и целостности *сущностного, психического и материального*, не создавая при этом противоречий. Самоорганизующаяся система — от элементарной частицы до Вселенной — всегда состоит из трех компонентов: активного — нейтрального — пассивного, или в общенаучных терминах, кода — механизма самоорганизации — объективирующего контура. Код, или сущность, каждого субъекта существования — это свернутая информация, частный случай универсального, общего, особенного и индивидуального, эта информация сохраняется на протяжении существования. Код есть свернутая активность, причина, источник и назначение системы.

Древняя формула *«человек есть дитя духа и материи и выражает каждую из противоположностей, а также результат их слияния в себе»* позволяет обнаружить место человека в универсуме и по аналогии с человеком рассматривать нации, цивилизации и человечество в целом. Каждый субъект человечества, несмотря на то что фактически есть единство духа, материи и соединяющего их сознания, выражает в себе и своей жизни преобладание либо материи, либо духа, либо их синтеза — одного из модусов человеческого способа существования. Иными словами, имеется три типа активности и соответствующего сознания, выражением которых служит способ существования. Россия, как и другие нации амбивертного типа, выражает собой и своей судьбой *равнозначность духа и материи*.

Наложение универсальной структуры на субъектов человечества, ее интерпретация относительно России позволяет утверждать, что *на универсальном уровне связей Россия обусловлена равнозначностью духа и материи посредством механизма самоорганизации (сознания, культуры)*.

Общее. Процесс становления бытия — это качественное изменение бытия, проявленное на каждом уровне через способ существования. На человеческом уровне существования принципиальным фактором является наличие у человека сознания и способности к сознательному действию, или преобразованию. Ранее мы выяснили, что сознание человека всегда соответствует типу активности

и имеет три модальности, определяющие связи и отношения субъекта: человека, нации, цивилизации — с миром и определяющие тем самым способ существования. Несмотря на общие родовые свойства, каждый субъект человечества характеризуется доминантой: духовного, материального или их синтеза, — что и определяет качественную определенность способа существования.

Россия по способу существования относится к нациям амбивертно-синтетического типа, что является отражением базового, универсального модуса: равнозначности духа и материи. *На общем, видовом, уровне связей Россия обусловлена человеческим способом существования, выраженным в равнозначности духовной и материальной, внутренней и внешней жизни.*

Особенное. Следующий уровень связей, определяющий место России, — это ее *особенности*. Если предыдущие уровни связей Россия делит со всеми нациями амбивертно-синтетического способа существования, значит, необходимо выделить то, что отличает ее от других субъектов амбивертного типа. В отличие от других наций амбивертно-синтетической цивилизации, отличающихся национальной и конфессиональной однородностью, существование России практически на всем протяжении было неоднородным, прежде всего, в национальном и конфессиональном аспектах существования. Ответ достаточно очевиден: *на третьем уровне связей, раскрывающем особенности объекта, отличие России заключается в неоднородности и мультифакторности существования, что требует наднационального и надконфессионального понятийного языка-коммуникатора.*

Единичное. Перечисленное подводит нас к последнему уровню субъектности России — единичному, который предполагает, с одной стороны, включение всех предыдущих уровней, с другой — выявление индивидуальности российской нации. Трудность, как всегда, в обобщении, в нахождении общего знаменателя в столь непросто наборе категорий и понятий. Но русская философия и культура в целом уже давно интуитивно пришли к определению сущности национального существования — *общечеловечности*, другими словами, национальное существование определяет общечеловеческий способ жизни.

Итак, суть и содержание субъектности России могут быть определены как *преобразование общечеловеческого способа су-*

ществования, предполагающего равнозначность и равновесие духовной и материальной, внутренней и внешней жизни человека и нации с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов.

Суть и содержание кода, сущности системы определяет генеральную направленность существования, следовательно, каждое событие нашей истории работало на назначение и с точки зрения прогресса-регресса может быть определено лишь при соотношении с генеральной линией национального существования. Убедиться в этом позволяет анализ общей схемы развития нашего государства.

Стадия развития — второй компонент анализа системы, предполагает рассмотрение того, на каком этапе генеральной линии развития находится субъект существования. Кратко повторим основное, чтобы конкретизировать этап становления национальной субъектности, убедиться в правильности нашей позиции и понять насущную актуальность.

На каждой стадии развития нация проходила две фазы: время, когда тенденции внешнего, западного развития активно заявляют о себе, но, имея явное преобладание материального, отторгаются общественным организмом и сменяются периодом доминанты внутреннего, субъективного развития. В свою очередь, постепенное нарастание, а затем доминирование субъективных форм и тенденций существования ведет к стагнации и кризису и требует перестройки. Каждый период нашей истории — это движение в рамках «запад–восток», или материальное–духовное, внутреннее–внешнее, но без достижения в «чистом виде» западного или восточного пути развития.

Отразим это в общей схеме.

Этапы	Инерция мобильность	Ритм	Кризис/ переход
<i>Рост</i> <i>Задача:</i> закладка основ внешней (Киевский) и внутренней (Московский) жизни	Киевская Русь (Крещение, X в.), Русь Московская	кон. XV–XVI в.: Иван III — нач. царств. Ивана IV	с 60-х гг. XVI в. почти до сер. XVII в.

<i>Развитие</i> <i>Задача:</i> самосохранение равнозначности духовной и материальной жизни на уровне сословий	сер. XVII в. Раскол Петр I	сер. XIX в. — реформы Александра II	кон. XIX — нач. XX в. 1917–1922 гг.
<i>Самоопределение</i> <i>Задача:</i> интеллектуальное определение нацией порядка общей жизни	1922–1929 гг.	1930–1940 гг.	1940–1945 гг.
<i>Самоутверждение</i> <i>Задача:</i> утверждение самобытия	1945 — сер. 1955 г.	1956–1970 гг.	1970–1985 гг. Перестройка
<i>Самосознание</i> <i>Задача:</i> осознание национальной субъектности			

Если следовать логике рассматриваемой точки зрения, в основании которой философия Единства и признание человека и человеческого способа существования главным фактором истории, прогресса, современный период развития России — это либо очередная попытка *самоопределения*, либо переход на следующую стадию — *самосознания*. Попробуем ответить на заданный вопрос.

Публично артикулируемая потребность национального самоопределения возникает в середине XIX века в «великом споре» западников и славянофилов, а также в деятельности Александра II, проявившись в проведении реформ и подготовке Конституции (так и не принятой). Процесс самоопределения Россией прошел ряд фаз.

- Первая — февраль 1917 года, после отречения Николая II;
- Вторая — 1922–1929 годы, попытка большевиков определить дальнейшее развитие;
- Третья — 1930–1940-е, самоопределение на основе отвлеченно-рациональных идей марксизма и авторитарных

методов; после ВОВ утверждение заявленных ранее (при Сталине) ценностей, которые после некоторой коррекции в 60-е в дальнейшем обнаружили поверхностность, узость, оторванность от реальности, интересы и ценности внешней — материальной и социальной — жизни игнорировались, фактически самоопределение не состоялось.

Четвертая — в конце 80-х нация предпринимает новую попытку определить вариант устройства общей жизни. Как известно, возобладали интересы одной части нации — либеральных демократов. Утверждение либерально-демократических ценностей в 90-е годы наглядно продемонстрировало несостоятельность одностороннего самоопределения: результатом этой попытки национального самоопределения стали выборы в ГД в 2003, 2007 годах: политические партии либерально-демократической ориентации не вошли в Думу.

Приоритет западных ценностей (экстравертный тип сознания) в 90-е так же, как приоритет восточных (интровертный тип сознания) в 60–80-е, со всей очевидностью показал свою несостоятельность. Нация так и не смогла выработать общие для всех ценности и порядок общей жизни. Самоопределение, а тем более самосознание требуют определенного уровня развития нации — общей ментальности: общепонятного для всей нации способа мировосприятия и переработки информации. Вопрос не в том, чтобы заставить всех думать одинаково (как это пыталась сделать советская идеология), а в том, чтобы *найти, обнаружить измерение, точку отсчета, включающую интересы всех социальных групп*. Можно ли сказать, что стадия самоопределения нацией пройдена? Ответ неоднозначен. В период самоопределения — будь то человек или нация — самоопределение не является полностью сознательным процессом, и потому процесс самоопределения может повторяться или иметь ряд фаз.

Прежде чем ответить на вопрос о возможности или невозможности перейти на следующую стадию развития, рассмотрим *принципиальные факторы осуществления национального самосознания*.

Мы достаточно часто обращаемся к понятиям национального самоопределения и самосознания, но наше понимание имеет весьма неопределенный характер (сознание остается наименее изученной областью психологии), и это в принципе исключает полноценное осуществление их содержания. Конфуций на вопрос о его первых шагах, в случае если он станет главой государства, отвечал, что, прежде всего, необходимо придать словам их сущностный смысл.

Человечество достаточно развито, но эволюция наций идет все еще бессознательно, путем проб и ошибок, то устремляясь вперед, то откатываясь назад. Ни одна из наций не является самосознательной, то есть не организует собственное существование, отдавая отчет в собственном прошлом и осознанном созидании будущего (понять часть можно только при ее сопоставлении с другими частями и целым). Это факт, но не основание, чтобы исключить возможность сознательного развития, особенно для нас: слишком дорогую мы платим цену за каждый шаг нашего развития. Апелляция к истории мало что дает, но, если помнить, что история — это отражение эволюции человека, мы обнаружим, что и самоопределение, и самосознание — это стадии развития; стало быть, каждая стадия предполагает определенный уровень развития нации, проявленный через временной аспект способа существования (гл. «Человек и человеческий способ существования»).

Почти всегда оба процесса (самоопределения, самосознания) понимаются и интерпретируются как синонимы самоидентификации, образа себя. В самоопределении, особенно на начальных фазах процесса, преобладает желаемое, идеалы, представления, практически лишённые критической оценки себя, своих реальных возможностей. Нация с энтузиазмом принимает утверждать заявленные ценности, что неизбежно ведет к разочарованиям, поиску новых идей и форм их реализации. Процесс может занять не одно столетие.

За процессом *самоопределения* следует *утверждение* нацией заявленных ценностей, которое делает очевидным неучтенное, раскрывает прошлые ошибки, обнаруживает характерные тенденции. Процесс самоопределения — самоутверждения может повторяться, так как все еще отсутствует понимание логики раз-

вития наций и, следовательно, на первый план могут выходить задачи второстепенные. Постепенно нация движется к самосознанию, в процессе которого акцент сдвигается на реальное знание себя, своих возможностей. Самосознание как этап эволюции не есть самоидентификация, для которой достаточно: принадлежность по языку, территории, истории, культуре; недостаточны также осознания отдельных событий, явлений отечественной истории представителями интеллектуальной элиты. *Принципиальным для стадии самосознания является глубокое сущностное знание и понимание национальной субъектности, психологии, смысла собственной истории и на этой основе осознанная организация существования.* В этом случае у граждан появляется эмоциональный, или даже сущностный дух сопричастности, общности, имманентного принятия всей совокупности факторов, входящих в понятие Отечество, нация, что ведет к активной гражданской позиции.

Сформулируем общие (стартовые) принципиальные условия *сознательного* осуществления процесса *национального самоопределения*.

1. В интеллектуальной среде подготовлена теоретическая база самоопределения: анализ эволюции, истории, психологии, характера; определены: субъектность, субъективные особенности (психология, характер) нации, общее направление развития, стратегические и тактические цели и задачи, отвечающие интересам и потребностям всех социальных групп государства.
2. Нация обладает общей ментальностью, позволяющей вырабатывать и согласовывать общепонятные ценности, нормы и правила жизни.
3. Власть готова и заинтересована в преобразованиях.

Процесс сознательного самоопределения возникает в условиях глубокого кризиса, когда предыдущий этап развития или предыдущая попытка самоопределения исчерпал себя. Фактически в период кризиса складывается запрос и готовность нации к новому этапу развития, новым преобразовательным усилиям.

По причине неоднородности и мультифакторности нашего существования для России жизненно важно соединить процесс самоопределения и самосознания, что фактически означает сознательное прохождение процесса самоопределения. В силу

свойственного нам идеализма и максимализма, а главное, *из-за диаметрально противоположных ценностей, взглядов, убеждений, способов переработки информации у разных социальных групп, создающих принципиальные препятствия к национальному единству*, мы будем самоопределяться гораздо дольше, чем любое из государств.

Многосложность нашей жизни: природно-климатическая, экономическая, психологическая, национальная, конфессиональная — в течение всей нашей истории приводила к невозможности выработать общие для нации понятия добра и зла, порядка жизни. Именно поэтому россиянам необходимо более качественное знание и понимание своей эволюции, истории, психологии, характера — все вместе ведет к национальному самосознанию. Сегодня нация вновь стоит перед выбором, перед необходимостью самоопределиться, в отличие от прошлых периодов движения к синтезу внешней и внутренней жизни, в настоящее время общество не только состоит из представителей трех способов существования, но имеет опыт, позволяющий сравнить и проанализировать эти способы. Анализ возможен при раскрытии картины целого, смыслов национального существования, в этом случае синтез может быть достигнут не как организация жизни, зависящая от национального лидера, а как осознанный выбор.

Глава 2

О национальной ментальности

Зависимость всех процессов существования от национальной ментальности редко осознается и практически не влияет на организацию нашей жизни. Культуры есть *«логически связанные системы ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты личного и коллективного поведения»*. Французский социолог А. Де Токвиль писал, что *«благодаря своим нравам народ может извлечь пользу даже из самых неблагоприятных климатических условий и самых скверных законов. Никакую конституцию не обеспечишь, если нравы населения этому сопротивляются»* (А.С. Кончаловский. Статья «Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс»).

В главе «Философия истории» были обозначены общие подходы к пониманию ментальности и ее типах. Напомним читателю основное.

Ментальность западной цивилизации — это дуализм человека и природы, мира, что способствовало быстрому и эффективному развитию внешней активности человека, прогрессу социальной и материальной сторон жизни. И мировосприятие, и способ переработки информации, характерные для западной культуры, определяют обычно как рациональность, что подразумевает предметный, или объектный (называемый объективным), формально-логический, линейный тип мышления и доминанту левого полушария.

Ментальность восточной цивилизации — это целостность мира и человека, их органичное единство. Восточное сознание воспринимает мир как недualityный. Ибо дуальности, или противоположности, — это относительности. При дуальном подходе к миру познание и, следовательно, организация жизни неизбежно упираются в препятствия. Препятствия — это и есть противоположности. Мышление человека классического Востока ориентировано на внутреннюю реальность, поиск сущности объекта, явления; образно-смысловая логика, подчиненная целостному

мировосприятию, имеет характер круга, спирали; доминирует правое полушарие.

Амбивертно-синтетический тип ментальности — это двойственность самого человека, двойственность духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни. Все нации амбивертного типа, кроме России, отличаются культурной, в том числе религиозной, однородностью, что обеспечивало общность, понимание, относительную бесконфликтность существования, но в то же время не способствовало интенсивному развитию. В культуре и ментальности этих наций имеет место преобладание равнополушарного функционирования мозга. Иная картина в России.

Россия, в силу своей многоликости, многомерности, развивалась быстрее амбивертных наций — трудности заставляли искать выход. Н. Бердяев называет отечественную ментальность тотальной, но, возможно, термин «включающая» полнее объясняет миропонимание россиян. Тотальный, или включающий, характер ментальности стал естественным результатом сосуществования двух способов существования, двух типов ментальности и/или их синтеза в неоднородных и противоречивых условиях.

Обратимся к нашей истории и традициям, позволяющим понять генетическую основу национальной ментальности и традиции, определявшие ее формирование.

Тип ментальности наиболее очевидно проступает в способе существования, одним из проявлений которого является организация и управление государством. Небольшой обзор основных тенденций и традиций.

Политическая культура России со времени зарождения государства обнаруживает две тенденции, определявшие характер организации и управления нашим существованием:

монархическое и корпоративное устройство и сохранение демократии, решение важных вопросов «миром».

В различных русских княжествах преобладали разные стремления: Новгород и Псков отстаивали республиканский способ организации и управления, хотя и имели своего князя, а Владимиро-Суздальское княжество тяготело к монархическому устройству, но вече не было отменено. Эти две тенденции отражают восточный и западный способы организации и управления государством

и обнаруживают генетическую двойственность существования. Внутренняя борьба князей, бояр, борьба с внешним врагом соединялись с присущим нам максимализмом. Противостояние и борьба привели к тому, что восточное христианство, православие, провозглашавшее принцип *согласия и «симфонии»*, было воспринято как возможность преодолеть непрекращающуюся борьбу и обрести мир и согласие.

Наряду с согласием можно видеть и противоположный способ организации жизни. Так, в первый период царствования Ивана Грозного взаимоотношения царя с представителями культурного слоя имели характер согласия — это деятельность И. Пересветова, митрополита Макария, священника Сильвестра, А. Адашева, А. Курбского, Земский собор, новый Судебник, расширение территорий, торговли. Конечно, двойственный характер Ивана Грозного (яркий амбиверт) недолго сохранял традиции демократической организации существования и достаточно быстро перешел от благих намерений и деятельности к тирании.

В последующем, несмотря на корпоративную структуру государства, в самих корпоративных сообществах, даже во времена самого жестокого деспотизма, существовала прямая демократия, согласованность индивидуальных интересов («История России» под редакцией А.И. Семенниковой). В сообществах, разделенных по сословному признаку, наиболее активно процветала духовность и нравственность. Развитие и формирование ментальности происходило в рамках религиозного сознания.

Первая секуляризация (Петр Первый, Екатерина Вторая) привела к созданию и расцвету науки и в то же время снижению веры у представителей культурного слоя, постепенно осуществлялся переход религии в идеологию. Секуляризация и расширение культурного слоя происходили под влиянием процессов, идущих на Западе. Познание западной философии, мировосприятия и способа действия привело к тому, что культурный слой, а со временем и нация, усваивает западную модель взаимоотношений, модель «двух скрещенных мечей», то есть борьбы и противостояния. И если на Западе модель «двух мечей» постепенно привела к умению взаимодействовать, политкорректности (к двойным стандартам?), то в нашем отечестве скрещивание двух мечей остается явью.

Вернемся к вопросу ментальности. Православие, пришедшее к нам из Византии (амбивертное государство), принесло недואльное мировосприятие и путь целостности: нераздельности и неслиянности духовного и материального. Исихазм — мистическое учение православия, питал православие и оказал существенное влияние на создание православной догматики и православной ментальности, рассматривающих неразрывность мировоззренческих, духовных, душевных и психофизических компонентов существования. По выражению о. В.В. Зеньковского, особый, духовный стиль русского православия определяли преп. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Максим Грек, оптинские старцы. Целостность мира и человека, их внутреннее единство являлось основой мировосприятия и тем самым определяло все подходы и способы существования. Наиболее ярко это проявлялось религиозными гениями — святыми, чья жизнь и служение оказывали существенное влияние на наших далеких предков. Отметим такой принципиально важный аспект исихазма, как *учение о молитве, фактически обеспечивающее развитие сознания, саморазвитие, самоорганизацию через личные усилия*. Саморазвитие, или восхождение к совершенству, к единению с Богом, осуществлялось посредством «просительной», «внутренней», «умной» молитвы, «молчания ума» (что аналогично стадиям медитации). Православие сохранило традиции исихазма в их общих подходах — целостности, недвойственности. Но православие, как и многие религии, замыкает человека на служителей церкви, лишая тем самым человека самостоятельности и ответственности (для значительного большинства человечества на ранних этапах развития путь личной ответственности и «внутреннего домостроительства» был вряд ли возможен).

Критикам православия, от П. Чаадаева до современных сторонников западного пути развития, сожалеющим о том, что Русь упустила возможность западного пути развития, можно напомнить, что Пути Господни неисповедимы или, говоря современным языком, так же как человек в подавляющем большинстве случаев не знает, какие события и явления обернутся со временем благом, а какие — ненастьем, так и нации. Исихазм в первый период нашего существования оказывал значительное влияние на православие и компенсировал издержки массового религиоз-

ного сознания: требованием личных усилий, умением различать, личной ответственностью. Принцип согласия и «симфонии» осуществляли духовные подвижники. Вспомним Феодосия Печерского, отца русского монашества (XI в.), проповеди которого *«отличаются простотой формы и частым соединением противоположных начал»*. Или преп. Сергей Радонежский, который *«еще в большей мере, чем Феодосий, представляется нам гармоническим выразителем русского идеала, несмотря на заострение обоих полярных концов его — мистического и политического»*. Столь же показательны наставления Нила Сорского: *«...Писания много, но не все божественна...»* Согласие между писанием и разумом для него необходимое условие поведения. Святой Нил — первый на Руси, кто настаивает на умении различать, первый, кто вносит критику в русскую агиографию (жизнеописание святых). В духовном учительстве св. Нил настаивает: *«...без мудрствования и доброе на злобу бывает, ради безвремения и безверия. Егда же мудрование благим меру и время установит, чуден прирывает обретається», «среднюю меру удобно есть проходить»*.

Да, православие как общая религия русского населения действительно не способствовало развитию абстрактного мышления, но справедливы ли эти упреки? Вера была единственным способом сохранять существование и двигаться в будущее в столь сложном государстве, как Россия.

Исихазм и православный энергетизм в XIX–XX веках способствовали повороту русской философии от западной рациональности к отечественной, генетической традиции: целостности мира и человека, их единства. Русская философия как концентрированное выражение поиска своего понимания мира, жизни, человека имеет принципиальные отличия от классической рациональности и не случайно получила название религиозной философии. Религиозность как тотальность жизни есть следствие двойственного психотипа, всегда стремящегося к недвойственности, синтезу, вынужденного выживать в многосложных условиях. Отечественная мысль искала ответы на вопросы, заданные нашей судьбой и действительностью, и должна была быть не отвлеченной, беспочвенной, а включающей. Вот несколько определений из *«феноменальной энциклопедии истории русской мысли»* о. В.В. Зеньковского: *«...Русские философы склонны к так*

называемому онтологизму... русский онтологизм выражает не примат "реальности" над познанием, а включенность познания в наше отношение к миру, в наше "действие" в нем». И еще: «...русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о смысле истории». Смысл истории, смысл человеческой жизни, всеобщая связь, «все во всем» открываются в целостной картине «Всемира», истории, жизни человека и мира.

Естественным следствием национальной ментальности и рожденной ею философии явилось появление идей космизма. Русский космизм возник как антитеза классической рациональности, опирающейся на объективность (объектность), предметность, формальную логику и исключившей из научного знания все, что относится к человеку-субъекту. Русский космизм пытался возродить онтологию целостного понимания мира, признавая человека неотъемлемой органической частью космоса. Космисты: Н.А. Умов, Н.Г. Холодный, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров — пытались показать, что человек и космос неразрывно связаны и человеческая деятельность должна соотноситься с принципами целостности мира. Так, В.И. Вернадский подчеркивал, что жизнь — не случайное явление, а тесно связана со всеми планетарными процессами, в свою очередь обусловленными космическим целым. Не менее важно учение В.И. Вернадского о биосфере и ее переходе в ноосферу, сферу разума, сознания.

Космисты стремились обнаружить связи человека не только с космосом, но и с повседневной реальностью. В.Ф. Одоевский мечтал о новой науке, в которой эталоном познания выступает акт самопознания, которое *«есть знание внутреннее, инстинктивное, не извне, но из собственной сущности души порожденное»*. *«Великое дело понять свой инстинкт и чувствовать свой разум. В этом, может быть, вся задача человечества»*. *«Новая наука как раз и должна осуществить синтез инстинкта и разума, двух главных способностей человека — природной и сверхприродной. В ней все инстинктивное обращается "в знание ума", а "знание ума" становится внутренним, интимным, приобретает силу воздействовать на ход вещей»*.

Космисты понимали жизнь не только как космические и планетарные процессы, но и стремились соединить их с повседневной действительностью. Соединение космических и планетарных процессов с ежедневной реальностью есть *«включенность познания в наше отношение к миру, в наше "действие" в нем»*.

Существенным можно считать то, что, несмотря на запрет размышлять, в России родилась Великая Культура, Великая Философия, которые нами все еще не осознаны. Русская философия имела ряд особенностей, что позволяет утверждать ее самостоятельный и творческий характер. Еще раз обратимся к работе В.В. Зеньковского, утверждавшего, что русская философия *«больше всего занята темой о человеке, его судьбе и путях, о смысле и целях истории»*. Подобный антропоцентризм предполагает *«невозможность разделить теоретическую и практическую сферу»*. *«В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале "целостности" заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли»*. *«Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа»* (о В.В. Зеньковском «История русской философии»).

Целостность пронизывает искания космистов, философские идеи которых предвосхитили научные открытия конца XX века. Комплекс идей, созвучный генной природе россиян, — космизм, способный со временем привести нацию к самоопределению и единству научным путем, не мог быть осуществлен по причине неграмотности значительной части населения и по причине национальной, конфессиональной и прочих факторов неоднородности, которые не позволили бы принять общечеловеческий способ существования. Кроме того, сами идеи космизма не имели характера целостной научной теории. Исихазм и космизм являлись проявлением генетической основы русской ментальности, к сожалению, не получившей дальнейшего развития.

Являлись ли эти события: православие и секуляризация — необходимыми и неизбежными? Если помнить о национальной субъектности: преобразование общечеловеческого способа существования, — то оба эти явления и их следствия, как бы мы к этому ни относились, были неизбежны. Православие сохраня-

ло целостное мировосприятие, потребность и значимость нераздельности и неслиянности духовного и материального; развитие культуры и науки вело к постепенному созданию общечеловеческой ментальности и способу существования.

Мы не ошибемся, если признаем исихазм и космизм проявлением генетической основы русской ментальности: и исихазм, и космизм являют собой целостность мира и человека, их единство. Но в действительности целостность распалась на составляющие, выражением которых были две модели взаимодействия, или *две модели наших традиций*. С одной стороны — *согласия*, с другой — *борьбы и противостояния*. Несмотря на то что оба типа ментальности и соответствующие им тенденции организации существования признаются, интерпретация истории, современности опирается на евроцентризм: на модель «двух мечей», согласие во многих случаях не понимается и осуждается.

Нельзя не остановиться на советском периоде формирования национальной ментальности, так как советский период, фактически исключивший православие, русскую философию, идеи космизма, сформировал ряд особенностей, которые нельзя игнорировать. Впервые ментальность стала общенациональной и научной, пусть и в предельно упрощенном варианте. Да, целостный подход и способы самоорганизации (сознания) были исключены из развития, но методы самоорганизации были исключены и православием. Оптимальным решением было бы после ликвидации безграмотности в 30–40-х годах или после Великой Отечественной войны, в 50–60-х годах перевести национальную ментальность на новый уровень — активное развитие сознания. Однако...

Мы достигнем лучшего понимания собственных проблем, если будем учитывать историю развития психологической науки в СССР. Читателю, незнакомому с историей подходов к *сознанию* в нашей стране, можно кратко передать общее положение.

Л.С. Выготский, которого нередко называют Моцартом психологии, в работе «Сознание как проблема психологии поведения» пишет: *«Вопрос о психологической природе сознания настолько и умышленно обходится в нашей научной литературе. Его стараются не замечать, как будто для новой психологии он не существует вовсе. Вследствие этого складывающиеся на наших глазах системы научной психологии несут в себе с самого*

начала ряд органических пороков. Из них назовем несколько самых основных и главных, на наш взгляд.

1. *Игнорируя проблему сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека. Она вынуждена ограничиться выяснением самых элементарных связей живого существа с миром.*
2. *Отрицание сознания и стремление построить психологическую систему без этого понятия, как «психологию без сознания», по выражению П.П. Блонского, ведет к тому, что методика лишается необходимейших средств исследования: не выявленных, не обнаруживаемых простым взглядом реакций, как внутренних движений, внутренней речи, соматических реакций.*
3. *Стирается всякая принципиальная грань между поведением животного и поведением человека. Биология пожирает социологию, физиология — психологию. Поведение человека изучается в той мере, в какой оно есть поведение млекопитающего животного» (Л.С. Выготский «Сознание как проблема психологии поведения». 1925).*

Сегодня сознание по-прежнему остается фигурой умолчания, но все чаще, хотя и робко, признается имеющим онтологическую самостоятельность. Фундаментальной проблемой психологической науки в целом является определение природы психического: является ли сознание собственной активностью человека (1) или обусловлено влиянием на него общества, имеет социальное и прижизненное происхождение (2). Остановимся на некоторых следствиях материалистического подхода к сознанию, психике, так как в нашей стране мы имеем дело не просто с последствиями материализма, а с последствиями марксизма, наиболее разработанной и жестко укорененной формой материализма. В материализме противоречие решено в пользу последнего: сознание, психика признаются имеющими социальное и прижизненное происхождение, обусловлены развитием общества. Человек в материализме — объект, и со времени классической механики сознание, психика, — внутренний мир человека незначимы и *прижизненно формируются обществом*. Так, В.В. Давыдов, несколько десятилетий определявший психолого-педагогиче-

ские подходы в системе советского образования (через которое прошло и проходит подавляющее большинство наших граждан), писал: «Применение термина “психическое развитие” к отдельному человеку неправомерно... Если же этому термину все же придать смысл и оперировать понятием “психическое развитие индивида”, то, подобно Ж. Пиаже, необходимо признать автономность и самодовлеющую значимость отдельного человека, необходимо видеть в нем целостную систему». Подобное понимание сознания и развития человека фактически исключает индивидуальность человека, который и в семье, и в системе образования остается абстрактным объектом воздействия. Если субъектность и психика — не индивидуальное, не исходное, а общественно-заданное и суть развития в присвоении «исторически сложившихся образцов», тогда «общественные учреждения, так или иначе, определяют характер процесса формирования индивида по своему образу и подобию» (В.В. Давыдов). Почему же в условиях идеологического единообразия, жестких «общественно-заданных, исторически сложившихся образцов» в Советском Союзе не удалось вырастить «нового человека»?!

Подмена развития присвоением, формированием особенно наглядно предстает в так называемом принципе историзма, следуя которому приходится делать вывод, что Платон, Аристотель, Декарт, Эйнштейн, Ломоносов, Вернадский, Сахаров, Солженицын и многие не менее известные представители человечества менее развиты, чем любой современный образованный человек. Обусловленность историческим справедлива только в случае рассмотрения человека как социального типа, объекта, но подобный подход исключает индивидуальность и возможности полноценной организации жизнедеятельности общества и государства. На протяжении всего существования человек не только присваивал исторически сложившиеся образцы, но и «выходил», и «выходит» за пределы этих образцов. Человеческая история в лице гениев во всех сферах существования, да и повседневная действительность, не позволяет согласиться с принципом «формирования», заменившим в нашей стране термин «развитие».

Материализм признает внутренний мир человека — субъектность и сознание — не индивидуальным, не исходным, а общест-

венно-заданным, и суть развития заключается в присвоении «исторически сложившихся образцов». В любое время человеческой истории люди предстают в самом широком диапазоне собственных возможностей, за которыми легко обнаружить различия психологического возраста, или степени развернутости и контроля сознания, а значит, различия в способности осознания, творчества. Именно отождествление сознания с общим знанием было общей характеристикой ментальности советского периода, что привело к поверхностному знанию, вербализму немалую часть наших граждан. Нельзя заблуждаться: мощный прорыв во многих областях существования в советский период отечественной истории явился следствием всеобщей грамотности и небывалого для России участия граждан в социальной действительности. Но дальнейшее развитие возможно только при опоре на сущностные основания, с учетом онтопсихологических особенностей присущего нам типа сознания, культуры, способа существования.

Отсутствие знания о природе сознания, его развитии как в советский период, так и сегодня ведет к поверхностности, неспособности слышать и понимать друг друга. Мы упоминали ранее мысль В. Розанова об отсутствии в нашем отечестве «общего умоначертания». Умоначертание каждого человека — это тип сознания, продиктованный им стиль мышления; неспособность понимать, слышать, договариваться — следствие различного «умоначертания».

Типы ментальности станут более понятными, если мы будем учитывать и самый плотный уровень ментальности: особенности функциональной асимметрии полушарий мозга. Открытая в конце 60-х годов Р. Сперри функциональная асимметрия полушарий головного мозга позволяет понимать особенности функционирования людей различных типов. Существует три типа функциональной организации полушарий мозга:

- доминирование левого полушария — словесно-логическое мышление;
- доминирование правого полушария — образно-смысловое мышление;
- равнополушарное — отсутствие выраженного доминирования одного из полушарий, чередование или синтез обоих типов.

Так, Р. Орнстейн утверждает, что *«упор на языковое, логическое мышление в странах Запада обеспечивает развитие способностей левого полушария... функции правого полушария составляют игнорируемую часть способностей и интеллекта людей западной цивилизации... эти функции лучше развиваются в культуре, мистицизме и религиях Востока»*.

Вот несколько характеристик, отличающих тип переработки информации мозгом.

«...Левополушарные формально-логические компоненты мышления так организуют любой знаковый материал, что создается строго упорядоченный и однозначно понимаемый контекст, необходимый для успешного общения между людьми. То есть из всех реальных и потенциальных связей между многогранными предметами и явлениями выбирается несколько определенных, не создающих противоречий и укладывающихся в данный контекст. Так, слово, включенное в контекст, приобретает только одно значение, хотя в словаре их может быть больше. Это могут быть не только слова, но и другие символы, знаки и даже образы».

«Функция “правополушарных” компонентов мышления — это одномоментное схватывание большого числа противоречивых с точки зрения формальной логики связей и формирование за счет этого целостного и многозначного контекста. Преимущества такой стратегии мышления проявляются в тех случаях, когда информация сложна, внутренне противоречива и не может быть сведена к однозначному контексту. Роль правополушарной стратегии познания, проявляющейся в способности улавливать множество связей и вариантов в многозначном контексте, делает ее важнейшим участником творческого процесса» (А. Сиротюк).

И далее А. Сиротюк предлагает следующую таблицу.

<i>Левое полушарие</i>	<i>Правое полушарие</i>
Одиночные виды деятельности	Деятельность в команде
Технический текст	Художественный текст
Кодируют символы	Декодируют символы
От части к целому	От целого к части

Можно добавить

Не нуждаются в контексте	Без контекста не воспринимают
--------------------------	-------------------------------

Равнополушарный тип функционирования мозга отражает двойственность или синтез амбивертного типа сознания. Следовательно, может проявляться и тот, и другой тип переработки информации или их синтез. Но проявление равнополушарного типа функционирования мозга, так же как и амбивертное сознание, может в разные периоды жизни иметь свою доминанту, организация и контроль которых в настоящее время мало изучены. По утверждению наших ученых, *«к односторонне представленным правополушарным и левополушарным типам принадлежит чуть меньше половины людей»*, т. е. равнополушарные люди составляют половину. Однако ни образование, ни социализация не способствуют развитию и раскрытию правополушарного и равнополушарного типов мышления.

Итак, мы можем говорить о том, что существуют три типа ментальности, отражающие типы мировосприятия и способы существования трех цивилизаций: восточной, западной и амбивертно-синтетической. Российский тип ментальности, как уже было отмечено, является включающим, в терминах функциональной асимметрии мозга: включает представителей левополушарного, правополушарного и равнополушарного типов функциональной организации мозга. Так же как *амбивертный тип, чередующий экстравертный и интровертный типы установок сознания, практически неизвестен и все еще редко предстает как синтетическое сознание, так и равнополушарное функционирование мозга не является нормой в процессе обучения и жизнедеятельности*. В то же время существует гипотеза, предполагающая, что амбивертный и равнополушарный тип ментальности является основой общей одаренности.

Другой отличительной особенностью российской ментальности является ее различающий характер. Присущее россиянам нравственное чувство и есть *в своей основе* различающее чувство (нравственное чувство не есть нравственное действие). Мы вспоминали уже и Нила Сорского, настаивающего, впервые на Руси, на необходимости различать, и утверждение классической Йоги о том, что путь двойственности — это путь, *«...в результате которого постигаются пары противоположностей, познается двойственность и встает вопрос выбора»*. Сложные условия нашего существования требовали развития способности разли-

чать. Вполне вероятно, что последнее утверждение представители либерально-демократических кругов воспримут с сарказмом. Но *лицом к лицу лица не увидать*, в исторической ретроспективе развитие способности различать вполне присутствует у россиян, другое дело, что способность различать имеет уровни развития, соответствующие уровням развития сознания и, следовательно, не совпадает у людей различного психологического возраста и разных психотипов и далеко не всегда направлена на благое дело. Способность различать, в конечном счете, это способность различать сущность и явление, что обеспечивает понимание происходящего: сущность неизменна, тогда как явление, форма может проявляться многочисленными вариантами и способами. (Материализм заблуждается, признавая возможность сущности первого порядка, второго и пр.)

Вероятно, лучшим свидетельством ментальности нации является ее язык. О богатстве, глубине, многозначности русского языка много сказано и написано. Рассмотрим такой аспект проявления ментальности, языка, как юмор, анекдоты, в которых способность различать проявлена наиболее ярко. Сегодня то там, то здесь можно слышать реплики и дискуссии об утрате юмора, анекдотов. Так ли это и, если так, что это значит? Почему в советский период и юмор, и анекдоты были общепонятны, удивляли своей глубиной? Мы *все* смеялись, иронизировали, шутили над нашими слабостями, трудностями, достижениями, историей, мы понимали друг друга. Конечно, правда, что это была реакция на прессинг государства, что было желание снизить искусственный пафос идеологии, что анекдоты обеспечивали чувство общности, сопричастности чему-то, что было *нашей* жизнью, создавало национальное единение.

Но есть и другая сторона этого вопроса. Мы дети своего времени и все еще находимся в нем, и потому этот факт нашей биографии для нас не имеет исторической ценности. Мы сожалеем о нем, но не понимаем его. Юмор советского периода, представленный, например, А. Райкиным или в КВН, несмотря на остроту, тонкость, глубину, был проникнут уважением к человеку, что так отличает его от современного юмора. В нем было много иронии — доброго и умного чувства, знания и понимания человека со всем прекрасным и ужасным в нем. В юморе и анекдотах, по-

жалуй, как ни в чем другом, проявился главный эволюционный результат советского периода: *общенациональная* ментальность, позволившая объединить нацию. Увидеть нюансы, грани, смыслы, подтексты можно, если внешние и внутренние реалии обнаружены, — это и есть различающая ментальность. На это работала наша история, наша судьба. Можно вспомнить о далеком и «парадоксальном подвиге» — юродстве, одним из аспектов которого было выявление противоречий между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом, что можно считать далеким преддверием юмору, анекдотам советского периода.

Советское государство привело нацию к общей ментальности. С исторической точки зрения семьдесят лет для развития ментальности нации, такой, как российская, срок совсем небольшой. Несмотря на рационально-упрощенный, оторванный от почвы характер (что, впрочем, нам свойственно), советская идеология включала, с одной стороны, западные ценности — равенство, социальную справедливость, свободу, предполагала личную активность; с другой — рационально-упрощенное мировосприятие, пронизывающее все сферы жизни, объединяло граждан России, рождало общность. В то же время нельзя не отметить, что идеология советского государства лишала человека социальных и экономических свобод, самостоятельности и самостоятельности (самостоятельной деятельности), не позволяла прикладывать ум к повседневности, что концентрировало ментальную жизнь нации, заставляло сопоставлять заявленные идеалы с действительностью. Можно заставить человека молчать, но нельзя заставить не думать. Двойственная жизнь советских людей учила различать, что подготовило и привело нацию в короткие исторические сроки к перестройке.

Ментальность была общей, но не учитывала потребности и интересы ни самого человека, ни отдельных социальных и национальных групп, то есть не была, да и не могла быть, укоренена. Принципиальным было становление ментальности в системе научных понятий и категорий, что обеспечивало общенациональные коммуникации.

Беспочвенность ментальности неизбежно проявляется в противоположном варианте: вместо включения — исключение.

Деструктивное проявление включающей ментальности — критическое отслеживание всего и всех, рождающее недоверие, подозрительность. Конечно, столь быстрая и тотальная смена условий жизни, большой объем разнородной информации, отсутствие идеологически осмысленной последовательности развития в течение последних десятилетий являются объективными причинами, затрудняющими возможность правильно различать. Но именно незакрепленность ментальности, ее развитие без картины целого и опоры на повседневность, создает многие трудности сегодня.

Нравственное, различающее чувство должно перейти в свой ментальный аналог — различающий ум. Этот процесс может быть сравнительно быстрым, если есть картина Целого, позволяющая сравнивать, сопоставлять, оформлять нравственное чувство, вполне развитое у россиян. Различающее чувство и различающий ум обусловлены равновесием сознания, рождающим недвойственность сознания и последующего действия. В состоянии недвойственности возможен правильный, не полярный, выбор. Признав генетический тип нашего типа сознания и мышления, мы сможем постепенно научиться избегать крайностей (анархизма—деспотизма и пр.) нашего существования, перевести своеволие в свободное выражение жизненной цели.

При условии качественного повышения национальной ментальности и сознания можно организовать нашу общую жизнь без трагических потерь, противостояния и насилия. Если не предпринять серьезных шагов по закреплению ментальности и повышению ее качества, можно если не утратить, то значительно снизить качество ментальности. Можно, конечно, положиться на естественный ход развития, но в условиях нашего государства это потребует много десятилетий или даже столетий. В нашем случае это чревато новыми перестройками. Можно ли этого избежать?

Вполне, если поймем, что настало время учиться у классического Востока, что для нас равнозначно возвращению к национальным истокам — исихазму. В чем суть исихазма и аналогичного ему мировосприятия и самоорганизации человека Востока? Исихазм — это целостность мира и человека, их внутреннее единство или, говоря современным языком, сознательная самоорганизация человека, обеспечивающая его единство и резонансное и кооперативное взаимодействие с миром.

нансное и кооперативное взаимодействие с миром. Вся культура Востока много веков обусловлена целостным, недвойственным мировосприятием и резонансным действием, овладение которыми осуществлялось посредством духовных практик, сосуществовавших наряду с религиями и традициями. Но путь духовного самосовершенствования основывался на мистическом подходе к реальности, следовательно, это не только путь немногих, но путь, требующий определенных условий: аскезы, уединения, духовного наставника. Мистический метод обеспечивал познание и практику недвойственности в мышлении и существовании. Однако мистический метод не предполагает вовлечение масс и не может стать универсальным средством познания и действия.

Понимание сути способов познания Запада и Востока позволяет приблизиться к пониманию национальной ментальности и созданию научного синтеза общечеловеческого способа познания. Прежде всего отметим, что западный тип мировосприятия имеет *дуальный* характер, система «мир—человек» разделена на субъектно-объектные отношения и субъект познания остается неизвестным.

Приведем пример, отличающий восточный способ познания.

В способе познания посредством органов чувств, восприятия, признается общее и специфическое. Наука, признавая первичные и вторичные качества объекта (общее и специфическое), акцентирует общее, считая аналогичность структуры, контура и других общих свойств достаточными для ориентации во внешней среде. В широком и общем смысле с подобным подходом можно согласиться. Восточный способ познания настаивает на зависимости восприятия от психологического возраста: дошкольник и ребенок младшего школьного возраста нуждаются в познании общего: предметов и объектов мира, но уже в подростковом возрасте, когда становится актуальным взаимодействие людей, познание себя, другого человека, среды обитания, взаимодействие невозможно без умения правильно воспринимать специфическое. Например не учитывая мотив, отношение, настроение (специфическое) человека (общее), невозможно правильно строить рабочий процесс, отношения работников в этом процессе или, не зная принципиальные особенности типов познания, обуславливающих тип восприятия, мышления, идеоло-

гии, не умея их различать, невозможно конструктивно взаимодействовать на политическом поле.

На современном этапе развития человека: главное — это «*установление специфического в объекте*» (7-Г Вьяса), разумная, нравственная, конструктивная жизнедеятельность требует знания, в том числе практического, не столько общего, сколько специфического. В восприятии интерсубъективность знания может и должна быть обеспечена знанием закономерностей проявления субъективных особенностей.

Наступает период человеческого развития, когда основным способом познания будет интуиция, способная обеспечить достоверное знание реальности без длительных интеллектуальных усилий. Развитие интуиции — процесс не быстрый, но и генетическая основа, и наша культура, и весь ход нашего существования подготовили россиян к овладению синтезом инстинкта и интеллекта, интуиции. Логично было бы внести в научное знание то, в чем мы традиционно сильны.

Размышления о путях национального становления и о таких его поворотных точках, как реформы Петра Великого (первая секуляризация) и советский период (вторая секуляризация), приводят к мысли, что в России мировосприятие, самопознание и самоорганизация человека и общества должны иметь научный характер, позволяющий привлечь к процессам познания каждого человека и таким образом обеспечить качественное становление и развитие граждан государства.

Итак, мы имеем генетически обусловленное целостное мировосприятие и резонансное и кооперативное действие (аналогичное восточному типу) и западный тип образования, опорой для которого выступает научное знание и научные методы. Если будем помнить, что современное научное знание, постнеклассическая рациональность утверждает целостность и единство мира и резонансное и кооперативное взаимодействие элементов и подсистем (компонентов) сложных самоорганизующихся систем, *мы можем иметь синтез восточного и западного подходов к реальности. Ключ к синтезу восточного и западного подходов к познанию и, следовательно, к организации жизни человека, общества, государства лежит в области сознания, механизма качественного преобразования существования.*

Трудности лежат не в плоскости восприятия мира как единого целостного организма, которые сегодня признаются и Востоком, и Западом, и Россией, трудности в освоении резонансных и кооперативных способов взаимодействия, невозможных без глубокого знания и освоения сознания. Резонансное и кооперативное взаимодействия должны обрести научный характер. Последнее положение: способы резонансного и кооперативного действия без знания *субъекта существования, познания и действия* невозможны. В современной научной психологии (если не держаться за материализм) имеются предпосылки создания концепции целостного человека, его развития и способа существования на основе универсального эволюционизма. Главное препятствие научной психологии и науки в целом — отсутствие знания природы сознания, логики его развития.

Когда наука признает принципиальное различие состояния *произвольного* сознания (признаваемого наукой собственно сознанием) и состояний *однонаправленности и созерцания*, являющихся основанием достоверного знания, интуиции, человечество сможет разрешить множество проблем и обрести новые подходы к реальности, к организации своего существования.

Российская ментальность — это целостное восприятие мира и человека, их единства, рождающее резонансное и кооперативное действие, обеспеченное научными методами. Вышесказанное может казаться беспочвенным, но не является таковым:

во-первых, наш тип ментальности, двойственность, переходящая в синтез, — это амбивертно-синтетическое сознание, определявшее существование России;

во-вторых, мы имеем организованную и разветвленную научную базу;

в-третьих, и наш тип ментальности и умение различать, что в нашем государстве жизненно важно, быстро обретает новый качественный уровень, если есть целостная картина существования;

в-четвертых, методология образования должна опираться на оба вида ментальности: рационально-логическую и образно-смысловую.

Когда есть генетическая основа, воспитано различающее чувство, имеются предпосылки для оформления целостной картины

жизни и осознана необходимость создания условий для развития всех типов ментальности, самосознание и индивида, и нации может быстро прогрессировать. Конечно, у каждого свой уровень постижения, но синтетический подход в обучении может обеспечить заметный прогресс не только в качестве, но и во времени.

Сформулированное понимание амбивертно-синтетического типа сознания, культуры и цивилизации позволит нации уйти от бесконечных споров, рождающих атмосферу психического напряжения, конфронтации, бессмысленности.

Мы подготовили основания, которые позволят нам понимать не только смысл национального существования, но и смыслы, логику социальных и национальных групп в государстве, возможности их взаимодействия, а значит, возможности обретения национального единства и конструктивного движения в будущее.

Глава 3 Национальное единство

Напомним читателю несколько основных положений, которые послужат опорными точками дальнейших рассуждений.

Единство — состояние бытия, его безусловное и непреложное начало и условие существования самоорганизующейся Вселенной.

Бытие — это Бытие Становящееся, разворачивающееся во времени, имеющее уровни становления, каждый из которых имеет свой, особый способ существования. Взаимоотношения подсистем и компонентов системы, действуя по принципу целесообразности, достигают равновесия, переходящего в единство и полноту существования системы.

Человек отличается от природных систем тем, что имеет два механизма самоорганизации: адаптивный, инстинкт, и сознание. В отличие от инстинкта, сознание является механизмом самоорганизации, обеспечивающим качественное преобразование самого человека и среды его обитания. Посредством организации и контроля сознания человек способен менять состояние своего бытия. Нация, как и человек, может изменить свое сознание и, следовательно, изменить состояние своего бытия.

Становление бытия — это процесс, в котором система проходит через стадии: диффузной, недифференцированной целостности — дифференциации — равновесия — единства и далее вновь по спирали. Новая стадия предполагает более развернутое состояние механизма самоорганизации, обеспечивающего более качественное и эффективное существование; если разворачивание механизма самоорганизации и переход на следующий уровень системы не происходит, следует стагнация и разрушение. На предыдущих страницах был сделан общий обзор теоретических, исторических, психологических аспектов единства человека, нации, человечества и современного состояния России. Комплекс научных факторов, таких как интегральная направленность

развития Вселенной, принцип универсального эволюционизма, теории самоорганизации, начало ноосферного существования, признание, что Жизнь и Разум — энергии, присутствующие во Вселенной с первой мировой минуты, требуют пересмотра научной картины мира, и прежде всего введения в нее *жизненных и сознательных явлений*. Введение жизненных и сознательных явлений означает реорганизацию человеческого существования, и прежде всего реорганизацию наук о человеке: гуманитарное знание должно обрести *человекообразный, соотносимый с человеком* характер.

Научные открытия последней четверти XX века подводят к общему выводу: *предыдущее существование человечества имело бессознательный, адаптивный характер; ускорение и сила природных и социальных катаклизмов свидетельствуют о переходном периоде эволюции: человечество завершает период бессознательной эволюции и начинает принципиально новый для себя период — время осознанного существования.*

Однако, несмотря на то что сознание является принципиальным отличием человека, механизмом его самоорганизации, человечество в своем подавляющем большинстве живет бессознательной, адаптивной жизнью, осознавая лишь отдельные фрагменты, явления своей и общей жизни.

Итак, нас должно интересовать национальное целое и возможность сознательной самоорганизации субъектов существования: государства, общества, человека.

Картина национального целого — это раскрытие сущностной идеи нашего существования, на универсальном уровне — это идея двойственности, переходящей в синтез. Какой бы аспект человека, нации, человечества и мироздания в целом мы ни рассматривали, обойти проблему двойственности и рожденных ею отношений невозможно. На уровне общечеловеческого существования Россия, обусловленная двойственностью жизни, ментальности, судьбы, должна разрешить проблему двойственности. В отличие от других наций и народов, двойственность нашего существования имеет ряд особенностей, своей тяжестью ложившихся на плечи россиян, не позволяя тем самым отринуть проблему двойственности. Современное состояние нашего отечества и мира в целом свидетельствует о настоящей актуально-

сти решения проблемы двойственности для человечества; Россия и россияне могут и должны внести свой вклад в разрешение глобальной проблемы существования. Даже не прибегая к глубоким исследованиям, можно утверждать, что двойственность — это двойственность духа и материи, тогда как их синтез — это Мир, Благо, Радость, Творчество, Единство.

За двойственностью нашего существования нетрудно обнаружить наши трудности и проблемы и наши победы и достижения. Двойственность — это разделенное единство. Проблемы двойственности — это проблемы отношения и отношений, или проблемы нравственности, что всегда вызывало глубокую реакцию наших сограждан: то согласие, то недоверие и сарказм. Именно под углом двойственности, переходящей в синтез, мы должны рассмотреть вопрос национального единства.

Представим картину национального Целого в следующем порядке:

- преобразование субъектности — стержень национального существования;
- проблемы, препятствующие национальному единству;
- новая социализация как начало процесса единения нации;
- национальная идеология, идея и выбор пути.

В данной главе мы рассмотрим вопросы: преобразование субъектности и проблемы, препятствующие национальному единству.

«Как понять национальное Целое? Какие аспекты и атрибуты должны быть включены, какие акценты, и как они должны быть расставлены?» — получить ответы на эти вопросы мы сможем, если очертим круг, переходящий в спираль, национального существования. Иными словами, целое — это совокупность смыслов нашей истории, характера, особенностей существования, их логика и очевидные следствия в сегодняшнем дне. Стержнем круга является сущность России, ее субъектность, которая и есть главный смысл национального существования, органично включающий все большие и малые смыслы.

Субъектность России мы определили как *преобразование общечеловеческого способа существования, предполагающего равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни человека и нации с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов.*

Синтез — это будущее, и сегодня, вероятно, мы даже приблизительно не можем его представить. Но синтезу всегда предшествует единство, единству — консолидация, необходимость которой сегодня очевидна.

Кардинальная смена государственного строя, идеологических, социальных, экономических и многих других основ жизни государства предполагает не только смену Конституции, флага, гимна, форм собственности и новых общественных институтов, но и, что не менее важно, требует новой социализации или нового ликбеза (ликвидации безграмотности). Подавляющее большинство наших граждан формировалось в условиях социалистической системы и сегодня или испытывает множество трудностей, связанных с новыми условиями, или, не осознавая советское наследие, действует на его основе. Развитие новых поколений не имеет твердой платформы, опирающейся на национальную культуру, традиции, что не способствует их национальной идентификации.

Реальным, а не декларативным единство нации может стать только тогда, когда нация или ее большинство обретет единство собственного бытия. Сначала — человек, потом — группы, потом — нация. Становление национального бытия не произойдет по призыву партии. Это нелегкий труд каждого и всех, и, конечно же, необходима идея, мобилизующая нацию. Без национальной идеи ни консолидация, ни преемственность, ни активное участие каждого невозможно. Отсутствие консолидации — это отсутствие желания идти навстречу друг другу, договариваться. Если каждый из нас спросит себя: «Что является более значимым для судьбы России: моя точка зрения или наше общее самосохранение, благополучие и процветание?» И у каждого есть возможность в глубине своего сердца спросить себя и ответить на вопрос: «Какой у меня мотив?»

Субъектом духовного возрождения должна стать вся нация, ибо каждая социальная группа, каждый россиянин заинтересован в реорганизации нашего существования. Идеологический и психологический перелом в настроении может произойти, если будет научно обоснованная картина целого, раскрывающая смыслы национального существования, и активное участие большинства наших граждан.

Решение наших проблем лежит не в плоскости модернизации, и даже не в плоскости обретения общности, а только в варианте равнозначного развития духовной и материальной, внутренней и внешней сторон существования с целью их единства, что и будет реализацией общечеловеческого способа существования. *Осознание* субъектности национального существования, формулирование и последующее закрепление в соответствующих формах и способах выражения освободит нас от двойственности, непоследовательности со всеми присущими им следствиями. Знание сути позволяет определить стратегию и тактику на каждом этапе существования, приносит свободу от случайностей, от личных особенностей и предпочтений лидеров. Взаимопонимание и взаимоуважение, создание условий подлинного равноправия может привести к единству нации и, как следствие, к конструктивному взаимодействию, модернизации, благополучию и процветанию России и россиян.

Преобразование субъектности — стержень национального целого.

Субъектность России, или основа, сохраняющаяся неизменной на протяжении всего существования, — это суть, или сущность, позволяющая определить основную избирательность и направленность нашего существования и основные особенности свойственного нам способа жизни. Кратко суть российской субъектности можно выразить как двойственность, переходящую в единство, синтез. В национальной культуре проблема двойственности существует как проблема «двух наций». Третий онтопсихологический тип людей, наций, обусловленный равнозначностью обоих компонентов бытия, соединяющий и синтезирующий противоположные, в действительности всегда присутствует, но остается практически неизвестным. Как в жизни отдельного человека, так и в национальном существовании, двойственность может проявляться то параллельно сосуществуя, то чередуясь, то противоборствуя, но, разворачиваясь во времени, она неизменно стремится к синтезу.

Синтетический вариант сосуществования двух противоположных подходов к реальности реализуется либо в условиях единого содержания жизни, либо требует *сознательной* самоорганизации. Но ни того, ни другого в нашем государстве на совре-

менном этапе развития нет. Однако, как ранее было отмечено, на определенном этапе развития сознания, противоположные подходы к реальности преодолеваются, и субъект обретает целостность и единство.

Нам предстоит обнаружить и осознать и двойственность, и стремление к равновесию этой двойственности, что обеспечивало, пусть и не гармоничную, целостность и единство. Не менее важно понять, каков механизм преобразования столь полярных подходов к реальности. Именно амбивертно-синтетический тип человека, нации, вне зависимости от понимания или непонимания, решает вопрос равнозначного соединения и синтеза внутреннего и внешнего, духовного и материального.

Итак, субъектность России — это *преобразование общечеловеческого способа существования*; знание субъектности, сути существования России позволяет понять смысл национального целого, назначение, историю, характер.

Мы привыкли рассматривать человеческую историю и существование в целом с позиций европоцентризма и материализма и потому ценности и преимущества восточного, а тем более амбивертно-синтетического способа существования не только не понимаются и не признаются, но и не рассматриваются.

Каждый способ целесообразен, так как составляет органичную часть общечеловеческой эволюции, каждый способ имеет свои преимущества и свои недостатки, свои достижения и свои слабости. Принципиальное отличие западного и восточного способов существования можно выразить кратко через призму мировосприятия, отношения к человеку и вопросам нравственности.

На Западе — мировосприятие дуально; человек — объект, субъект неизвестен; нравственность — исполнение норм, законов.

На Востоке — мировосприятие *не*дуально; человек — часть мира; нравственность — резонансно-кооперативный способ действия.

Так как существование наций амбивертно-синтетической цивилизации (кроме России) проходило в условиях национальной и культурной однородности и выражено посредством мистического языка, равнозначность духовного и материального аспек-

тов существования не очевидна. В России к природно-климатическому, экономическому, историческому и пр. объективным факторам неоднородности добавлялась национальная и культурная неоднородность, что требовало наднационального и надконфессионального понятийного языка. Более того, присущий русским, ядру национального существования, максимализм, соединяясь с многочисленными факторами неоднородности, обнажал двойственный характер всех сторон существования. Конфликт противоположных подходов к реальности в нашей стране присутствовал и определял общее существование и развитие на протяжении всего существования.

Сожаления по поводу несостоявшейся европеизации нашего государства являются результатом отсутствия целостной картины существования мира и человека, их коэволюции. Общечеловеческий, или синтетический, способ существования — это не только не противоречащий ни западному, ни восточному способам, но и объединяющий и (когда-нибудь) *синтезирующий* их.

В главе «Мир сегодня и завтра» мы упомянули о том, что российская национальная проблема: сосуществование людей с противоположными подходами к реальности, экстравертов и интровертов, становится общечеловеческой проблемой. В странах амбивертно-синтетической цивилизации конфликт вышел на поверхность в кон. XX — нач. XXI века (бывшие советские республики, Югославия, Латинская Америка, Средний и Ближний Восток, северная Африка).

Конфликт противоположных подходов к действительности, повторим, — это конфликт, в котором оба типа отличаются своеобразной установкой по отношению к объекту. «У *интровертного* отношение к нему абстрагирующее... *Экстравертный*, напротив, относится к объекту положительно. Он утверждает его значение постольку, поскольку он постоянно ориентирует свою субъективную установку по объекту...»

Нации развиваются аналогично человеку, жизнь нации определяют культура и личности, которые и обуславливают ход национальной истории, особенности и своеобразие культуры.

На современном этапе эволюции динамика жизни и необходимость всеобщего взаимодействия требует нахождения общечеловеческого понятийного языка в общенаучном варианте.

Процесс формирования и формулирования общечеловеческих ценностей в общенаучном варианте потребует времени и усилий. Однако в условиях России — это не вопрос желания или нежелания, для нас — это вопрос и проблема существования, и мы должны начать этот процесс.

Кратко повторим путь российской двойственности. В каждом периоде развития можно видеть чередование доминант западного способа существования с акцентом на материальных и социальных ценностях и восточного способа существования — на духовных и субъективных. Каждому периоду соответствовало содержание и идеологическая направленность. В каждом периоде имело место столкновение, «великий спор» этих подходов к реальности, заставлявших нацию находить середину, взаимоприемлемый вариант существования, а значит, интегрироваться на новом уровне.

Не менее важно отметить, что в каждом периоде появлялось учение, система воззрений, обосновывавших необходимость соединять противоположности.

Наиболее наглядно наша двойственная природа проявилась в период *роста*, когда происходила закладка основ национального существования. Так, уже в первом периоде можно видеть, что, например, Новгород и Псков имели главенство вечевого организационного устройства, хотя участие князя не исключалось, — западный способ существования; а в Суздале и Владимире, наоборот, главенство принадлежало княжеской власти, но вече сохранялось, — восточный способ существования. В период *развития* оба способа сохраняются в варианте главенства монархического устройства и корпоративной организации, которые признаются восточным способом существования. Однако во все времена на низовом уровне сохранялась прямая демократия — элемент западного способа существования, а в сообществах существовала богатейшая духовная жизнь и культура.

РОСТ —

Киевская Русь — «золотой век»; ценностная ориентация — внешняя жизнь: торговля, активная политическая и социальная жизнь (вече, съезды князей), просвещение; первые шаги становления православия.

Столкновение жизненных ценностей происходит при смене местожительства (Киевская/Московская Русь), Андрей Боголюбский;

Русь Московская — «Святая Русь»; ценностная ориентация — внутренняя жизнь; усиление православия, его независимость от Византии; монастырская колонизация, «Москва — Третий Рим». Исихазм. Спор Н. Сорского и И. Волоцкого, отражавший противоположные подходы к монашеской жизни, в середине XVII века привел к религиозному общерусскому Расколу.

Стагнация и кризис — Смута.

РАЗВИТИЕ —

Реформы Петра I и Екатерины II, ориентированные на внешнюю жизнь, сменялись «эпохой дворцовых переворотов» и царствованием Николая I соответственно, когда на смену внешней активности приходили ценности внутренней жизни, реализация которых активно шла в сословных объединениях. Реформы Петра Первого и Екатерины Второй осуществили первую секуляризацию, положив начало наднациональному и надконфессиональному содержанию жизни.

Цели и ценности двойственного общего существования отразились в идеологическом «великом споре» западников и славянофилов и реформах Александра II, первой попытке некоего синтеза в масштабах государства.

Появление идеологии «почвенничества», идеологии соединения двух начал.

Александр III, Николай II — ценностная ориентация на интровертный способ существования (самодержавие, православие, народность), с одной стороны; с другой — рост революционного движения, целью которого были западные ценности.

Стагнация и кризис. Философия космизма — попытка создать идеологию на научной основе.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ —

В.И. Ленин — вторая секуляризация, идеология НЭПа, западных ценностей; И.В. Сталин — советская идеология, восточный (Византийский) способ существования.

Хрущев, «оттепель» — попытка уравновесить западный и восточный варианты развития.

А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын.

Л.И. Брежнев. Стагнация, кризис.

Советская идеология не на практике, но в идеале предполагала развитие целостного человека (внутреннее, по материализму формируемое).

ПЕРЕСТРОЙКА —

М.С. Горбачев — Б.Н. Ельцин.

Нач. XXI века — В.В. Путин — Д.А. Медведев.

Б.Н. Ельцин и Д.А. Медведев по мировосприятию и способу существования ориентированы на экстравертный, западный способ существования. Тогда как М.С. Горбачев и В.В. Путин — на синтетический способ существования. В постперестроечный период национальному развитию явно недостает общих для нации (научных) способов внутреннего развития, хотя имеет место активизация религиозного, национального, в том числе националистического, самосознания. Идея равноправного внутреннего и внешнего, духовного и материального развития не сформулирована, субъектность нации не реализуется, и, как следствие, отсутствие прогресса. В области объективной жизни движение к более конструктивной и созидательной жизни государства вполне очевидно (несмотря на мировой экономический кризис), но прогресс — это развитие целого, всех органически неотъемлемых аспектов национального существования.

Наша история — это путь чередования способов существования с медленным, но неуклонным движением к единству и синтезу. Если в первом периоде — *рост* — способ существования выражается как общенациональный и чередование происходит как смена фаз периода, то во втором периоде — *развитие* — оба способа сосуществуют, чередование носит характер доминанты.

В середине XIX века к власти приходит Александр II, способный в себе и государстве соединить два начала: духовное и материальное, внутреннее и внешнее (экстравертное и интровертное), но первая попытка единства двух начал, увы, не была закреплена и после некоторого подъема в развитии перешла в кризис.

Советский период становится первым общенациональным соединением двух начал на основе научной, рационально упрощенной идеологии с нежизненными идеалами, не учитывающей реальные потребности и возможности человека, его несводимость

к социальному взаимодействию. Однако тенденция к соединению начал становится все более настойчивой, и к концу XX и началу XXI века лидерами государства становятся амбиверты М.С. Горбачев и В.В. Путин.

Чередование противоположных тенденций означает уравнивание или нахождение среднего, синтетического пути. Движение к синтезу духовного и материального, внутреннего и внешнего проходит через стадии:

рост — происходит закладка каждого аспекта: внешнего (Киевская Русь) и внутреннего (Русь Московская);

развитие — синтез достигается на уровне сословий;

самоопределение — синтез духовного и материального, внутреннего, и *самоутверждение* внешнего реализуется посредством идеологии.

Динамика движения к единству весьма показательна: 600–300 — менее 100 лет. В тех случаях, когда события, флуктуации, овладевают нацией и подводят ее к состоянию выхода за пределы генеральной направленности, имеет место:

(в период) *формирования государства* — перемена места жительства;

роста — Смута;

развития — Революция;

самоопределения — ВОВ;

самоутверждения — Перестройка.

В каждом периоде культурный слой выдвигал идеи равновесия начал: исихазм, почвенничество, космизм. Но нация не была готова к качественному соединению начал, и потому каждый период завершался стагнацией и кризисом. Тип мировосприятия и способ существования легко может быть обнаружен в жизнедеятельности лидеров государства. Амбивертность, или двойственность, проявлялась через лидеров государства: чередованием лидера западника лидером восточником, либо амбивертность была присуща главе государства. Проблема амбивертного типа в несформулированности единства начал, и потому жизнедеятельность лидера государства амбивертного типа, если он не обретает целостность в собственной жизни, обычно состоит из двух противоположных периодов, различной ориентации: западной и восточной. Напомним читателю.

Западники /экстраверты:	Петр I, Екатерина II, В.И. Ленин, Н.С. Хрущев, Б.Н. Ельцин, Д.А. Медведев.
Восточники /интроверты:	Николай I, Александр III, Николай II, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев.
Евразийцы /амбиверты:	Владимир Святой, Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Павел I, Александр I, Александр II, М.С. Горбачев, В.В. Путин.

Появление сторонников центризма, не обязательно членом «Единой России», свидетельствует, что нация в своем большинстве реально приблизилась к соединению духовной и материальной, внутренней и внешней жизни. Однако нельзя не учитывать, что в советское время по причине ортодоксального материализма внутреннее развитие на общенациональном уровне имело упрощенный, а то и примитивный характер. А в постперестроечное время нация делает акцент на развитии внешних форм и западного способа жизни, при этом духовная и внутренняя жизнь не имеет общенационального характера.

Почему не только синтез не очевиден, но и единство отсутствует?! Экстравертный и интровертный типы активности имеют противоположную локализацию, и, следовательно, равновесие и единство возможны только при *сознательном подходе*, в противном случае неизбежны либо борьба противоположностей, либо их чередование и бессознательное обретение целостности, которая не может быть устойчивой и стабильной. Нам необходимо сформулированное и узаконенное понимание и признание собственной субъектности.

Итак, смысл национального существования, истории, характера: преобразование общечеловеческого способа существования, предполагающего равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов.

Что не позволяет сегодня приступить к активному соединению обоих начал? Сознательное соединение начал предполагает идео-

логическое осмысление каждого из способов существования и возможности их равновесного соединения. Но прежде рассмотрим феномены, сложившиеся в ходе нашего существования, принципиально препятствующие национальной консолидации и единству.

Предыдущее существование имело характер бессознательной направленности, и первое, что необходимо предпринять, — это *восполнить пробелы, принципиально тормозящие наше развитие*, параллельно создавая новые условия нашего существования. Восполнить пробелы нашего развития — это и есть значительная часть процесса возрождения. Нам не нужны ни революции, ни перестройки — нам необходимо осознание собственного существования и на этой основе дальнейшее качественное преобразование.

Мы рассмотрим факторы, которые кратко можно обозначить как принципиальные проблемы, являющиеся следствием нашей природы, характера, истории. Перед нами не стоит задача полного раскрытия проблем. Назовем лишь главные препятствия на пути дальнейшего развития — это отсутствие:

- преемственности;
- консолидации и единства;
- уважения к человеку.

Отсутствие преемственности

Вне зависимости от нашего отношения и понимания роли государства, Российское государство было и остается наиболее сильным субъектом существования. Попробуем рассмотреть особенность Российского государства с исторической точки зрения.

На всем протяжении нашей истории общая направленность существования при смене лидера почти всегда сменяется на противоположную. Когда нация не едина, когда граждане «...не верят друг другу, поворачиваются каждый спиной к другому; одни смотрят на восток, другие — на запад» (И. Тимофеев — В. Ключевский), отсутствие преемственности становится нормой. На Запад смотрят экстраверты, на Восток — интроверты, существование амбивертов остается все еще неизвестным. Ленина сменил Сталин, Сталина — Хрущев, Хрущева — Брежнев... Путина — Медведев. Ленин, Хрущев, Медведев — экстраверты, следовательно, активность и сознание направлены на внешние факторы, в том числе на внешнего человека, материальную и социальную

жизнь. Сталин и Брежнев — интроверты, активность и сознание ориентированы на внутреннего человека, отсюда жесткая государственность, тотальной идеологией обеспечивающая общность. Путин и Горбачев по типу активности и сознания — амбиверты.

Можно вспомнить наиболее яркие примеры нашей непоследовательности. После восточника Николая I — амбиверт Александр II, предпринявший попытку соединить западный и восточный способы существования; а вслед за Александром II — Александр III, практически отказавшийся не только продолжить реформы своего отца (Александра II), но и вернувшийся к политике своего деда (Николая I), политике восточного способа существования.

Сегодня отсутствие преемственности, а значит, вероятность перестроек, революций все еще определяет наше существование. Например, вполне очевидно, что В.В. Путин понимал проблему отсутствия преемственности в нашем государстве (но, вероятно, не знал механизма решения проблемы, а его мало кто знает). Выбран был Д.А. Медведев, и в скором времени был провозглашен либеральный путь развития.

Где преемственность? Почему государство, не решив множество насущных вопросов и, главное, не уравновесив материальную жизнь духовной (в современных формах), не окрепнув, вновь меняет курс? Мы не раз предпринимали попытки существовать по западному способу, при этом исключая или сглаживая *духовную и внутреннюю жизнь, что граничит с отходом от генеральной линии развития, и потому мы двигаемся вперед «рывками», после которых «топчемся» на месте.*

По логике амбивертно-синтетического развития после 90-х нам либо необходим был интровертный, восточный способ существования, либо синтетический. Но только восточный способ существования, как и только западный, не являются органичными для нас. В нашем случае восточный — это византийский, который по причине отсутствия общего и современного понимания внутренней и духовной жизни потребовал бы сильного государства, авторитарного метода организации и управления. Не разумнее ли не чередовать, а соединить оба способа существования, что означает создать условия для благоприятной жизнедеятельности всех типов и способов существования: амбивертно-синтетических, интровертных и экстравертных.

Если мы признаем принципиальным фактором действительности — человека и человеческий способ существования, мы обнаружим не только то, что все типы идеологической направленности имеют свои разумные основания, но и то, что *лишь сосуществование всех типов активности и сознания приведет нас к благополучию и процветанию. Каждое из направлений — это часть национального целого; часть относительна и со временем становится препятствием. Никто не лучше, не более развит, но каждая социальная группа дополняет другие, образуя тем самым целое.*

Всего лишь четверть века назад мы были воодушевлены, полны надежд, веры и упований, и казалось, что мы чувствуем ответственность за наше общее будущее. Бурные 90-е, сменившая их стабилизация, затем экономический кризис — и нацию вновь накрыло облако отчуждения. Некоторая активность гражданского общества слишком несистемна, эпизодична и не гарантирует прогрессивного развития государства.

Почему мы все еще зависим от того, кто будет лидером государства, почему мы все еще не знаем: ни какие мы, ни что для нас является органичным и целесообразным? Почему мы все еще не самоопределились, несмотря на то что историческое время ждалось и кризисы и катастрофы преследуют нас и человечество в целом, подталкивают и требуют нового понимания и подхода к реальности. Пока нация не самоопределится, наше существование будет бесконечной чередой революций, перестроек, каждая из которых будет разрушать предыдущее и строить, может быть на 6–12 лет, «свою Россию». Столкновение противоположных позиций, с ориентацией на западный, восточный способ существования или их синтез, продолжающееся всю нашу историю, должно заставить задуматься и сделать разумный вывод. Каждая из сторон абсолютно уверена в собственной «правде», при этом понимание *правильного и должного* другими, да и сами *другие* «выносятся за скобки». Но почему *только* Запад или *только* Восток?! Почему только внешнее или только внутреннее, только духовное или только материальное? Почему не то и другое?

Коротко определить назначение государства можно двумя понятиями: организация и управление, но в первую очередь нас должна интересовать избирательность и направленность. Государство есть не только природно-социальный, но и духовный

организм. А значит, является самоорганизующейся системой, отражающей универсальную структуру, имеющую свою заданность, направленность, свой способ существования. Понимание, на *что* направлена организация существования, является важнейшей задачей, стоящей перед каждым гражданином, обществом и государством. Вплоть до XX века развитие России и мира носило в целом бессознательный характер, когда природные свойства обеспечивали активность и направленность существования.

Сегодня, когда все процессы обретают стремительный характер, отсутствие стратегического целеполагания неизбежно обернется кризисами и катастрофами. И это не просто мировой экономической кризис, это системный, планетарный кризис, который может завершиться планетарной катастрофой. И планета, и человечество находится в точке бифуркации, и от наших действий будет зависеть, перейдем ли мы на принципиально новый уровень существования или наши действия приведут нас к национальной и мировой катастрофе. Ранее мы отметили, что прогресс и регресс любого субъекта существования зависит от близости или отдаленности от генеральной линии развития субъекта. Стратегическое целеполагание — это и есть знание генеральной линии развития, или знание субъектности нации.

Итоги предыдущего существования, ярко проявившиеся в конце XX и начале XXI века, требуют серьезного осмысления и сознательного самоопределения Россией. Плотность времени и событий не позволяют двигаться в будущее автономно, не считаясь с такими, например, планетарными и космическими процессами, как переход к ноосферному существованию, инверсия магнитных полюсов Земли, когда космические влияния обретают большую силу и дополняются новыми воздействиями. Если сопоставить эти научные утверждения, можно говорить о том, что человечеству явно недостает разумной, сознательной самоорганизации.

Мы сформулировали генеральную линию развития России как *преобразование общечеловеческого способа существования, предполагающего равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов существования человека и нации с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов*. Фактически это означает соединение и син-

тез восточного и западного типов мировосприятия и способов существования, или преобразование амбивертно-синтетического способа существования в постнеклассической системе научных понятий и смыслов.

Пройдя перестройку, 90-е и начало XXI столетия, наше государство пришло к состоянию, когда *обнаружены принципиальные разногласия в подходах к действительности с приоритетами внешних, внутренних и амбивертных ценностей. Иными словами, дифференциация нации на сторонников западного, восточного и амбивертно-синтетического способа существования состоялась, но не имеет онтопсихологических формулировок, и национальное будущее предстает весьма неопределенным и непредсказуемым, а следовательно, бессмысленным, что, в свою очередь, ведет к бессилию и чувству тщетности предпринимаемых усилий*.

Дифференциация фактически произошла, но для интеграции на более высоком уровне самоорганизации отсутствуют соответствующие компоненты: признание законности всех типов активности и способов существования, общая идеология в системе общечеловеческих понятий и смыслов и на ее основе технологии самоорганизации индивидов, общества и государства.

Бессознательная избирательность и направленность существования создавали устойчивые явления, не позволяющие конструктивно двигаться в будущее. И одна из главных причин непоследовательности и неконструктивности многих процессов в отсутствии *преемственности* в нашем государстве. Только признав законность всех типов активности и сознания и соответствующих им типов мировосприятия и способов существования, мы сможем освободиться от непоследовательности, отсутствия преемственности, разрушающей наше существование, ведущей к недоверию, бессмысленности нашей жизни.

Необходимость сознательного самоопределения безотлагательна и потому, что осознанная направленность и избирательность существования определяет выбор методов и технологий. Например, перенесение на нашу почву такого метода, как стандартизация.

Стандартизация, которая обеспечила Соединенным Штатам повсеместный подъем производительности труда в XX веке и прев-

ратила США в мирового лидера, в нашей стране не только не принесла желаемых результатов, а обнаруживает, как кажется, нашу несостоятельность. Причина в принципиальных отличиях культур и ментальности россиян и североамериканцев.

	ментальность	тип самоорганизации
РОССИЯ	<i>образно-смысловая / формально-логическая</i>	<i>самоналагаемая дисциплина</i>
США	<i>формально-логическая</i>	<i>стимул-реакция</i>

Парадокс нашего существования заключается в том, что стандартизация жизни нам свойственна, вспомним домострой, советский период. Причина не в стандартизации. В отличие от американцев, нам свойственна самоналагаемая дисциплина, проявление которой имеет два варианта: либо активность, либо тотальная отстраненность. И активность, и отстраненность зависят от содержания жизни: если есть внутреннее согласие, мы активны, если его нет, мы отстраняемся. Не единожды звучали утверждения, что в России деньги, материальные потребности не являются стимулом (хотя от них не отказываются, но стимулом они не являются), тогда как смыслы определяют наши действия. Для значительной части россиян всегда необходима картина целого, что позволяет не только понимать смыслы, но и использовать интеллект, проявлять гибкость, творчество. Когда целое известно, и интеллект, и гибкость, и творчество проявляются в рамках этого целого. Конечно, у каждого свои возможности, но жесткие стандарты, без картины целого, лишают россиян возможности проявить самостоятельность, смекалку и творчество, в этом случае стандарты воспринимаются как насилие. Мы должны опираться на смыслы, в этом случае мы становимся активными, разумными, творческими. Другим примером может служить реформирование системы образования.

Отсутствие национального самоопределения проявляется не только в отсутствии преемственности, но и в том, что государство не знает, какого человека хочет вырастить; человека, для которого Россия будет местом рождения или будет Родиной — страной благоприятных и комфортных условий жизни, созидания, развития, отдыха, реализации собственных возможностей, интересов, ценностей.

Чем обернулось, например, введение ЕГЭ? Сегодня и школьники, и учителя, и родители не озабочены получением знания, а только сдачей экзаменов. Экзамены требуют не столько понимания, сколько кратковременной памяти. Схема действий министерства образования проста. Создается некий простой конструкт, который проверяется в лояльных системе или министру образования школах, после чего утверждается, что конструкт замечательный и можно реформировать всю систему. Обсуждение, например, в Интернете удобно, так как позволяет игнорировать неудобные предложения. Аналогично внедрению ЕГЭ происходит и подготовка к новой реформе образования: но, отказавшись от действительно избыточного объема, может быть, необходимо ввести то, что способствует становлению человека, а не упрощает его до примитивного существа.

Новое образование требует введения сознательных и жизненных компонентов в процессы становления человека, что означает введение дисциплины, предполагающей становление человека-субъекта и обретение им навыков сознательной самоорганизации. Если до сих пор неизвестны национальный тип мировосприятия, тип ментальности, способ действия и существования, может ли быть создана система, воспитывающая будущих граждан нашего отечества?!

Можно припомнить и другие реформы: монетизацию, РАО ЕЭС, лесную реформу — они имеют в основе американский тип мировосприятия и ментальности. Представляется, что вывод очевиден.

Нам нужны не просто очередные модернизации, которые мы совершаем с тяжелыми потугами и насилием. Нам необходимо коренное преобразование всей нашей жизни, или духовное возрождение. И только в этом случае мы перестанем зависеть от идеологических предпочтений лидера государства, а значит, нас перестанет лихорадить отсутствие преемственности со всеми вытекающими из этого последствиями.

Отсутствие консолидации и единства

Единство нации является основой ее существования, основой успешного развития всех сторон жизни, прогресса и процветания. Свойственная нам двойственность, пронизывая все аспекты жизни, проявлялась и проявляется как расслоение общества.

Кардинально изменив жизнь, мы не ищем ответы на смысло-жизненные вопросы существования, сводим проблемы к отдельным методам: инновациям, модернизации, к решению проблем коррупции, наркомании, проституции и пр. Но эти проблемы — следствия, без решения смысложизненных вопросов нашего бытия, можно не сомневаться, следствия будут нарастать. Подчеркнем, причины наших бед, несостоявшихся начинаний (либо их кратковременность) не в авторитарности, не в отсутствии демократии, не в жажде наживы властью, чиновниками, не в преступности, наркомании, алкоголизме и т. д. и т. п. Эти и другие негативные проявления нашей жизни — следствия.

Причины в принципиальных различиях онтопсихологических типов людей, живущих в сложных неоднородных условиях на протяжении не одного столетия и не объединенных ни общей регулятивной идеей, ни каким-либо общим содержанием жизни. Наше общее наследие: территория, культура, язык, общее историческое прошлое — для многих остается непонятым, не имеющим смысла и логики и потому не является стимулом к активному созиданию, любое начинание встречает огонь критики, недоверия, вызывает подозрение, мы сами неустанно занимаемся самоуничтожением, при этом считая, что «я все делаю правильно, если и ошибаюсь, так это прощительно, а вот другие...».

Отсутствие *общего для всей нации содержания жизни* в условиях многонациональной и поликонфессиональной среды большую часть нашей истории, и особенно последних десятилетий, не позволяло и не позволяет прийти к взаимному согласию и, усиленное присущим нам максимализмом, ведет к столкновению различных психологических типов и отсутствию общности. Именно невозможность иметь общее для всего государства содержание жизни требовало авторитарной и корпоративной организации национального существования. Если мы перестанем повторять вековые стереотипы и действовать на их основе, а осознаем подлинные причины наших трудностей и достижений, нашей истории, мы сможем изменить свое существование.

Отметим современное состояние нашего общества. В целом оно остается негативным, и это не только отражение сегодняшнего дня — это и наше непоследовательное, непонятое и бессмысленное прошлое. Западной и современной российской культуре

свойствен критицизм, рождающий негативизм, и значительное количество людей уверены, что такие черты, как отстаивание собственного Я, убеждений, имеют только один вариант реализации — отрицание иных точек зрения, иных подходов к реальности.

В западной и отечественной психологии «критичность» считается признаком развитого ума и в сочетании с естественной для Запада и России потребностью быть личностью рождает негативизм: критикуя, отрицая других, становлюсь личностью, сильным. В культуре Востока и на ранних этапах русской культуры (Н. Сорский) предпочтение отдавалось развитию такого качества, как «различение»: обнаружение как позитивных, так и негативных сторон явления.

Критичность, негативизм лишают человека целостности, единства, полноты, как в его собственной жизни, так и в его отношениях с окружением, и создают психологически нездоровый климат в обществе.

Философская и социальная мысль уходит своими корнями в религиозную стихию Древней Руси. Нередко встречается мысль, что негативизм берет свое начало в православии, которое на Руси, как считается, имело характер преувеличенного аскетизма. Однако подобное мнение спорно. Русский аскетизм утверждал не презрение к миру и к плоти, а восторг перед правдой и красотой высшего начала. В основе русского аскетизма, по словам о. В. Зеньковского, положительное начало, потому излюблен в русском церковном сознании образ «света», отсюда и «пресветлое Православие», «пресветлая Пасха». Жизнь — это утверждение! Путь отрицания — это путь в никуда, это разрушение, болезнь и смерть! Конечно, время от времени необходимо освобождаться от старых, отживших форм и идей, но почему должны присутствовать нетерпимость, уничижение, насмешка?!

По сравнению с предыдущим периодом нашей истории удивительно видеть высокую степень активности, инициатив президента, премьера, некоторой части государственной и общественной элит, но общее состояние нации не меняется. Создается впечатление, что активность уходит как вода в песок. Нация не живет как единый организм, нет национальной общности, которая складывается из общего мировосприятия, общих смыслов, традиций, истории; каждое нововведение не становится орга-

ничной частью национальной жизни. Сосуществование людей различных типов мировосприятия и способов существования в сложных условиях России вело к взаимному непониманию, недоверию, к расслоению общества, к бессмысленности усилий. Проблема расслоения общества в нашем государстве имеет две составляющие: социальную и национальную. Рассмотрим их.

Социальное расслоение общества обычно рассматривается как расслоение населения государства на власть, культурный слой и народ. Однако подлинной причиной социального расслоения является генетическая обусловленность сознания, направленного либо на объект, внешнее, либо на субъект, внутреннее, либо равнонаправленное, амбивертное. В нашей стране, в силу присущего нам максимализма, генетическая обусловленность, соединяясь с социальным статусом человека, обретает ярко выраженный характер. Общее состояние общества усугубляется расслоением внутри социальных групп, выражающих различные психотипы.

Конечно же, все человеческие типы есть всегда и везде, но в нашем отечестве конфликт противоположных подходов к реальности, умноженный на присущий нам максимализм, непонимание и недоверие, ведет к расслоению общества. Почему тотального расслоения общества не было в советский период нашей истории?! Потому, что было общее содержание жизни, создающее общий язык понимания, даже если он был идеологизирован и не отвечал на многие вопросы жизни.

В условиях одного общества, одного государства *взаимопонимание составляет нормальное развитие*. В нашем случае нормальное развитие — это развитие и синтез духовного и материального, внутреннего и внешнего. Каждая социальная группа, отражающая структуру общества, имеет свои функциональные обязанности в общенациональном созидании.

социальная группа	функциональная роль	ментальность
власть	организация, управление	акцент на объективном
культура	содержание жизни, связь власти и народа	двойственность/синтез
народ	участие в исторической судьбе	субъективность, целостность

- По своему назначению власть сосредоточена на том, что принято называть объективными аспектами существования, что органично для экстравертного типа ментальности. Даже в тех случаях, когда личное мировосприятие лидера государства обусловлено интровертным или амбивертным типом ментальности, функциональные обязанности требовали акцента на объективном (Николай I, Сталин, Горбачев, Путин).
- Культурный слой по своему назначению создает и реализует содержание жизни, общность нации, обеспечивая тем самым связь в государстве. Ментальность культурного слоя наиболее ярко отражает как двойственность, так и синтез российского психотипа. Двойственность проявлялась в «великом споре»: Н. Сорский – И. Волоцкий, «щепотники»–раскольники, западники–славянофилы; правые и левые; синтез — в исихазме, почвенничестве, космизме.
- Функциональная роль народа — участие в исторической судьбе нации. Народной ментальности свойствен целостный, или восточный, тип мировосприятия и резонансное и кооперативное действие.

Итак, можно видеть, что мировосприятие и ментальность власти и народа имеют прямо противоположный характер; культурный слой нации внутренне противоречив и, не находя понимания ни у власти, ни у народа, концентрируется: одни — на радикальной критике, другие — на согласии, третьи отстраняются от общей жизни.

Может ли при таком положении быть взаимопонимание, доверие, стабильность, мир и гармония? Вполне очевидно, что нет! Следствия внутренних противоречий нации проявлялись либо в авторитарных методах организации общества и государства, либо в социальном расслоении, стагнации и разрушении государства.

Каждая группа имеет свои стереотипы мышления и поведения, продиктованные ролью и назначением в общем созидании, выражающие вполне определенный тип ментальности. Ценности и логика подходов к реальности зависит от типа ментальности, но отсутствие знаний о законности различных типов и преданность своему пониманию, признаваемому «*единственно*» разумным, ведет к конфронтации. Полноценное существование нации

возможно, если три социальные группы: власть, культура, народ, — имеющие каждая свое гражданское назначение, свои права и свои обязанности в общем созидании, действуют взаимодополняя друг друга.

Не меньше трудностей и проблем, ведущих к расслоению общества, создает и национальная неоднородность нашего государства. В отличие от США, европейских государств наша многонациональность имеет иную природу: местожительством для больших и малых этнических сообществ, проживающих на территории нашего государства, является Россия; Россия — наш «общий дом». В вопросе сосуществования различных этнических сообществ наше отечество прошло два варианта сожизни: период царской России и советский период. В дореволюционной России этнические группы сосуществовали, сохраняя собственную культуру, язык, традиции, общим было административное право, регулирующее взаимоотношения. В советский период посредством общей идеологии и силовых методов этнические различия и разногласия были сглажены. Сегодня мы имеем следствия прежнего усреднения, сглаживания различий наций и народов. Но причина не только в тотальной идеологической диктатуре советского периода — причина и в том, что нации и народы, проживающие на территории России, достигли в своем развитии стадии самоопределения, что всегда проявляется в потребности проявить себя, в необходимости признания другими, будь то человек или нация.

Когда знание различий между людьми отсутствует, когда организацию существования определяют формации, способы производства, экономические факторы, а человек и человеческий способ существования неизвестны, неуважение к субъектам государства (человеку или этническому сообществу) становится неизбежным. Все этнические группы, проживающие на территории современной России, по типу сознания, культуры относятся к амбивертно-синтетической цивилизации. Различия национальных культур — это различия интерпретаций амбивертно-синтетического способа существования.

Но амбивертно-синтетический тип культуры в российском варианте — это общечеловеческий тип, следовательно, на генетическом уровне все россияне, все этнические группы не имеют

принципиальных различий. Преодолеть неприязнь, неуважение можно, если мы будем иметь общее содержание жизни, раскрывающее наши общие генетические корни, позволившие сосуществовать нам в условиях одного государства на протяжении столетий. Мы имеем и общую генетическую основу, и опыт совместного проживания, и общность нашей исторической судьбы. Но в этом вопросе, как и во всех вопросах, связанных с развитием, нельзя торопиться — важно двигаться в этом направлении.

Мы можем сделать общий вывод о том, что социальное и межэтническое расслоение общества может быть преодолено посредством создания положительного общенационального содержания, способного обеспечить общность россиян.

Нельзя сказать, что напрасны многочисленные попытки придать социальной жизни нашего общества динамический характер, но они не меняют общее положение. Причина, по-видимому, в том, что общая жизнь людей имеет два аспекта: социальный и соборный. Первый без второго в условиях нашего государства «не работает». Да и возможно ли, в условиях громадной территории, с неравномерной плотностью населения и неоднородными природно-климатическими условиями, создающими неравные экономические условия, национальной и конфессиональной неоднородности, без общности, без внутреннего единства, конструктивно преобразовывать нашу жизнь?!

В государстве отсутствует общность, что становится общей характеристикой нашего существования. Отсутствие общности — это отсутствие общей цели, идеи, органично соединяющей цели государства и всех его граждан, общие и индивидуальные смыслы. Общность позволяет нации концентрировать усилия и совершать преобразования.

Сохранить государство и эффективно двигаться в будущее в таком большом и сложном государстве, как Россия, не прибегая к авторитарным методам, можно только при опоре на общность, на внутреннее единство граждан государства. Социальность, внешние формы взаимодействия обретут позитивный характер, только когда нас будет объединять общность и изменится отношение к человеку. Сегодня в нашей стране и социальность, обычно называемая гражданским обществом, и общность, обычно возникающая в рамках одной религии или идеологии и сохраняющаяся

на протяжении истории, имеют неустойчивый и неопределенный характер. Как мы уже отмечали, постперестроечный период нашего существования имеет тенденции западного развития, которое большинством нации полностью или частично отвергается как не решающее вопросы внутреннего развития: духовного и нравственного. В то же время отсутствует общее содержание национальной жизни, органично вплетающее настоящее в наше прошлое, все типы активности и все способы существования.

Общность, в отличие от социальности, имеет более глубокие корни и потому является внутренней силой, цементирующей нацию. Общность — это то, что позволяет нации осознавать свою отдельность, непохожесть на других субъектов человечества. Другими словами, общность — это сущность, или субъектность, нации, сохраняющая на протяжении веков ее самотождественность и воспринимаемая как данность. Гражданские отношения напрямую зависят от времени, условий в стране и мире и могут и должны иметь гибкий характер, но нации необходима опора. Общность и является национальной опорой. Если в прошлом опорой выступало православие, то сегодня нам необходима новая, современная интерпретация национальной общности, позволяющая легко понимать и откликаться на сформулированную общность *всем* россиянам. Внутренний отклик рождает дух сопричастности, внутреннего единства, способный быть основанием подлинной консолидации и единства.

Общность рождается неспешно усилиями многих поколений, исторической сожизнью, традициями, культурой. Но мы удивительно беспечны: не задумываясь, отбрасываем то опыт Святой Руси, то опыт царской России, то советский опыт, то опыт 90-х, а сегодня либералы предлагают отбросить опыт нулевых. Мы вспоминаем о том, что мы одно целое, к сожалению, все реже: либо в дни национальных побед, которых становится все меньше, либо в дни трагических испытаний. Общность, если она есть, это опора, не только способная консолидировать нацию в трудные времена, но позволяющая эффективно развиваться, концентрировать усилия для новых свершений, для благополучия, гармонии и процветания. Можно ли сегодня вернуть дух национальной сопричастности, чувство общности, чувство, что мы части единого организма, одно целое?!

Нам необходима общая идеология как обоснование нашего существования, как система, определяющая наш способ существования, наши ценности, наше мировосприятие, и на этих основаниях организующая нашу жизнь. Но новая идеология должна иметь общечеловеческий характер, при этом не исключая ценности и традиции наций и народов нашей страны. Соединение и синтез двух начал на уровне человечества является назначением среднего, в том числе российского, психотипа — амбивертно-синтетического. Равнозначность духовного и материального является фундаментальным качеством и отличием наших традиций, культуры, ментальности, способа существования, равнозначность духовного и материального должна определять общее содержание жизни в России. Как мы отметили, содержание жизни и соединение власти и народа является правом и обязанностью культурного слоя. И представители культурного слоя всегда чутко откликались и откликаются на происходящее в нашем отечестве. Но почему же нет общего содержания жизни?! Потому что в самой культурной среде нет согласия и взаимопонимания, активность сводится к констатации наших проблем и общего состояния. Но ответа, *как* из этого состояния выйти, по-прежнему нет. Предлагаемые интеллектуальные конструкты не являются включающими, то есть не являются общечеловеческими.

Общественно-политические процессы XX века были многочисленными и бурными попытками реализации и осмысления различных идеологий. Пройдя через ряд стадий своего развития, научная идеология так и не выработала критериев истинности содержания идеологических систем и их влияния на жизнь человеческого общества. Современное состояние идеологий выражает мысль Д. Грея о «грандиозных руинах несостоявшихся утопий». Читая, слушая, размышляя, наблюдая политические, социальные, идеологические и прочие выступления, обсуждения, высказывания о современной действительности, невольно замечаешь узость и однобокость рассмотрения вопросов и проблем. По аналогии с нашумевшей в свое время работой А. Блума «Сумерки американского разума» хочется сказать, что человечество переживает «сумерки человеческого разума». Сегодня человечество находится в системном кризисе, но продолжает разыгры-

вать старые сценарии, облекая их в новые или не совсем новые формы.

Причина «несостоявшихся» идеологий и общего тупика человеческого существования, по мысли основоположника философской антропологии М. Шелера, в том, что *незнание сущности человека приводит к кризису в культуре, к отказу от самого человека и, добавим, к духовному самоуничтожению человека*. Сегодня мы смело можем расширить слова М. Шелера, констатируя, что незнание сущности человека, логики и направленности его развития приводит к глобальному кризису человеческого существования.

В главах «Человек и человеческий способ существования» и «Нравственность как способ жизни» мы очертили общие положения второй ступени познания, являющейся одновременно вторым периодом эволюции человека — периодом, к которому переходит человечество. Людей, достигших в своем развитии стадии, когда актуальным становится знание теории и практики становления индивидуальности, сегодня можно встретить на всех уровнях социальной лестницы. Но в данном случае нам необходимо рассмотреть вторую ступень познания в контексте создания положительного содержания жизни. Культурный слой нации — социальная группа, имеющая наиболее широкие возможности интеллектуального осмысления нашего существования, и кому, как не этой группе, начать процесс консолидации нации? Общее содержание жизни, общность, не только является правом и обязанностью культурного слоя, но, главное, позволит прийти к пониманию смыслов национального существования, позволит организовать нашу жизнь, не прибегая к насилию, позволит обрести нравственное существование.

Вторая ступень познания — это обретение однонаправленного сознания, ведущего к «чистому» и достоверному знанию, к способности воспринимать реальность «как она есть», без наложения собственных установок, стереотипов, прошлого опыта и т. д. «Чистое» знание, интуиция, раскрывает суть вопроса, явления и, следовательно, на основе интуитивного прозрения может быть создана идеологическая система, способная включить все аспекты национального существования. Трудность всегда заключается в неспособности длительное время удерживать созна-

ние в состоянии однонаправленности, а значит, в «чистоте», свободе от субъективных воздействий. Однако есть метод, способный обеспечить и «чистоту», и свободу от личных ограничений. Захочет ли современный интеллектуально развитый человек, уверенный в своей способности «все знать и понимать», не на словах, а в действительности приложить усилия, чтобы создать новое понимание мира, человека, существования?

Вторая ступень познания — это познание природы, логики развития, методов самоорганизации внутреннего мира, который все еще остается непознанным и не имеющим узаконенных форм и способов постижения. В отличие от религий и духовных учений, научные подходы и методы *не* ведут к познанию и овладению внутренним миром.

Религии и духовные учения мира настаивают на необходимости «смирения». Смирение — это не покорность, не пассивное отношение к жизни, как считают многие. Смирение — это не просто воспитанность, не просто соблюдение общих норм и правил, что органично в первом периоде эволюции, когда человек обретает опыт человеческого самосохранения и преобразования материальной и социальной жизни. Смирение — это самообуздание: обуздание гордыни, нетерпимости, собственных предпочтений; смирение — это подлинное уважение других людей, культур, это неисключение того и тех, кто нам неблизок, смирение — это включение. Смирение — это метод познания, открывающий смыслы, логику существования. Только приняв *жизнь*, приняв реальное положение, можно начать ее конструктивно преобразовывать. Истина открывается не в споре, спор может лишь *побудить к ее поиску* (а может и закрепить ошибочное понимание); истина познается в молчании, в глубоком покое, в смирении. Именно глубокого молчания достигает человек в медитации, в молитве, и реальность открывается «как она есть», открываются причина и следствие, прошлое, настоящее и будущее. Научные методы задействуют интеллект, способный познавать ту или иную сторону, часть, аспект. Сознание, когда оно однонаправлено, является интегральным, что позволяет воспринимать и познавать целостно. Однонаправленное состояние сознания невозможно, если в сознании сохраняются установки, стереотипы, например такие, как «порядочные люди не идут во власть» или

«народ темный, неразвитый». Смирение требует всего человека, требует воли, мудрости, любви, без которых смирение невозможно. «Молчание ума», как это называлось в исихазме, невозможно без смирения. Человек, овладевший «молчанием ума», знает *что, зачем и как* делать, способен действовать не только адекватно, но и максимально эффективно, так как сознание такого человека учитывает все нюансы, все грани происходящего.

Можно повторить, в нашей стране немало тех, кто овладел или овладевает рефлексивным слоем сознания, вторым способом познания. Отсутствие онтологического статуса нематериальной реальности оставляет всю область духовности и нравственности «незаконной», что не способствует ее обнаружению и введению в повседневную реальность. Создание концепции национального существования, включающей духовное, психическое и материальное, послужит созданию и укоренению реализации общего содержания жизни, общности россиян, приведет нацию к консолидации. Многовековая проблема «двух наций», расслоения, требовавшая много сил и напряжения, может быть решена. Вспомним еще раз речь Ф.М. Достоевского на празднике А.С. Пушкина: *«О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое...»*

Жил бы Пушкин далее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров...»

После речи Достоевского *«зал пребывал еще в каком-то оцепенении, которое прорвалось столь бурно, что вряд ли когда прежде Благодородное собрание видело что-либо подобное. Славянофил Иван Аксаков и западник Тургенев бросились целовать Достоевского. В зале творилось невообразимое — люди плакали, обнимались, кто-то упал в обморок, словно, пусть на мгновение, но все злое, недоброе, разделяющее людей отпало вдруг как скорлупа, и они обрадовались себе, новым, забытым, но мучившимся всегда в этой проклятой скорлупе и теперь ликующим от возможности быть самими собой».*

Нам необходимо общее содержание жизни, которое послужит делу консолидации, единства, что в условиях России жизненно важно; общее содержание национальной жизни, не исключаящее ни один из способов мировосприятия и действия,

способно привести нацию к позитивному и удовлетворительному существованию и развитию.

Отсутствие уважения к человеку

Отсутствие уважения к человеку, так же как и отсутствие преемственности, общности, в нашем отечестве является следствием двойственного сосуществования людей с противоположными подходами к реальности, многократно умноженными на свойственный нам максимализм и неоднородность всех сфер бытия. Человек воспринимает условия, в которых проходит его жизнь, как данность, которую он принимает или не принимает, но в подавляющем большинстве случаев причиной своих несчастий называет внешние по отношению к нему факторы: жена/муж, дети/родители, сосед/друг, общество/государство, природа/бог. Но перечисленные и иные *причины* имеют один корень — способность или неспособность человека понимать и преобразовывать себя и среду своего обитания. Порой можно слышать, что наше отношение к человеку — тяжелое наследие условий нашего существования, но на современном этапе развития тяжелые условия — это не столько природа, климат, ресурсы, власть, чиновники, сколько отсутствие опоры.

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» — утверждает наша Конституция. Невольным выводом из данного утверждения является отождествление человека с его правами и свободами. Но разве человек — это только права и свободы?! Права и свободы — это атрибуты человеческого существования, но не сам человек. Уважение к человеку не равнозначно уважению прав и свобод, при всей их значимости. В настоящее время права и свободы превратились в критерий добра и зла, тогда как сам человек на деле не только не является высшей ценностью, но неизвестен, его *человеческие* потребности и интересы сведены к потребительской корзине. Человек не сводим к правам и свободам, и это хорошо видно на примере западных стран.

Непредвзятый (не акцентирующий материальные и социальные достижения Запада) анализ современного человека западного мира покажет, что человек западной цивилизации все больше погружается в экзистенциальный вакуум. Несмотря на демокра-

тию, отсутствие материальных и социальных проблем, как их понимает житель России, человек современной цивилизации оказался в тупике развития, в бессмысленности своего существования. Пока человек учился выживать, смысл жизни был объективирован во вполне зримых материальных ценностях. Однако человек не животное, и его существование не сводимо к потребностям тела, и чем более человек развит, тем больше у него сложных и многообразных потребностей и интересов. Может казаться, что многоцветье современной жизни способно удовлетворить человека. Увы, психосоматическое состояние человечества, особенно цивилизованной его части, не дает оснований поверить в иллюзию потребительского рая. Сегодня все чаще можно видеть, что все больше людей остаются *неприкаянными*, хотя неприкаянность часто прикрыта глянцем. Проблемы существования: терроризм, наркотики, преступность, коррупция, насилие над детьми, детская преступность и пр. — имеют место повсюду, но причины этих проявлений в странах Запада и, например, Южной Азии различны. В странах западного мира причина экзистенциальной фрустрации в незнании сущности человека, смыслов его существования; человек, освободившись от тяжелого труда, не знает, что ему делать. Если человечество переходит к принципиально новому периоду своего существования — самосознательному, то вполне очевидно, что именно самосознание способно освободить от неприкаянности и привести к разумной организации человека, общества, человечества. Стадии развития, предшествующие самосознанию, — это самоопределение и самоутверждение. Но самоопределиваться без ошибок и разочарований практически невозможно. Невозможно не потому, что сама возможность исключена в принципе, а потому, что нет обоснованной картины человека и способа его существования.

В процессе самоопределения человек познает себя, но познание себя не есть самосознание. Обрести самосознание — это обнаружить опору, смысл жизни. Внешние условия, воздействия преломляются через внутренние, изменение которых зависит от самого человека, его воли. Внутренняя реальность и есть подлинная реальность, но ее необходимо обнаружить. Внутренняя реальность состоит из двух уровней: субъектности и сознания. Первая, субъектность, является *неизменной* на протяжении су-

ществования, потому и должна быть признана подлинной реальностью. «Всякий из нас добровольно рассматривает свое «я» как нечто постоянное, неизменяющееся» (У. Джеймс); это нечто неизменное в нас и есть наше я, субъектность, код. Субъектность — это и есть подлинная реальность, подлинная опора, к которой стремится каждый субъект существования. Непризнание онтологического статуса духовного привело к незнанию подлинного Я, но Я всегда есть. Сегодня наука создает виртуальное я (Я-концепцию, образ Я), порожаемое сознанием, которое по-прежнему остается неизвестным, «нечистым».

Второй уровень внутреннего мира — сознание, которое изменчиво, но может обрести стабильность и стать прозрачным. Содержание сознания, пока не проделана целенаправленная работа по его освобождению и контролю, присутствует как «покрова», «завесы», не позволяющие познать собственное Я, Подлинность, раскрывающую и жизненные смыслы, и назначение, и возможности. Освободиться от «завес» человек может либо собственными усилиями, если уровень развития сознания позволяет проделать такую работу, либо нуждается в помощи. Религиозные и духовные практики, в отличие от науки, всегда имели знания и методы достижения подлинной реальности, субъектности, но практически всегда имеют сложный для современного человека язык и рационально необъяснимые требования к самому человеку и условиям его жизни.

Знание собственной субъектности рождает подлинное самосознание, индивидуальность, достоинство, обратной стороной является уважение к другим, открытость миру, творчество. Все религии, духовные учения мира свидетельствуют, что человек, обретая знание собственной Подлинности, всегда с глубоким уважением относится к любому человеку, миру. Тот, кто не уважает других, в действительности не знает себя, не имеет чувства собственного достоинства (грустно, что возможность курить сигареты, иметь автомобиль определенной марки кто-то считает достоинством). Путь к себе непрост, но результаты стоят того, чтобы приложить усилия.

Сохраняющееся господство материалистической парадигмы: непризнание духовности онтологической реальностью, так же как и неадекватность современным условиям религиозных прак-

тик, несмотря на повсеместную тягу познать подлинную природу человека, оборачиваются многочисленными ответвлениями от религий и духовных учений сомнительного качества. Отметим только, что в вопросе обнаружения субъектности, Я, имеет смысл обращаться к авторитетным источникам, проверенным временем.

Человек нуждается в знании, в широком просвещении, свободном от идеологических предпочтений и стереотипов. Изменить условия нашего существования можно, только изменив человека, научив его преобразовывать и себя, и среду обитания.

Жизнь человека, осознает он это или нет, подчинена смыслам. Смыслы — это законы и закономерности человеческого существования, потому что смысл всегда целесообразен. Но вся проблематика смыслообразования остается неизвестной. Только осуществляя смысл жизни, осуществляя себя, человек перестает быть неприкаянным, обретает себя, опору, становится свободным и счастливым.

Почему ни современная научная психология, ни философия, в том числе экзистенциальная, не находят удовлетворительного ответа на жизненные вопросы существования? Ответ один: человек рассматривается как среднестатистический тип и если на континууме свойств и проявлений нижний порог известен, то верхний порог возможностей человека остается весьма неопределенным.

Отсутствие полноценного, онтопсихологического, знания о субъектности и сознании, организация общей жизни, когда исходными являются потребности общества, а человек рассматривается как объект, не могут привести к организации жизни государства, когда слова Конституции: «Человек... является высшей ценностью» могут стать реальностью.

Конечно, не сразу и не «вдруг» все люди станут самосознательными. Важна альтернатива бессмысленному существованию. Когда человек посредством собственных усилий действительно обретает себя, обретает знание своей Подлинности, обретает собственное достоинство, он относится к другому человеку и людям в целом с подлинным уважением. Вспомним еще раз емкую философскую максиму А.С. Пушкина — «чем глубже, тем шире»: чем более глубоко человек знает себя, тем более открыт он другому человеку, обществу и миру.

Глава 4

Новая социализация

Мы определили период национального развития России как *возможность* перехода на стадию сознательного существования. В отличие от прошлых периодов бессознательной эволюции, самосознательное существование предполагает знание собственной субъектности, или направленности и избирательности существования, осознание устойчивых связей и отношений между группами различной онтопсихологической обусловленности, обеспечивающих (или не обеспечивающих) прогресс нации. Прошлое, по причине его неосознанности, не позволяет нам активно и успешно двигаться в будущее. Мы должны осознать то, что нам мешает, и научиться тому, что мы все еще не умеем. *Процесс социализации может стать первым реальным шагом возрождения России. Новая социализация — это и есть процесс освоения нового уровня понимания нацией себя и нового, осознанного существования.*

Потенциал духовных, сознательных, в том числе интеллектуальных, возможностей, накопленных нацией в советский период, практически исчерпан. Сознательная самоорганизация нации требует:

- *теоретической базы* самоопределения, включающей анализ эволюции, истории, психологии, характера и определение на этой основе:
 - субъектности — общего направления развития, стратегических и тактических целей и задач, отвечающих интересам и потребностям всех социальных групп государства;
 - субъективных особенностей — психологии, характера нации;
 - способа существования;
- *общей ментальности*, позволяющей вырабатывать и согласовывать общепонятные ценности, нормы и правила жизни;
- *готовности* власти.

Процесс новой социализации населения должен состоять из трех обязательных этапов: подготовительного (1), факультатив-

ного (2) и общего (3), фактически означающих социализацию населения страны, — на основе решения референдума по вопросу национального самоопределения.

Подготовительный период

Раздел I. Общие основы теоретико-методологической базы новой социализации населения

Самосохранение, дальнейшее развитие и процветание России зависит не столько от экономического положения страны (неоднородность всех сфер существования, в том числе психологическая и социокультурная, является дезинтегрирующим фактором), сколько от здорового психологического и идеологического состояния нации. Сохранить Россию, не прибегая к авторитарным методам, можно только при наличии общего межнационального, межконфессионального понятийного языка-коммуникатора. В основе такого общего языка-транслятора должен лежать некий смысловой интегральный конструкт, делающий понятным, оправданным и желательным сохранение и дальнейшее развитие России.

Таким интегральным конструктом может выступать концепция национального самоопределения, раскрывающая исторические, психологические, политические, социальные, этнические, религиозные и пр. смыслы нашего существования, определяющая наше место и роль в мире, стратегию и принципиальные условия благополучного развития. Концепция национального самоопределения может стать общенациональным положительным содержанием жизни, которого так не хватает России сегодня. Содержание концепции должно не только не исключать этнические, конфессиональные ценности, традиции и нормы, но и предполагает их включение в общечеловеческие ценности. Культуры, ценности различны, тогда как человеческие смыслы универсальны, так как направлены на сохранение целостности и единства каждого субъекта человечества. Общий интегральный контекст, стоящий за всей совокупностью национального существования и развития, способен обеспечить не только возвращение к национальным истокам, возрождение национального самоуважения и достоинства, но и создаст ту внутреннюю, психологическую связь, без которой невозможно объединение, консолидация нации и дальнейшее конструктивное созидание.

Концепция национального самоопределения должна включать помимо материалов национального самоопределения, концепцию естественно-гуманитарной картины мира, индивидуального самоопределения и самоорганизации. Фундаментальным, «сквозным» «принципом равной простоты» может служить принцип структурно-функционального единства. Философская, общенаучная, психологическая, историческая, социальная, обыденная интерпретация данного принципа позволяет понять причины, смыслы, цели и задачи национального существования и использовать обозначенный принцип в качестве основного механизма организации и самоорганизации.

В подготовительный период должны быть проведены научные, социальные, политические, культурные и образовательные дискуссии, конференции, по итогам которых должна быть создана концепция национального самоопределения и определены варианты программ социализации и рекомендации по проведению последующего референдума по вопросу национального самоопределения. Нам необходима новая социализация, но без создания и законодательно закреплённой концепции национального самоопределения социализация превратится в очередной лозунг и хаотичный набор знаний.

Теория и методология концепции новой социализации должна включать:

- I-1. Естественно-гуманитарную концепцию картины мира.
- I-2. Концепцию национального самоопределения.
- I-3. Методологические основы национальной культуры.
- I-4. Программы индивидуального самоопределения и самоорганизации — теоретические и методологические основы психологического просвещения и помощи человеку в его развитии и становлении.
- I-5. Процессы социализации в системе образования.

Раздел II. Создание концепции национального самоопределения — необходимый первый шаг, за которым должна последовать подготовка профессиональных кадров

- менеджеров — организаторов процесса социализации;
- практических психологов и социальных работников, ориентированных на цели национального и индивидуального самоопределения, в том числе психологическое просвещение и по-

мощь, например, посредством таких программ: «Самопознание и самоопределение», «Конструктивное взаимодействие (резонансное и кооперативное)», «Недуальное мышление».

Раздел III. Создание общего центра социализации и его филиалов — центров культуры, народных университетов и пр.

Общая концепция «Национального самоопределения» после обсуждения альтернативных проектов, например, Общественной палатой, после процесса добровольной экспериментальной социализации: знакомства с общими положениями целостной картины национального существования и общими принципами самоорганизации человека и нации — может быть законодательно закреплена. И только после принятия и утверждения концепции может быть положено начало процессу фактической социализации населения. Цель новой социализации может быть определена как «Национальное самоопределение и методы самоорганизации человека и общества».

Национальным центром социализации должен быть разработан многоуровневый последовательный подход, позволяющий предоставить возможности самопознания и самоорганизации для людей всех психотипов и всех уровней развития. Процесс осознания и освоения может быть реализован на следующих принципах:

- *добровольности;*
- *общего в смыслах и принципах, разнообразия в формах и способах;*
- *развития.*

Принцип добровольности

Наше недавнее прошлое — хороший пример, как идеи переходят в идеалы, а затем в идолов со всеми сопутствующими явлениями: категоричностью, нетерпимостью, радикализмом, жесткостью, насилием, подавлением человеческой индивидуальности всеми возможными способами. Внутренняя жизнь человека, и тем более нации, процесс не только длительный, но и весьма деликатный. Если помнить, что, пока человек не овладел способностью сознательного контроля, сознание проявляется как нестабильность, спонтанный структурогенез, то вполне объяснимы

и закономерны принципы добровольности и последовательности.

Право каждого человека жить и утверждать собственную жизнь, не входя в противоречие с правами других, должно быть неизменным. Современный человек в подавляющем большинстве случаев бессознательно детерминирован условиями рождения и воспитания, типом ментальности и психологическими особенностями, национальной и конфессиональной принадлежностью, что правильнее было бы назвать полезависимостью, а не свободным волеизъявлением. Вполне вероятно, что в начале процесса социализации немало людей будет вести себя как ребенок трехлетнего возраста, когда он проходит через кризис, называемый психологами «Я сам». Но подобная незрелость быстро проходит, так как ребенок быстро убеждается, что может он немного. Право утверждать собственную жизнь, собственное мировосприятие, способ существования может перейти и, рано или поздно, перейдет из бессознательного состояния в *осознанный личный выбор*. Сделать осознанный добровольный выбор человек может, если соблюдены такие условия, как развернутая картина мира, человека и человеческого способа существования в их смыслах, единстве и целостности; и процесс носит добровольный, последовательный и многоуровневый характер.

Даже после того, как целостная картина человеческого существования становится очевидной и приемлемой, необходимо длительное время для адаптации к новым знаниям, обретения навыков новой самоорганизации. Дорога познания жизни — это не столбовая дорога, по которой можно шагать колонной с четко организованными шеренгами, дорога познания жизни — это *возобновляющиеся усилия*, не сразу, не вдруг, не всегда ведущие к результату. В отличие от внешней жизни, в организации внутренней жизни важен процесс — результат (или то, что можно назвать результатом) слишком нестабилен. Один человек может быть успешным и быстрым, но поверхностным, или со временем усилия могут оказаться напрасными и ошибочными. Усилия другого человека могут казаться безуспешными, но вдруг проявятся в удивительном по глубине и качеству результате. Несмотря на общие закономерности развития внутренней жизни, у каждого свой путь, скорость и результат. Именно по этим причинам в во-

просах внутренней самоорганизации должен работать принцип добровольности: установление каких-либо норм, требований оборачивается насилием и злом. Только общие тенденции и общие смыслы должны быть известны человеку: он сам должен убедиться в собственных возможностях. Человек должен знать, что только внутренняя самоорганизация обеспечивает целостность, полноту и радость жизни.

Конечно, идти одному трудно и порой невозможно, но когда знания становятся общими, процесс становится общим делом нации, тогда эффективность и скорость движения может обрести небывалые размеры. Необходимо исходить из реального положения дел, реального, а не желаемого или кажущегося психологического возраста каждого человека и нации в целом. Возраст определяется не потенциальными, а реальными возможностями: современный человек реально владеет способностью к сознательным действиям в материальном мире и в потенции способен к осознанным отношениям, но пока мало кто способен к *сознательному ментальному конструированию в самоорганизации, или к творчеству как способу жизни.*

Общее в смыслах и принципах, разнообразие в формах и способах

Сегодня основные открытия неклассической науки (кон. XIX — нач. XX в.): относительность и принципиальное значение субъекта — обрели повсеместный и тотальный характер. И, как всегда, новое принесло новые возможности, которые со временем обретают недолжный акцент и становятся препятствием. Чтобы относительность и значимость субъекта не перешли в хаос и вседозволенность, необходимы универсальные, или абсолютные, критерии.

Таким абсолютным критерием может выступать Единство, которое является и сутью, и безусловным принципом существования Вселенной и всех подсистем, в нее входящих. Каждая самоорганизующаяся система детерминирована единством и целостностью, в своей основе обеспеченными универсальной структурой. Единство — это и высший смысл, и руководство к действию, которые на человеческом уровне существования имеют не только

бессознательный, как в природе, характер, но и могут служить осознанным принципом и механизмом самоорганизации. Единство обеспечивает полноту и целостность существования: идет ли речь об атоме, человеке, нации, человечестве или Вселенной. Кажущееся многообразие смыслов может быть структурировано и объективировано как для человека, так и по аналогии с ним для человеческого сообщества — нации. *Опора на принцип аналогии в организации существования субъектов человечества сохраняет очевидными связи человека с обществом и миром, так как обобщенные и объективированные смыслы человека являются законами человеческого бытия.* Организация социальной жизни на основе социальных и экономических законов разрывает живую связь человека и общества, истории, превращая человека в объект, а потребности общества и государства в исторически кратковременные конструкции, понятные специалистам, но нередко нежизненные и для них.

Если мы признаем, что утверждение самобытия, или самоактуализация, и базовые потребности обеспечивают единство, полноту, счастье человека, то логично признание *фундаментальной потребности нации в утверждении национального бытия и организации сфер жизнедеятельности, за которыми стоят базовые потребности-смыслы человека.* Это общее положение обеспечивает взаимопонимание и, как следствие, возможности конструктивного и созидательного взаимодействия. Акцент должен быть сделан на общее, тогда как формы, способы будут присутствовать в великом многообразии человеческих способностей и возможностей. Наука может и должна разработать технологии самоорганизации с учетом психологического возраста (типа, развернутости структуры сознания), национальных, конфессиональных, региональных и прочих особенностей. Развернутая картина Единства, в которой человек присутствует как органичная часть, не противопоставленная обществу и миру, при соблюдении принципа добровольности, приведет к единству, полноте жизни, резонансному и кооперативному взаимодействию и созиданию.

Принцип развития

Каждая самоорганизующаяся система развивается из себя: именно по этой причине люди и нации столь различны; даже если

это близкие народы, например на Кавказе, по происхождению, условиям, образу жизни — каждый народ имеет свои отличия. Не считаться с национальными особенностями — это проявлять неуважение. Но не только народы весьма различны, каждый человек — это отдельная система и, значит, развивается из себя. В контексте реализации проекта «Новая социализация» принцип развития нас должен интересовать с точки зрения возможности нравственной организации нашего существования. В соответствии с общечеловеческим периодом эволюции (развития) актуальностью становятся осознанные взаимоотношения, что означает не формальное исполнение правил и норм, а осознанная самоорганизация человека в его отношении к себе, другому, обществу и миру. По всей вероятности, никто не может сказать, сколько времени понадобится человечеству, чтобы овладеть способностью сознательной, нравственной организации взаимоотношений, но другого варианта развития нет. Последствия индустриального, постиндустриального подхода к развитию сегодня уже более чем очевидны: ставка на развитие свободного рынка, компьютеризацию, инвестиции, новые технологии неизбежно заканчивается кризисами, переходящими в мировой и тотальный. Время, проходимое от возникновения нового инструмента развития (рынок, финансы, инвестиции, технологии), его роста и стагнации, сокращается и будет еще более ускоряться. Удивительно, но, понимая, что развитие производительных сил предполагает уменьшение затрат труда, ресурсов, освобождение человека, человечество сглаживает, можно сказать, игнорирует, что бесспорное повышение уровня жизни не означает духовное и нравственное развитие человека. Развитие производительных сил необходимо для чего? Чтобы освободить человека! Освободить человека для чего?! Для потребления произведенного производителем силами? Круг замкнулся. Стагнация экономики вызывает потрясения, многочисленные дискуссии и пр. Но стагнация человеческого развития не вызывает потрясения. Конечно, время от времени звучат призывы, собираются симпозиумы, конференции. Но подобные меры не идут ни в какое сравнение с мерами в области экономики. Человек все более и более превращается в одномерное существо, бездумно потребляющее все, что может обнаружить в своем окружении.

Есть только один беспрюжный вариант развития — человек. Вкладывать нужно в развитие человека, в его способность к сознательной самоорганизации, резонансному взаимодействию. Нередко можно слышать утверждения, что развитие человека — процесс слишком долгий. Но время не стоит на месте: можно ли считать разумным создание машинного рая, обслуживающим его «одномерным» человеком, которого потом придется развивать? Да и будет ли у человечества такая возможность?

Принятие концепции национального самоопределения и процесс социализации должны осуществляться на вышеперечисленных принципах. Важен сам процесс, организованный как общенациональное дело: если идеи, выдвинутые в концепции национального самоопределения, верны, результаты неизбежно проявятся; если не верны — результатов не будет, но не будет и насилия. Помимо активного знакомства с идеями концепции через СМИ, можно предложить другие формы реализации проекта «Новой социализации»: в системе образования, посредством центров культуры.

Образование

Образование — получение систематических знаний, но есть и другой смысл этого слова, от глагола «образовать». До XX столетия и на Востоке, и на Западе образование было преимущественно индивидуальным. *Образовывался* индивид. Обучения масс или не было, или оно было элементарным. Такое положение создавало, с одной стороны, немногочисленную группу ярких индивидуальностей, с другой — массы необразованных людей. Научно-техническая и социальные революции, гуманистические идеи Ренессанса и Просвещения привели человечество в XX веке к необходимости всеобщего образования. История прошлого столетия (XX в.) — время активного насыщения, утоления жажды познания, период отказа от бездумного функционирования. Образовательный уровень людей резко возрос, но качество образования неизбежно снизилось. *Задача, стоявшая перед педагогами мира в прошлом, в основном выполнена.* Следующий шаг — сохранив все лучшее, постепенно перейти к качественному образованию; *целью нового образования должно стать становление человека-субъекта су-*

существования. Параллельно процессам получения систематических знаний необходим процесс становления человека, освоения им навыков самоорганизации. В многочисленных дискуссиях по вопросам образования акцент делается на перечне необходимых предметов, их объеме, вариантах контроля качества знаний. Но где забота о будущем человеке и гражданине, который должен быть здоровым, позитивным, способным организовать свою жизнь с пользой для себя и страны? Государство сильно не только интеллектуальной элитой; золотые плоды рождаются, когда имеется общее плодоносящее поле.

Нашему обществу и государству явно недостает демократической культуры, которая не возникает как результат новой Конституции, а является следствием опыта демократического участия граждан государства в общем взаимодействии. Этот опыт имеет либо исторические корни, либо может быть результатом сознательного воспитания.

Системе образования следует стать Наукой правильных человеческих отношений (в самом широком смысле слова). Этой науке необходимо иметь восходящие ступени становления индивида от колыбели до высшего образования. Каждый этап предусматривает свои задачи, но все они должны являться звеньями одной цепи, работающими на главную цель, а именно: *воспитание целостного человека, способного разумно выстраивать свою жизнь, отношения с непосредственным окружением и с большим целым; выработку у него чувства индивидуальной ответственности, чувства гражданства, основанного на осознании базовых индивидуальных, национальных и мировых отношений.*

В связи с общей целью выступают три задачи:

1. Процессы образования должны провести каждого индивида через последовательные этапы интеграции.
2. Устранение разрыва между аспектами человека — *рассудком и сознанием*. Этот вид интеграции технически может быть осуществлен только в среднем возрасте человека. Но в процессе становления должны быть пройдены стадии становления субъекта: действия, отношений, самопознания, самоопределения, самоутверждения. Именно в процессе самоутверждения человек приходит к подлинному самосознанию. *Эта задача*

по своему сущностному значению является центральной, так как устраняет главную проблему сегодняшнего человечества, а именно разрыв между сознанием, способным разумно выстраивать собственную и общечеловеческую жизнь, и рассудком, в настоящее время развитым, побуждающим к активности, но не способным строить целесообразно в условиях интенсивной жизни, охватывающей все сферы бытия.

3. Воспитание здравомыслящего индивида, имеющего собственное мнение, гражданскую позицию, возможно только при наличии гуманитарной картины мира, общечеловеческих ценностей. Существование научно обоснованной, социально адаптированной, бытийно-приемлемой структуры общечеловеческих ценностей позволяет индивиду научиться сознательно воспринимать действительность и ответственно в ней функционировать. Эта третья задача решает вопрос интеграции личности с целым без утраты ею чувства индивидуальности. Другими словами, государство должно воспитывать свободного, открытого к взаимодействию человека с развитым чувством ответственности.

И глобализация, и кризисы в различных областях жизни требуют *принципиально нового взгляда на человеческое существование.* Весь ход человеческой истории, его нарастающая динамика требуют иных подходов, и они рано или поздно будут найдены, так как это не вопрос желания — это вопрос выживания.

Осмысление глобальных проблем, возникших в конце XX века, действительно требует пересмотра и переоценки ценностей техногенного развития. Все нарастающая динамика эволюции требует сделать ставку не на ту или иную модель, способ, технологию, стремительно сменяющих друг друга, а на *человека*, его понимание и развитие, способность адекватно реагировать на новые вызовы. Наступившее столетие, по всей вероятности, принесет еще больше неожиданностей, чем век XX, поэтому в качестве долгосрочной стратегии должны быть выбраны универсальные ключи, способные адекватно воспринять и осуществить вызовы XXI века. Сознание и ментальность и есть такие ключи, но они должны обрести новое качество.

Понятия информационного взрыва и технологической революции выступают синонимами интеллектуальной революции,

что не только спорно, но и имеет целый ряд негативных последствий в области гуманитарного аспекта существования. В свое время представители формализованного, математического и естественно-научного мышления (позитивизм) претендовали на способность единственно достоверного постижения истины, сегодня представители технократической мысли абсолютизируют технику и технологии, приписывая им всеобщие и универсальные функции и отождествляя технологический бум с прогрессом. Мысль, что среда (в том числе технологическая) может изменить человека, хоть и стара как мир, верна лишь на начальных этапах эволюции человека. В период биосферного, бессознательного, существования эта мысль была не только верна, но и подтверждалась в условиях западной цивилизации, в принципе ориентированной на внешнюю сторону жизни. Однако сегодня, когда человек и человечество активно заявляют о себе, среда может либо способствовать, либо препятствовать становлению человека. Сам человек, его активность, свобода, прогресс, его духовные и нравственные устремления все больше требуют реализации, но тонут в технократическом мире. Человек в очередной раз перестает быть целью и по-прежнему остается средством, несмотря на громкие заявления и упования. Почему провозглашение гуманитарных ценностей остается декларацией? Почему, — если согласиться со сторонниками отождествления технологического прогресса с интеллектуальной революцией, — интеллект не только не приносит человеку полноты жизни и счастья, а все более снижает качество интересов и потребностей человека? Интеллект, притом что все еще нет однозначного его определения, является врожденной *внутренней* функцией, инструментом, которым человек пользуется для создания орудий, облегчающих жизнь, — меняются орудия, условия, но сам по себе человек не развивается. Интеллект напрямую зависит от уровня развития сознания, его типа, степени развернутости и контроля, и в этом случае он может стать инструментом сознания, интегрального механизма человека. *Главная проблема современного человека — нецелостное существование и развитие, естественным следствием которых является резкое понижение разумного, смыслового, нравственного и творческого способа жизни.*

Наше образование обретет качественно новый уровень, если параллельно процессам познания дисциплин будет осуществляться процесс становления человека-субъекта, что на практике является индивидуальным подходом к каждому школьнику. Кроме того, нам необходимо решать вопрос общей ментальности, что предполагает развитие не только левого полушария мозга, но и правого. Методология естественно-научных дисциплин опирается на формальную логику, левое полушарие, тогда как гуманитарные и общественные науки требуют логики смысла и развития правого полушария. Подобный подход не только обеспечит развитие школьников, имеющих различные генетические предрасположенности, но и будет способствовать будущему взаимопониманию между различными психотипами. Напомним также, что равнополушарность, или развитие обоих полушарий мозга, является генетической основой нашей культуры и, как предполагают ученые, основой общей одаренности.

Центры культуры

Центры культуры могут стать очагами национальной субъективной жизни. Целью таких центров может стать повышение общего культурного уровня граждан и их участие в общенациональной жизни. Представляется желательным возрождение на принципиально новом уровне домов (дворцов) культуры или центров культуры, которые к прежним формам различных кружков присоединили бы новые виды организации субъективной жизни населения. Центры культуры могли бы стать очагами подлинно национальной жизни, если бы в них реализовывались как культурные и субъективные, так и цивилизационные, объективные формы реализации потребностей наших соотечественников.

В числе таких новых форм могли бы существовать политические клубы, целью которых была бы не агитация и пропаганда той или иной партии, а дискуссии, беседы, широкое политическое, гражданское и социальное просвещение; разностороннее знакомство с религиями, которого были лишены советские люди, с отечественной и мировой культурой. Такие центры могли бы стать местом культурного досуга для людей различных возрастных групп и различных интересов.

И возможно, главное — организация школ практической психологии, ставящих перед собой цели практического освоения навыков самоорганизации, психологического просвещения и психологической помощи. В настоящее время практическая психология представляет собой набор научных, околонучных и псевдонаучных знаний, которые порой не столько помогают человеку, сколько вводят его в заблуждение. Практический психолог в современных условиях, когда значительное количество людей не принадлежит ни к одной из конфессиональных групп, мог бы выполнять своего рода роль духовного наставника. Для этих целей практическая психология должна обрести качественно более высокий уровень.

Организация центров культуры позволит на добровольной основе привлекать взрослое население нашей страны к процессу новой социализации: к познанию и осознанию как общенациональных смыслов истории, существования, традиций, культуры, особенностей характера, так и индивидуальных способов самоорганизации.

Глава 5 Национальная идеология, идея и выбор пути

Идея трансформационного рывка, духовного возрождения России отнюдь не новая идея, и она не есть плод идеалистических мечтаний, так как в России и в россиянах действительно есть многочисленные предпосылки для подобных упований. Не случайно сторонниками трансформационного рывка были такие разные представители нашего отечества, как П. Чаадаев и Н. Гоголь, А. Герцен и А. Хомяков, Н. Чернышевский и Ф. Достоевский, Н. Бердяев и многие, многие другие. И природа, и генетический тип культуры, и условия существования, и способ существования побуждали россиян понять себя и определиться.

Современное положение нации: разочарование в идеологиях, в возможности нравственной организации нашей жизни, нарастающее расслоение общества, пассивность значительной части населения — является следствием отсутствия общего и понятного для всех духовного аспекта развития. Нация, как и человек, субъект существования, и ее эволюция — это развитие целостной системы, предполагающее развитие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов существования, выраженных представителями различной жизненной доминанты. Отсутствие общепонятного и приемлемого для всей нации духовного и внутреннего развития ведет к утрате национальной идентичности. Нам жизненно необходимо *положительное содержание жизни, или целостная общенациональная идеология*, не исключаящая ни один из типов смысложизненных ориентиров, ценностей, способов существования.

Новая идеология — это новая «точка сборки» нации. Сегодня для значительного большинства нации факт крушения идеологий: и социализма, и либерализма, и, по определению С.А. Франка, идеалистического социализма (сектантства разного рода) — очевиден. Однако также очевидна и необходимость идеологии: существование не может не иметь направленности. *Отсутствие*

национальной идеологии — это отсутствие новой «точки сборки» — целостного положительного содержания жизни.

Причина краха идеологий XX столетия в том, что идеологии формировались на принципах естественных и точных наук, имеющих в основе формальную и линейную логику. Однако жизнь человека не линейна, гуманитарное знание опирается на смысловую логику. Но в материализме человек и его сознание, духовность и нравственность, уважение к человеку, равенство и справедливость и пр. *человеческие* потребности, ценности, интересы, по определению, могут иметь только декларативный характер. Однако время лозунгов и призывов прошло, современный человек хочет понимать происходящее, даже если не всегда способен к правильному глубокому распознаванию. (Напомним, различные типы ментальности имеют свои особенности, и, употребляя одинаковые слова и выражения, разные люди вкладывают в них различные смыслы.) Новое время требует новых подходов. Нация, тем более столь неоднородная, как российская, не может существовать без духовной скрепы. Ни православие, никакая другая религия (из существующих) не может быть общенациональной точкой сборки. И не только потому, что мы многонациональное и поликонфессиональное государство, но и потому, что многие люди в настоящее время не являются приверженцами ни одной из религий или относят себя к той или иной конфессиональной группе, не вникая в суть учения, что сводит жизнь человека к формальному исполнению обрядов и ритуалов.

Содержание жизни может и должно меняться, но меняются формы, способы, интерпретации. Субъектность — лежащее в основании — нации остается неизменной, что и создает самодержавность на протяжении существования, общность, отдельность, непохожесть. Когда прошлое, настоящее и будущее скрепляет общность, нация не распадается на группы и каждое национальное событие вносит свою лепту в общее созидание и преобразование жизни. Отсутствие единства, общности, расхождение общества ведет к тому, что многочисленные усилия теряются в общей неопределенности и бессмысленности нашего существования, общность не закрепляется очередным преобразовательным усилием нации.

Отсутствие и гибельность стратегического целеполагания обнаруживаются не сразу, с точки зрения истории, эволюции последствия могут отстоять во времени. Важно понять, какой должна быть российская идеология: политические предпочтения, отражающие тот или иной тип активности, сознания, а значит, мировосприятие, способ переработки информации и способ существования, неизбежно вели к противостоянию, борьбе или отчуждению. Нам необходима идеология единства, *в которой, с одной стороны, будут отражены интересы, ценности, способности существования каждого онтопсихологического типа; а с другой — реализация ценностей всех онтопсихологических типов, взаимодополняющих друг друга, обеспечит полноту национальной жизни.* Синтезируя типы мировосприятия и способы существования, нация постепенно сможет прийти к благополучному и конструктивному существованию. Сегодня содержание жизни нации, по всей вероятности, не устраивает никого. Отсюда недоверие, негативизм, трудности и проблемы текущего периода. Общественные науки, формирующие идеологии, рассматривают человека, нации как объекты, а существование — как способы производства; при этом сознательные и жизненные явления, то есть люди, исключены из научной картины мира. Причиной отсутствия положительного содержания жизни является общая тенденция идеологий XX века: нежизненность и кратковременность их существования. Типов человеческой активности и сознания три, стало быть, и типов идеологий фактически три. Названия могут меняться в зависимости от актуальности исторического периода, но суть — тип активности и сознания, а значит, жизненные ориентиры остаются неизменно присущими человеку.

Формируя и формулируя новую идеологию, нельзя повторять ошибки советского периода нашей истории. Советская идеология декларировала ценность человека, но в материализме в целом и в марксизме в частности человек сведен к социальному типу, объекту. Фактически человек неизвестен, что привело к лжеморали и пренебрежению потребностями и интересами человека. Современный человек, в отличие от значительного большинства людей начала XX столетия, не склонен откликаться на призывы и лозунги — современный человек хочет понимать происходящее. Причина и краха современных идеологий, и мирово-

го кризиса в отсутствии общего для людей содержания жизни, основанием для которого должно стать знание целостного *живого* человека и логики его развития.

Кроме введения *живого* человека в научную картину мира, в новом содержании жизни должны найти отражение тенденции наступившего периода эволюции: всеобщий характер существования и потребность субъектов понимать происходящее.

Тенденция к всеобщему существованию не вызывает сомнений, а возникающие препятствия и проблемы — это следствие незнания самого человека, логики его существования и развития. Фактическое незнание и непризнание онтологического статуса *субъектов существования* (человека, нации, цивилизации) является первой и основной причиной проблем в организации всеобщности, причиной непонимания происходящего субъектами человечества. Различия между людьми, нациями сведены к различиям условий существования, образа жизни. Предоставим читателю широкое обобщение различий между людьми на основе онтопсихологического, или эволюционного, возраста, под углом возможности преобразовать человеческое существование.

И отношение к жизни, и способность понимать происходящее, и способность преобразовывать существование обусловлены типом и уровнем развития сознания. Тип и уровень развития сознания образует ядро психической жизни, выраженное в мотивах, целях.

Задумываясь о будущем, оказываясь в ситуациях выбора, от которого зависит будущее, человек задает себе и другим вопросы, в которых отражаются его понимание и отношение к жизни, его готовность к преобразованию. По мере развития, в зависимости от ядра психической жизни, жизненного мотива, человек задает вопросы: *что, зачем, как, когда?* Все люди задают перечисленные вопросы, но здесь речь идет о внутренних вопросах, когда перед человеком стоит необходимость принять решение, от которого зависит будущее.

До XX века человечество жило первым, адаптивным, способом существования, осознавая лишь отдельные события, явления. Развитие сознания человека, живущего первым способом, проходит стадии *блуждающего, инертного, произвольного*; в этих случаях человек не способен стабильно удерживать процессы необходи-

мое время, и жизнь предстает как череда не связанных между собой событий, отношения к жизни нет, есть только отношение к отдельным событиям, людям. Отметим наиболее характерные черты, отличающие эти состояния сознания: от полной неспособности замечать нелогичность, противоречия собственных и чужих слов и действий до неспособности обнаруживать нелогичность в общенациональных и мировых событиях. Достигая некоторой устойчивости *произвольного* состояния сознания, человек начинает замечать нелогичность и противоречия общенациональных и мировых событий. Но вся проблематика личной жизни, отношений остается непонятной и непредсказуемой, и причина этого непонимания — в незнании закономерностей внутреннего развития.

В первом периоде эволюции человек либо поглощен вопросами собственной жизни, притом что собственные действия, поступки, речи всегда «оправданны», либо задает вопрос «*что делать?*», отыскивая ответ во внешней среде. Завершая первый период эволюции, на стадиях самоопределения и самоутверждения, когда достигнуто устойчивое *произвольное* состояние сознания, человек обычно бывает удовлетворен своей материальной и социальной жизнью. На вопрос о дальнейших действиях, преобразованиях, отвечает: «зачем?». Вопрос «зачем?» — это вопрос о смысле. Если смысл очевиден, приложение усилий воспринимается оправданным. В других случаях удовлетворенность материальным и социальным положением не побуждает человека к преобразованиям. Сегодня людей, предпочитающих сохранять статус-кво, немало. Однако это удовлетворение не только неполно, но и кратковременно.

Почему человек и человечество, достигнув определенных успехов в материальной и социальной жизни, «застывает» в тупике развития? Потому что ни сущность человека, ни логика его развития, ни эволюция человека и человечества неизвестны.

В религиях и духовных учениях эта стадия развития определяется как время «перехода» (или «переориентации») в новое состояние бытия, на новый уровень самоорганизации. В религиях причины, трудности и возможности перехода скрыты в формах и методах, непонятных человеку, выросшему в условиях атеизма и получившему рациональное образование. Подлинная причина тупика развития в том, что в первом периоде эво-

людии человек осваивает *произвольное* сознание, при котором сознание, психика — внутренние «инструменты» познания, обращены к внешнему миру. В первом периоде эволюции человек нарабатывает устойчивые рефлексы на внешние воздействия. Внутренние реакции на физическом, физиологическом уровне могут осознаваться, но *реакции* эмоциональной и интеллектуальной сфер, а тем более *процессы* в этих сферах, либо не замечаются, либо подавляются. Но внутренние, эмоциональные и интеллектуальные процессы не менее реальны и все больше определяют происходящее. Человеку предстоит научиться замечать и осознавать происходящее в его внутреннем мире, что является задачей второго периода эволюции. Внутренние реакции определяют, *как* человек реагирует на происходящее, *как* выполняется работа, *как* строится жизнь.

При переходе и почти на всем протяжении второго периода эволюции, когда человек осваивает рефлексивный слой сознания и достигает однонаправленного непрерывного состояния сознания, постигая тем самым закономерности внутренних состояний, отношение к жизни рождает вопрос: *как* делать качественно? В первом периоде эволюции человек способен к качественным операциям, действиям, но не способен к качественному преобразованию жизни. Качественное преобразование жизни требует овладения внутренним миром и преобразования внутренней жизни. Рано или поздно внутренняя реальность должна быть познана и переведена на уровень рефлексов. Отсутствие знаний о закономерностях внутреннего развития создает множество проблем и трудностей, замедляет развитие.

В третьем периоде эволюции, овладев *однонаправленным* и *остановленным* состояниями сознания, человек постигает науку правильного использования времени. К этому периоду он знает и *что*, и *зачем*, и *как*, и приходит вопрос *когда*. Понимание фактора времени, умение правильно — не раньше и не позже, учитывать временной аспект существования является показателем полноты самосознания, состоявшейся индивидуальности. Синтез осведомленности о внутренних и внешних условиях любого объекта, явления, процесса ведет к точному резонансному взаимодействию с людьми и миром. Чем более человек способен быть осведомленным о внутренних и внешних условиях, тем бо-

лее он самосознателен и способен понимать себя, других и происходящее, а значит, способен преобразовывать себя и мир.

Могут ли люди со столь различными подходами к реальности понимать друг друга, взаимодействовать? Отсутствие обоснованного знания различий между людьми ведет к многочисленным проблемам общей организации жизни, например к отсутствию динамики в работе «социальных лифтов», со всеми вытекающими из этого следствиями: патернализмом, безнравственностью, несправедливостью.

Пока человеческое существование проходило период, когда общая организация жизни основывалась на кастовой и сословной системах, в жизни хоть и присутствовала несправедливость, но существовавшие системы иерархической организации общества позволяли поддерживать порядок. Буржуазные и социалистические революции разрушили сословные барьеры, но не выработали обоснованного понимания иерархической организации общей жизни людей и породили иллюзию одинаковости, «равных возможностей». Но как бы человечество ни старалось создать равные возможности, без обоснованного понимания и учета различий между людьми создать действительно удовлетворительные условия общей организации жизни невозможно. В большинстве своем люди не самосознательны и еще долго не будут самосознательными, но создать обоснованную концепцию человека и человеческого способа существования, раскрывающую общее и частное, различия в понимании происходящего, в способности к преобразованию, возможно.

Рассмотрим вторую причину отсутствия общего содержания жизни, общей идеологии. Основанием идеологических систем, кроме знания целостного человека, должно стать знание человеческого способа существования. В этом случае мы обнаружим, что идеологии отражают мировосприятие и способ существования трех онтопсихологических типов людей и являются взаимодополняющими.

Существующие в настоящее время идеологии не учитывают интересы, ценности, потребности всех социальных и национальных групп. Если обратиться к функциональным обязанностям больших социальных групп: власти, культурного слоя и народа — отсутствие положительного содержания жизни становится понятным.

Обычно мы легко обвиняем власть и требуем от нее правильной организации нашего существования. Ни в прошлом, ни сегодня политические группы интересов не имеют удовлетворительного понимания национального целого и не предлагают конструктивного решения организации нашего существования. Содержание жизни нации — это задача культурного слоя, а задача власти — практическое осуществление этого содержания.

Почему в России, как многим кажется, власть организует жизнь вопреки тому, что предлагают представители культуры? Представители культуры *не имеют общего и удовлетворительного для России содержания жизни*, учитывающего потребности и ценности и народа, и власти, и самой культуры. В культурной среде то явно, то скрыто продолжается бесконечный «великий спор»; общее «умоначертание» по-прежнему отсутствует в нашем государстве. А власть, в силу собственного назначения, *должна принимать решения*, оптимально удовлетворяющие всех россиян, учитывающие наши особенности, возможности и интересы, наше прошлое, настоящее и будущее.

В культурном слое нации всегда присутствуют три подгруппы, но если две из них: *интеллектуалы и интеллигенты* — очевидны, то третья, хотя и имеет выразителей своих взглядов и позиций, как кажется, не существует. Причина в отсутствии сформулированной позиции соединения, слияния крайних взглядов на человека и способы его существования.

Интеллектуалы выражают внешние, экстравертные, взгляды, ценности, за которыми западное мировосприятие и способ существования: человек и мир и фактически силовой принцип действия. В отличие от далекого прошлого, силовой принцип действия имеет иные варианты: «мягкой» силы и «защиты прав человека». *Интеллигенты* ориентированы на внутренние, интровертные, ценности, восточный тип мировосприятия и способ существования: мир и человек — единый организм, резонансное и кооперативное действие.

Западники, экстраверты, всегда заинтересованы в социальной и экономической жизни нации, тогда как восточники, или интроверты, акцентируют вопросы общего содержания: равенство и справедливость, общность нации.

Амбиверты — в политической терминологии это центристы — стремятся соединить оба аспекта существования, но, не имея узаконенного теоретического обоснования, не всегда осуществляют *включающий* подход к решению всех вопросов, остаются непонятыми, вызывают протест, раздражение.

Если культурный слой сосредоточится на положительном содержании жизни, не исключая ни один из онтопсихологических типов людей, а не на радикальной критике всего и вся (не отказываясь от критики в необходимых случаях), выполняя тем самым собственное назначение, необходимость силовых методов сохранения и процветания государства отпадет. Кто-то может не согласиться с мнением, что культурный слой не обеспечивает содержание жизни. Но речь идет о *положительном и целостном, включающем* содержании жизни, возможном только при условии раскрытия субъектности, смыслов национального существования. Отдельные инициативы, идеи, усилия не складываются в общую картину, не образуют целостность, и результаты теряются в общей неопределенности.

Без чувства общности, которое рождается общим мировосприятием, общими смыслами, ценностями, социальная жизнь воспринимается как поверхностная сторона жизни, практически не решающая вопросы равенства, справедливости, нравственности, законности. Конечно, мы не хотим возвращения морального и идеологического насилия, двойных стандартов в личной и общественной жизни человека и общества, подчинения рационально отвлеченным, нежизненным правилам и нормам. Но, если мы не осознаем необходимость общности, единства, в основе которых подлинное уважение к самоценности каждого человека, какой бы тип активности и сознания он ни проявлял, мы так и будем пребывать в состоянии вялотекущего существования, взрываемого бунтами, революциями, перестройками. Если представители культурного слоя не создадут целостное системное содержание жизни, отвечающее потребностям, интересам и ценностям всех психологических типов и всех способов существования, нация так и будет существовать в состоянии чередования способов существования, периодически сменяемых конфронтацией и перестройками.

Россия и россияне жизненно заинтересованы как в социальной жизни, так и в общности. *Не или — или, а сосуществование*

и развитие обоих аспектов национальной жизни, без осуждения деятельности иного миропонимания и способа существования, — задача и смысл как культурного слоя, так и всей нации.

Национальная идеология должна иметь *человекоразмерный* характер, включающий все человеческие типы. На начальном этапе задачей является признание законности трех онтопсихологических типов людей с присущими им ценностями, способами существования, которые в совокупности и отражают целостного человека.

Одновременно обрести целостное миропонимание и включающий тип мышления всей нацией невозможно, да и не нужно. Необходимы признание и согласованные действия трех типов идеологий, но при общем понимании их взаимодополняемости на основе принципа Единства.

Противоположно направленные идеологии (как это имеет место сегодня) ведут к крайностям и тупику развития; единство, или целостность, не только сохраняет идентичность любого человека, нации, но и обеспечивает их развитие.

Практическая задача культурного слоя — подготовить концепцию национального самоопределения России, центральным ядром которой будет человек. Концепция должна исходить из целостного системного понимания человека, способов его существования, не исключая ни один из типов миропонимания, ни один из способов существования. Признание человека целью, при условии законности различных подходов к реальности, различных способов действия, создание условий, когда каждый из подходов и способов станет реализуемым, приведет нацию к здоровому психологическому и идеологическому климату, который только и способен обеспечить благополучие и процветание всех и каждого. Идеологическое и психологическое здоровье нации и их естественное следствие — самоналагаемая дисциплина, способны решить такие вопросы, как коррупция, протекционизм и прочие негативные явления сегодняшнего дня. Результатом перечисленного может стать социальная и межэтническая толерантность, что так важно в нашем государстве.

Не менее важным является распространение знания и практических навыков самоорганизации и осознанных взаимоотношений. Работа по созданию концепции, ее распространению,

освоению практических навыков самоорганизации может объединить усилия культурного слоя и стать общим делом нации, так как будет касаться каждого, и каждому есть чему учиться, и каждый может внести свой вклад. Суть, общее содержание, способы самоорганизации должны иметь общенаучный характер и этнические интерпретации, что и станет постепенно основой внутренней жизни нации. Национальная идеология, ядром которой будет признан *человек и человеческий способ существования*, послужит системой общечеловеческих ценностей и общечеловеческого языка-транслятора. Существование такого коммуникатора в многонациональном государстве может стать реальным средством взаимопонимания, инструментом социальной и межнациональной толерантности.

Как было отмечено ранее, национальная субъектность является стержнем существования. Актуальным выражением и национальной субъектности, и общего содержания жизни может быть национальная идея. Мы сделаем еще один шаг к пониманию национального Целого, если выразим национальную субъектность посредством национальной идеи.

Национальная идея. В отличие от национальной субъектности, имеющей константный характер на всем протяжении существования, национальная идея должна отражать актуальный во времени аспект существования. С одной стороны, идея должна отражать сущность национального существования, отражать и нашу двойственность, и стремление к единству и синтезу, и общечеловеческий способ существования, с другой — быть созвучной современному человеку и современным условиям. Сущность нашего бытия мы определили как *преобразование общечеловеческого способа существования, предполагающего равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни нации с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов.* Раскрытие субъектности подразумевает глубокое знание и понимание Человека. Если в прошлом и человек, и нации, и человечество существовали бессознательно, адаптируясь к природным и социальным условиям, то на современном этапе эволюции людей возможным становится сознательная, разумная организация, что предполагает глубокое понимание человека.

Именно в России сошлись различные подходы к человеческому существованию, именно поэтому столь нелегка наша судьба, и, только понимая человека в его широте и глубине, мы сможем перевести нашу жизнь из тяжелой ноши в благополучие и радость. Современный уровень развития позволяет приступить к процессу осознанного преобразования существования России. Преобразование существования — это преобразование человека.

Социальная среда в России почти на всем протяжении своего существования обусловлена идеологической, психологической, национальной, конфессиональной неоднородностью, что создавало многочисленные проблемы, прежде всего во взаимопонимании, рождало недоверие, отчужденность, нередко вело к противостоянию, борьбе, насилию. Парадоксом нашего существования являются, как кажется, несовместимые феномены. С одной стороны, в нас неискоренимы отзывчивость, доброта, сочувствие и соучастие, с другой — вероятно, только в России в отношении к человеку проявляется столько неуважения и небрежения, обратной стороной которых является превосходство и подобострастие. Если бы властные, культурные элиты и вся нация не искали виноватых, а спрашивали и отвечали на вопрос: «Почему значительная часть нации на протяжении почти всей нашей истории не участвует, а то и отвергает, например, призывы к инновационной деятельности?» Ответы: «не понимают... не развиты...» — несерьезны.

Противоположная локализация мировосприятия, ценностей, способов существования у различных социальных групп государства является фундаментальной причиной непонимания и отчуждения части нации от тех или иных процессов. Возродить Россию, преобразовать нашу жизнь в благоприятную и достойную для каждого россиянина — задача насущная и не терпящая отлагательства. Россия может возродиться только посредством духовного усилия, которое возможно только при условии веры человека в себя, свою страну, и в этом случае и модернизация, и новации, и торжество закона, и прочие внешние процессы и явления постепенно станут нормой. Мы уже отмечали, что нам свойственна «самоналагаемая дисциплина» (*каждый сам себе голова*), *если каждый россиянин, нация обретут смысл национального существования и не противоречащие ему личные смы-*

слы, поверят в себя и свое отечество, мы станем свидетелями и участниками духовного возрождения России.

Духовность — это не *ничто* религиозное, неопределенное, виртуальное; духовность — это качественное саморазвитие, преобразование человека. Мы часто сокрушаемся, что человек не меняется и нередко проявляется в формах, казалось бы, давно изжитых. Но если мы не осознаем различий между целостным развитием и изменениями (развитием отдельных свойств, способностей) и не перейдем к принципу духовного, целостного развития, мы еще долго будем иметь множество негативных проявлений человеческой природы.

Сущность человека — преобразование, если каждый человек будет знать и помнить об этом, потребность преобразования от ситуативных фрагментов действительности до глобальных процессов станет естественной нормой.

Человек должен стать ядром нашей идеологии и существования в целом. Многообразие человеческих проявлений, кажущаяся невозможность взаимопонимания определяют поверхностный уровень жизни: чем глубже мы понимаем человека, тем меньше обнаруживаем различий, несхожестей. Необходимо создать целостную концепцию человека и его жизнедеятельности с опорой на принцип универсального эволюционизма, что позволит обнаружить как устойчивые связи и отношения самого человека, так и его место и роль в пространстве и времени. Концепция целостного человека и способов его существования позволит каждому знать и реализовывать собственные потребности и интересы, чувствовать законность своего восприятия и отношения к жизни, в то же время знание приведет к пониманию и принятию законности иных подходов к действительности. *Не от общества к человеку, а от человека к обществу.*

На современном этапе нашего существования содержание субъектности может иметь краткий вариант и звучать как:

Человек, Смысл, Сила и Радость,

что позволит организовать жизнь, обеспечить целостность, единство и полноту человека, а следовательно, и нации.

На предыдущих страницах мы обозначили основные подходы к пониманию человека, его существованию с позиций универсальной структуры, которые могут послужить основанием для

создания концепции. Понятия «человек», «смысл», «сила», «радость» должны обрести общую смысловую интерпретацию.

Национальная идея — это идея, которая должна стать понятной и приемлемой для каждого, ведь нет человека, не заинтересованного в собственной жизни и взаимоотношениях с людьми и миром. Национальная идея — это не то, что кто-то должен сделать для каждого, а то, что каждый человек может сделать для себя и тем самым для всех, для нашего Отечества. Конечно, это потребует и усилий, и труда, и времени, но трудно, когда человек один — когда трудится несколько или много людей, любой труд становится посильным. Значимым является не результат (он отстоит во времени), *значимо существование альтернативы бессмысленному существованию, значима возможность самоорганизации собственной жизни на основе научного знания.*

Если мы начнем менять отношение к человеку, нашим детям будет легче, а внуки и правнуки будут воспринимать *человеческий, значит разумный и нравственный*, способ жизни как *естественную норму*. Это и станет нашим общим делом, это и будет началом возрождения России! Сопоставив сформулированную субъектность России и предлагаемую национальную идею:

- *преобразование общечеловеческого способа существования, предполагающего равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни нации с целью их единства, в системе общенаучных понятий и смыслов;*
- *Человек, Смысл, Сила и Радость,* —

мы обнаружим, что идея отражает суть и актуальность национального существования. Возможно, при первом приближении и национальная идея, и национальная субъектность будут восприняты как фантазия, как нечто нереальное, и это неудивительно в современных условиях хаоса и бессмысленности, но не будем торопиться с выводами.

Одним из наиболее ярких и очевидных феноменов двойственного российского существования в прошлом являлось несоответствие между заявленными идеалами, ценностями, целями и их реализацией. Рассматриваем ли мы Древнюю Русь или наше недавнее советское прошлое, несоответствие декларируемого и действительного поражает всякого, кто хоть раз обнаруживал

его и задумывался о нем. Почему? Ответ напрашивается сам: чередование противоположных способов существования неизбежно вело к расслоению общества и невозможности реформировать нашу жизнь. У нас всегда общество поделено на тех, кто *за*, и на тех, кто *против*. Если предлагаемое исходит от сторонников западного способа существования, сторонники восточного способа будут против. Если, наоборот, предлагают восточники, западники будут против. Представители амбивертного способа существования либо делятся на сторонников и противников нововведений, либо выдвигают средний вариант, который западниками и восточниками не понимается и вызывает протест, несогласие.

Не менее удивительно, что наряду с феноменом нереализованности преобразований всегда присутствует противоположный феномен — реализованный синтез идеала и действительности. И это не только религиозные подвижники — это и величайшие ученые, деятели культуры, наши достижения в космосе, культуре, спорте и, что также не удивительно, в новых технологиях, которые мы не всегда умеем реализовать. Вспомним еще раз слова немецкого философа В. Шубарта: *«Русский в своих вершинах достигает таких высот, какие недоступны ни одному европейцу; но русский человек в среднем часто опускается ниже той линии, которую выдерживает средний европеец»*. Конечно, феномен синтеза идеального и реального встречается несомненно реже, но он всегда есть. Можно ли двойственность из многовековой проблемы превратить в единство и достоинство?

Национальная идея в предлагаемом варианте — это и есть то, что позволит возродить веру человека, приведет россиян к активности и заинтересованности. Однако не надо думать, что достаточно объявить и пошуметь. Нет, необходим долгий и последовательный труд. Национальная идея только тогда станет жизненной силой, когда органично будет связана и с каждым гражданином нашей огромной Родины, и с национальным Целым. Основная причина всех наших проблем в отсутствии целого, как национального, так и общечеловеческого.

Государство, нация не есть только природно-биологический организм — это духовный целостный организм существования, имеющий свои особенности, отличия, свою судьбу. Двойствен-

ность — это разделенное единство, и преодоление двойственности начинается с осознания двойственности. Осознание и есть родовое отличие человека, но знание, осознание, и тем более самосознание, остаются все еще весьма неопределенными. Началом должно стать знание и, что не менее важно, учитывая наши особенности и недавний опыт, добровольность и последовательность, которые возможны только при наличии целостной картины национального существования и очевидности ее смыслов.

Кто-то, наверное, спросит: «А как же инновации, модернизация, наше место в мире?» Почему всегда или-или? Развитие внутреннего мира — это не акт, это жизненный процесс, который неизбежен, неисчерпаем, и только его неизбежность и неизбывность позволит реализовывать любые внешние явления. За модернизацией и инновациями наступит время других новаций, и наш человек будет всегда готов к ним, если его развитие будет опережать или соответствовать новациям.

Повернувшись лицом к человеку не на словах, а в действительности, мы сможем возродить Россию: в россиянах достаточно духовного мужества, что не раз проявлялось в нашей истории. Возродить Россию — это возродить человека, а значит, дать ему знание о Человеке, Смысле, Силе и Радости (при необходимости — помощь).

Следовательно, необходима целостная картина мира на основе идеи, в которой каждый обнаружит актуальный для себя смысл. Национальная идея должна отражать национальную субъектность, адекватную современному развитию нации.

Если национальная идея будет звучать как: *Человек, Смысл, Сила и Радость*, — притом что содержание каждого из понятий будет иметь широкий и нравственный смысл, не исключаящий ни один из психологических типов, не сводящий к конкретным формам и способам ни саму идею, ни смыслы каждого из ключевых понятий, мы постепенно сможем приблизиться к заинтересованности и активному участию каждого в общенациональном существовании, то есть к самоналагаемой дисциплине.

Когда *человек* становится целью и для себя самого, и для общества, и для государства и перестает быть средством, он не может быть пассивным — человек в этом случае всегда активен, если активность правильно понимается и признается. Задача

культурного слоя — создать содержание, формы, способы, через которые все виды активности могут быть реализованы.

Кажется разумным остановиться на вопросе *свободы*, потому что некоторая часть наших граждан воспринимает любое упоминание об идеологии, нравственности, организации как угрозу. Напомним этой группе наших соотечественников мысль С.Л. Франка: *«Я думаю, о большинстве из нас можно сказать, что мы теперь уже не те и соблазн этот на нас не действует. Свобода от всего на свете — к чему она нам, если мы не знаем, для чего свободны? Много ли даст она нам, так ли уже велики все наслаждения и упоения, которые дает простая разнужданность стихийных желаний? Мы душевно состарились и скептически смотрим не на одни лишь “идеалы”, но и на все так называемые “блага” жизни. Мы хорошо знаем, что всякий миг счастья с избытком искупается страданиями или тоской пресыщения; мы знаем, что горя в жизни безмерно больше, чем счастья и радостей, мы извели нищету, мы ясно видим неизбежный конец всякой жизни — смерть, перед лицом которой все становится одинаково призрачным. Словом, мы имеем слишком живое ощущение бессмысленности жизни, чтобы увлечься голым процессом жизни... Мы страдаем не от избытка, а от недостатка духовной силы»* (С.Л. Франк «Крушение миров»).

Свобода и многообразии форм и способов существования законны, но любое множество имеет некоторую точку сборки, без которой существование превращается в хаос и бессмысленность. Признание культурного релятивизма без существования абсолютного критерия чревато серьезными проблемами не только внутри государств, но и в общечеловеческом существовании. Необходимо учитывать, что, как уже было отмечено, с точки зрения эволюции человечества идеологические конфликты становятся реальностью: человечество завершило стадию бессознательного, биосферного существования и все большее значение обретает утверждение самобытия человека, наций, цивилизаций, которое и есть утверждение своего миропонимания и своего способа существования. Люди и культуры, конечно, различны, но все множество ценностей, смыслов, форм и способов, как бы это ни казалось странным и непонятным, подчинено целому,

имеющему характер человеческих и универсальных смыслов. *Абсолютные критерии: человек и единство! Взаимоотношения различных типов активности и сознания, за которыми множество форм и способов реализации, должны определяться сообразностью с единством существования.*

Все люди и все культуры соизмеримы с человеком и человеческим способом существования. *Никто не выше, не ниже!* Человек — не социальный тип, нации — не абстрактно-социологические объекты, а исторические субъекты человеческого существования, каждый из которых проходит через периоды расцвета и периоды отцветания, периоды наивысшего напряжения сил и периоды слабости, но ни один из субъектов не может выйти за пределы общечеловеческой эволюции. Каждый народ, нация, как и каждый человек, имеет свои особенности, свое назначение и вносит свой вклад в преобразование общечеловеческого существования. Подчеркнем, у каждой нации свое время расцвета и, если не каждая нация проходит полный цикл, это не означает ее неполноценности или слабости. Думали ли когда-то римляне, что наступит время, и варвары (чужеземцы, говорившие на непонятных для греков и римлян языках и имеющие чуждую культуру) придут им на смену?! Нации, как и человек: и уникальны, и универсальны. Подлинное самостояние, суверенитет возможны, только когда нация осознает себя как исторического субъекта во всей полноте и глубине национального существования. Если подчеркивать универсальное, общее, не исключая при этом частное, индивидуальное, можно обрести мир и гармонию. Различия не только не должны быть исключены, но создают многообразие форм и способов проявления сущности человека, нации. В межнациональных отношениях акцент должен быть перенесен на общую историческую судьбу и общечеловеческую систему понятий и смыслов, не исключаящую ни одну из этнических, национальных групп.

Аналогично человеку, каждая нация существует в пространстве и времени, что и определяет ее возраст и возможности, расцвет и закат. Когда-то Греция прошла через яркие страницы своей истории, совсем недавно расцвет проживали Соединенные Штаты, сегодня, возможно, это Китай, а завтра, быть может, Россия.

Выбор пути

Прогнозы — дело трудное и неблагодарное, о чем свидетельствуют, например, идеологии XX века, ни одна из которых фактически не оправдала возлагавшихся надежд. Но, несмотря на разочарования, не задумываться о будущем человек не может. Понимание несостоятельности существующих идеологий позволяет приблизиться к пониманию дальнейшего пути развития России.

Часто утверждается, что нам необходимо учиться у Запада. Активизация либерально-демократического спектра, стартом для которой послужили либеральные взгляды Д.А. Медведева, заметно снизилась. Причина этого не только в том, что либералы, а это представители экстравертного психотипа, составляют наименьшую, хотя и очень активную (внешне) часть нации. Активность и шумность создают видимость общего состояния, которое, как может казаться, отражает настроение и подлинные интересы нации. Выбор западного пути развития — это выбор доминанты внешних факторов: модернизации, экономики, технологий, законов. В общечеловеческом существовании назначение западной цивилизации — преобразование внешнего человека и внешних условий жизни. Активное внешнее созидание экстравертов в нашей стране редко бывает успешным; причина в том, что не учитываются ни сложные условия нашего существования, ни наш тип ментальности, ни способ существования. В нашей стране выбор западного пути развития означает фактическое сглаживание духовного и внутреннего развития нации.

Реформы либералов, во многом отличающиеся поспешностью и неглубоким знанием вопроса, оборачиваются нежизненностью и отторжением значительной части нации от общих процессов, происходящих в государстве (монетизация, реформа РАО ЕС, ЕГЭ, реформа образования).

Что ждет Россию и россиян в случае выбора западного варианта развития? Активными участниками всех процессов станут либералы, которые отодвинут или вытеснят представителей других идеологических направлений. Правый сектор, сектор либерализма, фактически предполагает ориентацию на ценности и методы внешней стороны существования: модернизацию, эко-

номику, законы, технологии, — что оставляет равнодушной значительную часть нации. Либералы, как и большевики, — экстраверты и потому уверены, что законами, внешним воздействием можно изменить человека, наше существование. Внутренняя жизнь, культура признается личным правом и на общенациональном уровне либо не рассматривается, либо предполагается, что после решения внешних вопросов человек само собой станет развитым, нравственным и т. д. Однако само собой ничего не происходит: меняется *сознание* человека — меняется бытие, но не наоборот.

На практике выбор западного способа существования будет означать многочисленные инициативы, не всегда реализуемые; внедрение методов, принципиально не органичных российской ментальности и способу существования, которые «добьют» систему образования, культуру, вертикаль власти, что обернется неуправляемостью государства и анархией. Для экстраверта/либерала внутренняя жизнь, культура незначимы, их «как бы нет». Например, экстраверт Ленин считал, что культура необходима на период агитации, впоследствии ее можно будет устранить или ограничить. Переход только на западный вариант развития означает, что возрождение не состоится. В случае выбора западного пути развития возрождение России невозможно в принципе. В нашей стране культура, традиции, внутренняя жизнь для значительной части наших граждан имеют принципиальное значение, но условия для развития и реализации ценностей внутренней жизни либо сохраняются в формах и способах, непонятных современному человеку, либо существуют по «остаточному принципу»; *стало быть, значительная часть нации так и будет оставаться пассивными членами общества.*

Нивелирование внутренней жизни и отношение к человеку как объекту, что присуще экстравертному типу, приведет к еще большему расслоению общества и к манипуляциям нелояльными либеральной элитой гражданами. Национальной трагедией обернется пренебрежение культурами наций и народов нашей страны: ведь народы отличаются культурой и свою идентичность определяют особенностями собственной культуры. Интересы национальных, этнических групп будут сведены только к внешним факторам; уважение к культуре наций и народностей будет сведено к деклара-

тивным речам, экономическому и социальному взаимодействию, что повторит печальный опыт мультикультурализма. На современном этапе развития, когда этнические сообщества людей идентифицируют себя не только по языку и территории, но прежде всего по культуре, сведение существования к экономике воспринимается как неуважение, непризнание субъектности.

Сказанное не означает, что мы должны полностью отказаться от целого ряда позитивных достижений западной культуры; сказанное означает, что нельзя отказываться от того, что является для нас органичным, жизненно необходимым, что надо осторожно вносить ценности иной культуры, учитывая наш тип ментальности, наш способ действия и существования.

Но и путь восточный (интровертный) не наш путь. Для многих россиян восточный — это единственный возможный вариант, помимо западного. Для части наших граждан термин «восточный» означает «византийский», назначением которого было равнозначное сосуществование духовного и материального на соответствующем этапе человеческого развития. В точном значении, *суть восточного способа существования — это преобразование внутреннего человека, путь индивидуального саморазвития и самоорганизации, резонансного и кооперативного действия.* В нашей стране аналогичный тип развития имел место в духовном учении исихазма, которое в значительной степени утрачено. Потребность духовной и внутренней жизни, их преобразования, как и потребность материальной и социальной жизни, были и остаются основой нашей культуры (и православие, и ислам, и иудаизм, и буддизм как порождения амбивертно-синтетического типа сознания имеют аналогичные подходы к реальности).

В советский же период, пронизанный материализмом, внутренняя жизнь уходит в «подполье», но процесс внутреннего развития остановить нельзя, его можно только замедлить. Сегодня в научной среде сохраняется доминанта материализма, подразумевающая (иногда неявно) механистический и материалистический подход к индивидуальному становлению и развитию, что может обернуться нежизненными идеалами, силовыми способами действия и существования. *В условиях доминанты материалистического подхода к реальности человек остается*

объектом, и никакие благие намерения и упования не могут изменить существующее отношение к человеку, нравственности, ответственности, гражданственности. Материализм создал колею мышления, не позволяющую найти выход за пределы предметности и «*концептуальных построений статического мира*» (Г.Х. фон Вригт). Духовность, нравственность сведены к нежизненным абстракциям, долженствованию. «*В умонастроении, подчиненном “моральному идеализму”, служению “идеям” и “принципам”, действует роковая диалектика, в силу которой, все, что представляется очевидным добром в нравственном намерении и устремлении, становится злом в своем реальном осуществлении*» (С.А. Франк «Крушение кумиров»).

В то же время полностью погрузиться в индивидуальное развитие человека, оставив без внимания факторы внешней — социальной и материальной жизни, мы не только не можем, но и не должны.

Существуют представители политического класса (в нашей терминологии — восточники), являющиеся сторонниками идей и подходов, в центре которых — человек. Но функциональные обязанности власти предполагают организацию и решение вопросов общего существования, и потому интересы человека нередко приобретают декларативный характер. К этой группе можно отнести приверженцев коммунистической идеи (Г. Зюганов), сторонников социалистических идеалов (С. Миронов) и социал-демократов («Яблоко»). Несколько отстоят от названных групп неоевразийцы (Изборский клуб). Несмотря на ряд расхождений в понимании прошлого, настоящего и будущего, идеалы этих партий, с учетом задач и функций власти, могут быть выражены такими понятиями, как *равенство* и *справедливость*, что предполагает *глубокое понимание человека и его существования*. Однако материалистические подходы к реальности и материалистическое образование (акцент на экстраверсии, левом полушарии мозга) не позволяют проявлять возможности интровертного и правополушарного типа мышления: «*одномоментное схватывание большого числа противоречивых с точки зрения формальной логики связей и формирование за счет этого целостного и многозначного контекста*» (А. Сиротюк). Другими словами, представители левого крыла политического спектра могли бы

создать более справедливые и нравственные подходы к жизни общества, но остаются оторванными от почвы. Человек в материализме остается объектом, социальным типом, и потому идеология левого политического спектра остается декларацией о намерениях, не решает наших трудностей и проблем и так же, как идеология либерализма, ведет к тупику развития.

Понятия равенства и справедливости — органичные следствия нашего существования. Христианство распространялось и закрепилось как учение, не в последнюю очередь противостоящее классовой дифференциации и социальному неравенству (Римская империя), что породило значимость равенства и справедливости. В отличие от католичества и протестантизма, одной из базисных основ православия была и остается верность «старине», в том числе идеям социального равенства; поэтому эти идеи присутствовали в нашей культуре и существовании на протяжении всей истории и являются органичной частью наших традиций. Содержание этих понятий в советский период обрело материалистическую интерпретацию, превратив их в термины, воспринимаемые как одинаковость. В результате человек и вопросы нравственности, социального равенства предстают как абстракции, не имеющие разумных жизненных оснований и безусловных критериев. Раннее же христианство имело *безусловный* критерий равенства и справедливости: Бога Отца и Христа, что объясняло и упорядочивало существование. В настоящем безусловного, или универсального, критерия и полноценной теории развития человека нет, понимание равенства и справедливости замкнуто на законы, создаваемые человеком и полностью зависимые от него, что на практике создает множество проблем и приводит к неверию в возможность равенства и справедливости. Для интроверта и правополушарного человека, а таких людей у нас большинство, отсутствие безусловного критерия ведет к тому, что «*сила права легко переходит в право силы*». Социализм и идеи социального равенства оторваны от действительности и не учитывают реально существующее: люди различны, по их силам и возможностям, — и человек в материализме (социализме, капитализме) предстает как объект, как нежизненная абстракция. Осуществление равенства и справедливости возможно только при более глубоком понимании человека и мира и универсальных критериев.

Сказанное не подразумевает отказа от поиска разумных и нравственных подходов к человеку и обществу, а означает лишь необходимость более глубокого и смыслового подхода к ключевым понятиям человеческого существования и к одной из традиций существования россиян. *Опираясь на формальную логику, организовать существование на принципах равенства и справедливости невозможно.* Если следовать логике развития человека и человеческого способа существования, задачей сторонников левого спектра политической жизни должен стать, прежде всего, внутренний человек, его существование и развитие.

Несмотря на то что представителей восточного типа мировосприятия и способа существования (целостного, резонансно-кооперативного) в нашей стране больше, чем, например, западников, сегодня в левом политическом спектре нашей жизни нет консолидации и однозначно признаваемого лидера. Представители левого крыла политического спектра не имеют убедительной картины стратегического развития России с учетом всех компонентов национального развития и, главное, в подходах к человеку. В искренней работе «Крушение кумиров» С.А. Франк пишет: *«... роковым, неизбежным последствием отвлеченно-морального нормирования жизни является моральное лицемерие. Жизнь распадается на две части — официальную и подлинную, интимную. В первой все мы — благопристойные, “порядочные” люди, внутренне спокойные, по свободному убеждению подчиняющиеся всем “принципам” и нормам морали, а некоторые из нас даже заслуживают репутацию “светлых личностей”, “глубоко идейных” и “принципиальных” людей. Но как мало внутреннего света, тишины, умиротворенности, как много бунта, мук, тьмы и порочности в глубине души даже самых “светлых личностей”!»*

Главные и причина, и препятствие к единению нации — это неготовность к конструктивному взаимодействию представителей крайних подходов к действительности и отсутствие знания о различиях между людьми. В подобных идеологических подходах изначально предполагается, что все должны соответствовать нежизненной абстракции, и как неизбежное следствие — исключаются те, кто не разделяет правые или левые убеждения.

Еще раз уточним понимание амбивертно-синтетического типа. В большинстве случаев амбиверт проявляется как двойственный тип, и на современном этапе развития самоорганизация такого человека все еще редко бывает целостной. Подход к реальности на основе соединения, синтеза противоположных позиций остается неисследованным, несформулированным и непризнанным.

Заявленная «Единой Россией» идеология российского консерватизма, то есть *не революционное*, а последовательное развитие, сохранение национальных традиций, стабильность, не противоречит сущности национального существования. Вопрос в том, как понимать традиции — формально или по сути. Что подразумевается, когда речь идет о традициях? Ортодоксальное православие или православие как целостное, недвойственное мировосприятие и резонансное и кооперативное действие, притом что методы самоорганизации должны быть общепризнанными, научными, то есть раскрывающими суть самоорганизации, имеющими аналоги в православии, исламе, иудаизме, буддизме.

«Единую Россию» часто обвиняют в соглашательстве с властью. Справедливо ли это? И да, и нет! Принцип «согласия и симфонии», определявший взаимоотношения власти и церкви во времена, когда формировалось наше государство, не только имеет право на существование, но и является наиболее конструктивным механизмом взаимодействия. Но согласие и соглашательство не тождественны. Причина размытости партийной позиции — в отсутствии четкой и обоснованной идеологии и общепонятных принципов, а следовательно, целенаправленности, целеустремленности, конструктивности.

Наш путь — амбивертно-синтетический, соединяющий и синтезирующий восточный и западный способы существования, духовное и материальное, внутреннее и внешнее. Способы существования являются взаимодополнительными, нам необходимо не чередовать западный и восточный способы, а соединить их, что позволит всей нации участвовать в общей жизни, так как будет отвечать потребностям и интересам всех типов активности и сознания, всех способов существования. Равнозначное и равновесное сосуществование не только обеспечит заинтересованность, общность, консолидацию нации, но постепенно приведет к терпимости, конструктивному взаимодействию. Критерием равно-

веса является **единство**, воспринимаемое и ощущаемое как очевидная данность. (На определенном этапе *развития сознания* всеобщая взаимосвязь, то есть единство, становится фактом сознания и жизни.)

Выбор пути — это выбор направленности и избирательности развития. Признав всеобщий и универсальный характер эволюции, предполагающий связь и взаимозависимость всего со всем и направленность существования, ни наука, ни государство, ни общество не знают направления дальнейшего развития. Несмотря на ряд революционных научных открытий, целостная и общепризнанная картина мира отсутствует, и, вероятно, главное — отсутствует целостное знание о человеке и человеческом способе существования. Отечественный философ М.К. Мамардашвили, которого на Западе называли «Грузинским Сократом», настаивал на введении *«сознательных и жизненных»* явлений в научную картину мира, что предполагает сопоставление существования человечества, нации с человеком (метод аналогий).

Современный кризис — это не кризис экономики, финансов, идеологий и пр. Современный кризис — это кризис человеческого существования, что означает переход на новый уровень существования или новый период человеческой эволюции — ноосферный, сознательный.

Новый период эволюции предполагает развитие человеческого сознания в его полноте, что обеспечивает качественное преобразование и человека, и его существования. В предыдущий период своего существования человек успешно освоил способность преобразования среды обитания; дальнейшее развитие без качественного преобразования самого человека ведет к тупику и к росту природных и социальных катаклизмов. (Конечно, отдельные успехи и прорывы в различных областях жизнедеятельности людей будут иметь место, но общее состояние человечества, без качественного преобразования человека, будет все стремительней погружаться в экзистенциальный кризис.)

Направленность существования и развития — это развертывание эволюции человека или нации, в свернутом виде сохраняющееся в субъектности человека, нации, человечества. Ретроспективный анализ истории позволяет обнаружить закономерности избирательности и направленности существования.

Генеральную линию развития России, ее субъектность и направленность мы определили как преобразование общечеловеческого способа существования. Общечеловеческий способ существования предполагает равнозначность и равновесие духовного и материального, внутреннего и внешнего аспектов жизни нации в системе общенаучных понятий и смыслов (что не исключает этнических интерпретаций общечеловеческого способа).

Кроме того, ранее мы отметили, что Россия в своем развитии прошла или проходит стадию самоопределения и потенциально готова перейти на стадию самосознания. В контексте эволюционного развития, самосознание — это длительный период эволюции, когда человек обретает знание логики и закономерностей внутреннего мира. Второй период эволюции — это обретение знаний и умений, обеспечивающих качество жизни в ее полноте.

Второй период эволюции, так же как и первый, имеет стадии развития, но рассматривать их в данной работе вряд ли целесообразно. Остановимся лишь на начальном этапе, предшествующем обретению самосознания, — переориентации.

Почему необходима переориентация? Первый период эволюции человек учился выживать, самосохраняться, адаптироваться к условиям материальной и социальной среды. Естественным следствием первого периода эволюции человечества стала философия материализма. Но в материализме человек и его сознание, духовность и нравственность, уважение к человеку, равенство и справедливость и пр. *человеческие* потребности, ценности, интересы, по определению, могут иметь только декларативный характер. Однако время лозунгов и призывов прошло, современный человек хочет понимать происходящее, даже если не всегда способен к правильному глубокому распознаванию. (Напомним, различные типы ментальности имеют свои особенности и, употребляя одинаковые слова и выражения, разные люди вкладывают в них различные смыслы.) Новое время требует новых подходов.

Ключом к новому периоду эволюции являются вопросы «как?», «как делать качественно?». Качественные изменения невозможны без знания индивидуальных отличий людей, их способности познавать (не самой по себе способности познания, а понимания различий в способности познавать). Именно мате-

риалистическая парадигма не позволяет обнаружить закономерности и обоснованные подходы ко всей проблематике сознания (к субъекту существования, познания, преобразования, полноценного развития, творчества).

Вопрос переориентации — это вопрос «куда, на что направлено внимание, сознание человека?». Если внимание, сознание направлены на материю, будем иметь все расширяющийся и утончающийся потребительский ажиотаж при упрощении и оскудении духовных запросов человека. Если внимание, сознание направлены на дух, суть, будем иметь развитие способности различать, распознавать и преобразовывать существование человека и человечества. Не логично ли ориентироваться на суть, дух? Но как обнаружить суть? Почему мы этого не умеем? Не умеем, но можем научиться.

Направленность сознания (подразумевающая знание его природы, логики развития, типа ментальности, способа существования, способа познания), раскрытая, например, Вьясой (IV в. до н. э.) в комментарии Йога-Сутр Патанджали, весьма наглядна.

Истинная природа сознания, по Патанджали, — ясность, гармония. Но сознание имеет три модальности: ясность, активность, инерционность. Когда сознание находится в состоянии ясности и гармонии, человек пребывает в глубоком внутреннем покое, способен достигать достоверного знания, обладает высшим различением: «объекты сами показывают себя», без каких-либо субъективных искажений, раскрывая суть, особенности, связи с другими объектами и место в общей схеме вещей.

Когда сознание смешанное, человеку присуще стремление к *«господству и чувственным объектам»*.

Когда сознание инерционно, человеку присуще стремление к несправедности, незнанию, неотрешенности, утрате силы.

После того как «сброшена пелена невежества» и сознание активно, человек стремится к праведности, знанию, бесстрастию, силе. «Сброшена пелена невежества» — это признание онтологической природы и духовного, и психического, и материального.

Прочитав эти строки и заглянув в собственное сознание, человек (если он будет честен) обнаружит характерные для себя состояния, которые свидетельствуют о мотивах его действий, деятельности, жизни. Когда сняты идеологические запреты и

ограничения, без сознательного контроля состояний сознания, человек «не ведает, что творит». Стремление к господству, то есть желание никому и ничему не подчиняться, к жизни удовольствий и наслаждений становится явным или скрытым мотивом всех жизненных устремлений. Удивительно ли, что растет коррупция, воровство, мошенничество, критика ради критики, недоверие, которые, если и дают чувство господства и удовольствий, всегда сопровождаются разочарованиями, страхами, тревогой, неизбежностью наказания. Человек не знает радости подлинного самопознания, творчества, любви, глубоких, проникновенных отношений, невозможных на уровне смешанного и инерционного состояний сознания.

Когда сознание пребывает в ясности, человек не знает усталости, уныния, страданий, мук совести, необходимости защищать, оправдывать себя, свои тайные пристрастия, свою неспособность к конструктивному и творческому созиданию.

Каждый из нас убеждался множество раз, что внешние проявления человека часто не совпадают с тем, что на самом деле происходит у него внутри. Если человек не осознает свои мотивы и при этом говорит правильные слова, его действия, поведение кажутся адекватными и разумными, но такой человек неизбежно будет восприниматься неискренним, и, рано или поздно, действительность обнаружит подлинные мотивы.

Несправедность поступков, действий, слов во многих случаях совсем или частично неочевидна, но нередко, даже когда неправда становится явью, человек воспринимает это как «случайность». За этими «сложностями» стоят различия типов и уровней развития сознания. Быстро их не преодолеть, но осведомленность об этих различиях в открытом доступе может значительно снизить нетерпимость оппонентов и способствовать взаимопониманию. И в частной, и в социальной, и в международной жизни мы нередко сталкиваемся с «двойными стандартами», и причина этого в отсутствии общего «умоначертания». Почему возникают «двойные стандарты»? Люди, выросшие в условиях экстравертной культуры и способа существования, отличаются ментальностью, когда *«формально-логические компоненты мышления так организуют любой знаковый материал, что создается строго упорядоченный и однозначно понимаемый*

контекст». Сегодня такими манипулятивными понятиями служат «демократия» и «права человека».

Тогда как мышление людей с «правополушарной» (интровертной) доминантой, повторим, отличается *«одномоментным схватыванием большого числа противоречивых с точки зрения формальной логики связей и формирование за счет этого целостного многозначного контекста»* (А. Сиротюк). В нашей культуре присутствуют оба типа мышления и их синтез, но, когда они не обоснованы и не узаконены, они не понимаются, следовательно, нет возможности взаимопонимания и конструктивного взаимодействия. Когда же развитие сознания достигает целостности, человек, нация обретают полноту самосознания, и трудности обоих типов преодолеваются.

На современном этапе развития людей — всеобщности и нарастающей динамики всех процессов, внешняя благопристойность, политкорректность оборачиваются двойными стандартами, отсутствием понимания между людьми, множеством проблем во взаимодействии. На уровне жизни общества отсутствие взаимопонимания ведет к расслоению общества и создает многочисленные трудности. На уровне межнациональных отношений непонимание между нациями чревато не просто проблемами, а военными конфликтами и катастрофами.

Известные выражения «внешние воздействия преломляются через внутренние условия» и «внутреннее основание развития» кажутся очевидными и легко произносятся, но реально мало кто знает о возможностях их адекватного применения. Задача нового периода эволюции — обрести знание закономерностей внутреннего развития, что приведет в конце концов к нравственной жизни. Умение правильно воспринимать реальность и правильно действовать должно перейти из норм, долженствования в естественный способ жизни. На практике это означает способность достигать и стабильно сохранять однонаправленное состояние сознания, которое и обеспечивает синтез экстраверсии и интроверсии.

Процесс переориентации — это не кампания, это стадия развития нации. Может ли процесс переориентации стать общим для всей нации? Движение в сторону распознавания, подлинного самосознания мы можем начать, ибо отсутствие такого движе-

ния неизбежно ведет к отсутствию прогресса, стагнации, кризису. Нельзя повторять опыт советского периода — требовать от каждого исполнения тех или иных правил, норм. Нужно дать людям научно обоснованную картину человека, закономерностей его существования и развития. Для части наших граждан такое знание органично соединится с личным опытом, кому-то предстоит приложить усилия, кто-то отвергнет предлагаемое, кто-то будет чередовать сомнения и попытки практиковать новое знание. Вряд ли стоит опасаться неготовности познавать и использовать новые подходы к реальности, ведь сегодня мы живем именно в ситуации отсутствия такого знания. Но появление возможности обрести новое знание способно изменить существующее положение идеологического и психологического климата в нашем государстве. Правильный выбор зависит от правильного восприятия. Но что обеспечит правильное восприятие, независимое от генетической обусловленности сознания у столь различных социальных групп россиян; восприятие, независимое от стереотипов мышления прошлого периода эволюции? Только осознание картины национального целого, понимание, что приверженность исключительно западному или восточному способу существования является односторонним восприятием и развитием. Правильное восприятие — это восприятие Целого, равновесие компонентов которого обеспечивает единство, полноту существования и успешное движение в будущее.

Субъектом духовного возрождения может и должна стать вся нация, каждая группа, каждый гражданин может внести свой вклад. Но простое внесение предложений обернется хаосом. *Необходима конвенциональная концепция и возможность ее широкого обсуждения.* Идеологический и психологический перелом в настроении нации может произойти, если будет научно обоснованная картина целого, которая раскроет смыслы национального существования, приведет к осознанию правомерности всех типов мировосприятия и способов существования, и если явная заинтересованность и активное участие будут исходить от государства.

В нашем обществе роль лидера государства велика, и многие, если не все, процессы зависят от личной воли главы государства. Стойкий стереотип, что за все отвечает лидер государства, имеет свои основания в одной из наших традиций. Обратимся к вы-

дающемуся православному мыслителю и богослову о. В.В. Зеньковскому. *«Теократическая тема христианства развивается в России не в смысле примата духовной власти над светской, как это случилось на Западе, а в сторону усвоения государственной властью священной миссии. Это не было движение в сторону цезарепатизма — Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения. Точкой приложения Промысла Божия в истории является государственная власть — в этом вся “тайна” власти, ее связь с мистической сферой».* Церковь, выстраивая национальную идеологию, стремилась найти пути освящения власти. *«Возвеличение же царской власти не было просто “утопией”, не было, конечно, выражением “сервизма” (церковные круги сами ведь создали идеологию о царской власти), а было выражением мистического понимания истории»* (В.В. Зеньковский «История русской философии»).

Традиции не бывают случайными, в них концентрируются национальные особенности, смыслы и ценности. Психологический смысл нашего отношения к власти: желание видеть в лидере идеальный, совершенный образ — вполне закономерное следствие двойственного психотипа человека и наций. Двойственность духовного и материального, внутреннего и внешнего ведет к нестабильности, изменчивости, и более всего человек и нация дорожат целостностью, стабильностью, когда их достигают, и потому идеал лидера государства всегда представляется как соединение начал. Аналогичный подход к пониманию власти характерен для южных славян, в исламской традиции и в других амбивертно-синтетических нациях.

Оптимальным лидером нашего государства будет человек амбивертного типа, научившийся в своей собственной жизни сохранять равновесие духовного и материального, их единство и целостность. В делах государственных такой человек способен к резонансному взаимодействию с представителями всех психотипов, всех способов существования. В отличие от представителей противоположных направлений такой лидер интуитивно стремится к соединению начал, способов существования (приверженность одностороннему развитию ведет к тупику и неизбежному перебросу в противоположный полюс). Однако приро-

да амбивертно-синтетического психотипа людей, наций остается все еще весьма неопределенной.

В.В. Путин по типу сознания является целостным амбивертом, что означает целенаправленность, целеустремленность, конструктивность, самосознание, которые проявляются в его деятельности, речи, реакциях. Наиболее очевидно способность сохранять равновесие между западными и восточными ценностями в сфере политики и организации существования государства проявляется В.В. Путиным в период президентства; некоторый акцент на финансово-экономические аспекты — следствие мирового финансового кризиса. Нельзя забывать, что президент и премьер В.В. Путин по функциональным обязанностям был и должен быть сосредоточен на объективных, внешних вопросах национального существования. Можно предполагать, что вопросы духовного развития, национальной идеи, идеологии, по мнению В.В. Путина, должны разрешиться в культурной среде, обществе.

Кроме того, необходимо учесть, что В.В. Путин пришел к власти в период после тотальности советской идеологии и хаоса девяностых, когда был необходим идеологический перерыв. Нельзя не сказать и о том, что выдвигаемые идеологические проекты не имеют *общезначимого* варианта организации жизни государства: одни не отвечают духу, другие — букве времени.

Часто возникает вопрос: «почему же так и не наведен порядок»? Мы уже отмечали, что *препятствием* к конструктивному созиданию в нашем отечестве является *отсутствие преемственности, консолидации и уважения к человеку*. Но принципиальным препятствием дальнейшего развития является состояние неопределенности стратегического развития нации, что не позволяет наращивать его силу и эффективность. Несмотря на целый ряд позитивных начинаний, ни общенационального подъема, ни общей заинтересованности в творческом созидании не происходит: имеют место отдельные достижения, события и явления, но нация не является целостным организмом.

Точка сборки нации, государства — единство. Отсутствие единства всегда было и остается основной причиной наших трудностей и проблем. Россия — громадное и многосложное государство, благополучие и процветание которого возможны толь-

ко в условиях единства. На современном этапе развития единство нации возможно только при общем содержании жизни, отвечающем потребностям, ценностям, интересам всех типов людей, то есть при общечеловеческом содержании жизни, раскрывающем смыслы существования, развития, истории, творческого созидания, выраженные в общенаучной системе понятий и категорий. Любая самоорганизующаяся система, от атома до Вселенной, существует в целостности и единстве, когда сохраняет приверженность собственной субъектности, жизненной направленности, которые на современном этапе человеческой эволюции должны быть сознательно реализуемыми, что предполагает национальное самоопределение.

Соединение противоположных точек зрения на различные вопросы на основе равновесия и целесообразности, определяемых Единством нации, обеспечит разумную и благополучную самоорганизацию общества и государства.

Перейти от противостояния к синтезу невозможно сразу, чудо не свершится. Предстоит долгий, последовательный и упорный труд. *Сначала осведомленность, постепенно переходящая в осознание и ведущая к равновесию, затем консолидация, единство нации, и только потом, вероятно в далеком будущем, синтез.*

Мы должны двигаться в будущее, *торопясь медленно*, — только в таком варианте возможно целесообразное и равновесное соединение двух начал; критерием целесообразности и равновесия должно служить *единство*. *Реально изменить нашу жизнь возможно, только признав равнозначность духовной и материальной, внутренней и внешней жизни, создав условия для полноценной реализации всех человеческих типов, всех способов существования.* Готов ли к этому Владимир Владимирович Путин? Есть ли у нас равнозначная ему альтернатива? У автора книги нет ответа, но остается надежда.

Сказанное не означает исключение реформ, экономических, технологических, структурных и прочих вопросов внешней жизни человека — все они получают здоровый и мощный импульс, *если будут сосуществовать параллельно с активной духовной, внутренней жизнью наших граждан, которая, наряду с традиционными формами духовной и нравственной жизни, обобщая их, требует современных и научных форм и способов реализа-*

ции. Значимым является наличие альтернативы бессмысленному национальному существованию. Все группы могут и должны быть вовлечены в реорганизацию нашего существования: каждая группа осуществляет наиболее для себя ценное, при этом понимаемая, уважая и сотрудничая с другими.

Осознание природы, сути национального существования, формулирование и последующее закрепление в формах и способах выражения сути освободит нас от двойственности, непоследовательности со всеми присущими им следствиями. Знание сути позволяет определить стратегию и тактику на каждом этапе существования, принесет свободу от случайностей, от личных особенностей и предпочтений лидеров. Взаимопонимание и взаиморезервирование, создание условий подлинного равноправия может привести к единству нации и, как следствие, к конструктивному взаимодействию, модернизации, благополучию и процветанию России и россиян. Нам необходима новая социализация, или новый ликбез, способный привести нацию к духовному возрождению, единству и процветанию.

Предыдущие страницы, как кажется, убедительно подводят нас к необходимости самоопределения, определения нашей идентичности и нашего пути. Вероятно, пришло время, когда мы можем сменить двойственность на целостность и единство. Фактически речь идет о недвойственности, синтезе в сознании, мышлении и жизни. Единое в сути мировосприятие не порождает ни социальные, ни межнациональные противоречия и, более того, создает общечеловеческий подход, не исключающий, не нивелирующий иное мировосприятие, иные способы существования.

Только от человека зависит его жизнь. Вполне понятны возможные возражения и несогласие, но на все доводы есть только риторический вопрос: «Хотим ли мы и дальше жить, сохраняя неопределенность, непоследовательность, бессмысленность нашего существования?!»

Конечно, утрату доверия, тем более крушение веры, надежд, смыслов в национальном масштабе, преодолеть нелегко. И нужно время, а оно у всех разное, и мужество, и усилия, чтобы обрести себя и твердо стать на ноги.

Однако есть такой феномен в жизни человека и человечества, как вера в Бога! Каким бы именем мы ни называли это Нечто: Бо-

гом, Аллахом, Космическим Разумом, Абсолютом, Единством, — суть в одном — это Нечто дает веру в разумность, смысл, целесообразность, ненепротиворечивость наших усилий. Но как обрести веру в Бога после десятилетий атеизма, если к тому же условия современной действительности не способствуют этому?

Можно назвать три пути. Первый — это возвращение к истокам религиозного сознания. Несмотря на такую особенность национального характера, как максимализм, проходящую красной чертой через всю нашу историю, религиозное сознание высоко ценило *духовную трезвость*. Религиозные подвижники в вопросах соотношения духовного и материального, божественного и земного избегали крайностей. Пренебрежение житейской трезвостью, которая могла бы сдерживать природный максимализм, восполнялось принципом «духовного такта».

Второй путь — любовь; любите, если вы умеете, и вы обретете Бога. Каждый из нас нуждается в любви; любви полной и безусловной. Бог есть Любовь! Любовь есть всемирный закон Притяжения (Тяготения). И если Бог, Любовь, Единство — это космическое существование, обеспеченное резонансом, значит, каждый, кто ищет, может обрести любовь, отдавая ее без каких бы то ни было условий.

Другим подходом к осмысленной и позитивной жизни может быть не религиозный, мистический путь, а дорога знаний.

Целостная, научно обоснованная, непротиворечивая картина мира и человека в их единстве невольно заставляет человека замереть в восторге от разумности и целесообразности Вселенной! И после этого нельзя не поверить в разумность и целесообразность существования человека и человечества. Вера в Разум Вселенной открывает смыслы человеческого существования, дает силу и радость. Нам необходима *научная картина мира и человека в их единстве*, которая позволит каждому в свое время, на своем уровне, по своей воле обрести осмысленное и радостное, жизнеутверждающее отношение к себе и к миру.

Оглавление

От автора.....	5
Вводные замечания.....	9
Краткий словарь основных терминов.....	22
Раздел первый. Национальный характер	
Предварительные замечания.....	36
Глава 1. Свойства и черты характера.....	48
Глава 2. Особенности проявления характера.....	82
Раздел второй. Судьба	
Предварительные замечания.....	120
Глава 1. История России.....	127
Глава 2. Современная Россия.....	165
Раздел третий. Мир, в котором мы живем	
Предварительные замечания.....	174
Глава 1. О гуманизации существования.....	180
Глава 2. Философские и общенаучные предпосылки.....	196
Глава 3. Человек и человеческий способ существования.....	211
Глава 4. Нравственность как способ жизни.....	251
Глава 5. Философия истории.....	282
Глава 6. Мир сегодня и завтра.....	322
Раздел четвертый. Самоопределение	
Предварительные замечания.....	342
Глава 1. О национальной субъектности и стадии развития.....	346
Глава 2. О национальной ментальности.....	355
Глава 3. Национальное единство.....	375
Глава 4. Новая социализация.....	409
Глава 5. Национальная идеология, идея и выбор пути.....	423

Научное издание

Савченко Альбина Валентиновна

О национальном самоопределении

Корректор: Моргун Л.В.,
группа допечатной подготовки изданий:
Амитон Е.А.,
Исакова Т.В.,
Коновалова Т.Ю.,
Крылов К.А.

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,0. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

Ознакомиться с другими работами автора можно

на сайте А.В. Савченко

«ЧЕЛОВЕК и МИР»

www.alsavchenko.ru

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.

